

PG3200
.I 87
1900z
т. 1
выр. 1

В. В. Сиповскій

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Томъ I. — Вып. I.

(НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.)

Издание восьмое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ И. БАШТАКОВА и Н^о.

1914.

BOOK CARD

[illegible]

copy

FILE TITLE

3940

39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80

[illegible]

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3200
.I 87
1900z
t.l, vyp.1

W

Form No. 513,
Rev. 1/84

PG 3200
.I87
1900
t. 1
vyp. 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ
Istoricheskaia khrestomatiia

ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ В. В. СИПОВСКІЙ.

Narodnaia slovesnost'

Т. I, вып. 1-й: НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ „ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ“
ТОГО ЖЕ АВТОРА Ч. I, ВЫП. I.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ.

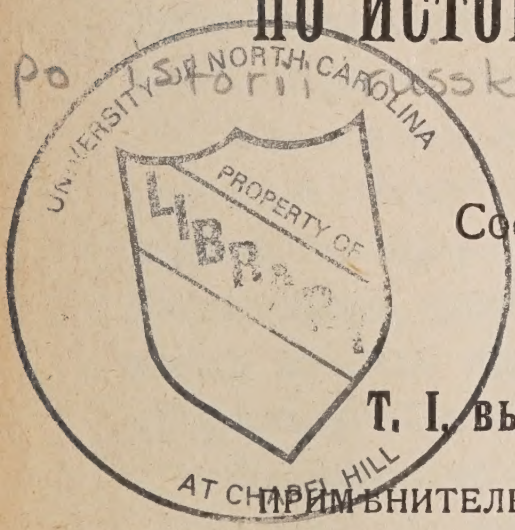
1 изд. было допущено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учеб-
наго пособія въ среднеучебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе
такого постановленія книга эта допускается и въ учеб. завед. Вѣд.
Императрицы Маріи Ѳеодоровны и учебн. завед. Мин. Торг. и Промышл.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ Я. БАШМАКОВА и К^о.

1914.

Цѣна въ переплетѣ 1 рубль.

Типографія М. Волковича. Садовая 60 (уг. Б. Подъяческой).

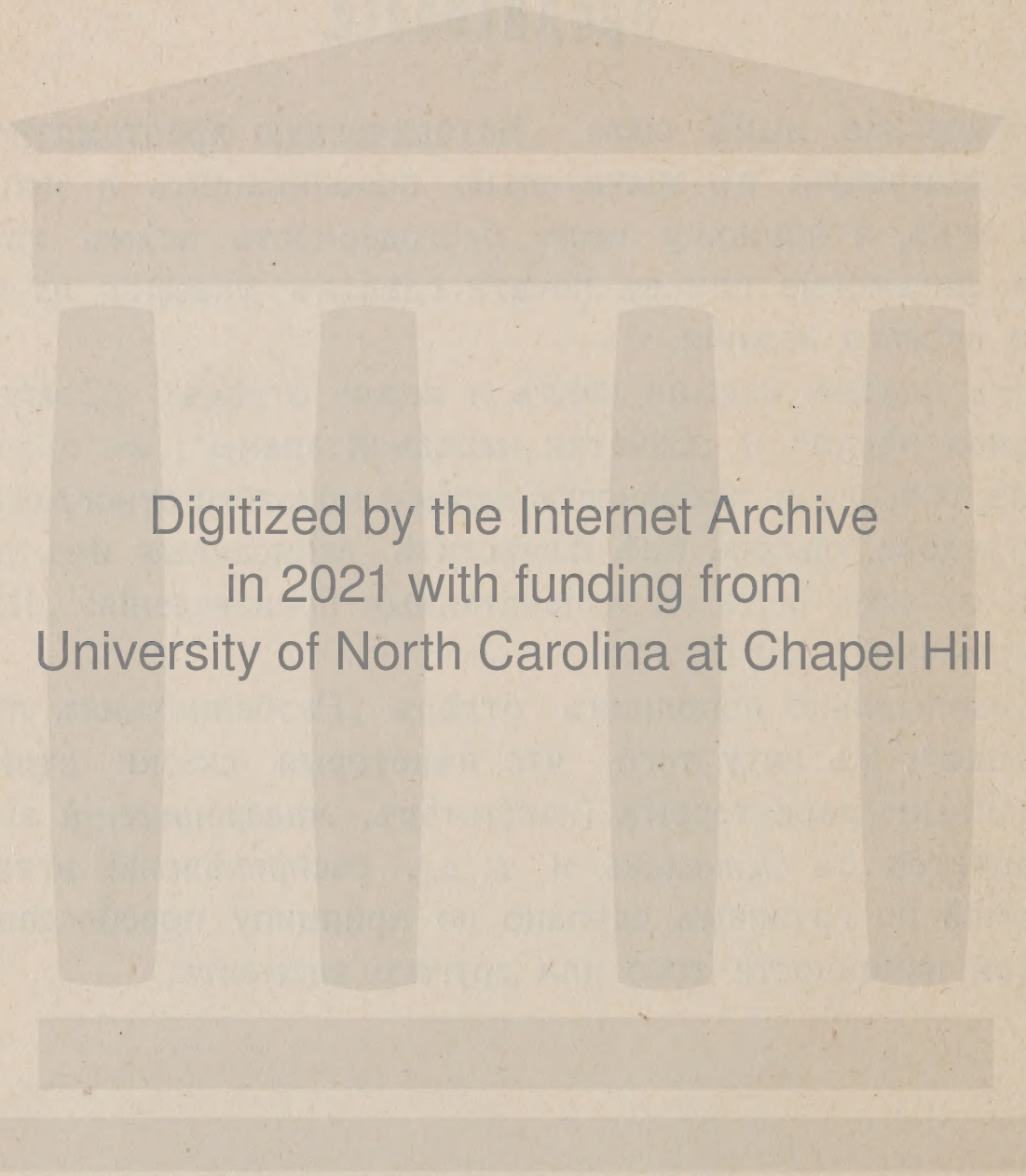
5/III 1914—20/V 1914. Напечатано 7000.

Предисловіе.

Выпуская нынѣ свою „Историческую хрестоматію“ вторымъ изданіемъ, въ значительно пополненномъ и исправленномъ видѣ, я приношу свою благодарность всѣмъ тѣмъ, кто устно, письменно или въ печати сдѣлалъ указанія на промахи моего перваго изданія.

Въ новомъ изданіи ввелъ я новые отдѣлы: „Современная народная пѣсня“ и „Зачатки народной драмы“; въ послѣднемъ отдѣлѣ, благодаря любезности нашего молодого этнографа Н. Н. Виноградова, удалось мнѣ помѣстить записанныя имъ лично и нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя произведенія: „Лодка“ и „Баринъ и Приказчикъ“.

Значительно пополненъ отдѣлъ „Разбойничьихъ пѣсенъ“, „Сказокъ“. Въ виду того, что нѣкоторыя сказки отличаются смѣшаннымъ характеромъ (напримѣръ, *мифологическій* элементъ соединяется съ *бытовымъ* и т. д.), распредѣленіе этихъ произведеній по группамъ сдѣлано по принципу преобладанія, или простой наличности того или другого элемента.

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

Оглавленіе.

Предисловіе.

ОБРЯДОВЫЯ ПѢСНИ	СТР. 1—8
---------------------------	-------------

Колядовыя и овсеновыя пѣсни—1; Святочныя пѣсни—4; Подблюдныя пѣсни—4; Пѣсни весеннія—5; Пѣсня при первомъ весеннемъ дождѣ—6; Пѣсня семицкая—6; Пѣсня купальская—8; Пѣсня егорьевская—8.

ХОРОВОДНЫЯ ПѢСНИ	8—17
----------------------------	------

Наборныя—8; Игровыя—9; Разборныя, или разводныя—14; Плясовыя пѣсни—15.

ПРИЧИТАНІЯ	17—35
----------------------	-------

Свадебныя пѣсни (вопли)—17; Похоронныя причитанія—26; Плачи по рекрутѣ—32.

ЗАГОВОРЫ	36—38
--------------------	-------

БЫЛИНЫ	39—71
------------------	-------

1. Старшіе богатыри—39; Святогоръ—39; Волхъ Всеславьевичъ—40; Вольга Святославовичъ—42; 2) Младшіе богатыри—44; Исцѣленіе Ильи Муромца—44; Илья подъ Черниговомъ—45; Илья и Соловей—46; Илья и разбойники—48; Илья Муромецъ въ ссорѣ съ Владимиромъ—49; Илья и Сокольникъ—51; Алеша Поповичъ—54; Добрыня Никитичъ—56; Соловей Будимировичъ—60; Дюкъ Степановичъ—61; Василий Буслаевъ—62; Садко-богатый гость—66; Отчего перевелись богатыри на Святой Руси—68.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ	71—84
------------------------------	-------

Скопинъ Шуйскій—71; Щелканъ Дудентьевичъ—72; Михайло Казариновъ—73; Царь Бахметъ и Авдотья Рязаночка—74; Грозный

царь Иванъ Васильевичъ—74; Взятіе Казанскаго царства—77; Пѣсня царевны Ксеніи Борисовны—78; Рожденіе Петра I—79; Семейная жизнь Петра I—79; Маруся Богуславка—81; Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова—82; Дума о походѣ на поляковъ—84.

БЫТОВЫЯ ПѢСНИ 85—92

Тоска по миломъ—85; Тоска по милой—85; Горе дѣвушки—86; Разлука—86; Злая предчувствія—86; Прощанье съ милой—86; Горе дѣвушки—87; Любовь и кручина молодца—87; Печаль отъ разлуки съ милымъ—87; Прощанье любящихся—88; Влюбленная дѣвушка подносить своему возлюбленному полевой цвѣтокъ—88; Пѣсня объ отравленіи—88; Воспоминаніе о прежней дѣвичьей жизни—89; Суровое обращеніе съ молодой невѣсткой—89; Взаимное недовольство супруговъ—90; Замужняя дочь посылаетъ съ соловьемъ привѣтъ родинѣ—90; Недовольная замужествомъ дочь оборачивается птицей—90; Удаленіе нелюбимой жены и позднее раскаянье—91; Мужъ учить жену—91; Разрывъ—91; Несчастливая жизнь замужемъ—92; Несчастливая жизнь женатаго—92.

ПѢСНИ-БАЛЛАДЫ 92—95

Ванька-Ключникъ—92; Король литовскій велитъ повѣсить молодца—93; Убіеніе жены за подозрѣніе въ измѣнѣ—93; Убіеніе мужа женой—94; Казакъ убиваетъ свою жену—94.

ПѢСНИ УДАЛЫЯ-РАЗБОЙНИЧЬИ И СОЛДАТСКІЯ 95—103

СОВРЕМЕННАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ 103—107

Любовь—103; Семейная жизнь—105; Солдатская жизнь—106; Общественное мнѣніе—106; Современная жизнь—106; Юмористическія—106; Плясовые частыя—107.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ 108—112

Мифологическія—108; Христіанскія—108; Историческія—108; Бытовыя—109; Сатирическія—110; Философскія—111; Юридическія—111.

ЗАГАДКИ 112

СКАЗКИ 113—218

Сказки о животныхъ. Лиса—113; Волкъ и Лиса—115; Лиса и заяцъ—116; Мужикъ, Медвѣдь и Лиса—117; Сказки мифическія.—Морозко—118; Кошій безсмертный—121; Коровья смерть—127; Сестрица Алѣнушка, братецъ Иванушка—127; Объ ужакѣ—130; Морской царь

и Василиса премудрая—131; Лихо одноглазое—137; Горе—138; Окаменѣлое царство—141; Королевичъ и дядька—142; Царевна-Лягушка—146; Живая и мертвая вода—149; Баба-Яга—151; Сивко-бурко, вѣщій воронко—152; Сказка про Ивановъ цвѣтъ—155; Сказка про вѣдъму—155; Сказка про лѣшаго—156; Сказка про водяного—157; Сказка о кладѣ—157; Сказки авантюрные. Семь Семеоновъ—158; Звѣриное молоко—161; Сказка о трехъ царевичахъ и Царь-Дѣвицѣ—166; Сказки бытовые. Падчерица и родная дочь—168; Сказка о дурнѣ—169; Иванушка-дурачокъ—173; Знахарь—175; Набитый дуракъ—176; Воробейный мужикъ—177; Сказки философскія. Сказка о разбойникѣ—178; О правдѣ и кривдѣ—179; Сказки историческія. Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ—180; Про Мамаю-безбожнаго—181; Сказка о Петрѣ Великомъ—185; Горшеня—186; Изъ сказокъ про Стеньку Разина—187; Сказки о солдатахъ. Мудрые отвѣты—189; Заколдованная королева—190; Солдатъ избавляетъ царевну—195; Солдатъ и чортъ—198; Сказки сатирическія и юмористическія—199; Жена-доказчица—199; Ома Беренниковъ—200; Сказки-легенды. Марко Богатый и Василий-Безсчастный—202; Бѣдная вдова—207; Касьянъ и Никола—208; Соломонъ премудрый—208; Пустынникъ и дьяволъ—209; Объ отцѣ Николаѣ—209; Аника-воинъ—210; Сказки-побывальщины. Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ—211; Алеша Поповичъ—213; Разказы о жителяхъ разныхъ губерній и уѣздовъ—а) Дѣдновцы-„Макары“—215; б) Мосали: „матушка Заугра“—216; в) Псковичи „небо кольями подпирали“—216; Разказы объ инородцахъ—216—217.

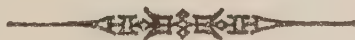
ДУХОВНЫЕ СТИХИ 219—231

Стихъ о Егоріи Храбромъ—219; Стихъ о Голубиной книгѣ—223; Стихъ на Вознесенье—226; Стихъ объ Алексѣѣ чловѣкѣ Божиѣмъ—226; Плачъ Іосифа—227; О Страшномъ Судѣ—228; Стихъ покаянный—228; О страшномъ судѣ Христовѣ—229; Стихъ: „похвала пустыни“—230.

НАЧАТКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ДРАМЫ 231—245

Вертепная драма—231; „Петрушка“—237; „Лодка“—239; „Баринъ и Приказчикъ“—243.

СЛОВАРЬ 245—251

Обрядовыя пѣсни.

Колядовыя и овсеновыя пѣсни.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I,
вып. 1-ый, стр. 26—28.

1.

Коляда, коляда!
Пришла коляда...
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ, по проулоч-
камъ...

2.

Прикажитко ты, хозяинъ, коледу про-
сказать...
Мы ищемъ, мы ищемъ господинова
двора...
Господиновъ дворъ на седми вер-
стахъ,
На седми верстахъ, на осмидесятъ
столбахъ...
Что же около двора да желѣзный тынъ,
Что на всякой же тычинѣ по ма-
ковѣ,
Что на всякой же по крестику,
Что на всякомъ же крестику по жем-
чужку...
А среди того двора что три терема
стоятъ,
Что три терема стоятъ златоверхо-
ваты...

Что въ первомъ терему красно
солнце...
Что въ другомъ терему свѣтель
мѣсяць...
Что въ третьемъ терему часты
звѣзды...

3.

За рѣкою, за быстрою,
Ой коліодка, ой коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе;
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни коліодушки.
Ой коліодка, ой коліодка!
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ...
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ—
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой коліодка, ой коліодка!
„Ты, братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!“
— „Я радъ бы выпрыгнулъ;
Горючъ камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали“.
Ой коліодка, ой коліодка!

4.

Проходила коледа
Напередъ Рождества,—
Виноградъ красно-зеленое
мое!

Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыя двухъ
стиховъ.

Напала пороша
Снѣгу бѣленькаго.
Какъ по этой по порошѣ
Гуси, лебеди летѣли.
Коледовщички,
Недоросточки,—
Недоросточки,
Красны дѣвушки,
Сочили, искали
Иванова двора.
А Ивановъ дворъ
Ни близко, ни далеко,—
На семи столбахъ;
Вокругъ этого двора
Тынь серебряный стоитъ;
Вокругъ этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тынинкѣ
По жемчужинкѣ.
Во этомъ во тыну
Стоять три терема,
Златоверхіе:
Во первомъ терему—
Свѣтель мѣсяцъ,
Во второмъ терему—
Красно солнышко,
Въ третьемъ терему—
Часты звѣздочки.
Свѣтель мѣсяцъ—
То хозяйка во дому,
Красно солнышко—
То хозяйюшка,
Часты звѣздочки—
Малы дѣточки.
Какъ самого господина
Дома нѣтути,
Дома нѣтути,
Не случилось,
Въ Москву съѣхавши,—

Суды судить,
Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,
Домой ѣдетъ онъ.
Онъ женѣ-то везетъ
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своимъ-то сынамъ
По добру коню,
Своимъ доченькамъ
По злату вѣнку,
Своимъ служенькамъ
По сапоженькамъ.
Наша-то коледа
Ни мала, ни велика,
Она въ двери не лѣзетъ
И въ окно намъ шлетъ:
Ни ломай, ни гибай—
Весь пирогъ подавай.
Виноградъ красно-зеленое
мое!

5.

Пришла коляда
Наканунѣ Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку.
А дай Богъ тому,
Кто въ этомъ дому,
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста!
Ему съ колосу осьмина,
Изъ зерна ему коврига,
Изъ полужерна—пирогъ.
Надѣлилъ бы васъ Господь
И житьемъ и бытемъ
И богатствомъ,
И создай вамъ, Господи,
Еще лучше того!

6.

Коледушка—коледа!
Вшивая борода.
Какъ не дашь пирога—
Такъ корову за рога!..

7.

Виноградъ красно, зеленое!
Еще ходятъ же ребята-колядовщики.
Виноградъ красно, зеленое!

Приѣвъ послѣ каждого стиха.

Еще ищутъ же ребята государева
двора,
Государевъ-то дворецъ среди Москвы
стоитъ,
Среди Москвы стоитъ, середь
ярманки.

А вокругъ его двора стоитъ желѣзный
тынъ,

А на каждой тынинкѣ по маковкѣ,—
Что по маковкѣ и по золоту кресту.

А самъ-то государь, какъ свѣтель
мѣсяцъ, возшелъ,

А сама-то государыня, какъ утренняя
заря,

Малы дѣточки—часты звѣздочки.

Самъ-то государь на крылечко
выходилъ,

На крылечко выходилъ и по рублику
дарилъ,

А сама-то государыня по полтинѣ
дарила,

Малы дѣточки—по копеечкѣ.

8.

Ой коляда, коляда,
Посконная борода!
Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Кто дастъ лепешки,—
Золоты окошки;
Кто дастъ каши,—
Золоты чаши;
Кто дастъ свѣжины,—
Золоты чигуны (чугуны).

9.

Овсень, овсень!
Ты ходилъ, ты гулялъ

По крутымъ горамъ,
По святымъ вечерамъ.
Овсень, овсень!

Ты леталъ, ты порхалъ
Къ Филимону на дворъ
Ко Прокофьевичу.

Овсень, овсень!

Ты сыскалъ, угадалъ
На широкомъ дворѣ
Полны ведра виномъ.

Овсень, овсень!

У хозяина дворъ
Осушенъ, омощенъ,
Чисто выметенъ.

Овсень, овсень!

По срединѣ Москвы
У хозяина дворъ
Воротами красенъ.

Овсень, овсень!

Воротами красенъ,
Вереи ихъ пестры,
Всѣ обточенные.

Овсень, овсень!

У Прокофьича дворъ
Весь тыномъ затыненъ,
Серебромъ обнесенъ.

Если хозяинъ радушно подаетъ подачку, то пѣвцы начинаютъ, съ радостнымъ свистомъ, плясать подъ пѣснь:

На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
Высокіе теремочки—
О двѣнадцати вѣнцахъ.
Филимонъ-сударь хорошъ,
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.
Овсень, овсень!
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

Если на эту пѣснь хозяинъ приглашаетъ въ избу, то пѣвцы входятъ въ избу съ похвальными припѣвами:

Первый теремъ—свѣтель мѣсяцъ,
Другой теремъ—красно солнце,
Третій теремъ—часты звѣзды.
Свѣтель мѣсяцъ—хозяинъ самъ,
Красно солнце—хозяюшка,
Часты звѣзды—ихъ дѣтушки.

10.

Овсень, овсень!
 Боу овсень!
 Мы ходили, мы гуляли
 По святымъ вечерамъ;
 Мы искали, мы искали
 Алексѣевъ домъ;
 Мы нашли его дворъ
 Среди Москвы (2):
 Ворота красны.
 Ужъ дай тебѣ Богъ,
 Зароди тебѣ Господь,
 Чтобы рожь родилась,
 На гумно свалилась.

11.

Слава Богу на небѣ, слава!
 Государю нашему на сей землѣ слава!
 Чтобы нашему государю не стариться,
 слава!
 Его цвѣтному платю не изнашивать,
 слава!
 Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
 слава!
 Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
 слава!
 А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, слава!
 Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
 слава!

Святочные пѣсни.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I,
 вып. 1-ый, стр. 29.

1.

Какъ и нонче у насъ святыя вечера
 пришли,
 Святыя вечера пришли, святыя
 игрища;
 Всѣ мои подружки на игрища ушли,
 На игрища ушли,—по дворамъ наряд-
 ные ходятъ,
 А красная дѣвица дома замѣшкалась,
 Дома замѣшкалась, работой занялась...

2.

Ой, святки мои, святки, святыя ве-
 чера!

Ой ди, ой лады моя!
 Ой, всѣ дѣвки на улицу ушли,
 Ой ди, ой лады моя!

Припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

А меня-ти, молодую, свекоръ не пу-
 стилъ;

Заставляетъ свое дѣло дѣлать,
 Свое дѣло дѣлать,—овинъ молотить;
 Овинъ молотить, другой посадить.
 Я овинъ молочу и другой посажу,
 Другой посажу, цѣпы въ печь помечу,
 Цѣпы въ печь помечу, сама на улицу
 пойду!

Подблюдныя пѣсни.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I,
 вып. 1-ый, стр. 28—29.

1.

ХОРЪ:

И я золото хороню, хороню,
 Чисто серебро хороню, хороню,
 Я у батюшки въ терему, въ терему,
 Я у матушки въ высокомъ, въ высо-
 комъ.

Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, крас-
 ная:

Въ какой рукѣ былица,
 Змѣиныя крылица?

ДѢВУШКА ВЪ КРУГУ:

И я рада бы гадала,
 Кабы знала, вѣдала!
 Черезъ поле идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелкомъ первиваючи,
 Златомъ приплетаючи...
 Ажъ вы, кумушки, вы, голубушки,
 Вы скажите, не утайте,

Мое золото отдайте!
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

ХОРЪ:

Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину...
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали...
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплесневѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

2.

Исусъ Христосъ у воротъ стоитъ;
Онъ съ хлѣбомъ съ солью, со ска-
тертью,
Со скотинкою, съ животинкою.
Слава Дѣвы, слава!
Кому вынется,
Тому сбудется—
Не минуется.
Слава!

3.

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребутъ жемчугъ лопатами.
Кому вынется и т. д.

4.

Катилось колечко
По бархату,
Прикатилось колечко
По яхонку.
Кому вынется и т. д.

5.

За корытомъ сажу,
Корысти себѣ жду;

Еще посижу,
Еще подожду.
Кому вынется и т. д.

6.

Котъ кошурку
Звалъ спать въ печурку:
„Въ печуркѣ спать
Тепло, хорошо“.
Кому вынется и т. д.

Пѣсни весеннія.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, т
вып. 1-ый, стр. 30—31.

1.

Весна, весна красна!
Что ты намъ принесла?
— Красное лѣтечко.
Весна, весна красная!
Приди, весна, съ милостью,
Съ милостью, съ великою благостью

2.

Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ...
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!

3.

Охъ ты, матушка весна,
Что намъ, радость, принесла?
— Принесла я вамъ весну,
Краснымъ дѣвкамъ сухоту,
Добру молодцу печаль.
Почему садикъ завяль?
— Добрый молодецъ гуляль
На своемъ добромъ коню,
На черкасскомъ сѣдлу.
„Охъ ты, конь вороной,
Стрепенися подо мной!“
Марьянушка молода
Съ острога конь вела
За шелковы повода.

4.

Благослови, Боже,
Благослови, Христось,
Намъ весну зачати,
А зиму проклясти!
Ой, весна красна,
Тепло лѣтечко!
Что намъ вынесла?
— Коробъ житушка,
Два—пшеничушки,
Малымъ дѣтушкамъ—
По яичушку,
Краснымъ дѣвушкамъ—
По перстенёчку,
Молодымъ молодушкамъ—
По дѣтёнушку,
Старымъ старушкамъ—
По рублёвику.

5.

Охъ и дай, Боже, добрые годы!
Годы добрые, хлѣбородные.
Зароди, Боже, жито густое,
Жито густое, колосистое,
Колосистое, ядренистое,
Чтобы было, съ чего пиво варити,
Пиво варити, робятъ женити,—
Робятъ женити, дѣвокъ отдавати!

6.

Ты пчелынька,
Пчелка ярая!
Ты вылети за море,
Ты вынеси ключики,
Ключики золотые.
Ты замкни зимыньку,
Зимыньку студеную!
Отомкни лѣтечко,
Лѣтечко теплое,
Лѣтечко теплое,
Лѣто хлѣбородное!

Пѣсня при первомъ весеннемъ дождѣ.

Дождикъ, дождикъ,
Снаряжайся на показъ!

Дождикъ, припусти!
Поливай, дождь,
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ.
Дождь, дождь, припусти
Посильнѣй, поскорѣй
Насъ, ребятъ, обогрѣй!

Пѣсня семицкая.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч.
вып. 1-ый, стр. 36—37.

1.

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо, ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать!
Ай Дидо, ой Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ,
И вѣнокъ сошьемъ,
Ай Дидо, ой Ладо!

2.

Береза моя, березынька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березынька,
Осередь долинушки;
На тебѣ, березынька,
Листья бумажные,
Подъ тобой, березынька:
Трава шелковая;
Близъ тебя, березынька,
Красны дѣвушки
Семикъ поютъ;
Подъ тобою, березынька,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая березынька
Къ землѣ клонится;

Не шелкова травонька
Подъ ней разстиляется;
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются,—
Подъ этой березынькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

„По завиваніи кумятся (дѣлуются) черезъ вѣнокъ, говоря: „здравствуй, кумъ и кума!“ После ѣды начинаются хороводы вокругъ березки съ пѣсней:

Не дождикъ березку обмываетъ:—
Здѣсь, въ роцѣ, дѣвокъ прибываетъ.
Скачите, пляшите, красны дѣвки,
А вы, холостые, поглядите.
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взять!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли,
По батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью,
По невѣстину рукодѣлю.

Оставятъ въ середину хоровода дѣвушку, поютъ:

Ай во полѣ липынька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла;
Подъ липою бѣлъ шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нишетъ узду жемчугомъ.
Ѣхалъ мимо молодецъ:

„Богъ на помощь, дѣвица!
Богъ на помощь, красная!
Ширинку шить золотомъ,
Низать узду жемчугомъ!“

Молодцы спрашиваютъ:

„Не мнѣ ли ширинку?
Не моему ли коню уздечка?“

Дѣвушки отвѣчаютъ:

—Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоемъ конѣ уздечка!—
Русалка—царица,
Красная дѣвица,
Не загуби душки,
Не дай удавиться,
А мы тебѣ кланяемся.

Мы пойдемъ, дѣвочки,
Во луга гулять,
Ай люли, люли, во луга гулять!
Во луга гулять,
Вѣнки завивать,
Ай люли, люли, вѣнки завивать!
Мы завьемъ вѣночки
На всѣ красны денѣчки,
Ай люли, люли, на красны денѣчки!

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ вѣнокъ сплести,
Ай люли, люли, намъ вѣнокъ сплести!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ,
Ай люли, люли, свекрови-матушкѣ!
Свекру-батюшкѣ—малиновый,
Свекрови-матушкѣ—калиновый,
Ай люли, люли, калиновый!
А мнѣ молодой
Съ гибкаго вѣтійка,
Ай люли, люли, съ гибкаго вѣтійка!
Да пойду-ль я тихомъ
Лужкомъ-бережкомъ,
Ай люли, люли, лужкомъ-бережкомъ!
Сломлю со сыра дуба вѣточку,
Брошу на быстру рѣченьку.
Ай люли, люли, на быстру рѣченьку!

При пѣніи этой пѣсни бросаютъ вѣнки въ воду.
Если гаданіе предсказываетъ неудачный бракъ,
то поютъ:

Да грозна, грозна
Грозовая туча!
Ай люли, люли, грозовая туча!
Грознѣй того нѣтъ,—
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ.
Ай люли, люли, ко мнѣ свекоръ ѣдетъ!
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ
Со лютою свекровью.
Ай люли, люли, со лютой свекровью!
Вы мостите мосты,—
Гнилыя колоды.
Ай люли, люли, гнилыя колоды!
Забивайте гвозди,—
Еловыя шишки.
Ай люли, люли, еловыя шишки!

Чтобы мостъ обломился,
Лютый свекоръ залился.
Ай да люли, люли, лютой свекоръ за-
лился!

Пѣсня купальская.

Купала, наша Купала!
Дай намъ котлы золота!
Вотъ солодушка цвѣтетъ!
Я усяду при ней,
Проночую при ней,
Подстерегу красочку,
Сорву папортку,—
Буду богачъ-богатырь,
Закуплю я весь свѣтъ!

Пѣсня егорьевская.

Мы вокругъ поля ходили—
Егорья окликали...
„Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!“

Хороводныя пѣсни.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, т. I, вып. 1-ый, стр. 34—35.

Наборныя.

1.

Я полю, полю капусту,
Полю бѣленькую,
Полю бѣленькую,
Полубѣленькую.
У кого капусты нѣтъ,—
Приходи ко мнѣ въ огородъ,
Приди ко мнѣ въ огородъ,
Во дѣвичій хороводъ:
Капусту поливать,—
Самъ дѣвицу выбирать.

2.

Мимо саду—винограду
Пролегала дорожка.
По этой по дорожкѣ
Мала дѣвушка шла.
Шла дѣвушка маленька,
На ней шубка аленька,
Опушка бобровая,
Сама чернобровая.
Ходить, походить,—
„Пожалуйте въ хороводы!“

3.

Я ходила, я гуляла
Во зеленомъ садѣ;
Я щипала, я рвала
Поспѣлыя вишни!
Подводила свою милову
Подъ свои подъ мысли:
Чтобы трубокъ не курить,
Ходилъ Ваня, гулялъ,
Дѣвушекъ выбирать.

4.

Какъ у Дуни много думы,
У красавицы забавы:
Гдѣ бы съ милымъ повидаться,
Повидаться, не разстаться?
— Во саду ли во садочкѣ,
Тамъ гуляли дѣвочки;
Одна въ розовомъ платочкѣ:
Она ходитъ, горюетъ,
Частехынько вздыхаетъ,
Любезнаго вспоминаетъ.
„Ты молодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!“

5.

Около города Казани
Молодой король гуляетъ,
Королевну выбираетъ:
Растворяйтесь, ворота,
Ты войди, король, во городъ,
Подойди, король, поближе,
Поклонись, король, пониже,
Поцѣлуйся помилѣе;
Ты возьми ее за ручку,
Поведи ее съ собою,
Назови ее слугою.

6.

Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвушекъ прибываетъ,

Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ какъ вы, холостые, не глядите:
Вамъ глядѣнницей дѣвушекъ не взять,
Ужъ какъ взять ли, не взять ли по
люб(о)ви,

Что по батюшкину повелѣнью,
Что по матушкину благословенью.

Игровыя.

1.

„Гдѣ-жъ ты былъ, заенъко?
Гдѣ-жъ ты былъ, бѣленькой?“
— Въ огородѣ, пани мой,
Въ огородѣ, душа мой.
„Заенъко, бѣленькой“.

Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ четырехъ стиховъ.

„Что-жъ ты дѣлалъ, заенъко?
Что-жъ ты дѣлалъ бѣленькой?“
— Я капусту ломалъ,
Зеленую поглоталъ.
„Не видали ли заенъку?
Не видали ли бѣлаго?“
— Видли, видли, пани мой,
Видли, видли, душа мой.
„Кто-жъ тебя видѣлъ, заенъку?“

Кто-жъ тебя видѣлъ, бѣлаго?“

— Три дѣвицы, пани мой,
Три дѣвицы, душа мой.

„Не побили ли заенъку?
Не побили ли бѣлаго?“

— „Били, били, пани мой,
Били, били, душа мой!

„Чѣмъ тебя били, заенъко?
Чѣмъ тебя били, бѣлаго?“

— По бокамъ—кулакамъ,
По загриву—рукавамъ.

„Не плакалъ ли, заенъко?
Не плакалъ ли, бѣленькой?“

— Плакалъ, плакалъ, пани мой,
Плакалъ, плакалъ, душа мой.

„Какъ ты плакалъ, заенъко?
Какъ ты плакалъ, бѣленькой?“

— Гу-гу-гу, пани мой,
Гу-гу-гу, душа мой.

„Что-жъ ты не ушелъ, заенъко?
Что-жъ ты не ушелъ, бѣленькой?“

— Я уттить не ушелъ,
Убѣжать не убѣжалъ.

„Ты бы бороздкой, заенъко,
Ты бы бороздкой, бѣленькой“.

— Какъ бороздка узка,
А капуста низка.

„Ты бы дорожкой, заенъко,
Ты бы дорожкой, бѣленькой“.

— Какъ дорожка съ пескомъ,
А я зайка босикомъ.

„Ты бы подъ яблыньку, заенъко,
Ты бы подъ яблыньку, бѣленькой“.

— Яблынька шумливая,
Я зайка пугливая.

„Ты бы во поле, заенъко,
Ты бы во поле, бѣленькой“.

— Чисто поле широко,
Темны лѣса далеко.

„Ты бы подъ елку, заенъко,
Ты бы подъ елку, бѣленькой“.

— Какъ на елкѣ иголки,—
Боюсь: уколюсь.

„Ты бы за кустикъ, заенъко,
Ты бы за кустикъ, бѣленькой“.

— Какъ кусточекъ рѣденькой,
А я зайка бѣленькой.

„Ты бы въ деревню, заенъко,
Ты бы въ деревню, бѣленькой“.

— Какъ въ деревнѣ народъ,

Зайку гонять отъ воротъ.

„Былъ ли ты въ гостяхъ, заенъко,
Былъ ли ты въ гостяхъ, бѣленькой?“

— Былъ, былъ, пани мой

Былъ, былъ, душа мой!

„Накормили ли заенъку,
Накормили ли бѣлаго?“

— Накормили, пани мой,

Накормили, душа мой.

„Чѣмъ ты кормили, заенъка?“

Чѣмъ ты кормили, бѣлаго?“

— Маша, Маша—калачамъ,

Саша, Саша—пирогамъ,

А Дуняша вдовина

Двѣ конфетины дала.

„Напоили ли заенъку?“

Напоили ли бѣлаго?“

— Напоили, пани мой,

Напоили, душа мой.

„Чѣмъ ты поили, заенъко?“

Чѣмъ ты поили, бѣленькой?“

— Маша, Маша—пивцомъ,

Саша, Саша—винцомъ,

А Дуняша вдовина

Стаканъ рому поднесла.

„Проводили ли заенъку?“

Проводили ли бѣлаго?“

— Проводили, пани мой,

Проводили, душа мой.

„Какъ ты провожали, заенъка?“

Какъ ты проводили бѣлаго?“

— Маша, Маша—изъ дверей,

Саша, Саша—изъ воротъ,

А Дуняша вдовина

Вдоль по улицѣ вела.

Всѣ останавливаются или садятся въ кругъ. Посреди
ходитъ паренъ и ему поютъ:

Зайнъка, походи!

Сѣренькой, походи!

Вотъ, такъ, вотъ такъ

походи!

Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого дву-
стишія.

Зайнъка, перевернись!

Сѣренькой, перевернись!

Зайнъка, попляши!

Сѣренькой, попляши!

Зайнъка, топни ножкой!

Сѣренькой, топни ножкой!

Зайнъка, поклонись!

Сѣренькой, поклонись!

Зайнъка, кого любишь,

Сѣренькой, кого любишь,

Зайнъка, поцѣлуй,

Сѣренькой, поцѣлуй.

Вотъ такъ, вотъ такъ,

поцѣлуй.

Если паренъ поцѣловалъ дѣвушку, то ей начи-
наютъ пѣть:

Постелька моя, постелюшка,

И ты пуховая!

Жена-ль моя, боярыня,

И ты молодая.

Стелю, стелю постелюшку,

Стелю пуховую,

Кладу, кладу изголовьице,

Кладу высокую.

Кого люблю, того дарю,

Того поцѣлую.

Это она и исполняетъ. Если же „зайнъка“ поцѣ-
ловалъ парня, то ему поютъ или: „Зайнъка, вы-
ходи“ и т. д., или же:

Царскій сынъ, королекъ! (2)

Раздушенька королекъ!

Размиленькій королекъ!

Зайди, сударь, въ городокъ, (2)

Царскій сынъ, королекъ! (2)

Всѣмъ дѣвицамъ поклонись

И молодцамъ не забудь! (2)

При этихъ словахъ онъ кланяется.

Царскій сынъ, королекъ! (2)

Кого любишь, поцѣлуй! (2)

Царскій сынъ, королекъ,

Размиленькій королекъ!

Паренъ опять цѣлуетъ по выбору.

2.

Въ серединѣ хоровода ходитъ молодецъ съ под-
нятою рукою. Хоръ между тѣмъ поетъ:

Ходитъ нашъ свѣтлый князь,

Ходитъ около своего города,

Ходить около своего високаго;
Ищеть нашъ свѣтлый князь
Свою ли свѣтлую княгиню...
Ходить, ходить князь,
Ходить кругомъ города;
Онъ сѣчетъ, онъ рубить
Своимъ мечомъ ворота.
Скоро ли, свѣтлый князь,
Сыщешь красну дѣвицу?

Тутъ самъ молодецъ, остановившись, доканчиваетъ
пѣсню:

Ужъ я ли гдѣ найду
Красну дѣвицу княгиню,—
Ту ли дѣвицу княгиню
Златымъ перстнемъ подарю.

3.

„Мы просо сѣяли, сѣяли“.
— А мы просо вытопчемъ,
вытопчемъ.
„А мы топтать не дадимъ, не
дадимъ“.
— А чѣмъ вы вытопчете? вытоп-
чете?
„Мы коней напустимъ, напустимъ“.
— А мы коней поймаетъ, поймаетъ.
„А чѣмъ вы поймаете, поймаете?“
— Шелковымъ поводомъ, поводомъ.
„А мы поводъ разорвемъ, разорвемъ“.
— А мы коней въ стойло запремъ,
запремъ.
„А мы коней выкупимъ, выкупимъ“.
— А чѣмъ же вы выкупите,
выкупите?
„Мы сто рублей дадимъ, дадимъ“.
— Намъ ста рублей не надо, не
надо!
„Мы тысячу рублей дадимъ, тысячу“.
— Намъ и тысячи не надо, не надо!
„Мы дадимъ дровъ костеръ, дровъ
костеръ“.
— Намъ дрова не надо, не надо:
У насъ избы стоплены, стоплены.
„Мы дадимъ лыкъ пучокъ, лыкъ
пучокъ“.
— Намъ лыкъ не надо, не надо:
У насъ лапти сплетены, сплетены.

„Мы дадимъ дѣдушку, дѣдушку“.
— Намъ дѣдушки не надо, не надо.
„Мы дадимъ молодца, молодца“.
— Намъ молодца не надо, не надо.
„Мы дадимъ денежку, денежку“.
— Намъ денежка не надо, не надо.
„Мы дадимъ дѣвушку, дѣвушку“.
— Намъ дѣвушка нада, нада“.
„В' насъ въ полку убыло, убыло“.
— А в' насъ въ полку прибыло,
прибыло.

4.

Варили мы пиво,
Зеленое вино.
Ай, лешеньки лели!
Зеленое вино.

Припѣвъ повторяется послѣ каждаго двухъ сти-
ховъ.

Что же у насъ будетъ
Во этомъ во пивѣ?
— Мы пива напьемся
И всѣ разойдемся.
Варили мы пиво,
Зеленое вино.
Что же у насъ будетъ
Во этомъ во пивѣ?
— Мы пива напьемся,
Всѣ вмѣстѣ сойдемся,
Всѣ вмѣстѣ посядемъ,
Всѣ вмѣстѣ повстанемъ,
Всѣ вмѣстѣ подеремся,
Всѣ вмѣстѣ помиримся!

Все исполняется на дѣлѣ и, наконецъ, всѣ обхо-
дятъ хороводный кругъ и пѣлуются въ знакъ про-
щенія за обиду.

5.

Какъ по травкѣ, по муравкѣ
Молодецъ гулялъ.
Онъ и ходитъ, онъ и смотритъ
Невѣсту себѣ.
„Хорошая, пригожая
Поди за меня,
За такова удалова
Молодца!

Не пойдешь—ты спокаешься,
Вспомнянешь меня!“

Молодецъ останавливается передъ дѣвушкой и отвѣшиваетъ поклонъ. Дѣвушка встаетъ и идетъ, а молодецъ садится. Хоръ продолжаетъ:

Идти было, спросить было
Сосѣдъ про тебя:
„Сосѣдушки, собранушки,
Скажите вы мнѣ
Про милова, удалова
Молодца...“

— Сосѣдушки, собранушки
Не хвалятъ тебя.

А я, красна дѣвица,
Нейду за тебя!

Молодецъ встаетъ съ лавки и идетъ, а дѣвица садится. Пѣсню повторяютъ всю сначала. На этотъ разъ сосѣди хвалятъ молодца и поэтому послѣ словъ его: „выйди за меня, за такова удалова молодца“, она отвѣчаетъ:

Сосѣдушки, собранушки—
Всѣ хвалятъ тебя,
А я, красная дѣвица,
Иду за тебя!

6.

Въ кругу ходитъ парень и дѣлаетъ видъ, будто бьетъ дѣвушку, а она не кланяется. Хоръ поетъ:

У насъ подъ бѣлою,
Подъ березою,
Ай люли, люли!
Подъ березою.

Припѣвъ повторяется послѣ каждаго двухъ стиховъ.

Мужъ жену училъ,
Мужъ—угрюмую,
Мужъ—угрюмую,
Невеселую.
Какъ жена мужу
Не вкорила,
Свекру-батюшкѣ
Споклонила.

Дѣвушка кланяется другому и поетъ:

„Свекоръ-батюшка,
Отыми меня (2)

Отъ лиха мужа
Отъ негоднаго,
Отъ негоднаго,
Отъ недобраго“.
Свекоръ говоритъ,
Велитъ больше бить,
Велитъ больше бить,
Велитъ слушаться.

Поютъ первые 6 стиховъ и затѣмъ пѣсня продолжается:

Свекрѣ-матушкѣ
Споклонила:
„Свекра-матушка,
Отыми меня
Отъ лиха мужа,
Отъ негоднаго“.
Свекра говоритъ:
„Воля не моя,
Воля мужнина“.

Поютъ первые 6 стиховъ и затѣмъ пѣсня продолжается:

Какъ жена мужу
Покорила,
На колѣни
Становилася.

При этихъ словахъ дѣвушка становится на колѣни и поетъ:

Ужъ ты брось лозу,
Подѣлуй жену.

7.

Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не
пройдетъ.
Только шли-прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще смѣть ли спросить старыхъ
бабъ

Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяный блинъ по три бабы,
А четверта провожата,

10.

По-за городу
Царевъ сынъ, (2)

Одинъ ходить за хороводомъ.

Что ни царскій-етъ сынъ,
Воитель, (2)
Выбиралъ себѣ невѣсту, (2)
Распрекрасную королеву. (2)

Выбираетъ одну изъ дѣвушекъ.

Что не та ли моя невѣста, (2)
Среди города стояла, (2)
Золотымъ вѣнцомъ блистала, (2)
Бриліантамъ освѣщала.
Вы сѣкитесь ворота, (2)
Двое изъ стоящихъ въ хороводѣ разнимаютъ
руки.

Покланяйтесь низенько, (2)
Вы пожалуйте, княжна, праву ручку! (2)
Кланяются всѣ.

11.

Хмель, мой хмелюшко,
Хмелѣвое пѣрушко,
Перевейся, мой хмелюшко,
На мою сторонущку:
На моей сторонущкѣ
Приволье великое,
Раздолье широкое;
По тому раздольицу
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Ходилъ пригорюнившись,
Ходилъ опечалившись.
Завидѣла матушка
Съ высокаго терема:
— Дитя мое милое,
Что ты угорюнилось,
Что ты опечалилось?
Женись, женись, дитятко,
Женись, женись, милое,
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну, боярыню!—
„Сударыня, матушка,
Та мнѣ не жена будетъ,
Тебѣ не невѣстущка,
Въ полѣ не работница,

Въ домѣ не кукобница
Гостямъ не привѣтница,
Ко мнѣ не повернется“.
— Возьми жъ, возьми, дитятко,
Въ (у) сосѣдушки дѣвушку!—
„Та мнѣ женой будетъ,
А тебѣ невѣстущкой,
Во полѣ работница,
Во дому кукобница,
А гостямъ привѣтница,
И ко мнѣ повернется.

Разборныя или разводныя.

1.

Чѣмъ намъ пѣсенку начать,
Чѣмъ ее окончить?
— Разговорами начнемъ,
Подѣлуемъ кончимъ.
Рука за руку взялись,—
Познакомились:
Не ты ли мнѣ кумъ,
Не я-ль тебѣ кума?
Гдѣ ни сойдемся—
Поклонимся,
Гдѣ ни свидимся—
Подѣлуемся!

2.

Ужъ ты вѣнъ ли, мой вѣночекъ,
Въ саду розовый цвѣточекъ!
Мнѣ куда тебя, вѣночекъ, положить?
Положу тебя, вѣночекъ,
Въ саду розовый цвѣточекъ,
На головку ко дѣвицѣ,
Ко названной ко сестрицѣ!
Какъ не брать съ сестрой сходились,
Какъ не брать съ сестрой поклонились,
Поздоровались и распростились.

3.

Ужъ ты вѣнчикъ, мой вѣнчикъ,
Ай да вѣночикъ!
Вѣнокъ—синенькій цвѣточикъ,
Ай да цвѣточикъ!
Кому вѣнчикъ подарити,
Ай да подарити?

На ково-жѣ мнѣ положить,
 Ай да положить?
 Положу-ль я на головку,
 Ай да на головку,
 Что на красную на дѣвицу,
 Ай да на дѣвицу.
 Что ни кумъ съ кумой покумился,
 Ай да покумился,—
 Молодецъ съ дѣвицей подружился,
 Ай да подружился:
 Гдѣ ни сойдемся,—приобоймемся,
 Ай да приобоймемся;
 Приобоймемся, поцѣлуемся,
 Ай да поцѣлуемся,
 Разойдемся, распростимся,
 Ай да распростимся!

Плясовые пѣсни.

1.

Ай, вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ,
 Ай, вдоль по широкой удаленькой.
 Ой жги, ой жги! говори!
 Вдоль по широкой удаленькой идетъ.
 Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ,
 Опоясочка-то шелковая;
 Ой жги, ой жги! говори!
 Опоясочка-то шелковая.
 Рукавички-то барановыя,
 Сапожки-то сафьяновые;
 Ой жги, ой жги! говори!
 Сапожки-то сафьяновые.
 На немъ шапочка-то бархатная,
 А околышекъ черна соболя.
 Ой жги, и пр. *).
 Подъ полою у молодца дуда,
 Подъ другой-то онъ гусли несетъ.
 Какъ струна-то загула, загула,
 А дуда-то выговаривала:
 Пора молодцу женитьбу давать,
 Холостому время свататься.
 Стару бабу за себя-бъ ему взять,
 Стару бабу на печи бы держать;
 Стару бабу киселемъ бы кормить,
 Сытой бабу припаивати.

*) Послѣ каждаго двухъ стиховъ припѣвъ „ой жги“ и пр. и повтореніе послѣдняго стиха.

Кабы бабѣ калача, калача.
 Стала-бъ баба горяча, горяча.
 Кабы бабѣ киселя, киселя:
 Стала-бъ баба весела, весела.
 Кабы бабѣ молока, молока:
 Стала-бъ баба молода, молода.
 Кабы бабѣ сапоги, сапоги:
 Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три
 ноги;
 Затянула-бъ баба пѣсенку
 Тонкимъ, звонкимъ голосочкомъ.
 Ты любимая ль пѣсня моя,
 Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣвать;
 Я люблю тебя и замужемъ,
 У мила дружка въ очахъ живучи.
 Ой жги! ой жги! говори!
 У мила дружка въ очахъ живучи.

.

2.

Во полѣ береза стояла,
 Во полѣ кудрявая стояла,
 Люли, люли, стояла!
 Люли, люли, стояла!
 Некому березу заломати,
 Некому кудряву заломати,
 Люли, люли, заломати! (2)
 Я пойду погуляю, (2)
 Люли, люли, погуляю! (2)
 Бѣлую березу заломаю, (2)
 Люли, люли, заломаю! (2)
 Срѣжу съ березы три пруточка, (2)
 Люли, люли, три пруточка! (2)
 Сдѣлаю три гудочка, (2)
 Люли, люли, три гудочка! (2)
 Четвертую балалаечку, (2)
 Люли, люли, балалаечку! (2)
 Вы, гудки, не гудите, (2)
 Люли, люли, не гудите! (2)
 Стара мужа не будите, (2)
 Люли, люли, не будите! (2)
 Старой спитъ со похмелья, (2)
 Люли, люли, со похмелья! (2)
 Пойду ль я на новы сѣни, (2)
 Люли, люли, на новы сѣни! (2)
 Стану ль я старова будити, (2)
 Люли, люли, будити! (2)
 Встань, мой старой, пробудися! (2)
 Люли, люли, пробудися! (2)

Вотъ тебѣ помой—умойся, (2)
Люли, люли, умойся! (2)
Вотъ тебѣ рогожка—утрися! (2)
Люли, люли, утрися! (2)
Вотъ тебѣ борона—расчешися! (2)
Люли, люли, расчешися! (2)
Вотъ тебѣ лапотки—обуйся! (2)
Люли, люли, обуйся! (2)
Вотъ тебѣ шубенька—одѣнься! (2)
Люли, люли, одѣнься! (2)
Вотъ тебѣ дорожка—прогуляйся! (2)
Люли, люли, прогуляйся! (2)
Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла! (2)
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли, заломати! (2)
Я пойду погуляю, (2)
Люли, люли, погуляю! (2)
Бѣлую березу заломаю, (2)
Люли, люли, заломаю! (2)
Срѣжу съ березы три пруточка, (2)
Люли, люли, три пруточка! (2)
Сдѣлаю три гудочка, (2)
Люли, люли, три гудочка! (2)
Четвертую балалаечку, (2)
Люли, люли, балалаечку! (2)
Пойду ль я на новы сѣни, (2)
Люли, люли, на новы сѣни! (2)
Вы, гудки, загудите, (2)
Люли, люли, загудите! (2)
Встань, мой милый, пробудися! (2)
Люли, люли, пробудися! (2)
Вотъ тебѣ водица—умойся, (2)
Люли, люли, умойся! (2)
Вотъ тебѣ полотенцо—утрися, (2)
Люли, люли, утрися! (2)
Вотъ тебѣ гребень—расчешися, (2)
Люли, люли, расчешися! (2)
Вотъ тебѣ башмачки—обуйся, (2)
Люли, люли, обуйся! (2)
Вотъ тебѣ кафтанчикъ—одѣнься, (2)
Люли, люли, одѣнься! (2)
Войди въ теремъ—веселися! (2)
Люли, люли, веселися! (2)

3.

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!

Сѣни новыя, кленовыя,
Рѣшетчатыя!
Ужъ какъ знать-то мнѣ по сѣничкамъ
Не хаживати,
Мнѣ мила дружка за рученьку
Не важивати.
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя, кленовыя
За рѣшетчатыя,
Выпускала сокола
Изъ правова рукава:
Ты лети, лети, соколикъ,
Высоко и далеко!
И высоко, и далеко—
На родиму сторону;
На родимой на сторонкѣ
Грозень батюшка живетъ;
Онъ грозень, сударь, грозень,
Да не милостивый,—
Не пускаетъ молоду
Поздно вечеромъ одну!
Я не слухала отца,
Потѣшала молодца!
Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца,
Онъ одинъ сынъ у отца,
Уродился въ молодца,
Зовутъ Ванюшкою—
Пивоварушкою!
Пивоваръ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
„Вы пожалуйста, дѣвицы,
На поварню на мою!
На моей ли пивоварнѣ
Пиво пьяно на ходу,
Пиво пьяно на ходу,
Сладка водка на меду!“

4.

Полоса-ль моя, полосынька,
Полоса-ль моя непахана,
Непахана, нескорожена!
Заросла-ль моя полѣсынька
Частымъ ельничкомъ,
Ельничкомъ, березничкомъ,
Молодымъ, горькимъ осинничкомъ.

Я, гуляючи по ельничку,
По ельничку, по березничку,
Брала грибки рыжечки,
По березничку бѣляночки.
Я брала, брала, аукалась:
Ау, ау, пастушки-дружки!
Ау, ау, пастушки-дружки!
Никто въ лѣсѣ не откликнется,
Никто въ темномъ не аукнется!
Откликались молодцы,
Государевы охотнички,
Моего батюшки работнички!

5.

Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя недоемая!

Ахъ, ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя! *)
Ты поди, моя недоемая,
У насъ горенка нетопленая!
У насъ горенка нетопленая,
Малы дѣти ненакормлены!
Малы дѣти ненакормлены,
И телята ненапоенные!
Ужъ какъ всѣ мужья до женъ добры,
Покупили женамъ бобры!
А мой мужичокъ-дурачокъ
Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Загубилъ мою головушку!

Причитанія.

А) Свадебныя пѣсни [вопли] **).

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 1-ый, стр. 44—50.

1.

...Мнѣ ночесъ-то мало спалось,
Да во снѣ много видѣлось.
Ужъ и видѣла, подруженьки,
Я гору высокую.
Среди горы крутыя
Лежитъ бѣлый горючъ-камень.
На этомъ на камешкѣ
Сидитъ орелъ, птица острал,
Во когтяхъ держитъ лебедушку.
Подъ горой, подъ высокою
Лѣса растутъ темныя
И шипица колючая,
Да и крапива-то жгучая...
Во этомъ темномъ лѣсу

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двухъ стиховъ.

**) №№ 1—17 представляютъ собой любопытныя отрывки изъ разныхъ свадебныхъ воплей. №№ 18 и 19 представляютъ собой цѣлыя вопли: во время чесанія волосъ (№ 18) и во время угощенія на улицѣ (№ 19).

Ходитъ медвѣдь со медвѣдицей.
Разсудите, подруженьки,
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся.
Эта гора-то высокая—
Чужа дальняя сторона;
Бѣлый-то камешекъ—
Чужой-то высокъ теремъ;
А орелъ, птица острая,—
Чужой это чужанинъ...
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку—
Да меня молодешеньку;
А лѣса-то растутъ темныя—
Чужи люди незнамыя;
Что медвѣдь со медвѣдицей—
Богоданный-то батюшка
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая—
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая—
Богоданныя сестрицы.

2.

...Свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу ведутъ;

А свекровь говоритъ:
Къ намъ людѣдку ведутъ;
А деверья говорятъ:
Къ намъ неряху ведутъ;
А золовки говорятъ:
Къ намъ непряху ведутъ;
Двѣ тетушки сидятъ,
Все про тое-жъ говорятъ.

3.

...Вонъ пріѣхалъ погубитель мой,
Вонъ пріѣхалъ разоритель мой,
Вонъ пріѣхалъ расплети-коса,
Вонъ пріѣхалъ потеряй-красу!

4.

...Наѣхали рассказы-сваты большіе,
Выводили надежу свѣта-батюшка
На новы сѣни на рѣшетчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону вольну волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ-родитель мой ба-
тюшка:

Эта волюшка—во сто рублей,
Руса косынька—во тысячу,
А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ...
Но лукавъ былъ злодѣй большій свать:
Онъ близешенько къ родителю дви-
гается,

Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На то ли мои родители окинулись;
Промѣняли мою вольную-то волюшку
Какъ на этое на сладко зелено вино.
Пропились да промотались,
Прогуляли мою волюшку...

5.

...Вечоръ были да сваты свататься,
У нихъ поклоны-то низкіе,
Слова-то у нихъ ласковыя,
Рѣчи-то у нихъ привѣтливыя...
Они ходятъ да все хвастаютъ:
„Какъ чужа-то дальняя сторонущка
На горѣ стоитъ да на высокою...
Не встаютъ у насъ да по утру рано,

Не ходятъ у насъ да на работу-
шку!..“

Не сдавайся ты, милая племянница,
На ихни-то умы-разумы!
Слова-то ласковыя—обманчивыя,
Поклоны-то низкіе—переманчивые...
Какъ чужа-то дальняя сторонущка
Во темномъ лѣсу да во раменьѣ...
Какъ чужа-то дальняя сторонущка
Не пшеной да изусѣяна—
Тоской-кручинушкой изусѣяна,
Горючими слезами исполевана,
Она печалью да огорожена,
Кручинушкой изувязана...

6.

Скучно мнѣ, дѣвушкѣ-сиротинушкѣ,
Безталанной, бѣдной головушкѣ.
При отцѣ росла я при родимомъ,
Я у матушки у сударыни
Сиживала подъ окошечкомъ,
Почесывала буйну головушку,
Поплетывала трубчатую косу.
Теперь батюшка да какъ чужь-чужа-
нинъ,

Родная матушка хуже мачехи.
До зореньки красныя понаѣлися,
До свѣту Божьяго понапилися—
Пропили меня дѣвушку-сиротинушку,
Пропили головушку безпріютную;
Не глядя на слезы, на жалѣньице,
Забросили дѣтище въ нелюбиму сто-
рону

Да на горюшко, на кручинушку,
Да на плаканье, да на вѣчное.

7.

Поется при расплетаніи косы передъ отправленіемъ въ баню.

...У своого-то родима батюшка,
У своей-то родимой матушки
Я чесала васъ, русы волосы,
Среди-то полу дубоваго;
Я мочила васъ, русы волосы,
Ключевой водой холодною;
Я сушила васъ, русы волосы,
На крутомъ красномъ крылечикѣ
Я сходимымъ краснымъ солнышкомъ.
На чужой-то дальней сторонущкѣ,

Я у свекра у батюшки,
Я у свекрови у матушки,
Чесать стану васъ, русы волосы,
Во кутѣ да за занавѣсой;
Мочить стану васъ, русы волосы,
Я своими да горючими слезами;
А сушить стану васъ, русы волосы,
Я своей тоской да кручинушкой.
И запрутъ васъ, русы волосы,
На тридцать три замка,
На тридцать три ключа,
И бросать эти ключики
Во сине море Хвалынское.
Сохватаетъ эти ключики
Рыба, да рыба бѣлая...
Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу къ матери,
Ко чужому роду-племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
Носи платье, не снашивай,
Терпи горюшко, не сказывай...
Ты во темную во ноченьку
Выходи, моя подруженька,
На высокое крылечушко,
Ты высказывай обидушку
На широку гладку уличку, —
Разнесутъ твою обидушку
Часты-буйные вѣтерки.

8.

...Да тебѣ, свату большому,
Да тебѣ, измѣнщику дѣвичьему,
Да Акиму Степановичу!
На ступень ступить—нога сломить,
На другой ступить—другу сломить;
На третей—голову свернуть!
Того мало свату большому,
Да измѣнщику дѣвичьему!
На печи спать подъ шубою,
Подъ трема полшубками,
Подъ четырема тулупами:
Да трясло бы тя, повытрясло!
Да сквозь печь провалиться,
Во мясныхъ щахъ свариться!..

9.

...Ты пожалуй-ка, мила подруженька,

Со кумушками да со подружками
Помыться да попариться...
Изукрашена тепла паруша
Все цвѣточками алинькими...
Огорожена путь-дороженька
Она бѣлой березонькой...
У дымнаго-то баннаго окошечка
У насъ поставлены да караульщички...
Ты пожалуй же, мила подруженька,
Со кумушками да со подружками
Помыться да попариться!
Ужъ ты смой съ лица горючи слезы,
Съ тепла сердца—тоску кручинушку!
— Вы подруженьки-голубушки!
Не обманите ли меня вы, молодешеньку,
Со теплой-то вы со парусей?
Не сомью ли свою дивью красоту?
„Ты не бойся, мила подруженька!
Не сомьешь ты свою дивью красоту.
Какъ полетитъ твоя дивья красота
Дымнымъ баннымъ окошечкомъ,
Со дымами да со кудрявыми,
Со парами да со медвяными;
Тутъ поймаютъ твою дивью красоту
Что твои-то братцы милые;
Принесутъ твою дивью красоту
Во батюшковъ да во высокій теремъ“

10.

...Любимая моя подруженька,
Куда мнѣ свою красотушку
Дѣвать будетъ?
Мнѣ въ лѣса ее пустить?
Заплутается.
Во луга пустить?
Загуляется.
Въ быстру рѣку пустить?
Запутается.
Я пущу свою красотушку
На любимую подруженьку...
Тутъ моя красотушка
Укроется,
Нѣгушка унѣжится.
Есть у ней родимая матушка
И родимый батюшка,
Есть братцы ясны соколы,
Лебедушки невѣстушки!

11.

...Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку;
Я снесу бажону мою волюшку
На остудушку, чужую на сторонущку,
Я поглядывать стану на свою вольную

волюшку,—

Я кладу въ оковану коробеечку:
Какъ отомкну оковану коробеечку,
Погляжу на свою вольную волюшку,
Будто я красна дѣвушка—
Разгоню свою великую обидушку.

12.

...Спущу я свою вольную волюшку
Подъ небеса подъ высокія,
Ко красну солнышку въ бесѣдушку,
Къ ясному мѣсяцу во думушку,
Ко зарямъ на свиданьице,
Ко звѣздамъ на разселеньице!
Пускай воля наволюется,
Пускай красна наликуется,
Улетитъ вольная волюшка
Со молодой со головушки!

13.

...Ужъ ты взвейся, красота моя,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
И ударься о сыру землю.
Расшибись ты, красота моя,
Что по макову по зернышку,
Чтобы вышла моя матушка,
Подобрала бы поскорѣй тебя
И посѣяла-бъ во своемъ саду,
Поливала бы не рѣчной водой,
А своею слезой горькою.

14.

...Выбирай, мое дитятко,
Выбирай, мое милое,
Изъ гостей незнакомыхъ знакомаго,
Изъ молодыхъ молодого наряднаго;
Ужъ какъ съ тѣмъ ли тебѣ гостемъ
вѣкъ вѣковать,

Вѣкъ вѣковать и меня забывать.
Ужъ какъ выбрала Марьюшка и т. д.
Ужъ и я ли съ нимъ, матушка,
Съ нимъ вѣковать буду,
А тебя, матушка, не позабуду!

15.

...Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди свѣтель мѣсяцъ,
Ты свѣти во всю ноченьку...
Во весь путь, во всю дороженьку,
Свѣтилъ бы моему суженому,
Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ назадъ не воротился...
Безъ него-то мнѣ тошнехонько,
Безъ него-то мнѣ грустнехонько!

16.

...Прилетѣли вольныя пташечки...
Изъ-за моря, моря синяго;
Перепархиваютъ пташечки
По чисту полю, по кустарникамъ:
Всѣ любятъ по парочкѣ.
Только добрый молодецъ Алексан-
друшка
Во свѣтѣ бѣломъ сиротинушка,
Онъ тоскуетъ, какъ горькая куку-
шечка...

Безпріютная головушка!
Никто къ дѣтинушкѣ бѣдному,
Никто въ свѣтѣ не пришатнется;
Словомъ ласковымъ, привѣтливымъ
Никто сиротинушку не радуется...
Вянетъ, сохнетъ въ одиночествѣ
Будто травка среди поля дикаго.
Не милъ молодцу и Божій свѣтъ!
Одна Дуняша сжалилась
Надъ бѣдняжкой, сиротинушкой;
Приласкала, приголубила
Безпріютную головушку...

17.

Вопль невесты во время чесанія волосъ.
Въ то время, какъ мать чешетъ:
Какъ желанная родитель-моя матушка,
Что со рыбнымъ идетъ она со гре-
бешкомъ

Учесать да мою младую головушку.
Привело до этой поры-времечка,
Что родитель головы моей да не че-
сала,
Русой косыньки моей не расплетала!

Когда сестра чешетъ:

Ты чеши, моя сестра родимая,
Мою младу буйную головушку,
Уплетай мою ты мелкопрядну русу
косыньку,
Чтобы вѣкъ моя коса не расплета-
лася,
Чтобы на двѣ стороны коса не раздѣ-
лялася,
И ты плети, плети, моя сестрица-свѣтъ
родимая,
И ты отъ корешка плети да вѣдь ме-
лешенько
И ты отъ самага плети, да вотъ плот-
нешенько!

Невѣста, обращаясь къ подружкамъ, поетъ:

И вы, подружки-свѣтъ родимыи,
И вы плетите косыньку умнешенько:
Вы осередь косы да мало-круглыя озе-
рышко повѣсите,
Безъ малогребныхъ ли лодочекъ;
А на конецъ да русой моей косыньки
Ужъ ты вплети, сестриченька родимая,
Вплетите пятьдесятъ мнѣ ножичковъ
булатныхъ,
Ты шестьдесятъ вплети булабочекъ ка-
ленныхъ.
Кто вѣдь примется тогда за вольну
мою волюшку,
Принаколетъ тотъ себѣ да бѣлы свои
рученьки;
Расплетать стануть мою русу-густу
косыньку
И отрѣжутъ свои бѣлые-то палочки—
И отступятся отъ вольной моей во-
люшки:
Приостануся я въ красномъ въ дѣви-
чествѣ!

Подойдутъ ко кругу-малому озерышку,
Разольется кругло-малое озерышко
И потопить розказа ли свата большого
И млада сына отцакаго

И останусь я во красномъ во дѣви-
чествѣ
Со своей я съ вольной волюшкой!
Спасетъ Богъ тебя, сестрица - свѣтъ
родимая,
Что учесала мою буйную головушку
И уплела мнѣ мелкопрядну русу ко-
сыньку.
Ты по старому-ль плела да и по преж-
нему?

Когда прежъ сего, до этой поры-вре-
мечка,
Ты частешенько мою головушку чесала
И мелешенько ты мою косу уплетала;
И была желанна ты, сестрица-свѣтъ
родимая,

До меня до бѣлой до лебедушки:
Впереди меня по утрышку вставала,
На крестьянску ты работу снаряжалась;
И не будила ты меня, сестрица-свѣтъ
родимая,
А говорила: „спи, сестрица-свѣтъ ро-
димая,
Я одна пойду въ крестьянскую въ ра-
ботушку“.

Сестра наклоняется къ невѣстѣ, плѣтуетъ ее и
сулитъ ей въ замужествѣ счастье. Невѣста отвѣ-
чаетъ:

Спасетъ Богъ, сестрица-свѣтъ родимая,
На твоёмъ великомъ на желаньицѣ!
Будетъ Богъ судить невольной моей
головушкой;
Буду Господомъ невольница я сужена,
Родомъ-племенемъ невольница я све-
дена,
Я священничкомъ во Божьей церкви
обвѣнчана.
Мнѣ-ка Богъ судилъ на чужой жить
сторонущѣ...
Ты ходи ко мнѣ, сестрица-свѣтъ ро-
димая;
Если будетъ мнѣ-ко вольная-то во-
люшка,
Я срѣтать буду да на широкой тебя
улочкѣ,
Провожать буду во свѣтлую во свѣт-
личку;
Угощать буду, сестрица-свѣтъ родимая,
Не жалѣть я буду свѣтлаго-то платица

И любимыя покрутушки.
 И крутить я буду бѣлую тебя лебе-
 душку,
 Украшать буду я вольну твою во-
 люшку.
 Тутъ я думушку съ тобой да поразду-
 маю,
 Я обидушку съ тобой да пораздѣлю,
 Не въ проносъ буде во добрые во лю-
 дишки,
 Не въ разсказъ буде съ порядными
 сосѣдюшками,
 Не во стыдъ буде да богоданнымъ ро-
 дителямъ,
 Не въ укоръ да буде бѣлой мнѣ лебе-
 душкѣ,
 Не въ преславице ретливому сердце-
 чушкѣ.
 Какъ отъ этихъ богоданныхъ родите-
 лей
 Кладу я свою волюшку да вольную
 Ко родителю-то я ко матушкѣ,
 Я подъ праву ли кладу подъ рученьку,
 Я подъ правую-ль кладу подъ пазушку;
 Моя матушка старешенька,
 Носить поясекъ слабѣшенько
 И потерять да дорогую мою волюшку
 Въ новыхъ сѣняхъ рѣшетчатыхъ,
 На крылечкѣ на переносѣ.

Когда окончатъ расчесывать невѣсту, заплетутъ ей дѣвичью косу и украсятъ ее бантами, невѣста, обращаясь къ подруженькамъ, продолжаетъ:

И вы, совѣтны милы подружки,
 Мою голову да учесали,
 Свѣтло-русую косу да уплетали,
 Лентами цвѣтными да украшали.
 Подарю за то любимыхъ васъ подру-
 женекъ,
 Вамъ по алой вотъ по ленточкѣ,
 Я по этой золотой по косоплеточкѣ,
 Я на память вамъ, совѣтнымъ-друж-
 нымъ подружкамъ!
 А что пришли вы, души красны дѣ-
 вушки,
 А что пришли вы на мою унылую да
 свадебку
 За разлукушку баженой вольной во-
 люшки...

И, милы дѣвушки, вѣдь вы не поло-
 малися,
 Вы неволюшки моей не убоялися!
 Пойдемте вы, совѣтны-дружны по-
 дружки,
 Вы въ эту во свѣтлую во свѣтличку,
 Тамъ поставлены да самовары-то шу-
 мячіе —
 И угощу васъ чаемъ, кофеемъ горя-
 чимъ,
 Ужъ я сладкимъ и медовымъ закусоч-
 камъ.
 Я послѣдня во красныхъ во дѣвушкахъ...
 Покамѣво я въ вольной моей волюшкѣ,
 У своихъ да у желанныхъ у родите-
 левъ,
 При послѣднемъ что Господнемъ
 Божьемъ денечкѣ,
 Ужъ я сдѣлаю любимо угощенице
 Вамъ, совѣтнымъ-милымъ подружкамъ!

Въ это время готовятъ самоваръ. Ведутъ не-
 вѣсту къ чайному столу и размѣщаются вокругъ
 нея.

18.

Вопль невѣсты на улицѣ.

Пойду, выйду, дочь-невольница,
 На прогульную широку уличку,
 Въ разоренъ да во зеленъ садъ;
 Прогуляю день до вечера
 Во моемъ да во зеленомъ саду.
 Какъ подсохла шелкова трава
 И поблекли всѣ цвѣточки,
 Что сегодня сего денечка...
 Разукрашенъ былъ мой зеленый садъ
 Онъ куницами да лисицами,
 Души красными онъ дѣвицами;
 Холодью онъ неженатою,
 Молодежью все перебраною...
 Вы, совѣтныя дружны-подружки,
 Вы, удалые добры молодцы,
 Я не сборщикъ да я не правильщикъ,
 Не сведу я васъ въ избу земскую,
 Посадить не хочу васъ въ холодную.

Подходить къ кому-нибудь:

А челомъ я бью, красна дѣвушка,

Ачеломъ я бью, низко кланяюсь,
Подношу я вамъ винну чарочку.

Кланяется въ поясъ:

Изволь выкушай-ка чару ты зелена
вина,

Бью челомъ тебѣ да покланяюсь,
За подносомъ я унижаюсь;
Унижаюсь я, низко кланяюсь!
Сдалека вино то привезено,
Для васъ, молодцовъ, да развезено;
На меду то вино разведено,
Вино сахарьемъ-то посыпано.
Вамъ во здравіе, сердечушкамъ,
Уму-разуму да головушкамъ
На веселье молодецкое;
Твое хвальное отечество,
Ославное молодечество,

Всѣ, передъ кѣмъ невѣста останавливается, пьютъ
и кладутъ на подносы деньги. Окончивъ обрядъ
угощенья, она поворачивается, чтобы идти назадъ
въ избу:

Прости, уличка рядовая,
А и лавочки торговая,
Разорень да мой зеленый садъ!
Вы, совѣтны-милы подружки,
Набралась, напраталась
Золотой казны безсчетной
И повыкуплю, невольница,
Ею вольную я свою волюшку
Съ-подъ великой неволюшки...
У моихъ свѣтовъ желанныхъ у роди-
телевъ

Чужи люди незнакомые,
Не пойду, дочь-невольница,
Къ вамъ, желанныи родители,
Къ вамъ да во высокъ теремъ,
Во хоромное строеньеце,
Во новы сѣни рѣшетчаты.
Ворочусь, дочь-невольница,
На широкую на улицу
Отъ крыльца да отъ перенаго.
Ты прости, да воля вольная,
Ты слети ли, воля-волюшка,
Выше лѣса, выше темнаго—
По поднебесью небесному,
Врови съ облакамъ ходячимъ,
Врови съ звѣздочкамъ стоячимъ,

Къ красну солнышку въ бесѣдушку,
Къ свѣтлу мѣсяцу въ побережку.
Я пройду, дочь-невольница,
По крыльцу да по переному
На новы сѣни рѣшетчаты.
У родителя у батюшки
Розливъ вотъ да зелену вино
Что сегодня, сего денечка,
Что попойка ли вино пьяному!
Ужъ онъ подшоваль всѣхъ сусѣдей ли,
Что сусѣдей ли спорядовыхъ!
Что за праздникъ-то у родителя,
У родителя-свѣта батюшки?
Угощенье — добрымъ людямъ на по-
славление.

Что подченіе — сроднымъ сродцамъ-
сродничкамъ.

Я пришла нонѣ во свѣтлу свѣтличку,
Во столову нову горенку;
Перекладъ тамъ тонкимъ бѣлымъ ру-
башечкамъ,

Переборъ тамъ шитымъ бѣлымъ поло-
тенышкамъ,

Что размѣръ у насъ ситцамъ да ново-
моднымъ.

Что укладаете въ ларцы вы да окованы?..
Куды, дѣвушку, меня да вы справляете?..
Куды, красну, меня вы снаряжаете?..
Я не знаю, дочь невольна красна дѣ-
вушка,

Во пустыню-ль вы меня да во бого-
мольную,

Во работу-ль вы меня да во наемную?..
Пораздумаюсь, невольна красна дѣ-
вушка:

На судимую ли шлютъ меня сторо-
нушку,

Что во чужу, незнакомую мнѣ жи-
рушку?..

Я корилась-то желаннымъ родителямъ,
Я клонила свою младую головушку
Имъ во рѣзвыя во ноженки...

Горючими слезьми я ноги обливала,
Русой косынькой я полъ да примахала
У своихъ свѣтовъ, желанныхъ у ро-
дитеlevъ.

Ужъ вы, дѣвушки, меня да не неволь-
те-тко,

Вольной волюшки съ головушки вы не
снимайте-тко,

Русой косыньки моей нерасплетайте-тко!
Какъ у пьянсливой родитель-родный
батюшко

Пропивать онъ мою вольную ливлюшку
Что на винную ту чарому,
На хмельные на напитки...

Вы послушайте, родители родимые:
— Хорошо мнѣ буде на чужой да на
сторонущѣ—

Буду записать васъ въ вѣчно бого-
мольце!

Буде плохо мнѣ въ остудней что во
жирушкѣ,

Запишу васъ въ вѣковѣчно прокли-
наньце

И судьячить буду я на васъ, желан-
ныхъ родителейъ,

Что вы выдали меня въ чужую сторо-
нушку,

Сняли вы съ меня да вольну мою во-
люшку!

Пѣсни невесты во время дѣвичника.

Сборы, сборы широкіе,
Широкіе сборы, дѣвичьи!

Имя и отчество невесты—

Сбирала подружекъ за свой столъ,
Сажала подружекъ высоко;
Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ придти въ чужи люди?
Какъ будетъ назвать люта свекра?
Батюшкѣмъ назвать не хочется,
Свекромъ назвать—разсердится.
Убавлю спеси-гордости,
Прибавлю ума-разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою.
Съ этого я худа не буду,
Съ бѣлаго лица не спаду,
Съ алыхъ щечекъ румянцемъ не сойду.

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилецъ-батюшка,
И родительница моя матушка!
Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣшненько,

Дочь кручинная головушка!
По послѣдному денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Во высокой новой горницѣ.
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ,
Я смотрѣла молодешенька
Изъ косящата окошечка
На озеро на Онежское:
Изъ-за озера за Онежскаго
Летятъ птицы заморскія:
Соловей—птица свистущая,
Орель—птица говорящая:
Орель сѣлъ да на окошечко,
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ.
Орель сталъ да выговаривать,
Соловей сталъ да высвистывать:
„Не сиди, наша голубушка,
Подъ косящатымъ окошечкомъ.
Ты не трать чиста серебра
И не порти красна золота.
По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному
Всему роду покоренному;
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ,
Дѣвушкѣ быть во заботушкѣ“.
Не за долго поры времени
Проскрипѣли дубовы сани.
Пробрянчала золота узда,
Просвистала шелкова плетъ:
Пріѣзжалъ злодѣй большой свать,
Насулилъ онъ батюшкѣ
Много пива, много пьянаго.
Говорилъ желанный батюшка:
„Мнѣ-ка пить, да не запиваться;
Не промѣняю любовь дочери
Я за винную за рюмочку“.
Выводилъ да злодѣй большой свать
Много злата, много серебра,
Много скатнаго жемчугу.
Говорить родима матушка:
„Серебромъ-то не шлюзы шлюзить,
Золотомъ-то не тыны тынить,
Жемчугомъ да не сады садить“.
Пропились да промотались
Желанные мои родители;
Пропили мою головушку
Не за пивную за кружечку,
Не за винную за рюмочку.

Вѣрно, я молодешенька
 Надоѣла да наскучила!
 Видно, бѣдная я напрокутила
 Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
 Глупымъ малымъ ребячествомъ!
 Я пріѣла молодешенька
 Всѣ я стоги пятигодные
 Да засѣки неисходныя!
 Проносила молодешенька
 Всѣ я цвѣтныя платица!
 Придержала молодешенька
 Всю безсмѣтную золоту казну!
 Какъ при мнѣ да молодешенькѣ
 У моихъ свѣтъ у родителей
 Ужъ какъ въ полѣ не родилоя,
 На дворѣ да не плодилось,
 На столѣ да не спорилось!
 Изживаютъ меня бѣдную,
 Будто врага изъ города,
 Люта звѣря изъ темна лѣса.
 Погоди, родима матушка!
 Схватишься да догодаешься,
 Какъ не будетъ меня бѣдной,
 И по бережку находишься,
 Камешковъ наприбираешься
 И къ сердцу наприжимаешься.
 Рада будешь, красно солнышко,
 Черезъ поле въ глаза видѣти,
 Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
 Черезъ рѣку рѣчь говорити.
 У меня у молодешеньки,
 Будетъ волюшка спрошенная,
 Красота да доложеная.
 Мнѣ захочется тошненько
 На родимую сторонущу,
 Да отхочется скорошенько:
 У мня день пройдетъ спрашаючи,
 Другой день да вздохнувшись.
 Недѣлку снаряжаючись
 На родимую сторонущу:
 Осенью да бездорожьце,
 А весною да безпольце,
 Лѣтомъ лѣтнія работушки,
 Зимой зимушка студеная.
 И не спустятъ меня, бѣдную,
 На родимую сторонущу...
 Ужъ мы свидимся—понаплачемся,
 Разойдемся—натоскуемся.

Одѣваніе невѣсты.

По послѣднему денечку
 Нанесло тучку черную
 Со громами со трескучими,
 Съ молніями со сверкучими
 На батюшковъ высокъ теремъ,
 На матушкину горенку.
 Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
 Съ храбрымъ своимъ поѣздомъ,
 Съ поѣзжанами молодыми.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Соколъ-братецъ, братецъ родименькой
 Голубчикъ златокрыленькой,
 Запонка да воротовая,
 Сердоликъ, дорогой камень.
 Наряжу я молодешенька
 Службицу я не великую,
 Да работку не тяжелую:
 Ты сходи-ка, братецъ-соколъ мой,
 Въ постоялую конюшеньку,
 Ты возьми-ка, братецъ-соколъ мой,
 Что ни лошадь саму лучшую;
 Запряги-ка, братецъ-соколъ мой,
 Въ саночки да въ самокаточки;
 Поѣзжай-ка, братецъ-соколъ мой,
 Въ славный городъ Вытегру,
 Въ лавочки торговыя,
 Закупи-ка, братецъ-соколъ мой,
 Горнитуру мнѣ чернаго
 И шелковъ семи разныхъ.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Тайны, милыя подруженьки,
 Дорогія поровеночки.—
 Вы повышейте, голубушки,
 Заузорчатую занавѣсь:
 Вы на первомъ углу вышейте
 Вы Литву да со татарами;
 На другомъ углу вышейте
 Вы Москву да со боярами;
 Вы на третьемъ углу вышейте
 Царя да со царицею;
 На четвертомъ углу вышейте
 Короля со королицею.
 На середочкѣ же вышейте
 Красно солнышко со мѣсяцемъ
 Да со частыми звѣздочками.
 Ты повѣсь-ко, братецъ-соколъ мой,
 Заузорчатую занавѣсь

Ко крыльцу да ко перильному
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому.
Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ,
Въ городахъ онъ не бывающій,
Мудрости мало выдающій:
Разглядится да рассмотрится
На узорчатую занавѣсь
И оставить молодешеньку
На родимой на сторонущкѣ,
У желанныхъ у родителей.—
Глупая я красна дѣвица,
Неразумная головушка!
Какъ поѣдетъ чужой чужбининъ:
Впереди его вожатые,
Позади же провожатые,
По сторонѣ да сбережатые,
Въ городахъ они бывалые,
Много мудрости видалые,—
Не отпустить молодешеньку
На родимую сторонущку.
Не пускай-ка, братецъ-соколъ мой,
Безъ допросу на крыто крыльцо,
Безъ доклада красной дѣвицѣ.

Благословеніе.

Разодвиньтесь вы, люди добрые,
На всѣ четыре сторонущки!
Допустите вы меня, горькую,
До батюшкиныхъ до рѣзвыхъ ногъ.
Не бѣлая березынька къ землѣ кло-
нится,
А я, горькая, кланяюсь батюшкѣ
Къ рѣзвымъ ногамъ.
Упадаетъ въ ноги отцу и продолжаетъ рыдать у
ногъ, говоря:
Не злата я у тебя, батюшка, прошу,
Ни злата, ни серебра,—
Прошу я у тебя, батюшка, благосло-
венья.
Благослови-ка ты меня, батюшка,
Во чужи люди, во незнамые,
Въ незнамые-незнакомые.
Какъ-то мнѣ, батюшка,
Во чужихъ людяхъ будетъ жить?
Какъ-то мнѣ, родимой,
Чужимъ людямъ будетъ служить?
Во чужихъ людяхъ жить горькохонько,
Во чужихъ-незнакомыхъ
Служить тяжелехонько.

В) Похоронныя причитанія.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 1-ый, стр. 50—52.

Плачь по отцѣ.

Со восточной со сторонущки
Подымались да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Со молоньями да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкову на могилушку...
Расшиби-ка ты, громова стрѣла,
Еще матушку да мать сыру землю!
Развались-ко-ся ты, мать-земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Откройся-ко, да гробова доска!
Распахнитеся, да бѣлы саваны!

Отвалитесь, да ручки бѣлыя,
Отъ ретиваго отъ сердечушка,
Развернитесь, да уста сахарныя!
Обвернись-ко-ся, да мой родимой ба-
тюшка,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ты слетай-ко-ся да на сине море,
На сине море, на Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавчину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-етъ да на высокъ теремъ,—
Ты послушай-ко, родимой батюшко,
Горе-горькихъ нашихъ пѣсенокъ...

Обернись-ко-ся, мой милой ладушка,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ужъ я выйду на широку я на улочку:
Посмотрю я, горе-горькая,
На всѣ на четыре стороны,
Не летитъ-ли моя мила пташечка,
Не несетъ ли мнѣ вѣстку-грамотку!
Ужъ мнѣ ждать будетъ—не дожда-

тисся,
Мнѣ глядѣть—не наглядѣтися:
Ну, нѣтъ мнѣ отъ милаго ладушки,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьца!
А какъ безъ мово-то мила ладушки
Наносятъ на меня люди добрые.

Плачь вдовы.

Какъ бы я въ пространной, богатой
жирушкѣ
Такъ сидѣла бы у трудной у постелюшки,
Я видѣла бы скорую смеретушку.
Если пришла бы каликой перехожой.—
Наладила бы хлѣбъ-соль столовую,
Накормила бы калику перехожую
И оставила бы законную свою семейку;
Если удалымъ дороднымъ добрымъ
молодцемъ,
Я одѣла бы его во цвѣтно платьице,
Дала бы опоясочки шелковые...
Я дарила бы золотой казной безсчетомъ,—
И пооставила законную свою семейку.
Какъ въ проклятой, во несчастной
живу жирушкѣ,
Многоуходны сердечны малы дѣтушки;
У насъ нѣтъ вѣдь хлѣба-соли столо-
вые
И ни славныя одежи молодецкія...
У насъ нѣту золотой казны безсчетомъ;
Такъ не видѣла я законную свою семейку,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ расста-
валася.
Не по силушкамъ крестьянчикамъ ра-
ботушка,

Не по розмысламъ проклятая забо-
тушка...
Какъ буду растить я сердечныхъ сво-
ихъ дѣтушекъ
Безъ своей законной семейки?
Мнѣ въ темномъ лѣсу ли заблудитися.
Али мнѣ упасть да въ кругло малое
озерышко?...
Буду нищей каликой перехожой.
Какъ во чистое во полюшко раздѣять
великая кручинушка,
Такъ съ моей съ великой со кручи-
нушки,—
Вырастать да будутъ лѣсушки дре-
мучіе,—
Ужъ тутъ моей кручинушкѣ не мѣ-
стечко;

Воспрещать будутъ сосѣди спорядобные,
Что зарастать будутъ поля да хлѣбо-
родныя.
Какъ раздѣять мнѣ великая кручи-
нушка?
Я сберу-пойду сердечныхъ своихъ дѣ-
тушекъ,
Не разступится-ль вѣдь матушка сыра
земля?
Кабы матушка сыра земля разступи-
лася,
Я съ дѣтушками сейчасъ схоронилася...

Плачь по мужѣ или по отцѣ.

Голосить вдова или дочь у тѣла покойника въ
правомъ углу избы подъ образами:
Я прошунала-то великое родительско
жаланьице
За горушки-то высокіи, за лѣсушки за
темныи,
За облачки-то за ходячіи, за водушки
стоячіи...
Хоть и сидѣла я, да бѣлая лебедушка,
У трудной у болѣзной у постелюшки
Дочь:
Какъ у свою ли родителя у батюшки,
Жена:
Какъ у свою ли у желаннаго сожи-
теля,
Да не заперла-то я сѣнечекъ рѣшет-
чатыхъ

И не задвинула околенъ стекольчатыхъ.
И допустила злодѣй-скорую смере-
тушку
Въ ту стекольчатку ли что околенку!
И какъ она-то шла, злодѣйка-душе-
губица:
Со синя моря-то она вѣдь шла холодная,
Со чиста гола полюшка она-то шла
голодная,
А кабы видѣли мы скорую смеретушку,
Да кабы знали-вѣдали мы про незва-
ну-ждану гостюшку.
Протопили-бъ скоро-на-скоро мы пе-
чушку,
Обогрѣли-бъ мы незваной гостѣ го-
ренку,
Накормили бы смеретушку мы досыта,
Напоили бы незваную мы до-пьяна,
Коли-бъ только не взяла-бъ родимаго
жаланьца,
Не наслала бы укромной жирушкѣ да
увяданьца...
А она вѣдь насъ, смеретушка, да под-
манула,
Наши всѣ кресьянскія жаланьца она
затула
Какъ крылечушкомъ она вѣдь шла—
да молодой женой,
По новымъ сѣнямъ-то шла вѣдь—крас-
ной дѣвушкой,
Она въ домъ зашла-то къ намъ—ка-
ликой перехожеей,
Обольстила насъ всѣхъ рѣчью ласко-
вой, пригожеей;
И я не взвидѣла, не чаяла, кручин-
ная головушка,
Что подходила-то злодѣйка, что не-
чаянна-незвана смеретушка!
И у перенаго крылечушка она вѣдь
не давалася,
А подъ косевчатымъ окошкомъ не
стучалася,
И въ окошечко-то залетала чернымъ
ворономъ,
И на улчикѣ что прокричала будто
коршуномъ.
Хоть и видѣла, я чуяла, кручинная
голова,шка,
Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ раз-
леталася,

Ясны оченки со бѣлымъ свѣтомъ раз-
ставались.

Дочь:

Я родителя ли батюшку да не гнѣвила,

Жена:

Я свою желаннаго кормильца да не
гнѣвила.

Дочь:

Про жаланьце его великое родитель-
ско да не спросила!

Мнѣ-ко въ комъ искать великаго ро-
дительска жаланьца,

Жена:

Мнѣ-ко въ комъ желать теперь да
ласкова словечушка?

Во жаланномъ ли, родимомъ моемъ
братушкѣ,

Аль въ своей милой скаченой ли жем-
чужинкѣ?

Такъ не знаю я, не вѣдаю, кручинная
голова,шка,

Ты за что покинулъ ли кресьянска
наша жирушка?..

Ты куда-жъ, куда-жъ, [дочь:] мой роди-
тельско [жена: мой сердечушко],
справляешься?

Не во свѣтлое ты платьце что наря-
жаешься?

Во опально черно кафтанишечко ты
одѣваешься,

И на ноженьки-то не сапоженьки ко-
зловые,

А домашніе башмачики ли что хол-
щевые...

И не къ владычному ко Божьему ко
праздничку,

И не на трудну на крестьянскую ра-
ботушку,

А покидаешь насъ ты, бѣдныхъ го-
ловушекъ,

Однихъ ли что на бѣломъ свѣтѣ оди-
нешенекъ,

Среди грязи покидаешь насъ ты на
погибель.

Гдѣ, желанный нашъ, твоя бывшая удаля?

Среди грязи насъ тогда бы не поки-
далъ бы,

На камняхъ подводныхъ насъ не оста-
влялъ бы!

На катучемъ синемъ камушкѣ вѣдь
мы сидимъ,
Хлѣба-соли, [дочь:] батюшко [жена: свѣ-
тушко], теперь мы не ѣдимъ;
Въ лужахъ-подводяхъ-то станемъ мы
валяться,
Горючьми слезьми весь вѣкъ свой за-
ливаются!..

Глуно сдѣлала я, буйная головушка;
Не сходила я въ улички рядовыи,
Не обѣгала я лавочки торговыи,
Не купила листъ бумаженьки гербовой,
Извела я денежки на гробикъ что сос-
новый,

Я списала бы съ лица, со личка бѣлаго;
Я съ [дочь:] батюшки [жена: свѣтушки]
списала бы родимаго,
Я на гербовой бы листъ бумаженьки
списала,

У сердечушка бы я его всегда держала.
И какъ стошнитъ горюшамъ намъ,
побѣднетъ

Дочь:

По своемъ да по родителѣ по ба-
тюшкѣ,

Жена:

По своемъ да по сердешнымъ по му-
женькѣ,
Поглядѣла-бъ въ тотъ часъ на бума-
женьку,

Освѣтило-бъ, будто солнышко, что на-
шу душеньку;

Будто породила снова свою [дочь:] ба-
тюшко [жена: муженька],

Да въ ту пору, въ тоѣ времячко Гос-
поднее

Уму-разуму въ головушку мнѣ не хва-
тило,

Вишь сердечушко-то грусть-тоска сда-
вила,

Золота казна кармашка не груздила!..
А въ торгахъ листа бумажки не слу-
чилось,

Писаречковъ во домахъ да не добилась,
И по моему великому ли что не-
счастьицу,

По несчастьицу и по злодѣйску без-
таланьицу!

Какъ-то жить мнѣ быть безъ [дочь:]
родимаго ли батюшки [жена: муженька],

Какъ смотрѣть-глядѣть на бѣлый свѣтъ
въ окошечко?..

Безъ великаго родительска жаланьица,
Нашей жирушкѣ вѣдь будетъ увя-
даньице!

Въ полѣ вѣтрушки на насъ да прина-
вѣять,

Про насъ добрыи-то люди принабаятъ!
И покинуты въ своей крестьянской
жирушкѣ,

Безъ свою оны родителя, безъ ба-
тюшки,

Самовольныи-то дѣти, безъименныи,
А и всѣ мы вмѣстѣ-то вѣдь безта-
ланьныи!

И не хоробры сыны растутъ безъ ба-
тюшки,

И не красны дочери-то безъ роди-
маго!..

Обращеніе дочери умершаго къ своему брату:

Ты послушай, свѣтушко, братецъ ро-
димей,

Ты послушай моеи рѣчи-то немудрей:
Не доросла что кудрявая рябиночка,
Не дозрѣла боровая ягодиночка,

И ты, свѣтушко, родимый братецъ
мой,

Ты глупешенекъ еще и молодеше-
некъ:

Много надо ума-разума тебѣ въ голо-
вушкѣ,

Много размыслу въ ретливомъ сердце-
чушкѣ:

Какъ вѣдь домъ вести, крестьянскую
работушку,

Управлять тебѣ крестьянску нашу жи-
рушку,

Содержать любимую свою семеюшку!..
Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,

Смотрю, вижу, горькая я горюшка,
Что не бѣлая береза къ земли кло-
нится,

Родный братецъ мой слезьми что об-
ливается!

Дума-думушка бурлака пошибаетъ,
Умъ за разумъ до того ли забѣгаетъ,
Что у братика у мово, да у родимаго,
Какъ по этому спораннему что ут-
рышку,

Кто побудить насъ да на работушку,
Кто раздѣлить ли крестьянску нашу
жирушку?

Какъ опосля-то свою родителя мы
батюшки,

Мы глупешеньки остались, мале-
шеньки!

Лѣсомъ зарастутъ лугови наши па-
шеньки

И задернѣютъ распашисты полюсушки,
Какъ безъ нашего родителя-то ба-
тюшки!

Поворачиваясь къ людямъ, которые вносятъ въ
избу гробъ:

Я гляжу-смотрю, кручинна-то голо-
вушка,

Смотрю-вижу, горькая ли горюшка,
Какъ у нашего крылечка у перенаго,
Стоять плотнички у насъ да все ра-
ботнички:

Про кого же строить-то немшное
строеньеце?

Про кого долбятъ колоду дуба бѣ-
лаго?..

Не прорублены косевчаты окошечки
И не складены-то кирпичъ для теплой
печечки.

Далѣе она упрекаетъ „плотничковъ“ за то, что
они построили домъ для отца не такъ, какъ слѣ-
дуетъ: нѣтъ крыльца—нельзя въ домъ войти;
нельзя узнать, есть ли конь и корова у отца.
Далѣе она жалуется, что отецъ не одѣваетъ на-
ряднаго платья:

Охъ, батюшко ужъ тутъ не одѣвается,
По праздничкамъ жаланный не спра-
вляется...

И не впрягать себѣ коня-то добраго
Онъ во саночки себѣ да во самокат-
ные...

Охъ, что за безсчастья случились
ужасныя:

Я не могла найти, кручинная голо-
вушка,

Что свою родного ли батюшки,

Что своего отца-родителя,

Малыхъ дѣтушекъ хранителя!

Поворачиваясь къ покойнику:

Въ почестномъ онъ лежитъ да въ
большомъ углу,
Что на этой на брусовой онъ лежитъ
на лавочкѣ.

Къ сердцу сложены его-то бѣлы ручечки,
Принакрыты тонкимъ бѣлымъ поло-
тенечкомъ и т. д.

Къ дядѣ, вошедшему въ избу:

И покорю свое ретливо я сердечушко
Что жаланному родителю я—дядюшкѣ
Покорю свое сердечушко покорное
Я умишечко-ль свое незлобное!
Ты послушай-ко, родитель-дядюшко,
Ты теперь намъ будь не дядюшкой,
Будь теперь роднымъ намъ батюшко
и т. д.

Опять обращаясь къ тѣлу отца:

И ты послушай-ко, родитель нашъ
ты—батюшко:
И на кого да насъ, сиротъ, ты поки-
даешь?..
Какъ сегодняшнимъ Господнимъ Бо-
жьимъ денечкомъ
Я оброчку, горюша, обронила,
Потеряшечку, побѣдна, потеряла.

Говорить, что теперь должна идти работать „въ
люди“; вспоминаетъ, какъ ласково обращался съ
нею покойный:

И некому теперь и приголубить,
Словечушко ли ласково промолвить!
Не я отъ берега, горюша, отшатилася,
Не я къ другому-то, горюша, прика-
тилася,
А ты покинулъ насъ, сиротъ ли без-
участныхъ,
Своихъ малыхъ дѣтокъ горемышныхъ

Обращаясь къ матери:

И ты, послушай-ка, родитель мой ма-
тушка,
Какъ сегодняшнимъ Господнимъ Бо-
жьимъ денечкомъ
Получила ты словечико немилое,
Ты немилое словечико—вдовиное.

Она приглашаетъ мать присѣсть около покойника и выпросить у него, какъ она должна растить дѣтей; убѣждаетъ ее съ ними обращаться ласково:

Снеси не давай ретивому сердечушкѣ,
Суровства ты да буйной головушкѣ.

А намъ головушку держать да все
поклонною,

А и сердечушко держать да все
покорное

Передъ милымъ споряднымъ сусѣду-
шкамъ

И свѣтушкомъ братцомъ, да съ роди-
мымъ,

И нашимъ родителемъ-то дядюшкомъ.

Прѣзжаетъ тетка, родная сестра покойника, и у
крыльца начинаетъ голосить:

Ужъ я шла путемъ — широкою доро-
женькой,

Во слезахъ дорожки не видала,
Всѣ колоденки, горюша, притоптала,
Всѣ я камушки, горюша, прищелкала—
Въ слезахъ ништо не различала.

Далѣе она поетъ о томъ, какъ къ ней пришла
печальная вѣсть:

И подломились рѣзвы мои ноженъки,
И преужахнулось ретливое сердечушко,
И обмирать да стала зяблая утробушка
и т. д.

Затѣмъ она сообщаетъ, какое печальное зрѣли-
ще представляетъ собою теперь видъ дома. Сестра
покойнаго отворяетъ дверь въ избу; дочь идетъ
навстрѣчу и голосить:

Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,
Катить-жалуетъ родима наша тетушка!

Затѣмъ дочь проситъ, чтобы она поголосила у
тѣла:

И можетъ, тетушка, хошь ты да пота-
ланнѣе,

И можетъ до тебя онъ будетъ пожа-
ланнѣе,

Спроговорить, быть можетъ, онъ еди-
ное словечушко

И сдѣетъ онъ съ тобою доброе здо-
ровьице,

Что съ тобой, родитель наша тетушка.

Тетка входитъ въ избу и причитаетъ:

Мнѣ-ко крестъ класти, горюшѣ, по
писаному

Мнѣ поклонъ вести, горюшѣ, по уче-
ному,

Мнѣ воздать поклонъ на всѣ четыре
сторонушки:

Во первой я милымъ споряднымъ
сосѣдушкамъ,

А въ особину поклонъ что свѣтушку-
братцу родимому.

Первой-то поклонъ въ рѣзвы ему
ноженъки,

А второй — что супротивъ ретливаго
сердечушка и т. д.

Она говоритъ ему, что если бы знала о его бо-
лѣзни, то пришла бы къ нему сидѣть у постели;
теперь она проситъ его встать и сѣсть съ семьей
за „столы дубовые“, „распивать чай и кофен
горячіе“. Затѣмъ она подходитъ къ покойнику, при-
слушивается и продолжаетъ:

Крѣпко спать нашъ свѣтушка-отецъ
родимый!

Спать кормилецъ нашъ жаланный!

На рѣчи-сты онъ не ставится,

На сговоръ да не сдавается,

И проставлены столы дубовые,

Понастряпаны закусочки сахарныя

Про тебя, про брата-то родимаго.

Ужъ на что же онъ-то не сдавается

И на ѣстухи онъ не кидается?

Покойнаго кладутъ въ гробъ, а вдова его, или
дочь, или наемная вопленица вопять:

Принесли домовище ли что дубовое,

То немшное, хоронное строеньице,

Но сдавайся ты, любимый-то роди-
телько,

Ты со этой со брусовой-то со ставочки

Что во это во хоронное строеньице
и т. д.

Когда везутъ покойника въ церковь:

Какъ попряжены ступисты-то лоша-
душки

Во эта-то во дровни въ дубовыя,

Повезутъ они родителя жаланнаго

Далеко-то что отъ домушка родимаго.

Не везите-тко, ступисты вы лошадушки,

Оступитесь-ко вы на дорожкѣ на
широкой и т. д.

У церкви:

Добры конюшки опять остановились,
Знать, они везти-то утомились,
Путь-дороженька теперь да миновалася,
Добры денечки на вѣкъ что скоро-
тались!

Привезли-ка родителя-то батюшку
Какъ къ этой Божьей церкви посвя-
щенной,
Ко ея святой оградѣ позлаченной!

Въ церкви послѣ отпѣванья:

Воску яраго свѣщи да догорають,
Херувимски стихи-то допѣвають,
И батюшкино бѣлое лицо что укрывають,
А наше горе горькое ли умножаютъ!..

Къ священнику:

Спасенъ вамъ Богъ, попы, отцы ду-
ховные,
Вы—служители церковные,
Вы священны церкви да отмыкали,
Ужъ вы черныя ли ризы надѣвали,
Божьи книги вы да открывали,
Херувимскіе стихи что воспѣвали,
Воску яраго свѣщи да сожигали!

На могилѣ:

Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,
Опускають что родителя-то батюшку
Во могилушку да во сыру землю
И въ погреба его да во глубокіи...
Призасыпали родителя желтымъ пес-
комъ,
Прикатали на могилу катуци бѣлы
камешки
На могилушку да на умершую,
На тою ли душеньку отшедшую.
И поставили что крестъ животворящій
Наше горе, горе горькое ли надрываю-
щій!
Ты послушай-ко, родитель-свѣтъ нашъ
батюшко,
Когда ждать тебя въ любимо во го-
стибище?
По утрышку ли тебя ждать ранешенько,
Али по вечеру тебя да вотъ поздне-
шенько,

Али въ полночь ждать по свѣтлому
по мѣсяцу?

Хоть ты по утрышку приди — да гор-
ностаюшкомъ,
Али по вечеру — да сѣрымъ заюшкомъ,
Ай въ полночь — да перелетною пти-
цынькой.

И буду я сидѣть, кручинная головушка,
У этого косевчата окошечка... и т. д.

Всѣ ее утѣшаютъ: „И полно, бѣдна, слезами не
воротись вѣдь: веѣмъ тамъ быть, да не веѣмъ
вдругъ: по всѣхъ у Господа порука взята! Эхъ
ты, кручинная головушка!“ Она отвѣчаетъ:

Здай-те волю мнѣ, спорядные сосѣ-
душки!

Ужъ долить меня велика кручинушка,
Ошибать меня велика обидушка...
Не жалѣй, тетка, кручинныя голо-
вушки!

И со кручинушки смеретушка не
приде,
Со обидушки душа съ грудей не выйде.
Текутъ слезы у меня — да не скатенъ
жемчугъ,

У меня, у бѣлой у лебедушки...
И на насъ, да на побѣдныхъ головушекъ,
Не по старому печи что красно буде
солнышко,

Не по старому оно, да не по преж-
нему и т. д.

С) Плачи по рекрутѣ.

Въ избѣ много народу. Мать вопить:

Я чего да сижусь, мать бѣдна, без-
счастливая,
Сирота теперь сижусь да безпріютная
И на брусовой сижусь да бѣлой лавочкѣ,
И подъ печальнымъ косевчатымъ око-
шечкомъ,
И подъ туманной стекольчатой око-
ленкой;
Я сижусь, бѣдна горюша, призадумавши
И чужихъ бѣсенокъ, горюша, пріослу-
хавши.
Подивуютъ мнѣ-ка добры эти люди-
шки

И посрѣкаются спорядныи сусѣдушки:
И знать, на радости сидить да на ве-
сельицѣ
И на великой, знать, Господней Бо-
жьей милости.
И што вѣдь прибрались народъ да
люди добрыи:
И не весельице у насъ, да не заба-
вушки,
И не тихии смиреннии бесѣдушки,
И не честное у насъ да пированьице.
Нонь какъ этымъ учётнымъ долгимъ
гѣдышкомъ
И сочинилась грозна служба госуда-
рева,
И сволновался непріятель земли рус-
ской,
И присылать стали указы государевы
И собирать стали удалыхъ добрыхъ
мѣлодцевъ
Какъ на сходку вѣдь теперь да на
общественну.

Далѣе она поетъ, какъ „судьи неправосудныи“
стали вѣхъ записывать собранныхъ на гербовую
бумагу, какъ вѣхъ повели вынимать „жеребія ду-
бовыя“.

Вотъ похаживать сердечно мое ди-
тятко
И онъ по доброму хоромному стро-
еньицу
И да онъ буйной-то головушкой пока-
чивать,
Онъ жолтыма кудеркама потряхивать
И молодецкима-то ручкама помахивать
И онъ на память-то словечка спрого-
варивать
И говорить столько скачоная жемчу-
жинка:
„Знать, судьба моя теперь да все не-
счастливая,
Сустигае, видно, жизнь да не таланная,
Сустигае грозна служба государева,
И на роду, да видно, служба мнѣ упи-
сана
И видно на дѣлу, бурлаку, доставав-
лася!“

Тутъ онъ смѣхне свои бѣлы эти ру-
ченьки
И на бурлацку молодецкую головушку
И на завивныи на желтыи кудѣрышка

И не жаліе молодецкихъ кудеръ жол-
тыхъ
И съ горя рветъ да свои жолтыи ку-
дѣрышка.
Тутъ онъ смѣхнеть молодецки бѣлы
рученьки,
Онъ на эту на грудь да молодецкую
И подожметъ свое ретливое сердце-
чушко,
„И не тоскуй да молодецкое сердце-
чушко,
Не унывай да молодецкая утробушка“.

Далѣе она представляетъ себѣ, какъ онъ будетъ
разговаривать съ сосѣдами, жаловаться на свое
горе:

И я не пьянъ, да съ горя, молодецъ,
шатаюся;
Безъ воды да рѣзвы ножки подмываетъ,
Безъ огня мое сердечко разгорается,
Безъ смолы моя утроба раскипляется,
Дума думушку бурлака пошибаетъ.

Она представляетъ себѣ, какъ онъ прощается съ
дѣвушками, просить старушекъ о немъ помолиться,
какъ онъ будетъ прощаться съ ней. Продолжаетъ
она свой вопль такъ:

Я гляну, смотрю, побѣдная головушка,
И на печальное сердечно свое дитятко:
И какъ не бѣлая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумѣлася,
Добрый молодецъ кручиной убивается
и т. д.

Пріѣзжаютъ за рекрутами земскія власти; мать во-
питъ:

И прошелъ денечикъ теперь да не ви-
даются
И красно солнышко ко западу дви-
гается,
И ко крылечку судьи да подѣзжаютъ,
И тутъ подогнаны ступистыя лоша-
душки.

Она рассказываетъ, какъ земскіе приказываютъ
ея сыну приготовляться къ отъѣзду, какъ онъ
ужаснулся:

И какъ у моего сердечнаго у дитятка
И подломились да тутъ рѣзвы его но-
женьки,
И подрожали молодецки бѣлы рученьки,

И поблекло его бѣлое тутъ личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко
И красота съ лица у свѣтушка стеря-
лася

И съ горя желтыи кудерки развѣваются,
И хоть одѣтъ да онъ во цвѣтное во
платице,

Хоть надѣты вѣдь тулупы одинцовыя
И не цвѣтетъ теперь цвѣтно на немъ
платице,

И не красить да добра молодца по-
крутушка,

Не согрѣвать да кунья шубка собо-
линая.

Она обращается къ „судьямъ“ съ просьбой отпу-
стить сына хоть на одну ночь, предлагаетъ за это
деньги.

Схиму-спрячу я скачоную жемчужинку
Я отъ этихъ властей немилосердыхъ,
Я отъ этихъ судей неправосудныхъ.
Я запру да вѣдь во свѣтлу его свѣт-
лицу,

Я на эту на тесовую кроваточку,
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболинымъ одѣялышкомъ,
Призадвину я ситцевы занавѣсочки;
И отвѣчать буду судьямъ да я обма-
нывать:

„Приотправила сердечно мое дитятко,
Онъ ко городу уѣхалъ ко Петровскому,
И онъ не ждалъ да васъ властей вѣдь
милосердыхъ,

Онъ казеннаго не ждалъ да все изво-
щичка!“

И пораздумаюсь побѣднымъ умомъ-ра-
зумомъ,

Нынѣ не скроешь-то сердечнаго вѣдь
дитятка,

Времена теперь пошли да все бѣдовыи,
Хитроумны стали власти страховитыи.

Она проситъ позволенія сыну прокатиться по де-
ревнѣ съ товарищами, чтобы они сѣли ему „сол-
дацку пѣсенку“. А сама обращается къ сыну съ
предложеніемъ воспользоваться разрѣшеніемъ и
скрыться на время отъ судей.

Рекрутъ къ судьямъ.

И какъ у нашего хоромнаго строеньица,
Какъ у этого крылечика перенаго,

Какъ у этого столба да у точенаго
Есть надогнаны ступистыи лошадушки
И подъ меня да подъ безсчастна добра
молодца и т. д.

Онъ проситъ судей позволить ему проститься съ
дворомъ, сараями, коровой и конемъ.

Мать къ молодцамъ.

И вы послушайте, удалы добры мо-
лодцы,

И ужъ вы милы и любимы поровеч-
ники,

Да вы спойте хоть унылу ему пѣсенку
И взвеселите вы скачоную жемчужинку.
И ты пройди да вѣдь, удалой доброй
молодецъ,

И по прогулушкѣ по широкой по уличкѣ,
И ты мѣняй свою кручину на ве-
сельице,

И ты обидушку свою на доброумьице
и т. д.

Рекруты ѣдутъ кататься по деревнѣ, мать вопить
своему сыну, представляя, какъ онъ ѣдетъ, какъ
онъ со всѣмъ прощается. Съ гулянья заѣзжаютъ
въ церковь, мать вопить, обращаясь къ Богоро-
дицѣ, просить у нея защиты. Затѣмъ въ причита-
ніяхъ принимаетъ участие тетка, которая встрѣ-
чаетъ заѣхавшаго къ ней племянника тоже воп-
лями. Другіе родственники и сосѣдки тоже восхва-
ляютъ рекрута, жалѣютъ его и мать. Рекруты
тоже отвѣчаютъ воплями:

И спасетъ Богъ, да сдвуродима мила
тетушка,

И на твоёмъ складне-умильномъ при-
читаньицѣ,

И на твоихъ да на рассказахъ право-
сущихъ,

Ужъ какъ я да разбезсчастной добрый
молодецъ

И безталанная побѣдная головушка.

Онъ жалуется, что всѣ въ отношеніи къ нему из-
мѣнились: друзья отшатнулись:

И подойду я къ нимъ удалой доброй
молодецъ

И въ глаза-то мнѣ оны да приле-
щаются

И по сторонѣ оны служивымъ наре-
каютъ;

И говорятъ да тамъ сусѣди спорядовыи:
„Не участникъ онъ участковъ деревен-
скихъ

И не дѣльщикъ онъ крестьянскаго вѣдъ
полюшка

И не косецъ да на луговыхъ буде по-
женкахъ“.

И во глаза лестятъ дружье-братья
пріатели

И по заглазью-то оны да спроговари-
ваютъ:

„И вонъ казенный-то солдатушко по-
хаживае,

И горемыка-то удалая погуливаетъ!“

И подойду да я ко краснымъ ко дѣ-
вушкамъ,

И вѣдъ тутъ да мнѣ, безчастну, не
весельице

И красны дѣвушки меня да сторони-
лись,

И бывъ чужанина меня да полоши-
лись

И вдругъ подрѣже тутъ побѣдно рет-
ливо сердце

И пустылая родима каже родинка!

Въ вопляхъ принимаютъ участіе и тѣ, у кого въ
солдатахъ есть близкіе. Разсказывается ужасная
жизнь солдатъ, выражается желаніе, чтобы ре-
крутъ вернулся въ родной домъ.

И большакомъ да тебя въ домъ-то,
настоятелемъ,

И тебя пахаремъ на чисто взадъ на
полюшко

И сѣнокосцемъ на лугови на пожинки

И сѣвчемъ да на распахисты поло-
сушки

И рыболовушкою на сине на Онегушко.

У рекрута просятъ разузнать что-нибудь о
судьбѣ тѣхъ близкихъ, кто въ солдатахъ. Живо
представляется сцена, какъ два солдата гдѣ-ни-
будь сойдутся, будутъ вспоминать родныхъ. Тя-
жесть ихъ жизни описывается такъ:

И какъ у этихъ у солдатушковыхъ без-
частныхъ,

И въ крѣпкой сонъ да у солдатушковыхъ
не забравось,

И тутъ повыстали солдатушки побѣдными
И какъ со этихъ оны какъ со казен-
ныхъ

И тутъ Ісусову молитву сотворили,
И во слезахъ глаза солдатушки кре-
стили;

И не ключевоеи водой да умывались,
И какъ не въ бѣло полотно да утира-
лись,

И умывались солдаты горючмы слезмы,
И утирались великою обидушкой,

И обували сапоженки тутъ казенныи
И на плечушки шанельчишки походныи,

И крѣпко на крѣпко сердечко подтя-
гали;

И приходили хотя дядьки-то со стар-
шима

И ихъ повывели на широку на уличку.

И ихъ въ шариночку солдатовъ стано-
вили

И по единушкѣ солдатовъ выкликали,
И во походныи солдаты назначали;

И какъ въ шариночкѣ побѣднушки
стояли,

И ужъ такъ да камендеры надрыга-
лись,

И какъ стояли бы солдаты умильне-
шенько

И привыкали бы къ ученію хорошо-
хонько.

И насупротивъ стоимъ, побѣдны мы
головушки,

И по близешеньку вѣдъ насъ не под-
пускають

И какъ злодѣи-камендеры скрозекозныи

И нѣту душеньки у нихъ да во бѣ-
лыхъ грудяхъ,

И нѣту совѣсти у нихъ да во ясныхъ
очахъ

И нѣтъ креста-то вѣдъ у ихъ да на
бѣлой груди.

Всѣ эти начальники „нерусскіе“ — имъ чужды
слезы матерей, женъ и сестеръ: „пожарными тру-
бами“ „тушатъ они пожаръ въ ретливыхъ сердце-
чушкахъ“ и т. д. О женатомъ рекрутѣ уже во-
пить больше всего жена.

Заговоры.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 1-ый, стр. 50.

Заговоръ на удачную ловлю звѣрей.

Встану я, рабъ такой-то, благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, шитымъ бранымъ полотенчикомъ утрюсь, пойду изъ избы, со отцомъ прощусь, съ матерью благословлюсь. Пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ сѣни, изъ сѣней на крылечко, съ крылечка по лѣстницѣ въ чистое поле, въ твердые заводы, въ восточную сторону, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды! Ясной зорей одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опотычусь; пойду я, рабъ такой-то, со своимъ желѣзнымъ кляпцомъ въ темные лѣса, въ восточную сторону, въ чистое поле, а въ чистомъ полѣ лежитъ бѣль горючъ камень; стану я, рабъ такой-то, къ востоку лицомъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыре стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мнѣ, рабу такому-то, за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцевъ ловити; куницъ, и лисицъ, и сѣрыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей рысей загоняти и залучати, чтобы бѣжали по своей ступи и по своей тропѣ безопасно, на сторону не отмятывались и взадъ не ворочались. И сохраните меня, раба такого-то, съ моимъ желѣзнымъ кляпцомъ отъ урока и призора, отъ стрѣшника и поперешника, отъ колдуна и отъ повѣтра, отъ двоезубыхъ и троезубыхъ, отъ кривыхъ и слѣпыхъ, отъ русоволосыхъ и бѣловолосыхъ, и черноволосыхъ, и отъ пустоволосыхъ, отъ дѣвки и отъ парня, чтобы имъ меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына: тынъ желѣзной, а другой мѣдной, третей булатной; замки, заменитесь, отнесите, ключи и замки; чтобы эти ключи лежали тамъ безопасно... А мнѣ рабу такому-то, скокъ крѣпокъ и жестокъ! Въ синемъ морѣ синій камень, въ черномъ морѣ черной камень, въ бѣломъ морѣ бѣлой камень. Сей мой заговоръ.

Заговоръ отъ порѣза.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣль горючъ камень Алатырь; на томъ камнѣ Алатырѣ сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба такого-то отъ порѣзу. Булатъ, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я раба такого-то отъ двѣнадцати скорбныхъ недуговъ; отъ трясавицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ ломоты, отъ колотья, отъ дерганья, отъ морганья, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, влая трясавица, уймись, а не то проклянѹ въ таръ-тарары; ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербежъ, прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты, стрѣльба, остановись, а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельницѣ; ты, морганье, открутись, а не то въ печи банной засушу; ты, слѣпота, скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю; ты, глухота, исчезни, а не то засмолю въ бочку и по морю пушу; ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Заговоръ отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.

Разрыдалась я, родная, раба такая-то, въ высокомъ теремѣ родительскомъ, съ красной утренней зори, во чисто поле гляючи, на закатъ ненагляднаго дитятки своего, яснаго солнышко — такого-то. Досидѣла я до поздней вечерней зори, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною, и возговорила зычнымъ голосомъ.

Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку, такого-то, надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчою обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарныя, очи ясныя, чело думное, ланиты красныя, освѣчаю свѣчою обручальною его становой кафтанъ, его шапку соболиную, его подпоясъ узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодечье, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, свѣтлѣе солнышка яснаго, милѣе вѣшняго дня, свѣтлѣе ключевой воды, бѣлѣе яраго воска, крѣпче камня горячаго Алатыря. Отвожу я отъ тебя чорта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужого домового, отъ злого водяного, отъ вѣдьмы кіевской, отъ злой сестры ея муромской, отъ моргуньи русалки, отъ треклятыя Бабы-Яги, отъ лету-

чаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуньи заслоняю отъ Кощея-Ядуна, отъ хитраго черноокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпота знахаря, отъ старухи вѣдуньи. А будь ты, мое дитятко, моимъ словомъ крѣпкимъ—въ нощи и въ полунощи, въ часу и въ получасѣ, въ пути и дороженькѣ, во снѣ и на яву—укрыть отъ силы вражя, отъ нечистыхъ духовъ, сбережень отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохранень на водѣ отъ потопленія, укрыть въ огнѣ отъ сгорѣнія. А придетъ часъ твой смертный, и ты вспомани, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ.

А будь мое слово: сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпчае горячаго камня Алатыря, могучае богатыря. А кто вздумаетъ моего дитятку обморочить и узорочить, и тому скрывается за горы Араратскія, въ бездны преисподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палючій. А будутъ его чары—ему не въ чары, морочанье его не въ морочанье, узорчанье его не въ узорчанье.

Заговоръ на тоску доброму молодцу по красной дѣвицѣ.

Стану я, раба такая-то, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зорѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матери, безъ материна молока, не можетъ жить, такъ бы рабъ такой-то, безъ рабы такой-то, не могъ бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зорѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ, ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся, тоска, вѣдайся, тоска, въ грудь, въ сердце рабу такому-то, разрастись и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ такой-то.

Былины (старины).

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 1, стр. 56.

I. Старшіе богатыри.

Святогоръ.

Снарядился Святогоръ во чисто поле
гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣ-
ряться,

А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжё-
лаго бремени.

Вотъ и говоритъ Святогоръ:

„Какъ бы я тяги нашёлъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку перемётную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку:
она не скрянется,

Двинетъ перстомъ ее—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою—не подымется.

„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакаго чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:

Маленькая сумочка перемётная
Не скрянется, не сворохнется, не по-
дымется!“

Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течётъ.
Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать
не могъ,

Тутъ ему было и кончаніе.

Ѣздилъ-то старъ да по чисту полю,
Вѣхалъ старъ да Святыя горы,
Да наѣхалъ старъ да на богатыря.

А богатырь ѣдетъ на кони, да дрём-
летъ онъ.

„Что это за чудо есть,
Сильніе могучіе богатыре
Могъ-бавыспаться да во бѣломъ шатри?“
Да розѣхался Илья Муромецъ,
Да ударилъ богатыря крѣпко-на-крѣпко.
Богатырь ѣде все впередъ.

„Ахъ да что я за сильніи богатыре,
Отъ моей руки никакой богатырь не
могъ на кони усидѣть,

„Дай-ко розѣдусь во вторые разъ“.
Какъ розѣхался Илья Муромецъ,
Да ударилъ крѣпко-на-крѣпко,
Богатырь ѣде все впередъ.

„Что это за чудо есть,
Видно я ударилъ худо ево“.
Какъ розѣхался Илья да онъ вѣдъ въ
третій разъ,
Какъ ударилъ богатыря крѣпко-на-
крѣпко,

Да ударилъ ево плотно-на-плотно,
Тутъ-то богатырь пробудился ото сна.
Хватилъ-то Илью да своей правою рукою,
Положилъ-то Илью да къ себѣ въ кор-
манъ,

Возилъ-то Илью да двои сутки,
Да на третьи сутки конь и сталъ по-
тыкаться,

У коня-то стали ножки подгибаться.
Какъ ударилъ Святогоръ да своево
добраго коня:

— Что ты, конь, потыкаешься?—

Говорилъ-то конь таково слово:

„Какъ мнѣ-ка-ва да не поткнутися?

Вожу я третьи сутки
Двухъ сильніехъ могучіехъ богатырей,
Третьёго вожу коня да богатырскаго“.
Тутъ Святогоръ вынималъ Илью да изъ
кормана вонъ,

Но раздернули шатеръ бѣлополотняной,
Стали съ Ильей да опочивъ держать.

А побратались они крестами съ Ильей Муромцемъ,
 Назвались они крестовыма братьями.
 Но ѣздили гуляли по Святымъ горамъ,
 Съѣзжали-то они да со Святыхъ вѣдь горъ
 На тѣ ли на площади широкія,
 На тѣ ли лужка они зеленые.
 Какъ увидѣли-то они чудо чудное,
 Чудо чудное да диво дивное,
 Какъ состроенъ стоитъ да вѣдь бѣлой гробъ.
 Говорилъ-то Илья да таково слово:
 — Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
 Для ково-жъ этотъ гробъ состроенъ есть?—
 Сходили они да съ кѣней добрыхъ,
 Ложился-то Илья да во сей-отъ гробъ,
 А Святогоръ-отъ говорилъ да таково слово:
 „Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
 Не для тебя сей гробъ состроенъ есть,
 Дай-ко я вѣдь лягу да во сей-отъ гробъ“.
 Дакъ легъ Святогоръ во сей гробъ спать,
 Говорилъ Святогоръ да таково слово:
 „Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
 Да закрой-ко меня дощечками дубовыми“.
 Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
 „Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
 Хорошо здѣсь во гробѣ жить.
 Ну-тко, крестовой мой ты брателко,
 Открой-то дощечки дубовые“.
 Какъ Илья Муромецъ сталъ открывать дощечки дубовые,
 Да не можетъ оторвать никакой доски.
 — Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
 Не могу я открыть никакой доски.—
 „Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
 Да Илья вѣдь Муромецъ!
 Бей-ко своей боевою-то палицею“.
 Илья-то началъ палицей бить:
 Куды ударить—туды обручи желѣзные.
 Говорилъ-то Илья да таково слово:

— „Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
 Куды ударю—туды обручи желѣзные“.—
 Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
 „Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
 Видно мнѣ-ка тутъ Богъ и смерть судилъ“.
 Тутъ Святогоръ и помирать онъ сталъ,
 Да пошла изъ его да пѣна вонъ.
 Говорилъ Святогоръ да таково слово:
 „Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
 Да лижи ты возьми вѣдь пѣну мою,
 Дакъ ты будешь ѣздить по Святымъ горамъ,
 А не будешь ты бояться богатырей
 Никакого сильняго могучаго богатыря“.

Волхъ Всеславьевичъ.

А и на небѣ просвѣта свѣтелъ мѣсяцъ,
 А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
 Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
 Подрожала сыра земля,
 Стряслось славно царство Индѣйское,
 А синее море сколебалося
 Для ради рожденья богатырскаго
 Молода Волха Всеславьевича;
 Рыба пошла въ морскую глубину,
 Птица полетѣла высоко въ небеса,
 Туры да олени за горы пошли,
 Зайцы, лисицы по чащицамъ,
 А волки, медвѣди по ельникамъ,
 Соболи, куницы по островамъ.
 А и будетъ Волхъ въ полтора часа,
 Волхъ говорить, какъ громъ гремитъ:
 „А и гой еси, сударыня матушка,
 Молода Марѣа Всеславьевна!
 А не пеленай во пеленку червчатую,
 А не пояси во поясы шелковыя,—
 Пеленай меня, матушка,
 Въ крѣпки латы булатныя,
 А на буйну голову клади златъ шоломъ,
 По праву руку палицу,
 А и тяжку палицу свинцовую,
 А вѣсомъ та палица въ триста пудъ“.
 А будетъ Волхъ семи годовъ,
 Отдавала его матушка грамотѣ учиться,
 А грамота Волху въ наѣкъ пошла;

Посадила его ужь перомъ писать,
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры научился Волхъ ко премуд-
ростямъ:

А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ
Волхъ

Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ—золо-
тые рога.

А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину при-
бирать,

Дружину прибиралъ въ три года,
Онъ набралъ дружины себѣ семь ты-
сячей;

Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву:
Индѣйскій царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь
взять,

А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ;
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и
по раменью,

А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы—любимый кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ.
Волхъ поилъ, кормилъ дружину хо-
робрую,

Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцовъ—
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнные шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,

А и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску
нѣтъ.

А поилъ-кормилъ дружинушку хо-
робрую,

А всѣ у него были яства перемѣнные,
Перемѣнные яства, сахарныя.

А сталъ онъ Волхъ вражду чинить:
„А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много не мало васъ семь тысячей,
А и есть ли, братцы, у васъ таковъ
человѣкъ,

Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про его буйну голову Батыевичу?“

Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы:
„Нѣтъ у насъ такого молодца,
Опрічь тебя Волха Всеславьевича“.

А тутъ таковой Всеславьевичъ
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ—золо-
тые рога,

Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому,
Онъ первый скокъ за цѣлу версту ско-
чилъ,

А другой скокъ не могли найти;
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко царству Индѣйскому—
И будетъ онъ во царствѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ палаты царскія,
Ко тому царю Индѣйскому,
И на то окошечко косящатое.

А и буйные вѣтры по насту тянуть,
Царь со царицею въ разговоры гово-
рить.

Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:

„А и гой еси ты, властный Индѣйскій
царь,
Изволишь ты наряжаться на Русь
воевать,

Про то не знаешь, не вѣдаешь,
А и на небѣ просвѣта свѣтелъ мѣсяцъ,
А и въ Кіевѣ родился могучъ богатырь.
Тебѣ, царю, сопротивничекъ“.

А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Сидючи на окошкѣ косящатомъ,

Онъ тѣ-то-де рѣчи повыслушалъ,
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повыви-
малъ,

А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Залился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей дружинѣ хоробрыя;
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ мо-
лодцовъ:

„Гой еси вы, дружина хоробрая?
Не время спать, пора вставать,
Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому“.
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной:
Крѣпка стѣна бѣлокаменна.
Ворота у города желѣзныя,
Крюки, засовы всѣ мѣдныя,
Стоять караулы дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзано,
А и только въ вырѣзу мурашу пройти;
И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорятъ таково слово:

„Потерять будетъ головки напрасныя,
А и какъ намъ будетъ стѣна пройти“.
Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ,
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мураш-
ками,

Прошли они стѣну бѣлокаменну
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ
Въ славномъ царствѣ Индѣйскимъ;
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ от-
даетъ:

„Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индѣйскому,
Рубите стараго, малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена,
Оставьте только вы по выбору,
Не много не мало семь тысячей
Душечки красныя дѣвицы“.
А и ходить его дружина по царству
Индѣйскому,

А и рубить стараго, малаго,
А и только оставляютъ по выбору
Душечки красныя дѣвицы;
А самъ онъ Волхъ во палаты пошелъ,
Во тѣ во палаты царскія,
Ко тому царю ко Индѣйскому:
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки, пробой по булату злачены.
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичъ:
„Хотя нога изломить, а двери выста-
вить“.

Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробой булатныя,
Онъ беретъ царя за бѣлы руки,
А славнаго царя Индѣйскаго
Салтыка Ставрульевича,
Говоритъ тутъ Волхъ таково слово:
„А и васъ-то царей не бьютъ, не каз-
нять“.

Ухвата его, ударилъ о кирпичатый
полъ,

Расшибъ его въ крохи...

И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молодую Елену Александровну.
А и та его дружина хоробрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася,
А и молодой Волхъ тутъ царемъ на-
сѣлъ,

А то стали люди посадскіе;
Онъ злата, серебра выкатилъ.
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

Вольга Святославовичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославовичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Похотѣлся Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ
моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ
поляхъ;

Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темныя лѣса.

Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружиную хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ еще Вольга во тридцатыхъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ—Гурчевцомъ,
Другимъ городомъ—Орѣховцемъ.
Третьимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославовичъ
Со своею дружиною хоробрую
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольище чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружиною хороброю,
А не могъ онъ до ратая доѣхать.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхать:
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья;
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ:
Въ край онъ уѣдетъ—другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду
валить.

Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовать,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Поди-тко, Вольга Святославовичъ,
Со своею со дружиною хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьян-
ствовать!

Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь
держишь?
Со своею со дружиною хороброю?
„Ай-же ты, ратай-ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Къ первому городу—ко Гурчевцу,
Ко другому городу—Орѣховцу,
Ко третьему городу—ко Крестьяновцу“.
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай-же, Вольга Святославовичъ!
А недавно я былъ въ городни, третьеве-
дни,

На своей кобылѣ соловоей,
Увезъ я оттолъ соли столько два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики всѣ разбойники,
Оны просятъ грошей подорожныхъ;
А былъ я съ шалыгой подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоялъ, тотъ и сидя си-
дитъ,
А который сидя сидѣлъ, тотъ и лежа
лежитъ.

Говорилъ Вольга таковы слова:
„Ай-же, оратай-оратаюшко,
Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай-же, Вольга Святославовичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не для-ради мужика деревенщины.
Какъ бы сошку съ земельки повыдер-
нути,

Изъ омѣшковъ земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?
Молодой Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ съ дружиною хо-
робрыя

Пять молодцовъ могучихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдер-
нули,

Изъ омѣшковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинка хоробрая,
Пять молодцовъ могучихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовая:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,

А не могут сошки съ земельки по-
выдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ;
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшковъ земельки по-
вытряхнуть,

Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинишку хо-
робрую:

Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошку съ земельки повы-
дернути,

Изъ омѣшковъ земельки повытряхнули,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Подѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой,
Къ этой ко сошкѣ кленовой:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и подскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь остается.

Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:

„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была,—
За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.

Говорить оратай таковы слова:

— Глуный Вольга Святославговичъ,
Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ
матушки

И заплатилъ за кобылку пятьсотъ ру-
блей:

Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.

Говорилъ Вольга Святославговичъ:

„Ай-же ты, ратай-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отчеству?“

Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай-же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

II. Младшіе богатыри.

Исцѣленіе Ильи Муромца.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три
года;

Пришли къ нему нища братія,
Самъ Исусъ Христосъ, два апостола:
„Ты поди, Илья, принеси испить!“
— Нища братія, я безъ рукъ — безъ
ногъ!

„Ты вставай, Илья, насъ не обманы-
вай!“

Илья сталъ вставать — ровно встрѣпа-
ный;

Онъ пошелъ — принесть чашу въ пол-
тора ведра,

Нищей братія сталъ поднашивать;

Ему нищи отворачиваютъ;

Нища братія у Ильи спрашивали:

„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ си-
лушки?“

— Отъ земли столбъ былъ бы до нѣ-
бушки,

Ко столбу было золотѣ кольцо,
За кольцо бы взялъ, святѣ русску по-
воротилъ!

„Ты поди, Илья, принеси другу чашу!“

Илья сталъ имъ поднашивать;

Они Ильѣ отворачиваютъ.

Выпивалъ Илья безъ отдыха

Большу чашу въ полтора ведра.

Они у Ильи стали спрашивать:

„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ си-
лушки?“

— Во мнѣ силушки половинушка.
 Говорятъ калики перехсжіе:
 „Будешь ты, Илья, великій богатырь,
 И смерть тебѣ на бою не писана:
 Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
 И со всею поленицею удалою,
 А только не выходи драться
 Съ Святогоромъ богатыремъ:
 Его и земля на себѣ черезъ силу носить;
 Не ходи драться съ Самсономъ бога-
 тыремъ:
 У него на головѣ семь власовъ ангель-
 скихъ;
 Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
 Его любить матушка сыра-земля;
 Не ходи еще на Волгу Сеславъича:
 Онъ не силою возьметъ,
 Такъ хитростью-мудростью.
 Доставай, Илья, коня себѣ богатыр-
 скаго,
 Выходи въ раздольице чисто-поле:
 Покупай перваго жеребчика,
 Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
 Ты по три noci жеребчика въ саду
 поваживай
 И въ три росы жеребчика выкатывай,
 Подводи къ тыну ко высокому:
 Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ
 перескакивать,
 И въ ту сторону, и въ другую сторону:
 Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
 Будетъ носить тебя“.
 Тутъ калики потерялися.
 Пошелъ Илья къ родителю ко ба-
 тюшку
 На тую на работу на крестьянскую:
 Очистить надо палъ отъ дубья-колоды.
 Онъ дубье-колоды все повырубилъ,
 Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
 А самъ и сшелъ домой.

—
 Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
 Не бумажные листочки разстилаются:
 Разстилается сынъ передъ батюшкой,
 Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
 „Охъ ты гой еси, родимый милый ба-
 тюшка!
 Дай ты мнѣ свое благословеньице:
 Я поѣду въ славный стольный Кіевъ-
 градъ,

Помолиться чудотворцамъ Кіевски мт.
 Заложиться за князя Володиміра,
 Послужить ему вѣрой-правдою,
 Постоять за вѣру хрисьянскую“.
 Отвѣчаетъ старой хресьянинъ Иванъ
 Тимоѣевичъ:

— Я на добрыя дѣла тебѣ благосло-
 венье дамъ,
 А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
 Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
 Не помысли зломъ на Татарина,
 Не убей въ чистомъ полѣ хрисьянина.
 Поклонился Илья Муромецъ отцу до-
 земли,
 Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
 Поѣхалъ онъ во чисто поле.
 Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
 Пробивать кожу до черна мяса;
 Ретивой его конь осержается;
 Прочь отъ земли отдѣляется,
 Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
 Чуть пониже облака ходячаго.
 Первый скокъ скочилъ на пятнадцать
 верстъ;
 Въ другой скочилъ—колодязь сталъ;
 У колодязя срубилъ сырой дубъ,
 У колодязя поставилъ часовенку,
 На часовнѣ подписалъ свое имячко:
 „Ѣхалъ такой-то сильный, могучій бо-
 гатырь,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ“;
 Въ третій скочилъ — подѣ Черниговъ-
 градъ.

Илья подѣ Черниговомъ.

Старый козакъ Илья Муромецъ
 Поѣхалъ на добромъ конѣ
 Мимо Черниговъ-градъ:
 Подѣ Черниговомъ силушки чернымъ
 черно,
 Чернымъ черно, какъ черна ворона.
 Припустилъ онъ коня богатырскаго
 На эту силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать и копьемъ ко-
 лоть,
 Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ
 времени,
 И подѣхалъ онъ ко городу ко Черни-
 гову.

Приходятъ мужики къ нему черниговцы;
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ-градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
„Ай-же вы, мужики-черниговцы!
Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ“.
Говорили ему мужички-черниговцы:
— Ай-же, удаленькій дородный добрый молодець,
Славный богатырь свято-русскій!
Прямоѣзжею дорожкой въ Кіевъ пять-сотъ верстъ,
Околоною дорожкой цѣла тысяча.
Прямоѣзжая дороженька заколодила,
Заколодила дорожка, замуравила;
Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать,
Черный воронъ не пролетывать,
Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
У тоя у березы у покаяныя,
У славнаго креста у Леванидова,
У славненькой у рѣчки у Смородинки,
Сидитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному:
Темны лѣсушки къ землѣ приклоняются,
Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.

Илья и Соловей.

Илья Муромецъ спускалъ коня онъ богатырскаго,
Поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія,
Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
Билъ коня онъ по тучной бедрѣ,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченки, озера между ногъ спускать;

Подбѣгаетъ онъ ко Грязи той ко Черныя,
Ко славныя березы ко покаяныя,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
Какъ засвищетъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
Засвисталъ-то Соловей по-соловьему,
Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:
Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
Что есть людюшекъ, мертвы лежатъ,—
Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Онъ билъ коня по тучной бедрѣ,
Билъ коня, самъ выговаривалъ:
„Ай-же ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ?
Ты идти не хошь, али нести не мошь?
Не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьего,
И не слыхалъ ты покрику звѣринаго,
И не видалъ, видно, ударовъ богатырскихъ,
Что ты, собака, потыкаешься!“
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Свой тугой лукъ разрывчатый отстегивалъ
Отъ праваго отъ стремячка булатнаго,
Накладывалъ-то стрѣлочку каленую
И натягивалъ тетивочку шелковеньку,
Спускалъ-то онъ въ Соловья во разбойника:
Вышибъ ему правое око со косицею;
Паль-то Соловей на сыру землю.
Старый козакъ Илья Муромецъ
Пристегнулъ его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремячку булатному.
Онъ поѣхалъ по раздольицу-чисту полю,
Ко этому ко гнѣздышку къ Соловьеву.
И со этого со гнѣздышка Соловьяго
Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
Говоритъ Невея таково слово:
— Ъдетъ нашъ батюшка раздольищемъ-чистымъ полемъ,
И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскомъ,
И везетъ онъ мужичища-деревенщину.
Ко стремени булатному прикована.
Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,

Говоритъ Ненила таковы слова:

„Ѣдетъ нашъ батюшка раздольищемъ-
чистымъ полемъ,
И сидитъ онъ на добромъ конѣ бога-
тырскомъ,

И везетъ онъ мужичища-деревенщину,
Ко стремени булатному прикована“.
Посмотрѣла Пелька, его третья дочь,
Говоритъ Пелька таковы слова:

— Ѣдетъ мужичище-деревенщина
Раздольищемъ-чистымъ полемъ,
И везетъ-то государя-батюшку
Къ стремени булатному прикована:
Ему выбито право око со косицею.
Ай-же, мужевья наши любимые!
Хватайте-тко рогатины звѣриныя,
Бѣжите-ка въ раздольище-чисто поле,
Побейте мужичища-деревенщину!
Эти зятевя Соловьиные
Похватили рогатины звѣриныя,
Выбѣгали во раздольище-чисто поле,
Они хочуть бить мужичища-деревен-
щину.

Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
„Ай-же, зятевя мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звѣриныя,
Вы ведите-тко богатыря свято-рус-
скаго

Во мое во гнѣздышко Соловьее;
Кормите его ѣствушкой сахарною,
Пойте его питьищемъ медвянымъ,
Дарите ему дары драгоцѣнные“...
Не поѣхалъ въ гнѣздышко Соловьее,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Пріѣхалъ онъ ко князю на широкій
дворъ,

Становилъ онъ коня посередъ двора,
Шелъ онъ въ полату бѣлокаменну.
А Владиміръ князь вышелъ со Божьей
церквы,

Отъ той отъ обѣденки Христосскія.
Садился онъ за столики дубовые,
За тья за скамеечки окольныя,
Ѣсти ѣствушекъ сахарныхъ,
Пити питьицевъ медвяныхъ.
Илья Муромецъ сшелъ въ полату бѣло-
каменну;

Онъ крестъ кладетъ по-писаному,
Поклонъ-то ведетъ по-ученому,

На всѣ на три, на четыре на сторонки
поклоняется,

Самому-то князю Владиміру въ осо-
бину,

И всѣмъ его князьямъ подколѣн-
нымъ.

Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
— Ты откулешный, дородный добрый
молодецъ?

Тобя какъ, молодца, именемъ назвать,
Звеличать удалаго по отечеству?

Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Есть я изъ города изъ Муромъ,
Со славнаго съ села Карачарова,
Именемъ меня Ильей зовутъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ“.
Сталъ Владиміръ повыспрашивать:

— А давно ли ты поѣхалъ изъ
Муромъ,

Ты которою дорожкой ѣхалъ въ столь-
но-Кіевъ-градъ?

Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
Поспѣвалъ-то къ обѣденѣ въ стольно-
Кіевъ-градъ.

Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
Прямоѣзжею мимо славенъ Черниговъ-
градъ,

Мимо славную рѣченьку Смородинку“.
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣ-
хаешься,

Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ
силушка невѣрная,

У рѣчки у Смородинки Соловей-раз-
бойникъ, Одихмантьевъ сынъ,

Свищетъ-то Соловей по-соловьему,
Кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣри-
ному.

Говоритъ Илья таковы слова:
„Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
Соловей-разбойникъ на твоємъ дворѣ,
И прикованъ онъ ко правому ко стре-
мачку къ булатному“.

Тутъ Владиміръ, князь стольно-кіев-
скій,

Скорошенько ставалъ онъ на рѣзвы
ноги,

Кунью шубоньку накинулъ на одно
плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій
дворъ,
Подходитъ онъ къ Соловью къ раз-
бойнику,
Говорить онъ Соловью таковы слова:
— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,
Воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣри-
ному!
Говорилъ Соловей князю Владиміру:
„Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
Я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,
Не васъ я хочу и слушати,
А обѣдаю у стараго козака Ильи Му-
ромца,
И его хочу я слушати“.
Говорилъ Владиміръ Ильѣ Муромцу:
— Ай же, старый козакъ Ильѣ Му-
ромецъ!
Прикажи-тко засвистать по-соловьему,
Прикажи-тко воскричать по-звѣриному!
Говорилъ Ильѣ Муромецъ разбойнику:
„Засвищи-тко ты, Соловей, по-соло-
вьему,
Воскричи-ка, Соловей, по-звѣриному!“
Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
„Ай же ты, старый козакъ Ильѣ Му-
ромецъ!
Мои раночки кровавы запечатались,
И не хотятъ уста мои сахарныя:
Не могу я засвистать по-соловьему
И не могу я воскричать по-звѣри-
ному!“
Говорилъ Ильѣ князю Владиміру:
„Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
Наливай-ка ты чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
И разведи-тко мѣдами стоялыми,
Подноси-тко ты къ Соловью-ко раз-
бойнику:
Тутъ уста его сахарныя расходятся,
И онъ засвищетъ намъ по-соловьему,
Воскричитъ онъ намъ по-звѣриному“.
Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько шелъ въ полату бѣлока-
менну,
Наливаетъ-то чару зелена вина,
И не малую стопу—полтора ведра,

Разводилъ-то мѣдами стоялыми,
Подносилъ-то къ Соловью-ко разбой-
нику.
Соловей - разбойникъ, Одихмантьевъ
сынъ,
Принималъ онъ эту чару одной ру-
кой,
Испивалъ эту чару за единый духъ.
Говорилъ ему Ильѣ Муромецъ:
„Засвищи-тко ты, Соловей, только въ
полсвиста соловьяго,
Закричи-тко только въ полкрика звѣ-
ринаго“.
Какъ засвисталъ Соловей по-соло-
вьему.
Закричалъ, злодѣй, онъ по-звѣри-
ному;
Отъ этого отъ посвиста соловьяго,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго
Темные лѣса къ землѣ поклонились,
На теремахъ маковки покривились,
Околенки хрустальныя поразсыпались,
Что есть людюшекъ, всѣ мертвы ле-
жатъ,
А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Стоить — куньей шубонькой укры-
вается.
Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбй-
лося.
Садился-то Ильѣ на добра коня,
Ѣхалъ Ильѣ въ раздольище-чисто поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
„Полно-тко тобѣ слезить отцовъ-ма-
терей,
Полно-тко вдовить женъ молбдыхъ,
Полно сиротать малыхъ дѣ-
тушекъ!“
Тутъ Соловью и славу поютъ.

Ильѣ и разбойники.

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ—
Что ковыль-трава во чистомъ въ полѣ
шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ
человѣкъ,
Старый ли козакъ Ильѣ Муромецъ,
А и конь ли подъ нимъ, какъ бы
лютый звѣрь,

Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ со-
коль.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилось.
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ
семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не
было.
Почему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было,
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По-нашему, русскому, разбойники,
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбить,
Съ душой, съ животомъ его разлучить
хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А и гой есть вы, братцы-станиш-
ники!
Убить меня стараго вамъ не за что,
А взять у стараго нечего!“
Вымалъ онъ изъ налушна ерѣпкѣй
лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старый по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука, —
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ, кряковистый
дубъ,
Изломала въ черенъя въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго
Того-то станишники испужались,
А и пять они часовъ безъ ума ле-
жатъ, —
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Сема встаетъ, пересемываетъ,
А Спира встаетъ-то, постыриваетъ!
А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
„Ты старый козакъ, Илья Муромецъ!
Возьми ты насъ въ холопство вѣко-
вѣчное;
Дадимъ рукописанье служить до вѣку“.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А и гой есть вы, братцы-станиш-
ники!
Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,

Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
Про стараго козака Илью Муромца.

Илья Муромецъ въ ссорѣ съ Владиміромъ.

Славныя Владиміръ стольнѣ-кѣвской
Собиралъ-то онъ славный почестень
пиръ
На многихъ князей онъ и бояровъ,
Славныхъ сильныхъ могучихъ бога-
тырей;
А на пиръ ли-то онъ нѣ позвалъ
Стараго козака Илья Муромца.
Старому козаку Ильѣ Муромцу
За досаду показалось-то великую,
И онъ не знаетъ, что вѣдь сдѣлать
Супротивъ тому князю Владиміру.
И онъ беретъ-то какъ свой тѣгой лукъ
розрывчатый,
А онъ стрѣлочки беретъ каленны.
Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ
градъ,
И по граду Кіеву сталъ онъ похажи-
вать
И на матушки Божьѣ церкви погу-
ливать.
На церквахъ-то онъ кресты вси да
повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣ-
лялъ.
Да кричалъ онъ Илья во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ громкимъ
голосомъ:
„Ай же пьяници вы, гдлюшки кабац-
кіи!
Да и выходите съ кабаковъ домовъ
питейныхъ,
И обирайте-тко вы маковки да золо-
ченны,
То несите въ кабаки въ домъ питейные,
Да вы пейте-тко да вина дѣ-сыта“.
Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да Вла-
диміру:
— Ай Владиміръ князь да стольнѣ-
кѣвской!
А ты ѣшь да пьешь да на честномъ
пиру,
А какъ старой-отъ козакъ да Илья
Муромецъ,

Енѣ по городу по Кіеву похаживать,
Енѣ на матушки Божьи церкви по-
гуливать,
На Божьихъ церквахъ кресты повыло-
милъ,
А всѣ маковки онѣ золоченыи повы-
стрѣлялъ;
А ѣ кричитъ-то вѣдь Ильѣ онѣ во всю
голову,
Во всю голову кричитъ онѣ громкимъ
голосомъ:
Ай же пьяници вы, гóлюшки кабац-
кіи!
Да и выходите съ кабаковъ домовъ
питейныхъ,
И обирайте-тко вы маковки да золо-
ченныи,
То несите въ кабаки въ дома питей-
ныи,
Да вы пейте-тко да вина дóсыта.—
Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-
кїевской,
И онѣ сталъ Владиміръ думу думати,
Ему какъ-то надобно съ Ильей да по-
миритися.
И завелъ Владиміръ князь да столь-
нѣ-кїевской,
Онѣ завелъ почестенъ пиръ да и на
дрúгой день.
Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-
кїевской
Да'ще онѣ сталъ да и думу думати:
„Мнѣ кого послать будеть на пиръ
позвать—
Того стараго козàка Илью Муромца?
Самому пойти мнѣ-то Владиміру не
хочется,
А Опраксию послать,—то не къ лицу
идеть“.
И онѣ какъ шолъ-то по столовой своей
горенкѣ,
Шолъ-то онѣ о столики дубовыи,
Становился супротивъ молòдаго До-
брынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
„Ты, молоденькой Добрынюшка,
сходи-тко ты
Къ старому козàкѣ къ Ильѣ Муромцу,
Да зайди въ палаты бѣлокаменны,
Да пройди-тко во столовую во горенку,

На пятú-то дверь ты поразмахивай,
Еще крестъ клади дай ѣ по писàному,
Да ѣ поклонъ веди-тко по учèному,
А ѣ ты бей челомъ да низко кла-
няйся
А ѣ до тыхъ половъ и до кирпич-
ныхъ
А ѣ до самой матушки сырой земли
Старому козàкѣ Ильѣ Муромцу,
Говори-тко Ильѣ да таковы слова:
— „Ай ты, старыя козакъ да Ильѣ
Муромецъ!
Я пришолъ къ тебѣ отъ князя отъ
Владиміра
И отъ Опракси отъ королевичной,
Да ѣ пришолъ тебе позвать да на по-
честенъ пиръ“.—
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Енѣ скорѣшенько то сталъ да на рѣзвы
ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно
плечко,
Да онѣ шапочку соболью на одно ушко,
Выходилъ онѣ со столовой со горенки,
Да ѣ прошолъ палатой бѣлокаменной,
Выходилъ Добрыня онѣ на Кіевъ-градъ.
Енѣ пошелъ-то какъ по городу по
Кіеву,
Пришолъ къ старому козакѣ къ Ильѣ
Муромцу
Да въ его палаты бѣлокаменны,
Енѣ пришолъ какъ во столовую во
горенку,
На пятú-то онѣ дверь да поразма-
хивалъ,
Да онѣ крестъ-отъ клалъ да по писà-
ному,
Да ѣ поклоны велъ да по учèному,
А'ще билъ-то онѣ челомъ да низко
кланялся
А ѣ до тыхъ половъ и до кирпич-
ныхъ,
Да ѣ до самой матушки сырой земли.
Говорилъ-то онѣ Ильѣ да таковы слова:
„А ѣ же, братецъ ты мой да кре-
стовыи,
Старыя козакъ да Ильѣ Муромецъ!
Я къ тоби посланъ отъ князя отъ
Владиміра,
Отъ Опраксы королевичной,

А й позвать тебя да на почестень
пирь".
Еще старый-отъ козакъ да Илья Му-
ромецъ
Скорешенько вставалъ онъ на рѣзвы
ножи,
Кунью шубоньку накинулъ на одно
плечко,
Да онъ шапоньку соболью на одно
ушко,
Выходили со столовая со горенки,
Да прошли они палатой бѣлокамен-
ной,
Выходили-то они на стольній Кіевъ
градъ,
Пошли оны къ князю ко Владиміру
Да й на славный-отъ почестень пирь.
Тамъ Владиміръ князь да стольнѣ-
кіевской
Онъ во горенки да вѣдь похаживалъ,
Да въ окошечко онъ князь посматри-
валъ,
Говорить-то со Опраксою королевич-
ной;
„Подойдутъ-ли къ мнѣ какъ два рус-
скіихъ богатыря
Да на мой-отъ славный на почестень
пирь?“
И прошли они въ палату бѣлока-
менну,
И взошли они въ столовую во горенку.
Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-
кіевской
Со Опраксіей да королевичной
Подошли-то они къ старому козакъ къ
Ильѣ Муромцу,
Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
Говорили-то они да таковы слова:
„Ай же старыя козакъ ты Илья Му-
ромецъ!
Твое мѣстечко было да вѣдь пониже
всихъ,
Тѣперь мѣстечко за столикомъ повыше
всихъ!
Ты садись-ко да за столики за ду-
бовыи“.
Тутъ кормили его ѣствушкой сахар-
нею,
А й поили питьицею медвянымъ.
Они тутъ съ Ильей и помирились.

Илья и Сокольникъ.

Походилъ Илья на конюшій дворъ,
Сѣдлалъ своего коня добраго,
Тянулъ двѣнадцать подпругъ шелко-
выхихъ,
Бѣлаго шелка шемаханскаго,
Тринадцатую тянулъ черезъ хребетную
кость:
Не ради красы,—ради крѣпости,
Чтобъ не оставилъ добрый конь во чи-
стомъ полѣ.
Видѣли старика, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія:
Только въ чистомъ полѣ куревъ стоитъ.
Заѣхалъ онъ на шолома высокое,
Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу чисту
полю,
Увидѣлъ поленицу преудалую:
Ѣздитъ поленица на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхою дворянскою,—
Мечетъ копьѣ въ вышину небесную,
Подъѣзжаетъ на конѣ и подхватываетъ,
Самъ копьѣю наговариваетъ:
— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Му-
ромцемъ!
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Ой ты гой еси, поленица преудалая!
Ты зачѣмъ рано похваляешься?
Не уловя ты птицы, беребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься?“
Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались:
Два богатыря съѣзжались во чистомъ
полѣ.
Ударились первымъ боемъ—палицами
желѣзными,
Тѣмъ боемъ другъ друга не ранили,
Въ кольцахъ палицы поломались.
Кололись они копьями мурзавецкими,—
Въ чибьяхъ копьѣ поломались,
Они тымъ боемъ другъ друга не ра-
нили.
Хватались они тягами желѣзными,
Тянулись черезъ гривы лошадиныя,—
Одинъ одного не перетягиваетъ,
Добры кони пали на-корачъ —

Тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Соходили они со добрыхъ коней,
Хватались плотнымъ боемъ, рукопаш-
кою,—

Водились они немало времени,
Водились добры молодцы полтора года,
По колѣнямъ въ землю приобмались.
У Ильи права нога окатила,ась,
А лѣвая нога подломила:сь.
Падалъ Илья на сыру землю,
Поленица садилась на бѣлы груди.
Тутъ Илейко возмолится:

„Сколько я стоялъ за вѣру христіан-
скую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божию;
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ
вдовъ,

За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за без-
мужнихъ женъ,—

Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся“.
Не сѣрая утица востопорщится,—
Илья на землѣ поворотится;
Металъ Сокольника подъ вышину не-
бесную,

Выше всякаго жароваго дерева,
Самъ вставалъ да и подхватывалъ,
Клалъ поленицу на сыру землю,
Садился къ поленицѣ на бѣлы груди,
Учалъ онъ поленицу доспрашивать:
„Коего, молодецъ, города, которой земли,
Которой Сибирской украины?

Какъ молодца именемъ зовутъ,
Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?“
Отвѣчаетъ поленица удалая:

— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ
грудяхъ,

Не спрашивалъ бы ни имени, ни от-
чины,

Ни роду бы не спрашивалъ, ни пле-
мени,

Скоро бы споролъ груди бѣлыя!
Вопросилъ его Илья второй наконѣ:

„Коего, молодецъ, города, которой земли,
Которой Сибирской украины?
Какъ молодца именемъ зовутъ,
Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?“

— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ
грудяхъ,

Много бы я съ тобой не разговари-
валъ,—

Скоро бы споролъ груди бѣлыя!
Вопросилъ его Илья третьей наконѣ:

„Коего, молодецъ, города, которой земли,
Которой Сибирской украины?

Какъ молодца именемъ зовутъ,
Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?“

Отвѣчаетъ поленица преудалая:
— Отъ моря я отъ Студенаго,

Отъ камени я отъ Латыря,
Отъ той отъ бабы отъ Латыгорки,

Именемъ зовутъ меня Сокольниковъ.
Соходилъ Илья со бѣлыхъ грудей,

Бралъ его за руку за правую,
Цаловалъ во уста во сахарныя:

„Здраствуй, мое чадо милое!“

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степеняхъ на Цыцарскіихъ,

Стояла застава богатырская;
На заставѣ атаманъ былъ Илья Му-

ромецъ,
Подъ-атаманъ былъ Добрыня Ники-

тичъ младъ;
Ясаулъ Алеша, поповскій сынъ;

Еще былъ у нихъ Гришка, боярскій
сынъ,

Былъ у нихъ Васька долгополый.
Всѣ были братцы въ разѣздъицѣ:

Гришка боярскій въ тѣ поры кравчимъ
жилъ;

Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ-
градъ;

Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;

Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю
морю,

Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той-ли за охотой молодецкою:

На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,

Въ чистомъ полѣ увидѣлъ исконытъ
великую,

Исконытъ велика—полъ-печи.
Учалъ онъ исконытъ досматривать:

„Еще—что же то за богатырь ѣхалъ?
Изъ этой земли изъ Жидовскія

Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь

На эти степи Цыцарскія!“

Проѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ-
градъ,

Прибиралъ свою братію приборную;

„Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!

Мы что на заставушкѣ устояли?

Что на заставушкѣ углядѣли?

Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ“.

Собирались они на заставу богатыр-
скую,

Стали думу крѣпкую думати:

Кому ѣхать за нахвальщикомъ?

Положили на Ваську долгополаго.

Говорить большой богатырь Ильѣ Му-
ромецъ,

Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Неладно, ребятаушки, положили:

У Васьки полы долгиѣ,

По землѣ ходитъ Васька, заплетается;

На бою, на дракѣ заплетется,

Погинетъ Васька по-напрасному“.

Положились на Гришку на боярскаго:

Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ
полѣ.

Говорить большой богатырь Ильѣ Му-
ромецъ,

Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Неладно, ребятаушки, удумали;

Гришка—рода боярскаго:

Боярскіе роды хвастливые;

На бою-дракѣ призахвастается,

Погинетъ Гришка по-напрасному“.

Положились на Алешу на Поповича:

Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ
полѣ,

Побить нахвальщика на чистомъ
полѣ.

Говорить большой богатырь Ильѣ Му-
ромецъ,

Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Неладно, ребятаушки, положили...

Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ

Много злата-серебра;

Злату Алеша позавидуетъ,

Погинетъ Алеша по-напрасному“.

Положили на Добрыню Никитича:

Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщи-
комъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ
полѣ,

Побить нахвальщика на чистомъ
полѣ,

По-плечъ отсѣчь буйну голову,

Привезти на заставу богатырскую.

Добрыня того не отпирается,

Походить Добрыня на конюшій дворъ,

Имаеть Добрыня добра коня,

Уздаеть въ уздечку тесмянную,

Сѣдлалъ въ сѣделышко черкасское,

Въ торока вяжетъ палицу боевую—

Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,

На бедра беретъ саблю вострую,

Въ руки беретъ плетъ шелковую,

Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую,

Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,

Увидѣлъ на полѣ чернизину,

Поѣхалъ прямо на чернизину;

Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голо-
сомъ:

„Воръ, собака, нахвальщина!

Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?

Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь че-
ломъ?

Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?

Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь

На всю нашу братію наборную?“

Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ;

Поворачивалъ нахвальщина добра
коня,

Попущалъ на Добрыню Никитича:

Сыра мать-земля всколебалася,

Изъ озеръ вода выливалася,

Подъ Добрыней конь на колѣнца
палъ.

Добрыня Никитичъ младъ

Господу Богу возмолится,

И мати Пресвятой Богородицѣ:

„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“

Подъ Добрыней конь посправился—

Уѣхалъ на заставу богатырскую.

Ильѣ Муромецъ встрѣчаетъ его

Со братією со приборною...

Говорить Ильѣ Муромецъ:

„Больше не кѣмъ замѣнитися:

Видно ѣхать атаману самому!“

Походить Ильѣ на конюшій дворъ,

Имаеть Ильѣ добра коня,

Уздаеть въ уздечку тесмянную.

Сѣдлаетъ въ сѣделишко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую—
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,
На бедра беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плетъ шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голо-
сомъ:

„Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ
не бьешь?

Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь
На всю нашу братію наборную?“
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ
голосъ;

Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попушалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился.
Сѣѣхался Илья съ нахвальщикомъ.
Впѣрвые палками ударились,
У палокъ цѣвья отломались,
Другъ дружку не ранили;
Саблями острыми ударились,
Востры сабли приломались,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись,
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вѣчера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою,
Поскользится у Илейка ножка лѣвая;
Паль Илья на сыру землю:
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалище булатное,
Хочетъ вспоротъ груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По-плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговари-
вать:

„Старый ты старикъ, старый, матерый!
Зачѣмъ ты ѣдешь на чисто поле?
Будто некъмъ тебѣ старику замѣни-
тися?

Ты поставилъ бы себѣ кѣлейку
При той пути—при дороженькѣ;
Сбиралъ бы ты, старикъ, во кѣлейку;
Тутъ бы ты, старикъ, сытъ-питаненъ
былъ“.

Лежитъ Илья подъ богатыремъ.
Говорить Илья таково слово:
„Да неладно у Святыхъ Отцовъ на-
писано,

Неладно у Апостоловъ удумано:
Написано было у Святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ:
„Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ
убитому;

А теперь Илья подъ богатыремъ!“
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго,—
Паль нахвальщина на сыру землю,
Въ сыру землю ушелъ до-поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщину на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спрашивать,
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По-плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью
Муромца,

Съ своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не наѣзживалъ“.

Алеша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна го-
рода,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ
младъ,
А со молодымъ Екимомъ Иванови-
чемъ.
Они ѣздить богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское:
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,

Ничего они въ чистомъ полѣ не на-
ѣзживали.

Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскачаго,
Только въ чистомъ полѣ наѣхали—
Лежатъ три дороги широкія:
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ
каменьъ,

А на камени подпись подписана.
Взговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ Екимъ Ивановичъ!
Въ грамотѣ поученый человекъ—
Посмотри на камению подписи,
Что на камению подписано“.

И скочилъ Екимъ съ добра коня,
Посмотрѣлъ на камению подписи,
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.

Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
„А и братецъ, Алеша Поповичъ младъ,
Которой дорогой изволишь ѣхать?“
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру“.

Втапору поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву;
Не доѣхавши они до Сафать-рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыхъ—
Надо Алешѣ покормить добрыхъ коней.
Разставили тутъ два бѣлы шатра,
Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ со добры кони
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ
держатъ.

Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано-ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафать на рѣку;
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлатъ добрыхъ коней.

Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко
Кіеву,

Пришелъ тутъ къ нимъ калика пере-
хожій:

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу
чебурацкаго;

Говоритъ таково слово:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ
саженъ,

Промежъ плечей косая саженъ,
Промежъ глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ“.

Привязался Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ калика переходя! "

Дай мнѣ платье каличье,
Возьми мое богатырское,
Лапотки свои семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочинскую, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепугу подорож-
ную,

Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу че-
бурацкаго“.

Даетъ свое платье калика Алешѣ По-
повичу,

Не отказываючи; а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.

Скоро Алеша каликою наряжается—
И взялъ шелепугу дорожную,
Которая была въ пятьдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафать-рѣку.

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ
младъ,

Заревѣлъ зычнымъ голосомъ;
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.

Говорить тутъ Тугаринъ Змѣевичъ
младъ:

„Гой еси, калика перехожая!
А и гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ“.

Говорить тутъ Алеша каликою:
„А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ
младъ!

Поѣзжай поближе ко мнѣ,
Не слышу я, что ты говоришь“.
И подѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ;

Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепую по буйной го-
ловѣ,

Расшибъ ему буйну голову—
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапору взмолился Тугаринъ Змѣевичъ младъ:

„Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
Только ты Алеша Поповичъ младъ,—
Семь побратуемся съ тобой“.

Втапору Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя
надѣвалъ;

Садится на его добра коня
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ ша-
трамъ.

Втапору увидѣли Екимъ Ивановичъ
И калика перехожая,
Испужались его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову,—
И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ
младъ.

Обѣрнется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ
тридцать пудъ,

Бросилъ назадъ себя,
Показалось ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ—

И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши По-
повича,
Сшибъ изъ сѣделечка черкаскаго,

И упалъ онъ на сыру землю.
Втапору Екимъ Ивановичъ
Скочилъ съ добра коня, сѣлъ на груди
ему,

Хочетъ пороть груди бѣлыя—
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ
крестъ,

Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ пе-
рехожему:

„По грѣхамъ надо мною, Екимомъ, учи-
нилось,

Что убилъ своего брата родимаго“.
И стали его оба трясти и качать
И потомъ подали ему питья замор-
скаго;

Отъ того онъ здоровъ сталъ.
Стали они говорити и между собою
платьемъ мѣняти:

Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
Кладли въ чемоданъ къ себѣ.
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.

Добрыня Никитичъ.

Говорить Добрыня, сынъ Никитичъ, своей госу-
дарынѣ родной матушкѣ:

„Ахъ, ты ей, государыня родна ма-
тушка!

Ты на что меня, Добрынюшку несчаст-
наго, породила?

Спородила бы, государыня родна ма-
тушка,

Ты бы бѣленькимъ горячимъ меня ка-
мешкомъ,

Завернула въ тонкой въ льняной во
рукавичекъ,

Спустила бы меня во сине море:

Я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,
Я не ѣдилъ бы, Добрыня, по чисту
полю,

Я не убивалъ, Добрыня, неповинныхъ
душъ,

Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ, Добрыня, отцовъ-матерей,

Не вдовилъ, Добрыня, молодыхъ женъ,
Не пускалъ сиротатъ малыхъ дѣтушекъ“.

Отвѣтъ держить государыня его матушка:

— Я бы рада тебя, дитятко, породити
Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
Силой въ Святогора богатыря,
Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во
Поповича,

Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
Я походкою бы тебя щепливою
Во того Чурилу во Пленковича,
Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:

Сколько ты статьи есть, а другихъ
Богъ не далъ,

Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.
Скоро-на-скоро Добрыня онъ коня сѣд-
лалъ,

Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле.
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палатѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она, съ причетью.

У тебя было у стремени у правыхъ
Провожала Добрыню любимая семья,
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:

— Когда Добрынюшка домой будетъ,
Когда дожидать Добрыню изъ чиста
поля?—

Отвѣчалъ Добрыня, сынъ Никитичъ:
„Когда у меня ты стала спрашивать,
Тогда я стану тебѣ сказывать:
Сожидай Добрынюшку по три года;
Если въ три года не буду, жди друго
три;

А какъ сполнится времени шесть го-
довъ,

Да не буду я домой изъ чиста поля,
Поминай меня, Добрынюшку, убитаго,
А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля-вольная:
Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за русскаго могучаго богатыря,
А только не ходи за моего брата за
названаго,

За смѣлаго за Алешу за Поповича“.

Стала дожидать его по три года.

Какъ день за днемъ, будто дождь
дожжитъ,

Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три года,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три,
Опять день за днемъ, будто дождь
дожжитъ,

Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть ужъ лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору, въ то время
Приѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.

Тогда государыня родна его матушка
Жалешенько по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лицо бѣлое
По своемъ роженемъ дитяткѣ,
По молодомъ Добрынѣ Никитичѣ.
Сталъ солнышко-Владимиръ тутъ по-
хаживать,

Настасья Никуличной посватывать:

„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
Молодой вѣкъ свой коротати?

Поди замужъ хоть за князя, хоть за
боярина,

Хоть за русскаго могучаго богатыря,
А хоть за смѣлаго Алешу Поповича“.

Отвѣчала Настасья, дочь Никулична:

— Я исполнила заповѣдь мужнюю,—
Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ;
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
Я исполню заповѣдь свою женскую:
Я прожду Добрынюшку друго шесть
годовъ:

Такъ сполнится времени двѣнадцать
лѣтъ,

Да успѣю я и въ ту пору замужъ
пойти.—

Опять день за днемъ, будто дождь
дожжитъ,

А недѣля за недѣлей, какъ трава рас-
теть,

А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ

Прошло тому времени друго шесть
годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ:
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко-Владиміръ тутъ поха-
живать,
Настасья Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
Молодой свой вѣкъ коротати?
Поди замужъ хоть за князя, хоть за
боярина,
А хоть за русскаго могучаго богатыря,
А хоть за смѣлаго Алешу Поповича“.
Не пошла замужъ ни за князя, ни за
боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Алешу
Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
Сегодня имъ идти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается.
„Ахъ, ты, волчья сыть, ты медвѣжья
шерсть,
Зачѣмъ сегодня потыкаешься?“
Испровѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Твоя молода Настасья дочь Никулична
замужъ пошла
За смѣлаго Алешу за Поповича;
Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
Сегодня имъ идти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія,
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ
летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонить.
Не воротмы ѣхалъ, черезъ стѣну горо-
довую,

Мимо тую башню наугольную...
Идетъ онъ княженецкой дворъ безобсы-
лочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотни-
ковъ,
У дверей не спрашивалъ придверни-
ковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты княже-
нецкія;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку-Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
„Здравствуй, солнышко - Владимиръ
стольно-кіевскій
Со своей княгиней со Апраксией!“
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
„Солнышко - Владимиръ стольно - Кіев-
скій!
Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
И теперича идетъ скоморошиной,
Онъ не спрашивалъ у воротъ приво-
ротниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверни-
ковъ,
Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
Скоро проходилъ въ палаты княже-
нецкія“.
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
На княженецкій дворъ безобсылочно,
Во палаты идешь бездокладочно,
Не спрашивалъ у воротъ приворотни-
ковъ,
У дверей не спрашивалъ придверни-
ковъ,
Скоро проходилъ въ палаты княже-
нецкія?
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется:
„Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скомо-
рошское?“
Съ сердцемъ говоритъ Владимиръ
стольно-кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
На той на печкѣ на муравленой,
На муравленой печкѣ—на запечкѣ.

Онъ скочилъ скоро на мѣсто на пока-
занно,
На тую на печку на муравлену;
Натягиваль тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учалъ по стрункамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать,
Играеть-то онъ въ Царѣ-градѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ,
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
„Что не быть это удалой скоморошинѣ,
А кому ни надо быть русскому,
Быть удалому доброму молодцу!“
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
— Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
Опускайся изъ печки изъ запечки;
Садись-ко съ нами за дубовъ столъ
хлѣба кушати,
Станемъ бѣлыя лебедушки мы ру-
шати.
За твою игру за веселую
Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъхъ:
Первое мѣсто сядь подлѣ меня,
Другое мѣсто супротивъ меня,
А третье мѣсто, куда самъ захошъ,
Куда самъ захошъ, еще пожалуешь.
Не сѣла скоморошина подлѣ князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамеечку
Супротивъ княжны порученныя.
Говорить удала скоморошина:
„Что солнышко-Владиміръ стольно-кіев-
скій!
Бласлови мнѣ налить чару зелена вина,
Поднести эту чару, кому я знаю,
Кому я знаю, еще пожалую“.
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ
перстень,
Подноситъ княжнѣ порученныя,
Самъ говоритъ таково слово:
„Молода Настасья, дочь Никулична!
Прими сію чару единой рукой,
Да выпей-ка чару единымъ духомъ;
Буде пьешь до дна, такъ выдаешь,
добра,
А не пьешь до дна, не выдаешь добра“.
Она приняла чару единой рукой,

Да и выпила чару единымъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чарѣ свой золо-
ченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говорить таково слово:
— Солнышко-Владиміръ стольно-кіев-
скій!
Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
А тотъ мой мужъ, который супротивъ
меня,
Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,
Подноситъ мнѣ чару зелена вина.
Сама выскочитъ изъ-за стола изъ-за
дубоваго,
Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Ни-
китичъ,
Въ той винѣ прости меня, въ глупости,
Что не по твоему наказу, де, я сдѣ-
лала,
Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла.
Говорилъ Добрыня, сынъ Никитичъ:
„Что не дивую я разуму-то женскому,
Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ;
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку-Владиміру
Съ молодой княгиней со Апраксіей:
Солнышко-Владиміръ, тотъ тутъ сва-
томъ былъ,
А княгиня Апраксія свахою,
Они у живого мужа жену просватали“.
Тутъ солнышку-Владиміру къ стыду
пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
— Прости, прости, братецъ мой на-
званный,
Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой
семьи,
Подлѣ молодой Настасьи Никуличной.
„Въ той винѣ, братецъ, тебѣ Богъ про-
ститъ,
Что ты посидѣлъ подлѣ моей любимой
семьи,
Подлѣ молодой Настасьи Никуличной;
А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не
прощу:
Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ
первыхъ шесть лѣтъ,
Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,

Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
Убить лежитъ во чистомъ полѣ;
Буйна голова испроломлена,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ черезъ раки товъ
кусть,—

Такъ тогда государыня родна матушка
Жалешенько по мнѣ плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое:
Съ этой вины тебѣ не прощу!“
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку черезъ дубовый
столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,
Повыдернетъ шалыгу подорожную,
Учалъ шалыжищемъ ухаживать,
Что хлопанье и что оханье, не слышно
вѣдь.

Соловей Будиміровичъ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота Океанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе,
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя, вѣдь заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать кора-
блей,

Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камению, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибivano
По черному соболю якутскому,
И якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копыя мурзамецкія,
И два горностаея повѣшены,
И два горностаея, два зимніе;
У того было сокола у корабля

Вмѣсто гривы прибivano
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было соколѣ-кораблѣ,
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ соколѣ-кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій
зубъ,

Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ молодець,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ;
Говорилъ Соловей таково слово:

„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?“
Отвѣчаютъ гости-корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые:
— Ты славный, богатый гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На златѣ, на серебрѣ—не погнѣваться“.
Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ-
градъ;

Якори метали въ Днѣпръ-рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможенѣ пла-
тили—

Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей.
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову князю Вла-
диміру,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;

Какъ бы на пятау двери отворялися,
Идетъ во гридню купавъ молодець,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ,
Спасову образу молится,
Владиміру-князю кланяется,
Княгинѣ-Апраксѣвной на особицу,
И подносить князю свои дороги

подарочки:

Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хруща-
тую,

Не дорога камочка—узоръ хитеръ!
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.

Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковый Владиміръ-князь:
„Гой еси ты, богатый гость,
Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Заимуй дворы княженецкіе,
Заимуй ты боярскіе,
Заимуй и дворы дворянскіе“.
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміро-
вичъ:

— Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
И не надо дворы боярскіе,
И не надо дворы дворянскіе.
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Не пахання и не оранья,
У своей, осударь, княженецкой пле-
мянницы,

У молоды Запавы Путятишной,
Въ ея, осударь, зеленому саду,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Построить мнѣ, Соловью, снаряженъ
дворъ.

Говорилъ сударь, ласковый Владиміръ-
князь:
„На то тебѣ съ княгинею подумаю“,
А подумавши, отдавалъ Соловью за-
гонъ земли,

Непахання и не оранья.
Походилъ Соловей на свой червленъ
корабль,

Говорилъ Соловей, сынъ Будиміро-
вичъ:

„Гой еси вы, мои люди работные!

Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленый садъ,
Постройте мнѣ снаряженъ дворъ
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ“.

Съ вечера, позднимъ-поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хоробрая,
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетшатыя.

Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, въ теремѣ заря,—
И вся красота поднебесная.

Дюкъ Степановичъ.

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ славнаго Волынца, красна Га-
личья,

Изъ тоя Карелы богатая,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархи-
валъ,—

Выѣзжалъ удача-добрый молодець,
Молодой Дюкъ, сынъ Степановичъ,
По прозванью Дюкъ былъ боярскій
сынъ;

А и конь подъ нимъ, какъ бы лютый
звѣрь,

Лютый звѣрь конь—и буръ, косматъ,
У коня грива на лѣву сторону, до сы-
рой земли;

Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ;
Немного съ Дюкомъ живота пошло,
Что куякъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три
тысячи,

А кольчугѣ на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей,

А и конь подъ нимъ въ пять тыся-
чей.

Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ,
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,

Онъ скачетъ съ берегу на берегъ:
Потому цѣна коню пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота по-
шло:

Пошелъ тугой лукъ разрывчатый,
А цѣна тому луку три тысячи.
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шолку шемаханскаго;
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ
стрѣлъ,

А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ.
А и еще есть во колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и несвѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьями сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы камскія,—
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы за синимъ моремъ,—
Своимъ устьемъ впала въ сине море;
А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ
А ронилъ онъ перьяца во сине море,
А бѣжали гости-корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ-краснымъ дѣви-
цамъ:

Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлки дороги?
Потому онѣ дороги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю, по дорогу самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря,
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ утѣчекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ:
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти;

А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи го-
рятъ,—
Свѣчи теплятся воску яраго:
Потому онѣ, стрѣлки, дороги.
Настрѣлялъ онъ, Дюкъ, гусей, бѣлыхъ
лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ утѣ-
чекъ,

Поѣхалъ ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру...
То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

Василій Буслаевъ.

Въ славномъ великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяности лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ, не пере-
чился,

Со мужики новгородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ,
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалось его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Оставалась матера вдова,
Матера Амелфа Тимоѣевна,
И оставалось чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимоѣевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Супротивъ Василія Буслаева.
Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми мо-
лодцами,
Допьяна ужъ сталъ напиватися,—

А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватить поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачъ ползетъ.
Пошла-то жалоба великая;
А и мужики новгородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелѣ Тимоеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-брани-

нить,
Журить-бранить, его на умъ учить,—
Журьба Васекѣ не взлюбилася,
Пошелъ онъ, Васька, во высокъ те-
ремъ,

Садился Васька на ременчатый стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хочетъ пить и ѣсть изъ гото-
ваго,

Валися къ Васекѣ на широкій дворъ,—
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное“.
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.

Въ то же время поставилъ Васька
чанъ среди двора,

Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опускалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ,
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васекѣ на широкій дворъ
Къ тому чану, зелену вину;
Вначалѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкій
дворъ,

Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать
пудъ,—

А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
Стоитъ тутъ Костя, не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не трях-
нуты.

Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названный братъ,
И паче мнѣ брата родимаго“.
А и мало время позамѣшавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскіе,
Пришли ко Васекѣ на широкій дворъ;
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошень и
веселешенекъ.

Пришли тутъ мужики Залѣшена,
И не смѣлъ Василій показаться къ
нимъ.

Еще тутъ пришло семь братьевъ Сбро-
довичи,—

Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ;
Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросать.
Послышалъ Васинька Буслаевичъ:
У мужиковъ новгородскихъ
Канунъ варень, пива ячныхъ,
Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Николь-
щину.

„Не малу мы тебѣ сынъ платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ“.
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ
рублевъ,

А и тотъ-то староста церковный
Принималъ ихъ во братчину въ Ни-
кольщину;

А и зачали они тутъ канунъ варень
пить,

А и тѣ-то пива ячныхъ.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Бросился на царевъ кабакъ,
Со своею дружиною хороброю:
Напилися они тутъ зелена вина
И пришли во братчину въ Николь-
щину.

А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;

Молодой Василій сталъ драку разни-
мать,
А иной дуракъ зашелъ съ носка,
Его по уху оплелъ;
А и тутъ Василій закричалъ гром-
кимъ голосомъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
Уже Ваську меня бьютъ“.
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили.
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,—
Кричатъ, ревуть мужики посадскіе.
Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, драться,
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете
Новымъ-городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по
смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритесь,
То вамъ платить мнѣ такову же дань“.
И въ томъ-то договорѣ руки они под-
писали.
Началась у нихъ драка-бой великая...
Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкѣ.
А идетъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то, молодцовъ, думушки при-
было.
Молодой Василій Буслаевичъ
Пришелъ-то молодцамъ на выручку,—
Со тѣми мужики новгородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера;
А ужъ мужики покорилися,
Покорилися и помирились—
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимое-
евнѣ;

Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, поклоняются:
„Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и рады мы платить
На всякій годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калашниковъ по калачику,
Съ молодежи повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалечное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ“.
Втапору матеря вдова
Амелѣ Тимоеевна
Посылала дѣвушку черनावушку
Привести Василья со дружиною.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѣ Тимоеевнѣ,
Какъ вьонъ около ее увивается,
Просить благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелѣ Тимоеевна!
Дай мнѣ благословеніе великое,
Идти мнѣ, Василью, въ Ерусалимъ-
градъ,
Со всею дружиною хороброю,
Мнѣ-ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ердани-рѣкѣ искупатися“.
Что возговорить матеря вдова,
Матера Амелѣ Тимоеевна:
„Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля“.
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распушается;
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,

И даетъ оружье долгомѣрное:
„Побереги ты, Василій, буйну голову
свою“.

Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣждали по озеру Ильмену;
Бѣгутъ они ужъ сутки—другія,
А бѣгутъ уже недѣлю—другую,—
Встрѣчу имъ гости-корабельщики:
„Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?“
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости-корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Смолоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти;
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого
пути

Ко святому граду Іерусалиму“.
Отвѣчаютъ ему гости-корабельщики:
„А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ-градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года.
На славномъ морѣ Каспійскимъ,
На томъ острову на Куминскимъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Соятъ атаманы козаціе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червленны корабли“.
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„А не вѣрю я, Васинька, ни въ сонъ,
ни въ чохъ,
А и вѣрю въ свой червеной вязъ;
А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ пу-
темъ...”

Будутъ они во Ерданъ-рѣкѣ,
Бросали якоря крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ.
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ-градъ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя, Василія Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ

И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ мо-
лебнами

Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Что смолоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ердани-рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и
съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считючи.
И походить Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ ко-
рабль.

(Вариантъ).

Будутъ они во Ерданъ-рѣкѣ,—
Бросали якоря крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ;
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ-градъ;
Пришелъ во церковь соборную;
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буславьевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ
молебнами

Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,—
Что смолоду бито много, граблено,
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданъ-рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и
съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считючи.
И походить Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ ко-
рабль:

Втапоры его дружина хоробрая
Купались во Ерданъ-рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
— Почто вы купаетесь во Ерданъ-рѣкѣ?
А некому купатися, опричь Василья
Буславьевича.

Во Ерданѣ-рѣкѣ крестился самъ Господь
Иисусъ Христосъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича.—
И они говорятъ таково слово:
„Нашъ Василій тому не вѣруеть ни
въ сонъ, ни въ чохъ“.

И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ерданѣ-рѣки;
Подняли тонки паруса полотняны...

А и ѣдутъ недѣлю споряду,
А и ѣдутъ уже другую;
И завидѣлъ Василій гору высокую Со-
рочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать,—
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною
И будетъ онъ въ полѣ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, че-
ловѣчья кость,
Пнулъ Василій тою голову съ дороги
прочь;
Провѣщится пуста голова:
— Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
Къ чему меня голову понихиваешь,
И къ чему побрасываешь?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Да умѣю валятися на той горѣ Соро-
чинскія;
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Лежать будетъ и Васильевой головѣ.—
Плонулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И на томъ-то подпись подписана:
А кто-де у камня станеть тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруеть;
Сталъ со дружиною тѣшиться и за-
бавлятися,

Поперегъ камению поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по камению,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ камениемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочин-
ской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали ко Новугороду;
И будутъ у Новгорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы
другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался
онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣѣ
Тимоѣевнѣ,
Прошли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали.
Прочитала письмо матерая вдова, сама
заплакала,
Говорила таковы слова:
— Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
Подите въ подвалы глубокіе,
Берите золотой казны не считаючи.—
Повела ихъ дѣвушка чернавужка
Къ тѣмъ подваламъ глубокиимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелѣа Тимоѣевна!
„Что поила, кормила, обувала и одѣ-
вала добрыхъ молодцовъ“.

Втапоры матера вдова Амелѣа Тимо-
ѣевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина.
Подноситъ дѣвушка чернавужка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

Садко-богатый гость.

Какъ по морю, морю синему
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ соколъ ко-
рабль

Самого Садки, гостя богатаго.
А всѣ корабли, что соколы летятъ,
Соколы корабль на морѣ стоятъ;
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

„А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
А въ мѣсто всѣ вы собирайтесь,
А и рѣжьте жеребья вы валжены,
А и всякъ-то пиши на имена,
И бросайте вы ихъ на сине море“.—

Садко покинулъ хмелево перо,
И на немъ-то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:
„А ярыжки, люди вы наемные!
А слушай рѣчи праведныхъ;
А бросимъ мы ихъ на сине море,—
Которые по верху плывутъ,
А и тѣ бы душеньки правыя;
Что которые-то во морѣ тонутъ,
А мы тѣхъ спихнемъ во сине море“.

А всѣ жеребья по верху плывутъ,
Кабы яры гоголи по заводямъ,
Единъ жребій въ морѣ тонетъ,
Во морѣ тонетъ хмелево перо
Самого Садки, гостя богатаго.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

„Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
А вы рѣжьте жеребья вѣтляные,
А пишите всякъ себѣ на имена,
А и самъ къ нимъ приговаривай:
А которы жеребья во морѣ тонутъ,
А и то бы душеньки правыя“.
А и Садко покинулъ жеребій булатной,
Синяго булата вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ.
И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ,
Единъ жеребій по верху плыветъ,
Самого Садки, гостя богатаго.

Говорилъ тутъ Садко купецъ, богатый гость:

„Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
Я Садъ-Садко знаю, вѣдаю,
Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
Тому царю заморскому
Не платилъ я дани, пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлѣбъ съ солью не опускавалъ,
По меня Садку смерть пришла.

А вы, купцы, гости богатые,
А вы, цѣловальники любимые,
А и всѣ приказчики хорошіе,
Принесите шубу соболиную“.
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со тѣми дороги, вальящаты.
И спушали сходню вѣдь серебряну,
Подъ краснымъ золотомъ;
Походилъ Садко купецъ, богатый гость.
Спускался онъ на сине море,
Садился на шахматницу золоту;
А и ярыжки, люди наемные,
А наемные люди, подначальные,
Утащили сходню серебряну,
И серебряну подъ краснымъ золотомъ,
Ее на соколъ-корабль,

А Садко остался въ синемъ морѣ,
А соколъ корабль по морю пошелъ.
И всѣ корабли какъ соколы летятъ,
А единъ корабль по морю бѣжитъ,
Какъ бѣлъ кречетъ,
Самого Садки, гостя богатаго
Отца матери молитвы великія,
Самого Садки, гостя богатаго.
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, гостя богатаго.
Не видалъ Садко купецъ, богатый гость.
Ни горы, ни берегу.

Понесло его Садку къ берегу,
Онъ и самъ Садко тутъ дивуется.
Выходитъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
А избу великую во все дерево,
Нашелъ онъ двери—и въ избу вошелъ.
И лежитъ на лавкѣ Царь морской:
„А и гой еси ты, купецъ, богатый гость!

А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ!
И ждалъ Садко двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ;
Поиграй, Садко, въ гусли звончаты“.
И сталъ Садко царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты,
А и Царь морской зачалъ скакать, за-
чалъ плясать—

И того Садку гостя богатаго
Напоилъ питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалился Садко, и пьянъ онъ сталъ,
И уснулъ Садко купецъ, богатый гость,
И во снѣ пришелъ святитель Николай
къ нему,

Говорить ему таковы рѣчи:
„Гой еси ты, Садко купецъ, богатый
гость!

А рви ты свои струны золоты,
И бросай ты гусли звончаты,
Расплясался у тебя Царь морской,
А сине море всколебалось,
А и быстры рѣки разливались,
Топять много бусы, корабли,
Топять души напрасныя
Того народа православнаго“.
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Изорвалъ онъ струны золоты,
И бросаетъ гусли звончаты;
Пересталъ Царь морской скакать и
плясать,

Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя,
А поутру сталъ туто Царь морской,
Онъ сталъ Садку уговаривать—
А и хочетъ Царь Садку женить
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Никола ему во снѣ наказывалъ:
„Гой еси ты, купецъ, богатый гость,
А станетъ тебя женить Царь морской,
Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ;
Не бери ты изъ нихъ хорошую, бѣ-
лая, румяная.

Возьми ты дѣвушку поваренную;
Поваренную, что котора хуже всѣхъ“.
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Онъ думался—не продумался
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
А и туто Царь морской
Положилъ Садку на подклѣтѣ спать.

.
Отъ сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
А лѣвая нога во Волхвѣ-рѣкѣ.
И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко-онъ на Новгородъ,
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,

Того Николу Можайскаго,
Перекрестился крестомъ своимъ.
И глядѣлъ Садко на Волхъ-рѣкѣ,—
Отъ того сина моря Хвалынскаго,
По славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ,
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самого Садки, гостя бо-
гатаго.

И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатой
гость,

Цѣловальниковъ любимыхъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
И вышли цѣловальники на крутъ бе-
регъ;

И тутъ Садко поклоняется:
„Здравствуйте, мои цѣловальники лю-
бимые

И приказчики хорошіе!“
И тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможеню поло-
жилъ

Казны своей сорокъ тысячей—
По три дня не осматривали.

Отчего перевелись витязи на Святой Руси.

Выѣзжали на Сафать-рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ.
Выѣзжалъ Годено Блудовичъ,
Да Василиій Казиміровичъ,
Да Василиій Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостиной сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ.
Старый дубъ стоитъ, краковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Нову-го-
роду;

А вторая-то дорога къ стольному Кіеву;
А что третья дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому,—
Та дорога прямоѣзжая,

Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутии,
Разбивали бѣль-полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту
полю:

Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую травку пощипываютъ;
Золотой уздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держать.

Было такъ, на восходѣ краснаго сол-
нышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше
всѣхъ,

Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣль-полотнянъ шатеръ;
Во томъ ли шатрѣ залегъ Татарченкокъ,
Злой Татаринъ, басурманченкокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни
пѣшаго,

Ни ѣзжалаго добра молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копейцо урзамецкое,
Бралъ чингалище булатное,
И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечеть по мѣрной верстѣ,
Высоки мечеть по сѣнной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:

„Выходи-ка, Татарченкокъ:
Злой Татаринъ басурманченкокъ!
Станемъ мы съ тобой честный бой дер-
жать“.

Втапору выходитъ Татаринъ изъ бѣла
шатра

И садится на добра коня.
Не два вѣтра на полѣ слетались,
Не двѣ тучи на небѣ сходились,
Слетались, сходились два удалые ви-
тиязя.

Ломались копыя ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.
Было такъ, на восходѣ краснаго сол-
нышка;

Всталъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и
взнузданный,

Стоитъ борзый конь, только невеселъ,
Потупилъ очи во сыру землю,
Знать тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынь-молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня:
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ высококи по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлися мечи булатные.
Что не красъ во поляхъ закраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
У того ли шатра спитъ Добрыня моло-
децъ:

Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися;
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша звучнымъ голосомъ.
„Вылѣзай-ка, ты Татаринъ злой,
На честный бой, на побраночку!“
Отвѣчаетъ ему Татарченкокъ:
— Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ
младъ!

Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, не устой-
чивы:

Что не стать тебѣ со мной бой дер-
жать!—

Возговорить на то Алеша Поповичъ
младъ:

„Не хвались на пиръ идучи,
А хвались съ пиру идучи!“

Втапору выходить Татаринъ изъ бѣла
шатра

И садится на добра коня.

Не два вѣтра въ полѣ слетались,

Не двѣ тучи въ небѣ сходились;

Сходились-слетались два удалые ви-
тязи;

Ломались копыя ихъ острия,

Разлетались мечи ихъ булатные:

И сходили они съ добрыхъ коней,

И хватались въ рукопашный бой.

Одолѣлъ Алеша Татарина:

Валилъ его на сыру землю,

Скакалъ ему на бѣлы груди,

Хотѣлъ пороть ему бѣлы груди,

Вынимать сердце съ печенью.

Отколь тутъ ни взялся черный воронъ,

И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голо-
сомъ:

„Ой ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

Ты послушай меня, черного ворона:

Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей.

А летаю я на сине море,

Принесу тебѣ мертвой и живой воды;

Вспрыснешь Добрыню живой водой,—

Тутъ и очнется добрый молодецъ“.

Втапору Алеша ворона послушался,

И леталъ воронъ на сине море,

Приносилъ мертвой и живой воды;

Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой
водой:

Сросталось тѣло его бѣлое,

Затягивались раны кровавыя;

Вспрыскивалъ его живой водой:

Пробуждался молодецъ отъ смертнаго
сна.

Отпускали они Татарина.

Было такъ на восходѣ краснаго сол-
нышка,

Вставалъ Илья Муромецъ раньше
всѣхъ,

Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,

Умывался студеной водой,

Утирался тонкимъ полотномъ,

Помолился чудну образу;

Видитъ онъ—чрезъ Сафать-рѣку

Переправляется сила басурманская:

И той силы добру молодцу не объѣхать,

Сѣрому волку не обрыскати,

Черному ворону не облетѣти.

И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:

„Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,

Удалые братья названные!“

Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,

Какъ садились на добрыхъ коней,

Какъ бросались на силу басурманскую,

Стали силу колоть-рубить.

Не столько витязи рубятъ,

Сколько добрые кони ихъ топчутъ;

Бились три часа и три минуточки:

Изрубили силу поганую.

И стали витязи похваляться:

„Не намахались наши могучія плечи,

Не уходились наши добрые кони,

Не притупились мечи наши булатные!“

И говорить Алеша Поповичъ младъ:

„Подавай намъ силу нездѣшнюю,—

Мы и съ тою силою, витязи, спра-
вимся!“

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,

Такъ и явились двое воителей,

И крикнули они громкимъ голосомъ:

— А давайте съ вами, витязи, бой
держать!

Не глядите, что насъ двое, а васъ
семеро.—

Не узнали витязи воителей;

Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ
слова,

Поднялъ онъ коня борзаго,

Налетѣлъ на воителей

И разрубилъ ихъ пополамъ со всего
плеча:

Стало четверо—и живы всѣ.

Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,

Разрубилъ ихъ пополамъ со всего
плеча:

Стало восьмеро и живы всѣ.

Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,

Разрубилъ ихъ пополамъ со всего
плеча:

Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ витязи,

Стали они силу колоть-рубить;

А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растеть да растеть,

Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменные горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ побѣжить витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣть;
Какъ побѣжить другой,
Такъ и окаменѣть;
Какъ побѣжить третій,
Такъ и окаменѣть;
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись ви-
тиязи на святой Руси.

Историческія пѣсни.

Скопинъ-Шуйскій.

У насъ было въ каменной Москвѣ,
У князя было Воротынскаго,
Было пиrowанье великое:
Крестили дитя княженецкое.
Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Василье-
вичъ,

А кумою была дочь Скурлатова.
Много было тутъ князей, бояръ,
Князей, бояръ гостей званыхъ;
Они ѣли, пили, прохлаждалися.
Напилися гости до-пьяна,
Выходили на красенъ крылецъ—
И учили они хвастатися:
Сильный хвастается силою,
Богатый богатствомъ;

Одинъ скажетъ: „у меня много чиста
серебра“,

Другой скажетъ: „у меня больше
красна золота“.

Князь Михайло Скопинъ сынъ Ва-
сильевичъ

Онъ и не пилъ зелена вина,
Не пригубливалъ пива крѣпкаго,
Только пилъ одни меды сладкіе,
А и съ меду князь захмелѣлъ,
Во хмелю онъ похваляться сталъ:

„Да и што-й-то больно, братцы, вы
расхватались,—
Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-
то?—

А ужъ я ли могу похвалитися:
Я очистилъ царство Московское,
Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру христіанскую,—
И за то мнѣ слава до-вѣку“.
И то слово кумъ не полюбилось,—
То слово крестовой не показалось.
Втапору она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена вина,
Подсыпала въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому.
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму потчилъ:
Думалъ князь—она выпила,
А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
Поднесла куму крестовому.
Отъ меду князь не отказывается—
Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго;
Какъ его тутъ рѣзвы ноженьки под-
ломилися,

Его бѣлыя рученьки опустилися,
Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣр-
ные,

Подхватили подъ бѣлы руки,

Увозили князя къ себѣ домой.
Какъ встрѣчала его матушка:
— „Дитя ты мое, чадо милое,
Сколько ты по пирамъ ни ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ“.
— Охъ ты гой еси, матушка моя
родимая,
Сколько я по пирамъ ни ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ;
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова.

Щелканъ Дудентьевичъ. (1387).

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой.
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидить тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловаль
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловаль?
И за то онъ не пожаловаль,
Его дома не случилось:
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,—
У котораго денегъ нѣтъ,

У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскіе невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во 100 рублей,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье,
Государево величество:
А нельзя, дескать,
Тоя узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить.
Проговорить младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ,
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи“.
Проговорить царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи“.
Втапору младъ Щелканъ

Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія.
А втапоры царь Авзякъ
За то его пожаловаль
Тверью старою
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втапоры младъ Щелканъ
Онъ судьбою насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьбою сидѣлъ!..
Надо всѣми наругаться,
Надъ домами насмѣхаться.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли съ честными подарками—
И понесли они честные подарки—
Злата, серебра и скатнаго жем-
чугу.

Изошли его въ домъ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Михайло Казариновъ.

Михайло Казярининъ
Поѣхаль на гору высокую,
Смотрѣлъ раздолья широкія,
И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра.
Стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки наѣздники,

Передъ ними ходить красна дѣвица,
Руска дѣвица полоняночка,
Молода Марѣа Петровична,
Во слезахъ не можетъ слово мол-
вити,

Добрѣ жалобно причитаючи:
„О злочастная моя буйна голова!
Горе-горькая моя руса коса,
А вечеръ тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала;
Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
Расплетать будетъ моя руса коса
Тремъ татарамъ наѣздникамъ“.
Они тѣ-то рѣчи татара договари-
ваютъ,

А первой татаринъ проговорить:
„Не плачь, дѣвица, душа красная,
Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго,
Асделу татарину достанешься,
Не продамъ тебя дѣвицу дешево,
Отдамъ за сына за любимаго,
За мирнаго сына въ Золотой Ордѣ“.
Со тыя горы со высокія
Какъ ясенъ соколъ напущается
На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
Во чистомъ полѣ напущается
Молодой Михайло Казарянинъ,
А Казарянинъ душа Петровичъ младъ;
Приправилъ онъ своего добра коня,
Принастегиваль богатырскаго—
И въ рукѣ копьѣ мурзамецкое:
Перваго татарина копьемъ скололъ,
Другого собаку конемъ стопталъ,
Третьяго о сыру землю;
Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Сохватилъ дѣвицу за бѣлы ручки
Руску дѣвицу полоняночку...

Въ полонянкѣ онъ узналъ свою сестру.

„Гой еси, душа красная дѣвица,
Молода Марѣа Петровична!
А ты по роду мнѣ родна сестра,
И ты какъ татарамъ досталася?
Ты какъ тремъ собакамъ наѣзди-
камъ?“

Говорить ему родная сестра:
„Я вечеръ гуляла въ зеленомъ саду,
Со своей сударынею матушкою,
Какъ издамоча, изъ чиста поля,

Какъ черны вороны налетывали,
Набѣгали тутъ три татарина наѣз-
ника,

Полонили меня красну дѣвицу,
Повезли меня во чисто поле:
А я такъ татарамъ досталася,
Тремъ собакамъ наѣзникамъ“.
Молодой Михайло Казарянинъ
Собираетъ въ шатрахъ злата, серебра,
Онъ кладетъ во тѣ сумы переметныя,
Переметныя, сыромятныя,
И беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
Посадилъ дѣвицу на добра коня,
На рускаго богатырскаго,
Самъ сажился на татарскаго—
Какъ бы двухъ коней въ поводу по-
велъ—

И поѣхалъ къ городу Кіеву.

Царь Бахметъ и Авдотья Рязаночка.

Подступалъ тутъ царь Бахметъ ту-
рецкій,
И разорялъ онъ старую Казань-городъ
подлѣсную,
И полонилъ онъ народу во полонъ со-
рокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.
Оставалася въ Казанѣ одна женка
Рязаночка,

Стосковалася женка, сторебалася:
У ней полонилъ три головушки:
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго,
Свекра любимаго.
И думаетъ женка умомъ-разумомъ:
„Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дороги хорошіе на выкупу“...

Съ трудомъ добралась она до Бахмета:

Говоритъ ей царь Бахметъ турецкій:
— Ты Авдотья, женка Рязаночка!
Когда ты умѣла пройти путемъ да и
дорогою,
Такъ умѣй-ка попросить и головушка
Изъ трехъ единыя;
А не умѣешь ты попросить голо-
вушки,

Такъ я срублю тебѣ по плечъ буйну
голову.—

Стоючись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
„Ужъ ты, батюшка царь Бахметъ ту-
рецкій!

Я въ Казани-то была женка не по-
слѣдняя,
Не послѣдняя я была женка, первая:
Я замужъ пойду, такъ у меня и мужъ
будетъ,

Свекра стану звать батюшкомъ;
Приживу я сына любезнаго,
Такъ у меня и сынъ будетъ;
Приживу я себѣ дочку любезную,
Воспою-вскормлю, замужъ отдамъ,
Такъ у меня и зять будетъ.
Не видать мнѣ буде единыя голо-
вушки,

Мнѣ милаго братца родимаго,
Да не видать вѣкъ да и по вѣку“.
Сижучись да царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался:
— Ты, Авдотья женка Рязаночка!
Когда я разорялъ вашу сторону, Ка-
зань-городъ подлѣсную,
Тогда у меня убили милаго-то братца
родимаго:

Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.
За твой-то рѣчи разумныя,
За твой-то слова за хорошія,
Ты бери полону, сколько надобно:
Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ,
крестномъ братовствѣ.—

Начала женка ходить въ землѣ ту-
рецкія,
Выбирати полонъ во свою землю.
Она выбрала весь полонъ земли ту-
рецкія,

Привела да полонъ въ свою Казань-
городъ подлѣсную,
Разселила Казань-городъ по старому,
По старому да по прежнему.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Когда-то возсіяло солнце красное
На тоёмъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный
царь,

Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный
пиръ:

Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на почестномъ напивалися
И вси на пиру порасхвастались.
Иный хвастаетъ села со приселками,
А иный хвалить города съ пригород-

ками,
Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ-за того стола да изъ-за дубова
Не золота звонка труба вытрубила,
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ
Васильевичъ,

Испроговорилъ онъ таково слово:
„Есть и мнѣ царю теперь похвастати:
Я повынесъ-то царенье изъ Царя-

града,
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль я себѣ въ руки
взялъ,

И повыведу измѣну съ каменной
Москвы!“

Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Тутъ не красное-то солнышко ката-

лося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходить маленькой Иванушко царе-

вичъ-государь,
Сынъ говорилъ да таково слово:
— Ты ей, государь мой родной ба-

тюшка!
Не вывести измѣны съ каменной
Москвы:

Сидить-то измѣна за однимъ столомъ,
Исъ-пѣть измѣна одни кушанья,
Платьи носить одноцвѣтныя,
Да сапожки на ножкахъ одноличныя.—

Тутъ не мутное око помутилось,
Его царское сердце разгорѣлось
И сговорилъ Грозный царь Иванъ
Васильевичъ:

„Ахъ ты, маленькой Иванушко царе-

вичъ-государь!
Ты подай мнѣ измѣнщика да на очи:
Я измѣнщику голову срублю“.

Испроговорилъ Иванушко царевичъ-
государь:

— Ужъ я глупымъ-то разумомъ про-
молвился,—

Какъ на братца мнѣ сказать, такъ
мнѣ-ка братца жалъ,
На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка
живу не бывать;

А буде сказать мнѣ на братца своего,
На того на Ѳедора Ивановича.
Ей ты, государь родной батюшка!
Когда жъ мы брали съ тобой царскій
градъ,

Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,
А я-то ѣхалъ да по другому,
А братецъ мой ѣхалъ по середочки,
Мы съ тобою, государь, да все ѣхали.
Мы все казнили, да все вѣшали,
А Ѳедоръ-братецъ ѣхалъ по сере-

дочкѣ,
Напередъ пословъ да онъ поразсы-

лалъ,
Чтобы удалые да поразбѣгались,
А которые по кувиль-траву да разва-

лялися,

А которые при домахъ оставались.

Теперича измѣна вся повыстала.—

Тутъ не мутное око помутилось,

Ево царское сердце разгорѣлось:

„Ай вы ей, палачи да немилостивы!

Вы возьмите-ка Ѳедора Ивановича

За тыя за рученьки за бѣлыя,

За тые за перстни за злаченные,

Сведите-ка Ѳедора въ чисто поле

А на тое болото-то на Житное,

А на тую на плашку на липову,

Отрубите ему буйну голову

За него поступки неумильныя!“

Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,

Которые разумны, растулялися;

Одинъ остался Малютка воръ Скура-

товъ сынъ.

А самъ говорилъ таково слово:

— „Я много вѣдь казилъ царей, царе-

вичевъ,

Я безъ счету королей да королевичей:

А тебя-ко-ва я Ѳедора да не спущу!“—

Онъ беретъ его за ручки за бѣлыя,

За тые за перстни да за злаченные,

Повелъ Ѳедора да въ чисто поле

На тое болотечко на Житное,

На тую плашечку на липову

Срубить Ѳедору да буйну голову
За него поступки неумильные.
Во тую ль было пору да во то время
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня да родна матушка,
Она чеботы обула да на босу ногу,
Кунью шубу-то одѣла на одно плечо,
Побѣжала-то на горку да на Вшивую,
А ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты-то Романовичу.

А срѣтать ю братецъ-отъ ей родимый,
А самъ говорить таково слово:

„Что же ты, сестрице, да не въ по-
крутъ,

А въ одной ты шубы черныхъ со-
болей?“

Говорить Авдотья да Романовна:

— Ты ей же, братецъ мой родимый,
Знать ты надъ собой невзгодушки не
вѣдаешь:

Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого пле-
мянничка,

Тотъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ
(Увелъ его да во чисто поле)

На тое болотце да на Житное,

На тую плашку на липову

Срубить Ѳедору буйну голову.—

Онъ кидается, скоро бросается,

Беретъ узду въ руки тесмянную,

Бѣжалъ на конюшню на стоялую,

Одѣвалъ на мала бурушка да каву-
рушка,

Садился скоро на добра коня,

Не на сѣдлана, да не на уздана,

Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кри-
читьъ,

Голосомъ кричить, да самъ рукой ма-
шить:

„Ты ей, воръ Малютка Скурлатовъ
сынъ!

Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ зада-
вишься,

Не казни-тка млада царевича,

Ай того жъ-де Ѳедора Ивановича“.

Малютка того и не пытаючи,

Беретъ Ѳедора да за желты кудри,

Клонить на плашку на липову,

Хочетъ срубить да буйну голову.

А наѣхалъ Никита Романовичъ,

Смахнулъ своей саблей да вострой,

Отнесъ Малютки буйну голову,

За него поступки неумильные.

А онъ взялъ де Ѳедора Ивановича,

Увозилъ на горку да на Вшивую.

Сегодня день былъ суботній,

Завтра день да воскресный де,

Ѣхать намъ ко ранней ко заутрени.

Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Ва-
сильевичъ,

Что нѣтъ жива молодого царевича,

Сокрутился онъ во платье во опальное,

Заложилъ лошадей да вороненыхъ

Подъ ты кареты подъ черныя,

Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.

А тотъ Никита да Романовичъ

Заложилъ онъ лошадей да все рыжихъ,

Одѣлъ на себя платье цвѣтное,

Платье цвѣтное, самолучшее,

Поѣхалъ ко ранней ко заутрени.

Крестъ кладеть по писаному,

Поклонъ ведеть по ученому

На всѣ три-четыре стороны,

А Ивану Васильевичу въ собину:

„Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Ва-
сильевичъ,

Со своей со любимой семьей,

Со молодой со Авдотьей со Романов-
ной,

Со своими со малыма со дѣтушками,

Со тымъ со Иваномъ Ивановичемъ!“

И сговорилъ Грозный царь Иванъ Ва-
сильевичъ:

— Ай ты же, шуринъ мой любимыя,

Ты ей, Никита да Романовичъ!

Знать ты надъ собой невзгодушки не
вѣдаешь?

Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого пле-
мянничка,

Ай того де Ѳедора Ивановича,

Вѣдь увелъ воръ Малютка Скурлатовъ
сынъ

На тое болотце да на Житное,

Да на тую на плашку да на липову

Срубить Ѳедору буйну голову

За него поступки неумильные.—

Никита Романовичъ еще два раза повторяетъ свое
привѣтствіе.

Тутъ не мутное око помутилось,

Его царское сердце разгорѣлося:

— Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимыя,
Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!
Знать, ты надо мной насмѣхаешься!
Отстою какъ я раннюю заутреню,
Прикажу тебѣ Никиты голову срубить.—
И самъ заплакалъ горькимъ дятелемъ.
— Какъ по ворахъ было—по разбой-
никахъ,
По разбойникамъ—по ворахъ есть за-
ступщики;
По моёмъ роженоемъ по дитятки,
По тоёмъ Ѳеодоръ Ивановичъ,
По немъ не было никакого засту-
пушки!—
Говоритъ Никита Романовичъ:
„Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?“
Говорилъ Грозный царь Иванъ Василье-
вичъ:
— Хоть бываетъ-то прощенье, тѣперь
взять негдѣ.—
Говоритъ Никита Романовичъ:
„Не отрублена есть Ѳеодору да буйна
голова,
А отрублена да буйна голова
А тому Малюты да Скурлатову“.
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скорѣ, бросается
Не кидается за Ѳеодора Ивановича*),
Кидался за Никиту за Романовича,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожа-
ловать?
Ты ей, шуринъ мой любимыя,
Дать тебѣ села съ приселками,
Али дать тебѣ да золотой казны?—
Говоритъ Никита Романовичъ:
„Есть у меня села съ приселками,
А и то мнѣ молодцу не похвальба.
Есть у меня города съ пригородками,
А и то мнѣ молодцу не похвальба.
Есть у меня и золотой казны,
И то мнѣ молодцу не похвальба.
А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
Что хоть съ петли уйди, хоть коня
угони,

Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вот-
чину,—
Того добраго-то молодца да Богъ про-
ститъ“.
Онъ пожаловалъ Микитиною его вот-
чиной:
Что хоть съ петли уйди, да хоть коня
угони,
Хоть коня угони, да хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину да
вотчину,—
Того добраго-то молодца да Богъ про-
ститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину ска-
жутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послу-
шанье.

Взятіе Казанскаго царства.

Среди было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни бѣлокаменной палаты
Отъ сна тутъ царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сонъ
разказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, про-
будися!
Что почесъ мнѣ царицѣ мало спалося,
Въ сновидѣнницѣ много видѣлося:
Какъ отъ сильнаго Московскаго царства,
Кабы сизый орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдъ царство наплывала“.
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, про-
зритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за
пятнадцать верстъ,
Становились они подкою подъ Бу-
лакъ-рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку
подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,

*) Къ Ѳеодору.

Подводили подъ Казанское царство;
 Воску яраго свѣчу становили,
 А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ;
 Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
 А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣ.
 Воспалился тутъ великій князь Мо-
 сковскій,
 Князь Иванъ сударь Васильевичъ, про-
 зритель,
 И началъ канонеровъ тутъ казнити:
 Что началась отъ канонеровъ измѣна;
 Что большой за меньшаго хоронится,
 Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣту.
 Еще тутъ ли молодой канонеръ вы-
 ступался:
 „Ты великій сударь, князь Московскій!
 Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
 Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
 А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣ“.
 Призадумался князь Московскій,
 Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти
 собою,
 Еще какъ бы это дѣло оттянути.
 Они тѣ-то рѣчи говорили,
 Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
 До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,—
 Принималися бочки съ чернымъ поро-
 хомъ,
 Подымало высокую гору,
 Разбросало бѣлокаменны палаты.
 И бѣжалъ тутъ великій князь Москов-
 скій
 На тое ли высокую гору,
 Гдѣ стояли царскія палаты.
 Что царица Елена догадалась,
 Она сыпала соли на ковригу,
 Она съ радостью Московскаго князя
 встрѣчала,
 А того ли Ивана сударь Васильевича
 прозрителя;
 И за то онъ царицу пожаловалъ
 И привелъ въ крещеную вѣру,
 Въ монастырь царицу постригли;
 А за гордость царя Симеона,
 Что не встрѣтилъ великаго князя,
 Онъ и вынялъ ясны очи со косицами,
 Онъ и взялъ съ него царскую корону
 И снялъ царскую порфиру,
 Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
 И въ то время князь воцарился

И насѣлъ въ Московское царство,
 Что тогда-де Москва основалася;
 И съ тѣхъ поръ великая слава.

Пѣсня царевны Ксеніи Борисовны.

Всплachtetся мала птичка,
 Бѣлая пелепелка:
 „Охти мнѣ молодѣ горевати!
 Хотятъ сырой дубъ зажигати,
 Мое гнѣздышко разорити,
 Мои малыя дѣти побити,
 Меня пелепелку поимати“.
 Всплachtetся на Москвѣ царевна:
 „Охти мнѣ молодѣ горевати,
 Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
 Ино Гришка Отрепьевъ Розстрига,
 Что хочетъ меня полонити,
 А полонивъ меня, хочетъ постричи,
 Чернеческій чинъ наложить.
 Ино мнѣ постричи ся не хочетъ,
 Чернеческаго чину не сдержати:
 Отворити будетъ темна келья,
 На добрыхъ молодцовъ посмотретьи.
 Ино охъ, милые наши переходы!
 А кому будетъ по васъ да ходити
 Послѣ царскаго нашего житья,
 И послѣ Бориса Годунова?
 Ахъ, милые наши теремы!
 А кому будетъ въ васъ да сѣдѣти,
 Послѣ царскаго нашего житья,
 И послѣ Бориса Годунова?“
 А всплachtetся на Москвѣ царевна,
 Бориса дочь Годунова:
 „Ино Боже, Спасъ милосердый!
 За что наше царство загибло?
 За батюшково ли согрѣшенъе,
 За матушкино ли немоленъе?
 А свѣты вы наши—высокія хоромы!
 Кому вами будетъ владѣти,
 Послѣ нашего царскаго житья?
 А свѣты браные убрусы!
 Береза ли вами крутити?
 А свѣты золоты ширинки!
 Лѣсы ли вами дарити?
 А свѣты яхонты-сережки!
 На сучье ли васъ задѣвати,
 Послѣ царскаго нашего житья,
 Послѣ батюшкова преставленъя,
 А свѣта Бориса Годунова?

А что ѣдетъ къ Москвѣ Розстрига,
Да хочеть теремы ломати,
Меня хочеть царевну поимати,
А на Устюжну на Желѣзную отослати,
Меня хочеть царевну постричи,
А въ рѣшетчатый садъ засадити.
Ино охти мнѣ горевати,
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игуменъи благословиться.

Рожденіе Петра I.

Ужъ какъ свѣтель радошень въ
Москвѣ
Ласковый царь Алексѣй, сударь Ми-
хайловичъ:

Народилъ ему Господь сына-царевича,
Что царевича—Петра Алексѣевича,
Какъ всѣ-то русскіе плотнички,
Что плотнички сами мастера,
Они ночки не спали—колыбель-люльку
дѣлали.

А нянюшки, мамушки, сѣнны дѣвушки,
Онѣ ночки не спали—шириночку вы-
шивали

По бѣлому рытому бархату краснымъ
золотомъ;

А втапоры затюремнички они всѣ рас-
пущались,

Царскіе погребы они всѣ растворя-
лись,

У царя у ласковаго шель пиръ и
столь на радости.

Всѣ князья, бояре къ царю собира-
лись.

Всѣ дворяне ко ласковому соѣзжались,
Весь народъ божій на пиру, — пьютъ,
ѣдятъ, прохлажаются:

Въ весельи не видали, какъ и дни
прошли:

Все для младшаго царевича — Петра
Алексѣевича,

Перваго императора по землѣ.

Семейная жизнь Петра I.

Еще было въ славной матушкѣ да въ
каменной Москвѣ,
Ай вѣдь по небу-то было голубому,

Выкаталась-то луна, да луна свѣтлая,
Луна свѣтла, опекало солнце красное,
Што во ту вѣдь все порѣ было во
время

Зародился у насъ младенькой царе-
вичъ-отъ,

Што по имени вѣдь Петръ да Але-
ксѣевичъ,

Ночку не спали премуды разны плот-
нички,

Колыбелечку царевичу готовили,
Украшали вѣдь они да краснымъ золо-
томъ.

Не спали ночью и нянюшки съ мамушками—все
готовили наряды новорожденному. Царь на радо-
стяхъ собралъ пиръ, на который съѣхались мно-
гіе цари. Три дня веселились гости.

Еще сталъ-то расти младъ царевичъ-
отъ,

Онъ вѣдь скоро-то возрастаетъ тутъ,
Возрастаетъ онъ да какъ скорехонько,
Еще сталъ у насъ да Петръ-отъ Пер-
вой-отъ,

Сталъ семи годовъ—да ему отъ роду
Какъ премудрой былъ царевичъ-отъ
хитрой-мудрой.

Изучился-то онъ скоро Божьей гра-
мотѣ,

Ко всему онъ изучился, чему надобно.

Наступило время жениться. Царь предлагаетъ
ему выбрать невѣсту.

Отвѣчаетъ царевичъ Петръ все Але-
ксѣевичъ:

„Я жениться не хочу да въ каменной
Москвѣ.

Ты построй-ко мнѣ-ка, батюшка, да
славный городъ-отъ,

Питенбурхъ-отъ ты мнѣ сдѣлай слав-
нымъ городомъ.

Я уѣду, тамъ дакъ буду жить-то я,
Буду жить-то я, владѣть своимъ двор-
цомъ.

Царь согласился и женилъ его.

Онъ женилъ-то вѣдь его въ землѣ не-
вѣрной,

Въ богатой онъ землѣ у короля швец-
каго;

Онъ вѣдь бралъ-то тутъ Настасью
Королевичну.

Они съ той жили хорошо да безъ
лиха.

Ихъ какъ жизнь-то вѣдь была, да
какъ цвѣты цвѣли,

Какъ цвѣты-то цвѣли у нихъ лазуревы,
Какъ катился ихной вѣкъ, да какъ
рѣка текла.

У нихъ родился царевичъ Федоръ. На радостяхъ
Петръ велѣлъ звонить въ колокола и устроить
пиръ. На пиру „премудрые люди“ предупредили
его, что царевичъ окажется измѣнникомъ.

„Ужъ ты гой еси, да нашъ бѣлый царь,
Ужъ ты бѣлой нашъ царь да Петръ
ты Первой нашъ,

Изъ отечества же свѣтъ Алексѣевичъ!
Хошь растеть-то у тебя твое-то чадо
милое,

Твое мило растеть чадушко любимое,
Онъ вѣдь сдѣлать-то тебѣ, вѣрно, из-
мѣнушку,

Онъ измѣнушку тебѣ, да онъ твоей
вѣрѣ,

Онъ вѣдь будетъ править вѣрушку ста-
ринную,

Онъ старинну будетъ вѣру богомольную,
Богомольную хранить вѣрушку спасен-
ную!..“

Царь не повѣрилъ и рѣшилъ вывѣдать у сына, ко-
торый ходитъ все печальный. На вопросъ отца о
причинѣ тоски, царевичъ отвѣчалъ:

„Мнѣ ночесъ мало спалось да много
видѣлось.

Прилетѣло-то, пришло будто два ан-
гела,

Што два ангела мнѣ-ка, два хранителя;
Говорятъ они про вѣру про спасенную,
Про спасенную про вѣру богомольную.
Называли-то меня младымъ цареви-
чемъ,

Говорятъ-то все они мнѣ-ка, рассказы-
вали:

Какъ тепереча живешь хоть ты на-
слѣдничкомъ,

Когда будешь жить-то ты царемъ ца-
рить,

Ты царемъ будешь царить, да слыть
все бѣлымъ-то,

Не держи-ко ты, не вѣруй вѣрѣ папи-
ной,

Ты не вѣруй-ко еще да вѣрѣ дѣдовой;
Оврати-ко ты вѣдь вѣрушку къ себѣ
пазадъ,

Ты повѣруй-ко-се въ вѣру ту все въ
правдѣдка“.

Эти рѣчи показались Петру „въ досадушку“ и
онъ „на трои на суточки“ посадилъ въ темницѣ
сына.

Говорить-то самъ вѣдь таковы слова:
„Продержу-ту я его хошь трои суточки,
Я въ той ли продержу да въ темной
темницѣ,

Не повѣруеть ли онъ да въ вѣру но-
нѣшну?“

Царевичъ не уступалъ убѣжденіямъ отца; въ гнѣвъ
тотъ схватилъ саблю, чтобы зарубить сына, но въ
это время вошла царица-мать.

Што идетъ-то она, слезно уливается:
„Ужъ ты гой еси, мой да супругъ ми-
лой ты,

Ужъ ты милой ты мой да все люби-
мой ты!

Дай сказать мнѣ хошь единое словес-
чушко!

Нѣту, нѣту такихъ правъ да на Свя-
той Руси,—

Не отсѣкаютъ-то цари да буйны головы!
Ты вѣдь хочешь отсѣчи у сына да у
любимаго,

Разорить ты вѣдь хошь да свое цар-
ство все!“

Тутъ стопталъ-то царь ногами-ти все
рѣзвыма.

Царевичъ испугался и умеръ отъ испуга.

Вѣдь заплакала царица Королевична:
„Какъ потухла-то у меня свѣча все
воску ярова,

Со восточну ту стороночку упала съ
неба звѣздочка!

Укатилась-то у меня виноградинка,
Виноградинка моя да сладка ягодка!“

Петръ похоронилъ царевича, а царевну отправилъ
въ монастырь „спасеной“.

Онъ вѣдь съ тѣхъ-то поръ да нашъ
Петръ Первой-отъ,
Повелась-то его жизнь все не на ра-
дости,
Не на радости пошла, не на весельицѣ.

Прошло шесть лѣтъ; царь нарядился плотникомъ
и пошелъ работать; стряпухой у плотниковъ была
„вдова прекрасная“.

Какъ по имени-то все Екатерина-то,
Изъ отечества была все Алексѣевна!

Царь сталъ свататься. Она отвѣчала, что безъ со-
гласія плотниковъ она не можетъ идти замужъ.
Вѣнчанье было назначено. Въ день торжества сто-
яла непогода: вьюгой замело церковь. Священникъ
неохотно пошелъ совершать обрядъ, упрекая же-
ниха за то, что тотъ не выбралъ времени получше.
Петръ далъ ему много золота, чѣмъ привелъ свя-
щенника и всѣхъ въ изумленіе.

„Ты бери, бери, да кольки дано тутъ,
Овѣнчай ты только царя бѣлаго,
Царя бѣлаго меня, хотъ Петра Перваго,
Петра Перваго меня да Алексѣевича!“
Скидавалъ-то онъ свое-то платье плот-
никовъ;

Да увидѣли тогда-то, што тутъ бѣлой
царь,
Еще попъ-отъ вѣдь тутъ да испугался
тутъ.

За свои-ти вѣдь онъ да за грубы рѣчи;
Екатерина Алексѣевна да чуть въ умѣ
стоитъ,

Чуть въ умѣ она стоитъ, да изъ глазъ
слезы льетъ.

Подломились-то у ней да ножки рѣзвя,
Приупали-то у ей да ручки бѣлыя.
Еще тутъ они да повѣнчались.

Послѣ вѣнчанья былъ пиръ.

Маруся Богуславка.

Що на Черному морі,
На камені біленькому,
Там стояла темниця камяня.
Що у тій-то темниці пробувало сім-сот
козаків,

Бідних невольників.

То вже тридцять літ у неволі пробу-
вають,
Божого світу, сонця праведного въ вічі
собі не видають.

То до їх дівка бранка,
Маруся попівна Богуславка,
Прихождає,
Словами промовляє:

„Гей, козаки,
„Ви, бідні невольники!
„Угадайте, що въ нашій землі Христи-
янській за день тепера?“

Що тоді бідні невольники зачували,
Дівку бранку,
Марусю попівну Богуславку,
По річахъ познавали,
Словами промовляли:
„Гей, дивко бранко,
Марусю попівно Богуславко!
Почим ми можем знати,
Що въ нашій землі Християнській за
день тепера?“

Що тридцять літ у неволі пробуваєм,
Божого світу, сонця праведного в вічі
собі не видаєм.

То ми не можемо знати,
Що въ нашій землі Християнській за
день тепера“.

Тоді дівка бранка,
Маруся попівна Богуславка,
Тее зачуває,
До козаків словами промовляє:

„Ой козаки,
Ви, бідні невольники!
Що сьогодні у нашій землі Християнсь-
кій Великодняя субота,
А завтра святий праздник, роковий
день Велик-день.

То тоді ті козаки тее зачували,
Білим лицем до сирої землі припа-
дали,

Дівку бранку,
Марусю попівну Богуславку,
Кляли—проклинали:

„Та бодай ти, дивко бранко,
Марусю попівно Богуславко,
Щастя й долі собі не мала,
Як ти намъ святий праздникъ, роко-
вий день Велик-день сказала!“

То тоді дівка бранка,
Маруся попівна Богуславка,
Тее зачувала,
Словами промовляла:
„Ой козаки,
Ви, бідні невольники!
Та не лайте мене, не проклиняйте;
Бо як буде наш панъ турецький до ме-
чети відъїжжати,

То буде мині, дівці бранці,
Марусі попівні Богуславці,
На руки ключи віддавати:
То буду я до темниці приходити,
Темницю відмикати,
Вас всіх, бідних невольників, на волю
выпускати“.

То на святий празник, роковий день
Велик-день,
Ставъ пан турецький до мечети відъїж-
жати,

Став дівці бранці,
Марусі попівні Богуславці,
На руки ключи віддавати.
Тоді дівка бранка,
Маруся попівна Богуславка,
Доброє дбає—
До темниці приходить,
Темницю відмикає,
Всех козаків,
Бідних невольників,
На волю выпускає
І словами промовляє:
„Ой козаки,
Ви, бідні невольники!
Кажу я вам, добре дбайте,
В городи християнські утікайте;
Тільки прошу я вас, одного города Бо-
гуслава не минайте,
Моєму батьку й матері знати давайте:
Та нехай мій батько добре дбає,
Гуртів, великих маєтків нехай не збуває,
Великих скарбів не збирає,
Та нехай мене, дівкі бранки,
Марусі попівни Богуславки,
З неволі не викупає;
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоші турецької,
Для лакомства нещастного!“—
Ой визволи, Боже, нас всіх, бідних не-
вольників,

З тяжкої неволі,
З віри бусурменської,
На ясні зорі,
На тихі воді,
У край веселий,
У мир хрещений!

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

Из города из Азова не великіи тумани
вставали,

Три брата рідненьких з тяжкої неволі
втікали:

Два кіннихъ, третій піший за ними
підбігає,

На сире коріння, на біле каміння
Ніжки свої козацькіи посікає, кровю
сліди заливає,

До кінних братив добігає, словами про-
мовляє:

„Станьте ви, братця! Коней попасіте,
мене підождіте,

З собою візьміте, до городів хрестян-
ських підвезіте“.

То середульшій, тее зачував, старшого
питає;

То старшій ему словами промовляє:
— Чи ще-жъ тобі не далася тяжкая
неволя знати?..

Якъ будемъ ми брата дождати,
Буде нас погонь догоняти,
Буде нас стріляти, рубати,
Або в тяжкій роботі будем пропадати.—
„Коли-ж мене, братця, не хочете ждати“,
Став меншій промовляти,—

„То прошу вас, братця: на праву сто-
рону звертайте,

Шаблі из піхв винімайте,
Тіло мое порубайте,
Въ чистіимъ степу поховайте,
Звіру та птиці на поталу не дайте!“
То середульшій тее зачував,
Словами промовляє:

„Сѣго, брате, из роду нигде не чували,
Щоб рідною кровю шаблі обмивали,
Або гострим списом опрощенне брали“.
— „Коли-ж не хочете, братця, мене
рубати,

То прошу вас, братця, як будете до
байраків прибувати,

Тернові вітки в запілле рубайте,
 Мині на признаку покидайте“.
 То вже два козаки в байраки в'їжжає;
 Середульшій брат милосердіє має:
 Верховіття у тернів зтинає
 Меншому брату приміту покидає.
 А як сталина Муравський шлях в'їжжати,
 Ничім ему признаків покидати;
 Він червону китайку з підъ жупана
 видирає,

По шляху розкидає,
 Меншому брату приміту зоставляє.
 То як став пішеходець з тернів виходити,
 Став червонку китайку находити:
 У руки хватає, дрібними слезами об-
 ливає.

„Не дурно, примовляє, червона китайка
 по шляху валяє,
 Мабуть моїх братів на світі не має!..
 Мабуть за ними з города Азова погоня
 вставала,

Мене в тернах на спочиві минала,
 Братів моїх догоняла, стріляла, рубала!

Коли б мині Біг
 Милосердій поміг

Тіло козацьке находити,
 В чистім степу хоронити!“

Що одно безвідде, друге безхлібе,
 Трете—буйний вітер в полі повіває,
 Бідного козака з ног валяє...

„Ой годі-ж мині за кінними братами
 уганяти,

Час мині козацьким ногам пільгу дати!“
 То тее промовляв,

До Савор-могили прибував
 Під Савор-могилою спочивав.

В той час сизі орли налітали,
 Пильно в очі козакові заглядали.

Козак тее забачає,
 Словами промовляє:

„Орли сизопери,
 Гості мої милі!

Прошу я вас тоді налітати,
 З лобу очі мині висмикати,

Як не буду я світа Божого видати“...

То тее промовляв,
 За час за годину милосердому Богу
 душу оддав.

Тоді орли налітали, з лобу очі висмикали,
 Тоді ще й дрібна птиця налітала,

Коло жовтої кості тіло оббірала.
 Вовки-сіроманці набігали, тіло козацьке
 рвали,

По тернах, по балках жовту кость
 жваковали,

Жалобненько квилили, проквеляли:
 То ж вони козацькі похорони одпра-
 вляли!

Десь взялася сиза зозуленька,
 В головках сідала, жалобно кувала,
 Як сестра брата, або мати сина опла-
 кала.

Стали кінни брати до городів хре-
 стянських дохожати,

Стала к їх серцям туга налягати.
 То середульшій брат до старшого брата
 словами промовляє:

„Не дурно кь нашим серцям велика
 туга налягає:

Мабуть нашого брата живого на світі
 немає!

Як будемо, брате, до отця й матері
 прибувати,

Як будуть вони нас питати, та що
 станемо казати?“

То старший брат тее зачуває.

До середульшого словами промовляє:
 „Скажем: не в одного пана вь неволі
 бували,

Нічної доби з неволі втікали,
 Его сонного будили, не збудили,
 Тамъ его вь неволі й зостановили“.

То середульшій брат тее зачуває,
 До старшого брата словами промовляє:

„Як не будем отцю й матері правді
 казати,

То буде нас отцевська й материн-
 ська молитва карати“.

Тоді старші браті на поля Самарськи
 в'їжжають

Надъ річкою Самарською опочивку собі
 мають,

Коней попасають.

Вь той час безбожні басурмани на-
 бігали,

И тих двух братив порубали,
 Тіло козацьке, карбовали,
 Вь чистім полі розкидали,
 Головы на шаблі вздймали, долго глу-
 мовали.

Дума о походѣ на поляковъ (переводъ).

Вотъ пошли казаки на четыре поля,—что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ Самко Мушкетъ: а за паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи запорожцы—на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Самко Мушкетъ—онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ,—думаетъ, гадаетъ... Да чтобы сто чертей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ, гадаетъ, говорить словамъ:

„А что какъ наше козачество, словно въ аду, ляхи спалятъ, да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмелье сварятъ?...

„А что какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?.. Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала,—что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась,—да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась,—Туретчинѣ да Татарчинѣ добрымъ лихомъ знать далась,—да и ляхамъ—ворогамъ на копье отдалась?..

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы —
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ адѣ потопило: что не видно чубатыхъ—ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по ляхскимъ полямъ?... Закрячетъ воронъ, загрузетъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю... Анъ нѣтъ? кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ... пощепанныя сабли бренчатъ...

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ... А головы, козацкія—словно швецъ Семенъ шкуру потерялъ! А чубы—словно чортъ жгуты повиль: въ крови всѣ засохли: то-то и славы набрались!

Вотъ пошли казаки на четыре дороги—что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—то пошелъ Самко Мушкетъ, а другимъ полемъ Степанъ Кукуруза; какъ сизая голубка, свою буйную голову повѣсилъ. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые това-

рищи запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, сабелями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такія слова говорятъ:

— Живъ ли ты, здоровъ ли, панъ Степанъ? Или ты умеръ, что твою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ? Раздумье не въ поминанье! Когда-жъ нибудь да надо по насъ поминки творить. Какъ по насъ, пане, старыя бабы стануть въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, пане, молодыя дѣвицы зачнутъ голосить!—

— „Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ какъ дойдемъ до пятаго яра, то хоть и середь лѣта—зашумить, загудетъ, не приведи Богъ, буря... Будетъ и нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка степью летучи, лѣсомъ скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налетятъ орлы сизые, стануть горевать; а вороны налетятъ, стануть добычи ждать, поджидать. Вотъ какъ налетятъ тѣ кукушки, что насъ не забыли...

Бытовыя пѣсни.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, т. I, вып. 1-ый стр. 104—114.

Тоска по миломъ.

Не пой, соловей,
Не пой, вольной, молодой!
Ты не дай тоски-кручины
Сердечiku моему.
Мое тайное сердечко
Изболѣло все оно.
Все изныло по миломъ.
Сердце ныло, грудь болѣла.
По тебѣ все, милой мой!
Шла я лѣсомъ, шла я темнымъ,
Не боялась никого.
Да мнѣ некого бояться,
Кромѣ дружка своего.
Шла я садомъ, шла зеленымъ,
Мнѣ казался алый цвѣтъ.
Цвѣтикъ алый, цвѣтъ лавровый,
Безъ вѣтру листы шумять.
Не шумите вы, листочки,
Въ моемъ зеленомъ саду.
Не про насъ ли люди баютъ,
Не про насъ ли говорятъ,
Тебя молодца бранять?

Тоска по милой.

Ахъ вы, мысли мои, мысли, печальныя
мысли!
Скажите вы, мои мысли, про мое не-
счастье:
Какъ же мнѣ молодчику, жить въ такой
напасти?
Печальное мое сердце безпрестанно
тужить,
Тоскуетъ оно, горюетъ все по прежней
волѣ.
Имѣлъ бы я крылушки, еще златыя
перья,—
Взвился бы я высоко, полетѣлъ бы да-
леко,
Гдѣ бы мнѣ понравилось, тамъ бы опу-
стился,
Ко своей сударушкѣ сѣлъ бы я на
окошко,
Сѣлъ бы я на косящето, сталъ бы я
ворковати,
Свою разлюбезную сталъ бы я спотѣ-
шати.

Горе дѣвушки.

Полынь ты моя, полыньюшка, горькая
травя,
Полынь горькая трава, шелковая!
Не я ли тебя, полыньюшка, сѣяла,
Не сама ли ты, полыньюшка-злѣй,
уродилася,
По зеленому по садику, злѣй, рас-
плодилася?
Заняла ты мнѣ, полыньюшка, въ саду
мѣстечко,
Въ саду мѣсто доброе, хлѣбородное;
Во саду ли во садикѣ виноградъ растеть,
Виноградъ растеть, черносливъ цвѣ-
теть.
Свѣти-ко, свѣти, ты, свѣтель мѣсяцъ,
Чтобы было видно мнѣ, куда милъ
пошелъ!
Пошелъ мой миленькій изъ улицы въ
край,
Во крайній во дворъ, ко вдовушкѣ въ
домъ,—
У вдовушки дочушка была, дочь одна,
Ложилась спать подъ окошечкомъ,
Открывала окошечко немножечко,
Говорила съ милымъ потихонечку.

Разлука.

Долина ль ты моя, долинушка,
Долина ль ты моя широкая!
На той ли долинь
Выростала калина;
На той ли на калинь
Кукушка вскуковала:
Ты объ чемъ, моя кукушечко,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь?
Ужъ и какъ же мнѣ, кукушечкѣ,
Какъ не куковати?
Ужъ и какъ же мнѣ, горемычной,
Какъ не горевати?
Одинъ былъ зеленый садъ,—
И тотъ засыхаетъ,
Одинъ былъ у меня милый
другъ,—

И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня, младешеньку,
Одное меня покидаетъ.

Злая предчувствія.

Ахъ вы, вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные—вѣтры осенніе!
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Отнесите вы къ другу вѣсточку,
Что нерадостную вѣсть, печальную:
Какъ вечеръ-то молодешенькѣ
Мнѣ мало спалось, много видѣлось,
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня у младешеньки,
На правой рукѣ на мизинчикѣ
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милова,
Свѣтъ дородна добра молодца.

Прощанье съ милой.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взшла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной взшла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
Подъ тобою ли, рябинушкой,
Что не макъ цвѣтеть, не трава растеть,
Не трава растеть, не огонь горить,
Не огонь горить—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ, горить, горить, какъ смола ки-
пить,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты душа ль, душа, красна дѣвица!
На зарѣ ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не простившись съ отцомъ, съ матерью,
Не выдавшись съ добрымъ молодымъ,
Жизнь оставила, скончалася.

Ой вы, вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенніе!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонущи,
Вы развѣйте здѣсь мать-сыру землю,
И развѣявши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ

Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, съ душой дѣвицей!
Окропивъ ее горючей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

Горе дѣвушки.

Ты трава ль моя,
Ты шелковая!
Ты весной росла,
Лѣтомъ выросла,
Подъ осень, травка,
Засыхать стала,—
Про мила дружка
Забывать стала;
Милъ сушиль, крушилъ,
Сердце высушилъ,
Онъ и свелъ меня
Съ ума-разума.

Любовь и кручина молодца.

— Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,

Тѣ не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,

Наши радости буйный вѣтръ унесъ
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизвоилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родна матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горять въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтять по оба мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,

Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!—
Залилась слезми красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
„Ахъ ты, милой мой, ненаглядной мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!“

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

Печаль отъ разлуки съ милымъ.

Полно, солнышко, изъ-за лѣсу свѣтитъ,
Не цвѣтите въ полѣ, алые цвѣты!
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить!—
— Ужъ какъ же не плакать, не тужить,—

Мнѣ такого дружка во вѣки не нажить!
Вы молодчики молоденькіе,
Вы дружки мои хорошенькіе!
Ваши ласковы пріятныя слова,
Безъ огня вы мое сердце разожгли,
Вы безъ вѣтру мои мысли разнесли.
Разнесли мысли по чистымъ по полямъ,
По зеленымъ садикамъ, лужкамъ,
По уѣзднымъ по далекимъ городамъ.
Кто бы, кто бы моему горю помогъ?
Кто бы, кто бы мое сердце взвеселилъ?
Кто-бъ любезнаго съ дорожки воротилъ.
Воротись-ка, мой любезный другъ, назадъ,

Меньше-бъ стало мое сердце тосковать!
Не сидѣла-бъ въ новой горенкѣ одна,
Не лежала-бъ бѣлой грудью на окно,
Не ронила-бъ горькія слезы за окно,
Не смотрѣла-бъ въ чисто поле далеко.

Разставаніе съ милымъ.

Закатилось солнышко, закатилось,
Да несчастная дѣвушка уродилась,
Да куда не пойду, млада,
Все журятъ, бранятъ дѣвушку,

Журятъ, бранятъ, плакать велятъ.
„Заплачь, заплачь, дѣвушка,
По своему горюшку, по великому,
По своему Ванюшѣ чернобровому“.
Шелковая травушка разстилается,
Ванюша въ дороженьку собирается,
Съ своею любезною прощается,
„Прощай, прощай ты, любезная,
Прощай, прощай, не забудь меня,
Приѣду съ дороженьки, заберу тебя“.

**Прощаніе любящихся. Они обмѣниваются
кольцами.**

Не соколъ летить по поднебесью,
Не соколъ ронить сизы перушки,—
Скачетъ молодецъ по дороженькѣ,
Горьки слезы льетъ изъ ясныхъ очей.
Распрощался онъ съ своею родиной,
Со сторонущою понизовою,
Гдѣ течетъ въ красѣ Волга-матушка.
Распрощался онъ съ красной дѣвицей:
Онъ оставилъ ей на поминъ себѣ
Дорогой перстень со алмазами;
На обмѣнъ же взялъ отъ красавицы
Золото кольцо обручальное.
При размѣнѣ самъ приговаривалъ:
„Не забудь меня, моя милая,
Не забудь меня, задушевный другъ!
Чаще взглядывай ты на перстень мой,
Чаще стану я цѣловать кольцо,
Къ ретиву сердцу прижимаючи,
Объ тебѣ, мой другъ, воспоминаючи:
Коль подумаю я о другой любви,—
Золото кольцо распаяется,
Если ты съ другимъ подъ вѣнецъ пой-
дешь,—
Камень выпадетъ вонъ изъ перстения“.

**Влюбленная дѣвушка подноситъ своему
возлюбленному полевой цвѣтокъ.**

Соловей-то поетъ жалостнешенько,
Вотъ и мнѣ, молодой, жить тошнешенько,
Вотъ печаль-то тоска мнѣ несносная,
Вотъ и горюшко мнѣ все великое.
Ты прости прощай, ахъ, да весь бѣлый
свѣтъ,

А еще-то прощай, другъ соловушко.
Мнѣ куда же бѣжать, тоску горе дѣ-
вать?—

Я пойду-ли съ горя во чисто поле;
Во чистомъ полѣ расцвѣтали цвѣты,
Расцвѣтали цвѣты все лазоревые.
Я сорву ли цвѣтокъ, я совью ли вѣнокъ,
Своему ли дружку на головушку:
„Ты носи-ко, милой, да не скидывай,
Ты люби-ко меня,—не покидывай!“

Пѣсни объ отравленіи.

Какъ подъ грушей, подъ зеленою
Строгаль стружки добрый молодецъ,
Онъ пушалъ стрѣлу во чисто поле,
Онъ убилъ, ушибъ змѣю лютую.
Тутъ брала стружки красна дѣвица.
Ахъ, нашла она въ стружкахъ змѣю
лютую,

Ахъ, засушила змѣю сухо-на-сухо,
Истолкла змѣю мелко-на-мелко,
Ахъ, сыпала змѣю въ зеленое вино,
Что ждала-то въ гости брата роднаго.
Что встрѣчала брата среди двора,
Что брала-то брата за бѣлыя руки,
Ахъ, что ввела брата въ новую гор-
ницу,

Посадила брата за дубовый столъ,
Подносила брату зелья лютаго.

„И ты пей, сестра, напередъ сама“.

— Я пила, братецъ, наливаячи,

Ахъ, я тебя, братецъ, дожидаячи.

„Ахъ, какъ не пить вина, прогнѣвить
сестру,

Ужъ какъ и выпить вина, тутъ и смерть
моя.

Ахъ, не клади меня, сестра, у Божьей
церкви,

Положи меня, сестра, при дороженькѣ,
Ты поставь на меня крестъ-часовеньку:

Ужъ кто ни пройдетъ — всякъ покло-
нится,

Ахъ, ужъ кто ни пройдетъ — всякъ по-
молится.

Я ходила по горамъ,
Я ходила по кустамъ,
Я искала зло-коренья.
Я коренья набрала,
Я хотѣла окормить
Дружка милаго,—
Окормила, опоила,
Братца милаго.
Онъ успѣлъ, моя надѣжа,
Слово вымолвить:
„Не клади-ка меня
Близко къ церковѣй,
Положите-ко меня
Ко часовенькѣ.
На могилушкѣ поставьте
Гусли звончатые:
Развеселый-то пройдетъ,—
Онъ напляшется,
Моя милая пройдетъ,—
Такъ наплачется“.

Жизнь въ замужествѣ.

Воспоминаніе прежней дѣвичьей жизни.

Ахъ, да у соловушки крылья прима-
хались,

Примахались.

Ахъ, да сизы перушки, ахъ, да поло-
мались,

Поломались.

Ахъ, да у молодчика кудри завивались,
Завивались.

Ахъ, да тѣми ли кудерками дѣвки ди-
вовались,

Дивовались.

Дивовавши кудерками, замужъ похва-
тались,

Похватались.

Вышедши молодушкой, жизнью обижа-
лись,

Обижались:

„Ахъ, да распроклятая жизнь наша за-
мужняя,

Жизнь наша замужняя.

Ахъ, да я у матушки жила, какъ цвѣ-
токъ цвѣла,

Какъ цвѣтокъ цвѣла;

Ахъ, да у батюшки жила, какъ вѣнокъ
плела,

Какъ вѣнокъ плела.

Ахъ, да я молодушкой живу, какъ въ
огнѣ горю,
Какъ въ огнѣ горю“.

Суровое обращеніе съ молодой невѣсткой.

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку;
Свекорь-батюшка по сѣничкамъ по-
хаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

ХОРЪ.

Стучить-гредить, стучить-гре-
мить,

Снохѣ спать не даетъ:

„Встань, встань, встань, ты сон-
ливая!

Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!“

* * *

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку.
Свекровь-матушка по сѣничкамъ по-
хаживаетъ,

Сердитая по новымъ погуливаетъ.

ХОРЪ.

Стучить-гредить, стучить-гре-
мить,

Снохѣ спать не даетъ:

„Встань, встань, встань, ты сон-
ливая!

Встань, встань, встань, ты дре-
мливая!

Сонливая, дремливая, неурядли-
вая!“

* * *

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку;
Миль-любезный по сѣничкамъ похажи-
ваетъ,
Легохонько, тихохонько поговариваетъ:

ХОРЪ.

„Спи, спи, спи, ты, моя умница

Спи, спи, спи, ты, разумница!
Загонена, забронена, рано вы-
дана“.

Взаимное недовольство супруговъ.

Ахъ кабы на цвѣты не морозы,—
И зимой-бы цвѣты расцвѣтали,
На меня молоду не печали,—
Я, поджавъ бѣлыхъ ручекъ, не сидѣла,
Подпершись, молода, не ходила.
Слышу стукъ, слышу брякъ подъ
окошкомъ.

Я окошечко отворила,
Я въ окошечко заглянула:
У воротъ гости дорогіе,
Тамъ два братца мои, два родные.
— Свекра-батюшки дома нѣту,
Свекровъ-матушка на пирушкѣ,
А деверья ушли за охотой,
А невѣстухи ушли въ гости,
А золовухи во бесѣдѣ.
Погодите, братцы, доложуся,
Я у милаго лады спрошуся:
„Отворись, отворись, тепла спальня,
Пробудись, моя милая лада!
У воротъ гости дорогіе,
Тамъ два братца мои, два родные!“
— „Отойди прочь, жена мнѣ немила,
Мнѣ родня твоя вся постыла!“
Тутъ сестрица въ окно заглянула,
Своимъ братцамъ роднымъ отказала:
„Поѣзжайте домой поскорѣе
И скажите родной челобитье,
А сестрицамъ моимъ по поклону,
А родному батюшкѣ не спасибо,
Что онъ выдалъ меня за урода,
За большое свекрово богатство,
За цвѣтное нарядное платье.
Ихъ большое богатство—сусѣки,
А ихъ цвѣтное платье на грядкѣ,
А уродъ-то лежитъ на кровати,
И велитъ передъ нимъ мнѣ стояти,
И велитъ мнѣ его цѣловати.
Не могу на урода смотрѣти,
А не то, что его цѣловати!“

Замужняя дочь посылаетъ съ соловьемъ привѣтъ роднѣ.

Изъ-за лѣсу—лѣсу темнаго,
Изъ-за зеленой дубровушки, (2)
Возмывала туча грозная, (2)
Друга туча непроносная, (2)
Третья туча со сильнымъ дождемъ, (2)
Съ сильнымъ дождемъ, съ мелкимъ
градомъ. (2)

Въ эту пору, въ это времечко, (2)
Дочь отъ матери собиралася, (2)
Собиралася—снаряжалася; (2)
Снарядившись, слезно всплакнула, (2)
Во слезахъ-то не простилася, (2)
Среди пути становилася, (2)
Среди пути-дороженьки, (2)
Середь поля, середь чистаго, (2)
Противъ кустика ракитова, (2)
Противъ гнѣзда соловьинова: (2)
„Соловей ты мой, соловушекъ! (2)
Соловей ты, вольна пташечка!
Не съ одной ли ты сторонухи? (2)
Ты слетай, слетай, соловушекъ,
На родимую сторонуху: (2)
Ты скажи, скажи, соловушекъ, (2)
Моему отцу новѣй поклонъ, (2)
На особицу моей матушкѣ. (2)

Недовольная замужествомъ дочь обра- чивается птицей, летитъ въ садъ роди- тельскаго дома.

Во саду черемушка
Рано расцвѣла,
Рябину кудрявую
Вода поняла.
На ту пору матушка
Меня родила.
Спородивъ, родимая,
Невѣстой назвала,
Не собравшись съ умомъ-разумомъ,
Замужъ отдала.
Выдала родимая
Замужъ далеко.
Провожала матушка
До синя моря.
Спрашивала матушка:
„Когда въ гости ждатель?“

Осержусь на матушку,
 Не буду я къ матушкѣ,
 Не буду я къ матушкѣ
 Три года гостить,
 На четвертый пташечкой
 Къ ней возвращусь.
 Прилечу я къ матушкѣ
 Во зеленый садъ,
 Сяду я на яблонцу,
 На кужлявую,—
 Весь зеленый садъ
 Съ корнемъ подсушу,
 Яблонцу кужлявую
 Въ слезахъ утоплю.
 На ту пору матушка
 Сѣнечки мела,
 Невѣстусекъ-ластусекъ
 Побуживала:
 „Вставайте-ка, невѣстуски,
 Лапушки мои!
 Не мое ли то дитятко
 Возвратилося,
 Съ чуже-дальней стороны
 Проявилося?“

Удаленіе нелюбимой жены и позднее раскаянье.

Ахъ, ты молодость моя, молодецкая!
 Не видалъ я тебя, когда ты прошла,
 Когда ты прошла, миновалася,
 Съ угрюмой женой живучи.
 Не продать жену, не промѣнять ее,—
 Что никому-то она не надобна:
 Ни брату, ни свату, ни товарищу.
 Какъ пойду-то я, добрый молодецъ,
 на конюшій дворъ,
 И куплю я, добрый молодецъ, новъ
 тесовъ корабль,
 Посажу-ль на него свою жену боя-
 рыню.
 „Ты прости, прости, моя жена боя-
 рыня!“
 Корабль побѣжалъ, какъ соколъ по-
 летѣлъ.
 Вотъ тутъ я, добрый молодецъ, оду-
 мался:
 „Воротись ты, моя жена, боярыня!
 Ужъ мы будемъ жить съ тобой лучше
 прежняго“.

Закричала жена громкимъ голосомъ:
 „Не кричи ты, мужъ, татаринъ злой!
 Намъ не жить съ тобой лучше преж-
 няго“.

Мужъ учить жену.

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою,
 Ай люли, люли, подъ кудрявою,
 Подъ кудрявою, кучерявою,
 Ай люли, люли, кучерявою,
 Мужъ жену училъ, мужъ угрюмую,
 Мужъ угрюмую, неразумную.
 Какъ жена мужу не покорилася,
 Свекру-батюшкѣ взмолилася,
 Низко въ ножки поклонилася:
 „Свекоръ-батюшка, отыми меня
 Отъ негоднаго, отъ непутнаго!“
 Свекоръ говоритъ:—Воля не моя,
 Воля не моя, воля сынняя.—

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою,
 и пр.
 Свекрови-матушкѣ покорилася,
 Покорилася, низко въ ножки поклони-
 лася:

„Свекровь-матушка, отыми меня
 Отъ негоднаго, отъ непутнаго!“
 Свекровь говоритъ:—Воля не моя,
 Воля не моя, воля сынняя.—

Разрывъ.

Молодость ты моя молодецкая!
 Не видалъ я тебя, когда ты прошла,
 прокатилася,
 Со худою женой, съ непокорною!
 Мнѣ худую жену все ни сжить, ни
 сбыть,
 Все ни другу подарить, ни товарищу.
 Какъ пойду молодецъ на сине море,
 Закуплю жъ я женѣ смоляной корабль
 О двѣнадцать гребцовъ, тонкихъ па-
 русовъ,
 Объ шестнадцати добрыхъ молодцовъ.
 Какъ пойду молодецъ на круту гору,
 Посмотрю на море, какъ корабль бѣ-
 жить,—
 Корабль то бѣжить, какъ соколъ ле-
 тить,

Жена жъ то сидить, какъ боярыня,
Дѣтя жъ то дяржить, какъ свѣча горить.

Какъ крикнулъ молодець громкимъ
голосомъ:

— Воротися, жена, жена-барыня!—

„Не порой солнце свѣтитъ, не по-лѣт-
нему,—

Не любить мнѣ мужа все по прежнему!—

Несчастливая жизнь замужемъ.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ, да горъ высокіихъ,
Летить стаюшка сѣрыхъ гусей,
А другая лебединая.
Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Къ тому стаду сѣрыхъ гусей.
Не умѣла лебедушка
По-гусиному кликати;
Ее начали гуси щипать,
А лебедушка стала кричать:
„Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Погодою полуденною,
Полуденною-студеною“.
Какъ заѣхала душа красна-дѣвица
Къ добру-молодцу на широкій дворъ,
Заѣхавши, стосковалася.

Ее начали журить-бранить,
Молодушка стала плакати:
„Не журите, бабы старыя!
Не журите меня—молоду!
Не сама я къ вамъ заѣхала:
Завезли меня кони добрыя
Удалого добра-молодца“.

Несчастливая жизнь женатаго.

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить—некручинну быть!
Нагому ходить—не стыдиться,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дня.
Не бывать плѣштому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшить дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны:
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ—
А горе зашелъ, впереди сидить;
А я отъ горя во царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.

Пѣсни-баллады.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, т. I, вып. 1-ый стр. 104.

Ванька-Ключникъ.

Ужъ какъ жилъ-то, поживалъ
Батюшка Волхонскій князь.
Какъ у этого у князя
Былъ Ванюша ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный любовничекъ.
Ужъ и годъ живетъ Ванюша,
Ваня и другой живетъ,

А на третій-то годочекъ
Самъ-отъ князь довѣдался,
Черезъ дѣвку, черезъ сѣнную,
Черезъ самую послѣднюю.
Выходилъ нашъ князь Волхонскій
На крыльцо высокое,
Говорилъ нашъ князь Волхонскій
Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
„Ужъ вы слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите-тка, возьмите

Лопаты желѣзныя,
Вы копайте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія,
Вы поставьте-ка, поставьте
Два столба высокіе;
Положите-ка, положите,
Перекладину кленовую,
Вы возьмите, приведите
Вора Ваню клюшничка,
Молодой моей княгини
Вѣрна полюбовничка!
Пускай Ванина головушка,
Пускай покачается,
Молодая-то княгиня
Пушай попечалится!“
Ведутъ Ваню, ведутъ Ваню,
Ваню-вора, клюшничка.
Какъ у Вани-то головка
До мозгу проломлена,
А сафьяновы сапожки
Кровью понаполнены,
Миткалинова рубашка
Вся на немъ изорвана.

**Король литовскій велить повѣсить разгуль-
наго молодца, соблазнившего его дочь.**

Ужъ ты крапива-ли, крапивушка же-
гучая.
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекуція.
Маль я, былъ я, молодецъ у короля
въ Литвѣ,
Загулялъ я, молодецъ, къ королю въ
дворецъ.
Королева дочь съ молодцемъ во любви
жила.
И сталъ же добрый молодецъ упива-
тися,
Во хмелю-то сталъ удалый похвалятися:
„Что вечеръ-то я, братцы, на сѣняхъ
былъ:
Цѣловалъ я, миловалъ королеву дочь“.
Тутъ лиха была на молодца своя братья,
Донесли эти рѣчи королю въ уши.
Что на эти-то на рѣчи онъ прогнѣвался.
Закричалъ же тутъ король громкимъ
голосомъ:
„Вы слуги-ли мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,

Становите-ка вы два столба, два вы-
сокіе,
Перекладину кладите вы дубовую,
Повѣсьте-ка вы петельку шелковую,
Истребите-ка Ванюшу прелестника!“

Убийство жены за подозрѣніе въ измѣнѣ.

Какъ женился князь лѣтъ 12-ти,
Взялъ княгинюшку 10-ти годовъ,
Онъ жилъ съ ней ровно 3 года,
На 4-й годъ на войну ушелъ,
На войнѣ-то жилъ ровно 7 годовъ,
На восьмо-етъ годъ побѣдилъ онъ всѣхъ,
Со побѣдушкой князь домой пошелъ,
Повстрѣчались съ нимъ двѣ монашины,
Двѣ монашины, чернокнижницы.

„Ужъ ты князь-ли князь, молодой ты
князь,

У тебя въ дому не по-старому.
Не по-старому, не по-прежнему.
Тамъ твоя жена изшалѣлася,
У ней добры кони приуѣзжены,
Платья цвѣтныя всѣ прихожены,
Питья и кушанья припиты, скушаны,
Въ новой спаленкѣ колыбель виситъ
съ ея мальчикомъ“.

Загорѣлось его сердце богатырское,
Закипѣла его душа молодецкая,
Онъ хлесталъ коня богатырскаго.
Говорилъ ему конь слово ласково:
„Ихъ ты князь-ли князь, молодой ты
князь,

Погубишь ты, князь, двѣ головушки,
двѣ невинныя!“

— „Ахъ, волчья сыть, травяной мѣ-
шокъ!

И иди скорѣй ко граду ко Кіеву!“
Подѣзжаетъ князь къ своему терему,—
Всѣ-то крѣпости отворилися,
Всѣ вереюшки закачались,
Моледа его жена встрѣтила
Въ одной юбочкѣ съ великимъ трепе-
томъ.

Еще семь годовъ солнца не было,
На восьмо-етъ годъ высоко возшло.
Вынимаетъ князь острую сабельку,
И снимаетъ онъ княгинѣ голову.
Голова ее на землю не падаетъ,

Погуби меня, охъ, да въ темну nochеньку,
Чтобъ добры люди, охъ, да не видѣли,
Малы дѣтоньки, охъ, да спать улягутся“.

На утро дѣти, охъ, да стали спрашивать:
„Ахъ ты гой еси, охъ, да родной батюшко!
Ты куда дѣвалъ, охъ, да нашу матушку!“
— „Ваша матушка, охъ, да въ новой горницѣ,—
Она бѣлится, охъ, да румянится,
Ко Божьей церкви, охъ, да собирается“.

И пошли они, охъ, да ко Божьей церкви:
Передъ образомъ, охъ, да помолилися,
На всѣ стороны, охъ, да поклонилися,
Стали спрашивать: „Охъ, да люди добрые!
Не видали ли, охъ, да нашей матушки?“
— „Пролетѣлъ здѣсь, онъ, да черной воронъ,
Въ когтяхъ пронесъ, охъ, да праву рученьку,
Праву рученьку, охъ, да съ золотымъ кольцомъ,
Съ золотымъ кольцомъ, охъ, да вашей матушки“.

Пѣсни удалыя и разбойничьи.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности ч. I, выпускъ 1-ый, стр. 100—104.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка, молодецкая.
Ужъ куда я, добрый молодецъ, ни кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпки караулы:
Они меня ловятъ, стерегутъ.
Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру-молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

Ахъ вы, горы, горы крутыя!
Ничего-то вы, горы, не породили,

Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазаревыхъ цвѣточковъ, василѣчковъ;
Ужъ вы только породили, круты горы,
Бѣлъ горючъ камень, великъ добръ.
Что на камушкѣ растеть-ли часть ракитовъ кустъ,
Что подъ кусточкомъ лежитъ—убить добрый молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черныя;
Изъ реберъ его поросла трава,
Ясны очи его пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается его матушка родимая:
„Ахъ! какъ я тебѣ, сынъ, говаривала:
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками со ярытами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина;
Потерять тебѣ, сыну, буйну голову“.

Ужъ какъ палъ туманъ по сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца
вонъ.

Не звѣзда блеститъ далече въ чистомъ
полѣ,

Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковый ко-
веръ,

На коврикѣ лежитъ удалъ-добрый мо-
лодецъ,

Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецкую кровь, горячую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый
конь,

И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать-
сыру землю,

Будто слово хочетъ вымолвить своему
хозяину:

„Ты вставай, вставай, удалъ-добрый мо-
лодецъ!

Ты садись на меня, своего слугу;
Отвезу я добра молодца на родиму сто-
рону,

Къ отцу, матери родимой, къ роду-пле-
мени,

Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой
женѣ!“

Какъ вздохнетъ тутъ удалой-добрый
молодецъ;

Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодова бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горячая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ сво-
ему коню:

„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое, —
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла“.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,

Ты цвѣточками, василѣчками;
Ты однимъ, поле, обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ часть ракивовъ кустъ,
Что на кусточкѣ на ракивовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона:
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракивовымъ,
Что лежитъ, убить, добрый молодецъ!
Избить, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ—какъ ручей
течетъ,
Молодая жена плачетъ—какъ роса па-
детъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высу-
шить.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу
думати,

Какъ завтра мнѣ, доброму молодцу, во
допросъ идти

Передъ грознаго судью, самого царя,
Еще станетъ меня царь-государь спра-
шивать:

„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьян-
скій сынъ,

Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ
кѣмъ разбой держалъ?

Еще много-ль съ тобой было товари-
щей?“

— Я скажу тебѣ, надежда, православ-
ный царь,

Всю правду я скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ—тем-
ная ночь,

А второй мой товарищъ—булатный
ножъ,

А какъ третій товарищъ мой—добрый
конь.

А четвертый мой товарищъ—тугой
лукъ,

Что разсылщики мои—калены стрѣлы.

Что возговорить надежда, православный
царь:

„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьян-
скій сынъ!

Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ
держать;

Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекла-
диной“.

Ахъ, подѣ лѣсомъ, лѣсомъ, подѣ зеле-
ною дубровой,

Сама протекала матка быстрая рѣка,
Урываючи круты красны бережки,
Осыпаячи желты пески сышучи.

На томъ на крутомъ на красномъ бе-
режечкѣ

Само выросло свято дерево кипарисно,
На томъ на святомъ деревѣ кипарис-
номъ

Младой соловей тепло гнѣздо свиваетъ,
Малыхъ дѣтушекъ выводитъ,

Онъ жалобно свищетъ, хорошо добрѣ
вспѣваетъ,

Воспоминаючи красное теплое лѣто.
Негдѣ мнѣ, соловеюшки, тепла гнѣзда
свити,

Негдѣ мнѣ малыхъ дѣтокъ выводить.
Какъ-то растужится, какъ расплачется,
Удалой доброй молодецъ,

Сидючи онъ во темной темницѣ,
Воспоминаючи свою родимую сторо-
нушку.

Ужъ негдѣ мнѣ молодцу на своей сто-
ронѣ бывать,

Съ отцемъ съ матерью не видаться,
Съ родомъ съ племенемъ не свыкаться,
Молодой женой не любоватися,
Малыхъ дѣтушекъ не родити,
Знать что мнѣ добру молодцу
Во темницѣ головушку свою положить.

Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца, дворца Государева,
Что до самой ли Красной площади
Пролежала тутъ широкая дороженька;
Что по той ли по широкой по доро-
женькѣ,

Какъ ведутъ казнить тутъ добра мо-
лодца,

Добра молодца большова барина,
Что большова барина атамана стрѣ-
leckаго,

За измѣну противъ царскаго величе-
ства;

Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется;

Передъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ остеръ топоръ;

А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;

Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдають, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьѣ выговариваютъ:

„Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь царь пожалуетъ,
Оставить буйну голову на могучихъ
плечахъ“.

Каменѣетъ сердце молодецкое;
Онъ противится царю, упрямствуется,
Отца, матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуется.
Привели его на площадь Красную,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плеча.

Отецъ на сына прогнѣвался,
Приказалъ сослать со очей долой,
Велѣлъ спознать чужую сторону,
Чужую сторону, незнакомую;
Большая сестра коня вывела,
Середня сестра сѣдло вынесла,
Меньшая сестра плетку подала,
Какъ подавши плетку заплакала,
Что заплакавши, слово молвила:
„Ахъ, братецъ, ты братецъ родимой мой!
Когда же, братецъ, домой будешь?“

— Сестрица, сестрица родимая,
Какъ есть у батюшки зеленый садъ
Въ зеленомъ саду сухая яблонька:
Какъ расцвѣтетъ та сухая яблоня,
Попуститъ она цвѣты бѣлые,
Тогда я, сестрица, домой буду;
Что, прогнѣвавши отца родимаго,

Одинъ-то я остался, добрый молодецъ,
Еще нѣту со мною товарища,
Еще нѣту со мною слуги вѣрнаго;
Товарищъ мой—то вишь добрый конь,
А милый другъ—то мой крѣпкій лукъ,
Слуги вѣрные—мои калены стрѣлы,
Куда ихъ пошлю, туда самъ пойду.

Породила да меня матушка,
Породила да сударыня,
Въ зеленомъ-та саду гуляючи,
Что подъ грушею подъ зеленою,
Что подъ яблонью подъ кудрявою
Что на травушкѣ на муравушкѣ,
На цвѣточкахъ на лазоревыхъ,
Пеленала да меня матушка
Во пеленочки во камчатныя,
Во свивальни во шелковыя,
Берегла-та меня матушка
Что отъ вѣтра и отъ вихоря,
Что пустила меня матушка
На чужу-дальну сторонушку.
Сторона-ль, ты моя сторонushка,
Сторона-ль, моя незнакомая,
Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
Что не добрый меня конь завезъ,—
Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая,
Служба грозная государева,
Прыткость, бодрость молодецкая,
И хмелинушка кабацкая.

— „Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?“
„Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я зарей цвѣла, въ полдень вызрѣла“.
— „Подъ тобою ли подъ рябиною,
Что не макъ цвѣтетъ, не огонь горитъ,—
Что горитъ сердце молодецкое
По душѣ ли той красной дѣвицѣ:
Красная дѣвица переставилась“.
„Ой, вы вѣтры, вы теплыя!
Перестаньте дуть, васъ не надобно,
Потяните вы, вѣтры буйные,
Что со той стороны сѣверной,
Вы развейте мать сыру-землю,
Вы раскройте гробову доску,

Вы пустите меня проститися,
И въ послѣдній разъ поклонитися“.

— Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не шумите вы, лѣса темные,
Ты не плачь—не плачь, красна дѣвица,
Не слези лицо прекрасное.
„Ужъ я рада бы не плакала,
Сами плачутъ очи ясныя,
Возрыдаетъ ретиво сердце,
Все тужа плача по миломъ дружкѣ,
Что одинъ у меня былъ свѣтъ ночью,
Да и тотъ вонъ выкатывается,
Что одинъ былъ у меня милый другъ,
Ахъ! и тотъ отъ меня отлучается,
И тому ли служба сказана,
И дороженька широкая показана.
Ты дородный, добрый молодецъ,
Удалая твоя головушка,
Ты куда, свѣтъ, снаряжаешься,
Во котору дальню сторону,
Во которую незнакомую?
Ты въ Казань-городъ, иль въ Астра-
хань,

Или въ матушку каменну Москву,
Или въ Новгородъ, или въ Петер-
бургъ?

Ты возьми возьми меня съ собой,
Назови ты меня родной сестрой,
Иль душечкой молодой женой“.
Что во отвѣтъ сказалъ добрый моло-
децъ:

— Ахъ ты, свѣтъ моя, красна дѣвица,
Что нельзя мнѣ взять тебя съ собой,
Мнѣ нельзя тебя назвать сестрой
Иль душечкой молодой женой:
Про то знаютъ люди добрые,
Всѣ сосѣди приближенные,
Что нѣтъ у меня родной сестры,
Нѣтъ ни душечки молодой жены,—
Что одна у меня матушка,
Да и та уже старехонька.

Ахъ, тошнымъ мнѣ, доброму молодцу,
тошнехонько;
Что грустнымъ-то мнѣ, доброму мо-
лодцу, грустнехонько;
Мнѣ да ни пить-то ни ѣсть, доброму
молодцу, не хочется,

Мнѣ сахарная сладкая ѣства, братцы,
на умъ не идетъ,
Мнѣ Московское сильное царство,
братцы, съ ума не идетъ;
Побывалъ бы я, добрый молодецъ, въ
каменной Москвѣ—
Только лихъ-то на насъ, добрыхъ мо-
лодцевъ, новый сыщикъ,
Онъ по имени по прозванью Иванъ
Каиновъ.
Онъ не даетъ намъ, добрымъ молод-
цамъ, появиться,
И онъ спрашиваетъ паспортовъ все
печатныхъ,
А у насъ, братцы, паспорта своееручные,
Своееручные паспорта всѣ фальшивые.

Ахъ, палъ туманъ на сине море,
Великая кручина въ ретиво сердце;
Не схаживать туману со синя моря,
Злодѣйскъ кручинѣ съ ретива сердца;
Что далече было въ чистомъ полѣ,
Стояла тутъ дубравушка зеленая,
Среди ея стоялъ золотой курганъ,
На курганѣ раскладенъ былъ огонечекъ,
Возлѣ огонечка посланъ войлочекъ,
Навойлочкѣ лежитъ ли добрый молодецъ,
Припекаетъ свои ранушки боевыя,
Боевыя ранушки кровавыя.
Что издалека-далека, изъ чиста поля,
Приходятъ къ нему братцы-товарищи,
Зовутъ ли добраго молодца на святую
Русь.

Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
„Подите, братцы, на святую Русь.
Приходить мнѣ смертенька скорая,
Отцу-матери скажите челобитьице,
Роду-племени скажите по поклону
всѣмъ,
Молодой женѣ скажите свою волюшку,
На всѣ ли на четыре сторонушки,
Малымъ дѣткамъ скажите благосло-
веньице.

Ахъ, не жаль-то мнѣ роду-племени,
Не жаль-то мнѣ молодой жены,—
А мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ:
Остались дѣтушки малешеньки,
Малешеньки дѣтушки, глупешеньки—
Натерпятся холоду и голоду“.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Отъ крутыхъ красныхъ бережковъ,
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая волновая.
Ничего въ волнахъ не видно,
Только видна одна лодка,
Одна лодочка чернѣетъ.
Никого въ лодкѣ не видно,
Только паруса бѣлѣютъ,
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ.
На кормѣ сидитъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ во нарядѣ—
Во коричневомъ кафтанѣ,
Въ перуленевомъ камзолѣ,
Въ аломъ шелковомъ платочкѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ;
На картузѣ козырѣчикъ,
Самъ отецкій онъ сыночекъ.
Ужъ какъ взговорить хозяинъ:
„И мы грянемъ-те ребята,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Ко Алѣнину подворью,
Ко Ивановой здоровью“.
Алѣнушка выходила,
Свою дочку выводила,
Таки рѣчи говорила:
„Не погнавайся, пожалуй,
Въ чемъ ходила, въ томъ я вышла,—
Въ одной тоненькой рубашкѣ
И въ кумашной тѣлогрѣйкѣ“.

— Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручини-
лись,
Что повѣсили свои буйныя головы,
Что потушили ясныя очи во сыру
землю?“
„Еще ходимъ мы, братцы, не первый
годъ
И мы пьемъ-ѣдимъ на Волгѣ все го-
товое,
Цвѣтно платье носимъ припасенное;
Еще лихъ на насъ супостатъ-злодѣй,
Супостатъ-злодѣй, генераль лихой,
Высылаетъ изъ Казани часты высылки,
Высылаетъ все то высылки солдат-
скіе.

Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ
 молодцовъ,
 Называютъ насъ ворами, разбойниками.
 И мы, братцы, вѣдь не воры, не раз-
 бойники,
 Мы люди добрые, ребята все низовскіе.
 Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый
 годъ,
 Воровства и грабительства довольно
 есть“.

Ахъ, ты нашъ батюшка, Ярославль-го-
 родъ,
 Ты хорошъ-пригожъ на горѣ стоишь,
 На горѣ стоишь на всей красотѣ,
 Промежду двухъ рѣкъ, промежъ бы-
 стрыхъ,
 Промежду Волги-рѣки, промежъ Кот-
 расли.

Протекала тутъ Волга-матушка
 Со нагорной да со сторонущи;
 Что сверху-то было Волги-матушки,
 Что плыветь-гребеть легка лодочка:
 Хорошо-то была лодка изукрашена:
 У ней носъ, корма раззолочена,
 Что расшита легка лодочка на двѣ-
 надцать веслъ.

На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
 На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
 По краямъ лодки добры молодцы,
 Посреди лодки красна дѣвица,
 Есаулова родна сестрица,
 Атаманова любовница.

Она плачетъ, что рѣка льется,
 Въ возрыданьи слово молвила:

„Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся,
 Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
 На правой рукѣ—на мизинчикѣ,
 Распаялся мой золотъ перстень,
 Выкатился дорогой камень;
 Расплеталася моя руса коса,
 Выплеталася лента алая,
 Лента алая Ярославская:
 Атаману быть пойману,
 Есаулу быть повѣшену,
 Добрымъ молодцамъ головы рубить,
 А мнѣ, красной дѣвицѣ, въ темницѣ
 быть“.

Изъ-за лѣса, лѣса темнаго,
 Изъ-за горъ, да горъ высокихъ,
 Не красно солнце выкаталось,
 Выкатился бѣль-горючъ камень,
 Выкатившись, самъ разсыпался,
 По мелкому зерну, да по макову;
 Во Изюмѣ славномъ городѣ,
 На степи на Саратовской,
 Разнемогался тутъ добрый молодецъ;
 Онъ просить своихъ товарищей:
 „Ахъ вы, братцы, мои товарищи,
 Не покиньте добра молодца при бѣд-
 ности,

Что при бѣдности и при хворости,
 А хотя меня и покинете,
 Какъ приѣдете въ святую Русь,
 Что во матушку каменну Москву,
 Моему батюшкѣ низкій поклонъ
 Родной матушкѣ челобитьице,
 Молодой женѣ своя воля:
 Хотя вдовой сиди, хоть замужъ поди,
 Моимъ дѣтушкамъ благословеньице“.

Ты, дѣтинушка, сиротинушка,
 Безпріютная твоя головушка,
 Безъ отца ты взросъ и безъ матери,
 На чужой дальней сторонущѣ,
 Нѣтъ ни батюшки и ни матушки,
 Ни братца, ни родной сестры,
 Ни душечки молодой жены.
 Вдоль по улицѣ мой другъ гуляетъ,
 Его грусть-тоска разываетъ,
 Темна ноченька пристигаетъ,
 Ночевать никто не пускаетъ,
 Всѣ разбойникомъ называютъ,
 Всѣ окошечки закрываютъ,
 Всѣ воротечки затворяютъ,
 Всѣ ко вдовушкѣ посылаютъ.
 Еще стукъ, стукъ у воротецъ,
 Еще брякъ, брякъ во колечко:
 „Ты пусти, вдова молодая!
 Мнѣ не годъ у тебя годовати,
 Не недѣлюшку мнѣ стояти,
 Одну ноченьку ночевати,
 Цвѣтно платье мнѣ обсушити,
 На твое житье посмотри“.

Чужа-дальня сторона безъ вѣтра су-
шить,
Безъ вѣтра сушить и безъ мороза зно-
бить.
Какъ думала матушка насъ вѣкъ не
избыть,
Избыла насъ родная единымъ часомъ,
А теперь тебѣ, матушка, насъ вѣкъ не
видать“.

Ты, дуброва моя дубровушка,
Ты, дуброва моя зеленая,
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила ты свои вѣтушки.
Изъ тебя ли изъ дубровушки,
Мелки пташечки вонъ вылетали;
Одна пташечка оставалася,
Горемычная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малый часъ перемолку нѣтъ;
Жалобу творить кукушечка
На залетнаго яснаго сокола:
Разорилъ онъ ея тепло гнѣздо,
Разорилъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣску по орѣшничку.
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что во високомъ сидитъ красная,
Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ:
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Жалобу творить красна дѣвица
На заѣзжаго добраго молодца,
Что сманилъ онъ красну дѣвицу
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завелъ онъ красну дѣвицу
На чужую-дальну сторону.
На чужую-дальну незнакомую,
Что, завезши, хочетъ кинуть.

Солдатскія.

У отца было
У матери
Три сына любимыхъ.
Отецъ съ матерью
Всю ночь не спать,

Всю ночь не спать,
За столомъ сидятъ,
За столомъ сидятъ,
Думу думаютъ:
— „Намъ котораго сына
Въ солдаты отдать?
Большого-то отдать, —
Дѣтей много;
Средняго отдать, —
Жена хороша,
Жена хороша,
Больно услужлива.
Ужъ отдать ли, нѣтъ ли
Сына малаго,
Сына малаго,
Неженатаго“.
А меньшей-отъ сынъ
Расплакался,
Отцу съ матерью
Разжаловался:
„Государь ты мой
Родной батюшка,
Государыня
Моя матушка!
Или я вамъ
Не тотъ же сынъ?
Или я вамъ
Не кормилецъ былъ?“
— Ужъ вы, дѣти
Мои милыя!
Ужъ вы всѣ-то мнѣ
Милехоньки,
Милехоньки
И больнехоньки!
Вы возьмите-ка
По ножичку,
Ужъ вы срѣжьте-ка
По прутику;
Сами сдѣлайте
По жеребью,
И метните-ка
По жеребью,
Что которому
Достанется. —
Доставалось
Большому брату.
Большой братъ
Расплакался,
Передъ батюшкой съ матушкой
Стоючи.

— „Государь ты мой
Родной батюшка,
Государыня
Моя матушка!
Не покиньте мою
Молоду жену,
Молодую жену,
Малыхъ дѣтушекъ!

Ужъ какъ шли-прошли солдаты,
Они шли-прошли слободкой,
Въ слободкѣ остановились,
У вдовушки попросились;
„Ты вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, постояти!
Насъ немножечко, маленько:
Полтора ста насъ на коняхъ,
Полтретья ста пѣшеходовъ“.
А вдова имъ отвѣчала,
Ночевать ихъ не пушала:
— У меня дворокъ маленекъ,
А горенка не величка;
У меня дѣтей семейка! —
Они силой ворвались,
Во горенку вобрались.
Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
А конница по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ.
А вдова стоитъ у печки,

Поджавъ свои бѣлы ручки,
Стоитъ она, слезно плачетъ.
А большой гость унимаетъ:
„Не плачь, вдова молодая!
Ты давно-ль, вдова, овдовѣла?“
— И я въ горѣ позабыла.—
„Ужъ и много-ль, вдова, дѣтокъ?“
— У меня дѣтокъ четверо.—
„Ужъ и много-ль, вдова, хлѣба?“
— У меня хлѣба осьмина.—
„Ужъ и много-ль, вдова, денегъ?“
— У меня денегъ полтина.—
„Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже!
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ—
Во киверѣ полотенце:
Не твое ли рукодѣльница?
На правой рукѣ колечко —
Не твое ли обрученъя?“
А вдова-то испугалась,
Во новы сѣни бросалась,
Малыхъ дѣтушекъ будила:
— Вы вставайте, мои дѣти!
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтель-то мѣсяцъ свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ,—
Пришелъ батюшка родимый!—
А большой гость отвѣчаетъ:
„Не буди ты малыхъ дѣтокъ!
Я пришелъ къ вамъ не надолго:
На одинъ я на денечекъ,
На единый на часочекъ!“

Современная народная пѣсня.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. I-ый, стр. 114.

Любовь.

Хорошо траву косить,
Которая зеленая;
Хорошо милку любить
Которая смиреная.

Хорошо траву косить,
Котора сама косится;
Хорошо милку любить,
Котора замужъ просится.

У Иванка есть тальянка,
Съ половиной пять рублей;
Отъ Иванка не отстану,
Хоть родная мать убей!

Не люби, милой, богату—
Люби, милой, по душѣ;
На что каменны палаты—
Проживемъ мы въ шалашѣ.

Выду съ горя въ чисто поле,
Сяду я на бугорокъ;
Погляжу я въ ту сторонку,
Гдѣ любезная живетъ.

Сколь рябинушку ломала,
Опускала кисти внизъ;
Сколько милому махала—
Приходи рябинку истъ, (2)
Выбирай любую кистъ, (2)
Завсегда со мной садись!

Ужъ и что такой за мѣсяцъ:
Когда свѣтитъ, когда нѣтъ;
Ужъ и что такой за милой:
Когда любить, когда нѣтъ!

Всѣ тѣ звѣздоньки сіяютъ,
А одна погасла;
Всѣ подруженьки счастливы,
А одна злосчастлива.

Знаю—знаю, кто воруетъ
Черную смородину!
Знаю—знаю, кто цѣлуетъ
Милку чернобровую!

Я умру, меня схоронятъ
Во тесовой новой гробъ;
Придетъ миленькой—поплачетъ
У моихъ холодныхъ ногъ.

Весела седни бесѣда,
А меня не веселитъ;
Оттого не веселитъ:
Милка искоса глядитъ.

Давай, миленька, помолимся
На церкву—на соборъ,—
И попросимъ мы священника
Обратить насъ съ тобой.

Ты прощай, не скучай:
Можетъ, ворочуся;
Я, когда приду домой,
На тебѣ женюсь.

Ставь-ка, мама, самоваръ,
Золотыя чашки;
Приведу я гостя къ вамъ
Въ вышитой рубашкѣ.

Руби—руби, тятенька,
Куда дерево клонится!
Выдай—выдай, тятенька,
Куда замужъ хочется:
Не въ деревню, не въ село,
А за милаго свою!

„Ужъ ты, тятка—тятка мой,
Сядь—подумай-ка со мной, (2)
Возьми милу за меня“.

— Ежли милу не возьмешь,
Я не пахарь буду твой,
Не метальщикъ стоговой,
Не носильщикъ луговой!

Хорошо было сидѣти
Съ милкой на завалинкѣ,
Хорошо было смотрѣти,
Изъ окошка мамонькѣ!

Скоро, скоро снѣгъ растаетъ,
Скоро свѣжій нападеть;
Скоро, скоро миль прибудетъ,
На бесѣдочки пойдетъ!

Ахъ, милашка, дай бумажки,—
Живописецъ буду я:
Я срисую твои глазки,
Расхорошая моя!

Послѣдній листъ бумаги трачу,
Во слезахъ письмо пишу,
Отъ тебя, моя милая,
Никакъ сердца не утѣшю.

Нѣтъ на свѣтѣ горя болѣ,
Какъ милую наживать;
Нѣтъ разлуки тяжелѣ,—
Отъ милыя отставать!

Разыграйся, моя тальяночка,
И воспой, какъ соловей!
Съ роду милочку не брошу,
Хоть родная мать убей!

Зарастаетъ, зарастаетъ
Моя старая тропа;
Спокидаетъ, спокидаетъ
Моя прежняя мила!

Сколь на жнивущкѣ не стой,
Надо наклоняться;
Сколь любезну не люби,
Надо разставаться!

Прощай, слобода—
Широкая улица;
Прощай, моя милая,
Дорогая—умница!

Березенка бѣлая,
Стоючи, нагнулася;
Здумаль я про милую,—
Тяжело вздохнулося!

Дайте—дайте два пистона—
Разстрѣляю грудь свою;
Я и тѣмъ буду доволенъ,
Что отъ милыя умру!

Пароходъ бѣжить, Анюта,—
На немъ розовы каюты;
Пароходъ бѣжить парами—
Жегулевскими горами!

Распроклятая машина,
Куды Колю утащила?
Распроклятый пароходъ
Куды Колю уволокъ?

Моя милка чисто жнётъ,
Аекуратно вяжетъ;
Много горя принимётъ,—
Никому не скажетъ!

Охъ, кабы грамотна была,—
Горюшка бъ не знала:
Написала бы письмо,—
Къ милому послала!

Ни объ-чемъ я не скучаю,—
Жаль мнѣ: молодость прошла;
Моя молодость проходить,
Какъ весенняя вода!

Не машина траву косить,
Косить вострая коса:
Не работа парня сушить,—
Сушить дѣвичья краса!

На сосновой лавочкѣ
Всѣ сидятъ по парочкѣ;
У меня-то пары нѣтъ:
Не глядѣлъ бъ на вольной свѣтъ!

Семейная жизнь.

Не ходите, дѣвки, замужъ,
Не хвалите бабью жисть:
Худой мужъ навяжется,
Дологъ вѣкъ покажется!

Хорошо тому гулять,
У ково родная мать;
У меня у молодца
Не родная—мачеха:
На вечерку не отпустить,
Дома воли не даетъ...

Сяду я къ окошечку,
Сяду я къ косяшному;
Здумаю про саночки—
Сани-самокаточки, (2)
Такъ и сами катятся;
Здумаю про мамоньку,—
Такъ и само плачется.—

Пойду съ горя на могилу,
Разбужу родную мать:
Охъ ты, тятка, охъ ты, мать,
Помоги мнѣ горевать, (2)
Какъ солдатства миновать!

Чернобровой, милой мой,
Закорять меня тобой!
— Лучше хлѣбомъ не корми,
Чернобровымъ не кори!

Кабы тятка, кабы мамка,
Кабы братъ, какъ у людей;
Не пошла бы въ чужи люди
За три сотенки рублей!

Солдатская жизнь.

Любите, дѣвушки, солдатиковъ;
И надо ихъ любить:
Образованные люди,
Знають, что поговорить.

Погляжу я въ тотъ конецъ:
Старшина идетъ, подлець, (2)
Вора-писаря ведетъ.
Воръ-отъ пишетъ въ три пера
Государскія дѣла:
Насъ запишетъ въ рекрута
На будущіе года!

Не вино меня шатаетъ,—
Меня горюшко беретъ:
Я не самъ иду въ солдаты,
Меня батюшка везетъ.

Полно, миленька, тужить,—
Не одинъ пойду служить;
Пойдетъ Мишка, пойдетъ Гришка,
Пойдетъ дядюшка Тарасъ— (2)
Наберется много насъ!

Что въ Еранско-то дорожка
Вся слезами залита:
По ней вѣзены рекрута,—
Они въ разны города!

Общественное мнѣніе.

И то сельская рѣка
Подмываетъ берега;
Понапрасну тебѣ, милочка,
Понахаяли меня!

Всѣ мнѣ люди баяли,
Все милую хаяли;
Люди, не набайте—
Люблю, такъ не хайте!

На рѣкѣ большая лава,
Про меня худая слава,
Этой славы не боюсь—
Никому не поддаюсь.

Современная жизнь.

Мы такую войну устроимъ—
Всю Японію разроемъ,
Англичанинъ нищочемъ—
Закидаемъ кирпичомъ.

Не ругайте, демократы,
За любовь насъ никогда:
Сочинитель Максимъ Горькій
Приказалъ любить всегда.

До Казани мы дойдемъ,—
Мы негдѣ не пропадемъ;
Мы читать-писать умѣемъ:
Въ писаришки попадемъ!

Юмористическія.

Поплясалъ бы я въ присядеку,—
Сапоги не гнутся;
Шаровары по пятамъ:
Дѣвушки смѣются.

Наше поле съ вашимъ рядомъ,—
Наше колосистѣ;
Ваши дѣвки къ нашимъ ближе,—
Наши пофорсистѣ!

У насъ полюшко бугристо,
Нельзя полюшкомъ пройти;
У насъ дѣвушки форсисты,
Нельзя близко подойти!

Не трясите кустъ съ малиной:
Вся малина отпадетъ;
Береги, деревня, дѣвокъ:
Чужой парень увезетъ!

Посмотрите-ко, дѣвчонки,
Кто-то тонетъ на рѣкѣ—
Въ бѣлой вышитой рубашкѣ
И тальяночка въ рукѣ!

Мнѣ не дороги часы,—
Дорога цѣпочка;
Какъ моя-та милая—
Что попова дочка!

Не форси, милёночекъ,—
Не высокъ твой домичекъ;
Я во домикѣ была—
На столѣ одна вода!

У Мишутки зонтикъ есть,—
Дома нечево поѣсть;
На бѣлой груди часы,—
Сѣять нечѣмъ полосы!

Онъ хорошъ, онъ хорошъ:
Онъ не ходитъ безъ калошъ;
Зимой катаны калошки,
Лѣтомъ лаковыя!

Моя мила платье мыла,—
Я въ рѣкѣ купался;
Моя мила потонула,—
Какъ я испугался!

Подъ окошкомъ на пескѣ
Выросло коренье;
Нынче дѣвушекъ любить—
Чисто разоренье!

Дѣвки—ой! ребята—ой!
Стоить корытечко съ водой;
Дѣвки ноги вымыли,—
Ребята воду выпили;
Дѣвки мыли невзначай,—
Ребята выпили за чай!

Подъ горою у рѣки,
У большого мосту,—
Потонулъ тутъ воръ-Петрунька
Небольшого росту!

Не мякина, не овесъ—
Парень дѣвицу увезъ:
Сѣлъ на дрожки, свѣсилъ ножки,
Сказалъ: „милая, прощай!“

Плясовые частыя.

Ужъ ты, душина, дуй-дуй-дуй!
Раздувашица, дувай-дувай-дувай!
Моя милая, гуляй-гуляй-гуляй!
Люди баютъ и про то же говорятъ,

Меня дѣвицу ругаютъ и бранятъ!
Ужъ я вольная вольница,
Самовольна самовольница;
Сполюбила соколика-сокола,
Красна дѣвка—удалого молодца.

Ужъ ты, шутиха—машутиха моя,
За что любишь ты лоскутника меня,—
Неученаго—неграмотнаго,
Безтолковаго—безпамятнаго?

Ужъ вы дѣвушки—хѣхоньки,
Уродились не махоньки;
Что перва—та чай не пьетъ,
А вторая за водой нейдетъ.
Ишо третья—та, умная дочь,
Вставала ранехонько,
Умывалася бѣлехонько,
Погоняла корову на росу,
Увидала медвѣдя во лѣсу.
— Ты, медвѣдушко-батушко,
Ты свали съ меня заботушку,—
Задери мою коровушку!
— Задери твою корову и быка.
Доведу я до пустаго дойника!

Ужъ и что нынче за годы:
Цвѣту много, ягодъ нѣтъ!
Ужъ и что это за милой:
Лѣтомъ любить, зимой нѣтъ!
— Радъ бы, душечка, любить,—
Зимой холодно ходить:
Шуба рвана—безъ кармана,
Безъ подошвы сапоги!

Говорила мамѣ въ самыя уста:
Ѣдутъ свататься,—отдай ради Христа;
Не отдашь, мамка, покаешься,—
Со мной за лѣто намаешься:
Не пойду я ни жать—ни косить,
Не пойду я съ утра рано молотить!

Не во лѣсикѣ-ли лѣсъ трещить?
Не мою ли жену чортъ тащить?
Не мою ли перетаскиваетъ?
— Моя жонушка бѣгливая
На свиньѣ въ село ѣзживала;

Прйзжала ко святымъ воротамъ,
Увидала мужиковъ съ бородамъ;
У святыхъ воротъ пирогъ нашла,
Воротилася, назадъ пошла!

Дѣвка по полу ходила,
Таракана раздавила.
Тараканъ—тараканъ,

Тараканья нога!
Плясать пошла—
Молодехонька;
Мой-отъ миленькой играетъ,—
Я радехонька.
Плясать пошла,—
Четвертакъ нашла;
Что-то подъ ногу попало;
Нешто ль еще пятачокъ?

Пословицы и поговорки.

В. Сиповскій. Исторія русской слов., т. I, вып. 1, стр. 119—123.

Мифологическія.

Что тому богу молиться, который не милуетъ?

Божья роса божью землю кропитъ.

Который богъ вымочить, тотъ и высушитъ.

Дастъ богъ дождь, такъ будетъ и рожь.

Морозко скачетъ по ельничкамъ.

Отъ божьяго гнѣва не уйдешь.

Солнышко, солнышко, выгляни въ окошечко.

Радуга—дуга, перебей дождя.

Чортъ съ вѣдьмой вѣнчается (вихорь столбомъ).

Чортъ ударилъ кремень о кремень—посыпались лѣшіе, домовые, русалки, яги-бабы.

Въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать.

Домовой не полюбитъ,—не что возмешь.

Его лѣшій обошелъ.

Домовой лѣшему ворогъ, а полевой знается и съ домовымъ и съ лѣшимъ.

Домовой тѣшится, лѣшій заводитъ, а водяной топить.

Оборотнемъ поперекъ дороги мечется.

Вѣдьма въ ступѣ высидѣла.

Баба-яга костяная нога.

Христіанскія.

Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.

Великъ Богъ милостью.

Богъ далъ, Богъ и взялъ.

Всѣ подъ Богомъ ходимъ.

Безъ Бога ни до порога.

Проси Николу, а онъ Спасу скажетъ.

Съ вѣрой нигдѣ не пропадешь.

Одно спасенье—постъ да молитва.

На полѣ Никола—общій богъ.

Никола на морѣ спасаетъ.

Никола мужику возъ подымаетъ.

Его Ангелъ-Хранитель спасъ.

Вѣра и гору съ мѣста сдвигаетъ.

Ангелъ помогаетъ, а бѣсъ подстрѣкаетъ.

Богу угождай, а чорту не перечь.

Историческія.

Погибоша аки Обре.

Словно Мамай прошелъ.

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

Тиуны—что трутъ, рядовичи—что моры.

По вольности дворянства.

Бородка Минина, а совѣсть глиняна.

Пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой.

Незванный гость хуже татарина.

Хоть въ Ордѣ да въ добрѣ.

По милости боярской—самъ себѣ
Пожарской.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ (Але-
ксандръ Невскій).

И Мамай правды не съѣлъ.

На Волгѣ жить—ворами слыть (о раз-
бойникахъ волжскихъ).

Семеро пойдутъ—Сибирь возымутъ
(объ уральскихъ разбойникахъ).

Бытовые.

Жениться—не лапоть одѣть.

Одному и топиться идти скучно.

Въ дѣвкахъ сижено — горе мыкано,
замужъ выдано—вдвое прибыло.

Не до обѣдни, коли много бредни.

Удобрилась мачеха до пасынка: ве-
лѣла въ заговѣнье всѣ щи выхлебать.

У него руки длинны.

Одного поля ягода.

Обычай старше (или: сильнѣе) закона.

Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ.

Умная жена, какъ нищему сума.

Кто дѣтямъ потакаетъ, тотъ самъ
плачетъ.

У семи нянекъ дитя безъ глазу.

Яблочко отъ яблони недалеко ка-
тится.

На Руси никто съ голода не уми-
ралъ.

Безъ счета торговать — суму надѣ-
вать.

Топоръ одѣваетъ, топоръ обуваетъ.

Не обманешь—не продашь

Кто сознался—тотъ покался.

Мужикъ—Богу свѣча, государю слуга.

Сыта свинья, а все жретъ; богатъ
мужикъ, а все копить.

И то бываетъ, что и деньгамъ не
радъ.

Нищій болѣзней ищетъ, а къ бога-
тому онѣ сами идутъ.

Деньги, что каменья: тяжело на
душу ложатся.

Не отъ скудости скупость вышла,
а отъ богатства.

Наготы, босоты изувѣшены шесты:
холоду, голоду амбары полны.

Житье—вставши, да за вытье.

Ни задавиться, ни зарѣзаться не-
чѣмъ.

Голь да нагъ—передъ Богомъ правъ.

Ни дровъ, ни лучины, живетъ безъ
кручины.

Хлѣбъ да вода—здоровая ѣда.

Богатый на деньги, убогій на вы-
думки.

Голь мудрена, и безъ ужина спать.

Что мнѣ золото — свѣтило бы сол-
нышко.

На каждую душу готова краюшка.

Денежки, что голуби: гдѣ обживутся,
тамъ и поведутся.

Голый, что святой: бѣды не боится.

Мокрый дождя, а нагой разбою не
боится.

Богатый бѣднаго не кормить, а всѣ
сыты бываютъ.

Всяко случается: и богатый къ бѣд-
ному стучится.

Что бѣднѣе, то щедрѣе.

Бываетъ добрая овца и отъ без-
путнаго отца.

Смиренье—дѣвичье ожерелье.

У доброй дѣвки ни ушей, ни глазъ.

Не нарядъ дѣвку красить, — домо-
стройство.

Любовь слѣпа.

Не по хорошу милъ, а по милу хо-
рошъ.

Полюбится сова (или: сатана) лучше
яснаго сокола.

Насильно милъ не будешь.

Крестомъ любви не свяжешь.

Суженаго и на конѣ (или: на огло-
бляхъ, на кривыхъ) не объѣдешь.

Милаго побои не долго болятъ.

Холостой легъ—свернулся, всталъ—
встряхнулся.

Одинъ женился—свѣтъ увидалъ; дру-
гой женился—съ головою пропалъ.

Стужа да нужда, а лучше худого
мужа.

Хоть лыками сшить, да мужъ.

Не надобенъ и кладъ, коли у мужа
съ женой ладъ.

Мужъ съ женой, что мука съ водой
(сболтать сболтаешь, а разболтать не
разболтаешь).

Вмѣстѣ тѣсно, а розно—тошно.

Люби жену, какъ душу, — тряси ее, какъ грушу.

Учи жену безъ дѣтей, а дѣтей безъ людей.

Мужъ пашетъ (вар.: плачетъ), а жена пляшетъ (вар.: скачетъ).

Лучше камень долбить, нежели злую жену учить.

Желѣзо уваришь, а злой жены не уговоришь.

Свекоръ гроза, а свекровъ выѣстъ глаза.

Богоданны сестрицы — крапива жгучая.

Всѣ въ семьѣ спать, а невѣстки молоть велятъ.

Изъ дому гонить мачеха, а изъ лѣсу медвѣдь.

Своя хатка—родная матка.

Всякій домъ хозяиномъ держится.

Безъ хозяина домъ—сирота.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ (не уживутся).

Запасливый лучше богатаго.

Щей горшокъ, да самъ большой.

Хозяинъ въ дому — что медвѣдь въ бору (что какъ хочетъ, такъ и ворочаетъ).

Въ своей семьѣ самъ большой (всякъ воленъ).

Безъ брата проживу, а безъ сосѣда не проживу.

Съ сосѣдомъ дружись, а тынь города.

За моремъ теплѣе, а у насъ свѣтлѣе.

Всякому мила своя сторона.

Своя земля и въ горсти мила.

Всякъ куликъ свое болото хвалить.

Гдѣ сосна выросла, тамъ она и красна.

На одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обростаетъ.

Ищи добра на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ.

Русскимъ Богомъ да русскимъ царемъ Святорусская Земля стоитъ.

Велика Святорусская Земля, а вездѣ солнышко.

Русскій человѣкъ любитъ авось, небось да какъ-нибудь.

Русскій терпѣливъ до зачина. Русскій задѣра ждетъ.

До неба высоко, до царя далеко.

Не вѣдаетъ царь, что дѣлаетъ псарь.

Не князь грѣшитъ, а думцы наводятъ.

Сатирическія.

Купецъ, что стрѣлецъ: оплошного ждетъ.

Хоть лыкомъ шить, да баринъ.

Хоть церковь и близко, да ходитъ склизко.

На дурака вся надежда, а дуракъ-то и поумнѣлъ.

„Медвѣдя поймалъ!“ — Веди сюда! — „Да нейдетъ!“ — Такъ самъ иди! — „Да не пускаетъ“.

Одинъ балахонъ, да и тотъ изъ торговой бани унесенъ.

Ни коня, ни возу, ни что на возъ положить.

Авось да небось—хоть вовсе брось. Подьячаго бойся и лежачаго (пьянаго).

Врешь хорошо, да не въ одно.

Не въ томъ сила, что кобыла сива, а въ томъ, что не везетъ.

Воеводою быть—безъ меду не жить. Чѣмъ долго браниться, не лучше-ль подраться?

И по рылу видно, что не простыхъ свиней.

Зацѣпилъ, поволокъ, — сорвалось — не ко двору пришлось!

Рано встала, да мало напярала.

Сбилъ, сколотилъ—вотъ колесо; сѣлъ да поѣхалъ—ахъ, хорошо! Оглянулся назадъ—однѣ спицы лежатъ.

Законъ — дышло: куда захочешь, туда и воротись.

Законъ, какъ паутина: шмель проскочетъ, а муха увязнетъ.

Судья суди, да и за судьей гляди!

Идучи на судъ—не хвались!

Судья, что плотникъ: что захочетъ то и вырубить.

Изъ суда—что изъ пруда: сухъ не выйдешь.

Въ судъ ногой—въ карманъ рукой.

Всякъ подъячій любитъ калачъ горячій.

Земля любитъ навозъ, лошадь — овесъ, а воевода (или судья) приносъ.

Передъ Богомъ ставь свѣчку, передъ судьей—мѣшокъ!

Философскія.

Чему быть, того не миновать.

Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить.

Коли быть собакѣ битой, найдется и палка.

Бѣда не по лѣсу ходить, а по людямъ.

Поѣхали пировать, а пришлось горе горевать.

Отъ сумы да отъ тюрьмы — никто не отрекайся!

Хотѣлось постричься, а довелось жениться (и наоборотъ).

Жеребій—Божій судъ.

Кому счастье служить, тотъ ни о чемъ не тужить.

Счастье дороже богатства.

Счастье съ несчастьемъ дворъ об дворъ живутъ.

Счастью не вовсе вѣрь. На счастье не надѣйся!

Счастье везетъ дураку, а умному Богъ далъ.

Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь.

Тише ѣдешь, дальше будешь.

Сидя на колесѣ, гляди подъ колесо.

Не живи, какъ хочется, а живи, какъ можется.

Деньги смогутъ много, а правда все.

На пословицу, на дурака, да на правду—и суда нѣтъ.

За правду не судись, скинь шапку—да поклонись!

Лжей много, а правда одна. Ложью какъ хошь верти, а правдѣ путь одинъ.

На правду, да на смерть, что на солнце: во всѣ глаза не взглянешь.

Правда въ дѣло не годится, а въ кивотъ поставить, да молиться.

Съ правдой шутить, что съ огнемъ.

Была правда, да по мелочамъ, въ разновѣску ушла.

Ложь не живуща.

Кривдою свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься.

Правда чище яснаго солнца.

Безъ правды не житье, а вытье.

Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь (или: а правду-матку рѣжь).

На правду суда нѣтъ.

Правда не рѣчиста.

Правда рогатиной (или: копыломъ) торчитъ.

Неправдою свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься.

Правда со дна моря выносить.

Правда у Бога, кривда на землѣ.

Всякъ правду любитъ, а всякъ ее губить.

Правда по-міру ходить.

Не будь лжи, не стало бы и правды.

Умная (или: сладкая) ложь, лучше глупой (или: горькой) правды.

Правда прежде насъ померла.

Красно поле рожью, а рѣчь ложью (т. е. краснымъ словомъ).

Не годы старятъ—горе.

И жидка слеза, да ѣдка.

Бѣда и богатаго мужика бездомить.

Во всякомъ худѣ не безъ добра.

Подумаешь — горе; а раздумаешь — власть Господня.

Жизнь пережить—не поле перейти.

Тяжелъ крестъ, да надо несть.

Жизнь даетъ одинъ только Богъ, а отнимаетъ всякая гадина.

Бойся Бога: смерть у порога.

Каково житье, такова и смерть.

Смерть—душѣ просторъ.

Жить—Богу служить.

Суда Божьяго околицей не объѣдешь.

Юридическія.

Не долго той землѣ стоять, гдѣ учнутъ уставы ломать.

Обычай старше (или: сильнѣе) закона.
Не нами установилось, не нами и
переставится.

Въ чужой монастырь со своимъ уста-
вомъ не ходятъ.

Что старѣе, то правѣе, а что мо-
ложе, то дороже.

Законъ преступить,—во тьму посту-
пить.

Нужда закона не знаетъ, а черезъ
шагаетъ.

Дураку законъ не писанъ.

Гласъ народа—гласъ Божій.

Что міромъ положено, тому быть такъ.

Міръ за себя постоять.

На міръ и суда нѣтъ. Міръ судить
одинъ Богъ.

Если всѣ міромъ воздохнуть, и до
царя слухи дойдутъ.

Мірская шея толста (т. е. много
снесетъ, сможетъ).

Въ міру виноватаго нѣтъ.

Съ волками жить—по волчьи быть.

Былъ бы запѣвала, а подголоски
найдутся.

Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ.

Загадки.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I,
вып. I-ый, стр. 123—124.

Туръ ходитъ по горамъ, турица по
доламъ,—туръ свистнетъ, турица миг-
нетъ (Гроза).

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ (Громъ).

На полѣ Царынскомъ стоитъ дубъ
Саратынскій; въ дубу гробница; въ
гробницѣ дѣвица: огонь высѣкается,
сырую землю зажигаетъ (Молнія).

Красненькій кочетокъ (пѣтухъ) по
жердочкѣ бѣгаетъ (Огонь).

Безъ крыль летитъ, безъ ногъ бѣ-
житъ, безъ огня горитъ, безъ ранъ
болитъ (Вѣтеръ, туча, солнце, сердце).

Черная корова весь міръ поборолъ,
а бѣлая подняла (Ночь и день).

Махнула птица крыломъ—и покрыла
весь свѣтъ однимъ перомъ (Ночь).

Сестра къ брату въ гости идетъ,
а онъ отъ сестры прячется (Ночь и
день).

Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ;
хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ
(Гвоздь въ сапогѣ).

Сидятъ чернички въ темной темничкѣ,
вяжутъ вязеночки безъ иглы, безъ ни-
точки (Пчелы въ ульѣ).

На потолокъ въ уголокъ виситъ сито
не руками свито (Паутина).

У меня молодца четыре отца, пя-
тый батюшка (Богъ, царь, духовникъ,
крестный).

Одинъ заварилъ, другой налилъ,—
сколько ни хлебай, а на любую ар-
тель еще станеть (Книга).

Не родился, а померъ (Адамъ).

Чего не устанешь во всю жизнь
дѣлать? (Вздыхать).

Тѣло Христово, душа конопляна (Во-
сковая свѣча).

Сказки.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. I 124.

Сказки о животныхъ.

Л и с а.

Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: — „Ты, баба, пеки пироги, а я пойду за рыбой“. Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулася калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая. „Вотъ будетъ подарокъ женѣ“, — сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать изъ воза все по рыбкѣ — да по рыбкѣ, все по рыбкѣ — да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу — и сама ушла. — „Ну, старуха, — говоритъ дѣдъ, — какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!“ — „Гдѣ?“ — „Тамъ на возу — и рыба и воротникъ“. Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: — „Ахъ ты, старый хрѣнь! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать!“ Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ. „Здравствуй, кумушка!“ — „Здравствуй, куманекъ!“ — „Дай мнѣ рыбки!“ — „Налови самъ да и ѣшь“. — „Я не умѣю“. — „Эка, вѣдь я же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь, — рыба сама на хвостъ понацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь“. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь, — дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: но не тутъ-то было. „Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь“, — думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой

и кричатъ, завидя сѣраго:—„Волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!“ Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. „Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!“

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжить. А волкъ ей на встрѣчу:—„Такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!“—„Эхъ, куманекъ,—говоритъ лисичка-сестричка,—у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ: меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь“.—„И то правда,—говоритъ волкъ,—гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти: садись на меня, я тебя довезу“. Лисичка сѣла ему на спину, онъ и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ:—„Битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ!“—„Что ты, кумушка, говоришь?“—„Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ“.—„Такъ, кумушка, такъ!“

— „Давай, куманекъ, построимъ себѣ хатки“.— „Давай, кумушка!“— „Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную“. Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла.—„А, кумушка,—говоритъ волкъ,—ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть“.—„Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть“. Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ:—„Прыгай; если ты перепрыгнешь черезъ яму—тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь—мнѣ тебя ѣсть“. Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму.—„Ну,—говоритъ лисичка,—сиди же тутъ!“—и сама ушла.

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ и просится къ мужичку въ избу:—„Пусти лисичку-сестричку переночевать“.— „У насъ и безъ тебя тѣсно“.—„Я не потѣсню васъ: сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку“. Ее пустили. Она сама легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ:—„Гдѣ же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму“. Мужикъ—дѣлать нечего—отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку:
За скалочку—гусочку!

— Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ другому мужику.—„Кто тамъ?“—„Я лисичка-сестричка,—пустите переночевать“.— „У насъ и безъ тебя тѣсно“.—„Я не потѣсню васъ: сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку“. Ее пустили. Она сама легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку. Рано утромъ она вскочила, схватила

гусочку, оцпала еѳ, сѳла и говоритъ:—„Гдѳ же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возму!“ Мужикъ—дѳлатъ нечего—отдалъ ей за гусочку индюшечку. Взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѳ,
Несла скалочку:
За скалочку—гусочку,
За гусочку—индюшечку!

— „Стукъ, стукъ, стукъ!“ стучится она въ избу къ третьему мужику.— „Кто тамъ?“ — „Я лисичка-сестричка; пустите переночевать“. — „У насъ и безъ тебя тѳсно“.—„Я не потѳсню васъ: сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку“. Ее пустили. Вотъ она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, оцпала еѳ, сѳла и говоритъ:— „Гдѳ же моя индюшечка? Я за нее не возму и невѳсточку“. Мужикъ — дѳлатъ нечего—отдалъ ей за индюшечку невѳсточку. Лисичка посадила еѳ въ мѳшокъ, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѳ,
Несла скалочку:
За скалочку—гусочку,
За гусочку—индюшечку,
За индюшечку—невѳсточку!

— „Стукъ, стукъ, стукъ!“ стучится она въ избу къ четвертому мужику.— „Кто тамъ?“ — „Я лисичка-сестричка; пустите переночевать“. — „У насъ и безъ тебя тѳсно“.—„Я не потѳсню васъ: сама ляжу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѳшокъ подъ печку“. Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѳшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѳшка невѳсточку, а впихалъ туда собаку. Вотъ поутру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѳшокъ, идетъ и говоритъ:— „Невѳсточка, пой пѳсни!“ — а собака какъ закричитъ. Лисичка испугалась,—какъ шваркнетъ мѳшокъ съ собакою, да бѳжать.

Вотъ бѳжитъ лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѳтушокъ. Она ему и говоритъ:—„Пѳтушокъ, пѳтушокъ; слѳзь сюда! я тебя исповѳдаю—ты завсегда грѳшонъ“. Пѳтухъ слѳзь: она хватъ его и скушала.

Волкъ и Лиса.

Жили-были кумъ съ кумой — волкъ съ лисой. Была у нихъ кадочка медку. А лисица любитъ сладенькое; лежитъ кума съ кумомъ въ избушкѳ, да украдкою постукиваетъ хвостикомъ. — „Кума, кума, — говоритъ волкъ, — кто-то стучитъ“. — „А, знать, меня на повой зовутъ“, — бормочетъ лиса. —

„Такъ поди, сходи“,—говорить волкъ. Вотъ кума изъ избы, да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ.—„Что Богъ далъ?“—спрашиваетъ волкъ.—„Початочекъ“, отвѣчаетъ лисица. Въ другой разъ опять лежитъ кума да постукиваетъ хвостикомъ.—„Кума, кто-то стучится?“—говорить волкъ.—„На повой, знать, зовутъ!“—„Такъ сходи“. Пошла лисица, да опять къ меду, нализалась досыта: медку только на донышкѣ осталось. Приходить къ волку.—„Что Богъ далъ?“—спрашиваетъ онъ.—„Середышекъ“. Въ третій разъ опять также обманула лисица волка и долизала ужъ весь медокъ.—„Что Богъ далъ?“—спрашиваетъ ее волкъ.—„Поскребышекъ“. Долго ли, коротко ли—прикинулась лисица хворою, просить кума медку принести. Пошелъ кумъ, а меду ни крошки...—„Кума! кума!—кричитъ волкъ,—вѣдь медъ съѣденъ“.—„Какъ съѣденъ? Кто же съѣлъ? Кому окромя тебя!“—погоняетъ лиса. Волкъ и крестится и божится.—„Ну, хорошо,—говорить лисица,—давай ляжемъ на солнышкѣ, у кого вытопится медъ, тотъ и виноватъ“. Пошли, легли: лисицѣ не спится, а сѣрый волкъ храпитъ во всю пасть. Глядь-поглядь—у кумы-то показался медокъ; она нутко скорѣе перемазывать его на волка.—„Кумъ, кумъ!“—толкаетъ волка,—это что? вотъ кто съѣлъ!“—И волкъ, нечего дѣлать, повинился! Вотъ вамъ сказка, а мнѣ кринка масла.

Лиса и Заяцъ.

Жили-были лиса да заяцъ. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна—у лисицы растаяла, а у зайчика стоитъ по старому. Лиса попросилась у зайчика погрѣться, да зайчика то и выгнала. Идетъ дорогой зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу собаки:—„Тяфъ, тяфъ, тяфъ, про што, зайчикъ, плачешь?“ А зайчикъ говоритъ:—„Отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная: попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала“.—„Не плачь, зайчикъ,—говорятъ собаки,—мы ее выгонимъ“.—„Нѣтъ, не выгоните!“—„Нѣтъ, выгонимъ“. Подошли къ избенкѣ:—„Тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди, лиса, вонъ!“ А она имъ съ печи:—„Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!“ Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему на встрѣчу медвѣдь.—„О чемъ, зайчикъ, плачешь?“ А зайчикъ говоритъ:—„Отстань, медвѣдь! Какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала“.—„Не плачь, зайчикъ,—говоритъ медвѣдь,—я выгоню ее“.—„Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали—не выгнали, и ты не выгонишь“.—„Нѣтъ, выгоню“. Пошли гнать:—„Поди, лиса, вонъ!“ А она съ печи:—„Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!“ Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу быкъ:—„Про што,

зайчикъ, плачешь?“ — „Отстань, быкъ! Какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала“. — „Пойдемъ, я ее выгоню“. — „Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! Собаки гнали—не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь“. — „Нѣтъ, выгоню“. Подошли къ избенкѣ:— „Поди, лиса, вонъ!“ А она съ печи— „Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!“ Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ, да плачетъ, а ему на встрѣчу пѣтухъ съ косою.— „Кукуреку! о чемъ, зайчикъ, плачешь?..“ — „Отстань, пѣтухъ! Какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала“. — „Пойдемъ, я выгоню“. — „Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, быкъ гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь“. — „Нѣтъ, выгоню“. Подошли къ избенкѣ:— „Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!“ А она услышала, испугалась, говоритъ: „Одѣваюсь...“. Пѣтухъ опять:— „Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!“ А она говоритъ:— „Шубу надѣваю“. Пѣтухъ въ третій разъ:— „Кукуреку несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!“ Лисица выбѣжала; онъ ее и зарубилъ косою-то, и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать, да добра наживать *). Вотъ тобѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

Мужикъ, Медвѣдь и Лиса.

Посѣялъ мужикъ съ медвѣдемъ вмѣстѣ рѣпу, и родилась рѣпа добрая. Медвѣдь мужику сказалъ: „Твои коренья, а мои верхушки“. Мужикъ всю зиму ѣлъ, а медвѣдь съ голоду помиралъ. На другой годъ медвѣдь сказалъ мужику: „Давай сѣять пшеницу“. Пшеница родилась добрая. — „Теперь ты бери верхушки,—сказалъ медвѣдь мужику, — а мои коренья“. Мужикъ всю зиму ѣлъ, а медвѣдь едва съ голоду не померъ. На третій годъ мужикъ одинъ пашетъ. Медвѣдь къ нему пришелъ и гуторить ему: — „Я тебя, мужикъ, сѣмъ за то, что ты меня обманываешь“. А мужикъ сказалъ ему:— „Погоди, пашню допашу“. Медвѣдь и легъ подъ мужичью телѣгу. О ту пору бѣжитъ лиса къ мужику и говоритъ:— „Мужикъ, я тебя отъ смерти отведу!

*) Въ Архангельской губерніи есть побасенка:

Идетъ пѣтухъ на пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,
Хочетъ лису посѣчи
По самыя плечи.
Вонъ, лиса, вонъ, кума!
— Вотъ я тебя, пѣтушица,
По колѣнамъ-то полѣномъ!

что ты мнѣ за работу дашь?“ Мужикъ сказалъ:—„Куръ мѣшокъ“.—„Хорошо; я у тебя спрошу: что у тебя подъ телѣгою лежитъ?“—А медвѣдь мужику говоритъ:—„Скажи, что колода“. Лиса говоритъ: „Кабы была колода, она бы на телѣгѣ была увязана“. О ту пору убѣжала лиса прочь, а послѣ опять возвратилась и говоритъ мужику:—„Что у тебя на телѣгѣ лежитъ?“—Мужикъ сказалъ:—„Колода“.—„А кабы колода, у ней бы топоръ былъ воткнутъ“. Медвѣдь сказалъ мужику:—„Воткни въ меня топоръ“. Мужикъ и воткнулъ топоръ медвѣдю, отчего медвѣдь и кончился. Лиса говоритъ мужику: — Вывези же обѣщанный мѣшокъ куръ“. На другой день выѣхалъ мужикъ на пашню и вывезъ мѣшокъ, а въ немъ двѣ курицы и борзую собаку. Вдругъ лиса прибѣгаетъ и говоритъ мужику:—„Что, привезъ куръ?“—„Привезъ“.—„Ну, ты же пушай по одной, а не всѣхъ вдругъ. Мужикъ выпустилъ курицу и другую, потомъ сабаку. Сабака за лисой, лиса отъ сабаки побѣжала въ нору. Сабака стоитъ у норы, а лиса сама съ собою говоритъ: — „Ноги, что вы дѣлали?“—„Мы бѣжали“.—„А вы, глазки?“ — „Мы глядѣли“. — „А вы, уши?“—„Мы слушали“.—„А ты, хвостъ?“ — „Я, говоритъ, тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобъ ты упала“. О ту пору лиса осердилась на хвостъ и высунула его изъ норы: на, сабака, ѣшь хвостъ! Сабака ухватила лису за хвостъ и вытащила ее и разорвала.

Сказки миѳическія.

Морозко.

Жили-были старикъ да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), по часту ее журила, рано будила и всю работу на нее сваливала. Дѣвушка скотину поила, кормила, дрова и водицу въ избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и все убирала еще до свѣту; но старуха и тутъ была недовольна и на Марѣушу ворчала: экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ-то не у мѣста, и не такъ-то стоитъ, и сорно-то въ избѣ. Дѣвушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехѣ уноровить и дочерямъ ея услужить; но сестры, глядя на мать, Марѣушу во всемъ обижали, съ нею вздорили и плакать заставляли: то имъ и любо было! Сами онѣ поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались и за работу садились, когда пообѣдаютъ. Вотъ наши дѣвицы росли да росли, стали большими и сдѣлались невѣстами. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Старикъ жалко было старшей дочери; онъ любилъ ее за то, что была послушная да работающая, никогда не упрямилась; что заставятъ, то и дѣлала, и ни въ чемъ слова не переборила; да не зналъ старикъ, чѣмъ

пособить горю. Самъ былъ хилъ, старуха ворчунья, а дочки ея лѣнивицы и упрямицы.

Вотъ наши старики стали думу думать: старикъ — какъ-бы дочерей пристроить, а старуха — какъ-бы старшую съ рукъ сбыть. Однажды старуха и говоритъ старику: — „Ну, старикъ! отдадимъ Марѳушу замужъ“. — „Лано“, — сказалъ старикъ и побрелъ себѣ на печь; а старуха вслѣдъ ему: — „Завтра встань, старикъ, ты пораньше, запряги кобылу въ дровни и поѣзжай съ Марѳуткой; а ты, Марѳутка, собери свое добро въ коробейку, да накинъ бѣлую исподку; завтра поѣдешь въ гости!“ Добрая Марѳуша рада была такому счастью, что увезутъ ее въ гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, Богу помолилась, все собрала, чередомъ уложила, сама нарядилась, и была дѣвка — хоть куды невѣста! А дѣло-то было зимою и на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Старикъ наутро, ни свѣтъ, ни заря, запрегъ кобылу въ дровни, подвелъ къ крыльцу; самъ пришелъ въ избу, сѣлъ на коникъ и сказалъ: — „Ну, я все изладилъ!“ — „Садитесь за столъ да жрите!“ — сказала старуха. Старикъ сѣлъ за столъ и дочь съ собой посадилъ; хлѣбница была на столѣ, онъ вынялъ челпанъ и нарушалъ хлѣба себѣ и дочери. А старуха межъ тѣмъ подала въ блюдѣ старыхъ щей и сказала: — „Ну, голубка, ѣшь да убирайся, я вдоволь на тебя наглядѣлась! Старикъ, увези Марѳутку къ жениху; да смотри, старый хрычъ, поѣзжай прямой дорогой, а тамъ сверни съ дороги-то направо, на боръ, — знаешь, прямо къ той большой соснѣ, что на пригоркѣ стоитъ, и тутъ отдай Марѳутку за Морозка“. Старикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и пересталъ хлѣбать, а дѣвка завывала. — „Ну, что тутъ нюни-то распустила! Вить женихъ-то красавецъ и богачъ! Мотри-ка сколько у него добра: всѣ ѣлки, мянды и березы въ пуху; житье-то завидное, да и самъ онъ богатырь!“ Старикъ молча уклалъ пожитки, велѣлъ дочери накинуть шубнякъ и пустился въ дорогу. Долго ли ѣхалъ, скоро ли пріѣхалъ — не вѣдаю: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ доѣхалъ до бору, своротилъ съ дороги и пустился прямо снѣгомъ по насту; забравшись въ глушь, остановился и велѣлъ дочери слѣзать, самъ поставилъ подъ огромной сосной коробейку и сказалъ: — „Сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковѣ“. А послѣ заворотилъ лошадь домой.

Дѣвушка сидитъ да дрожить; ознобъ ее пробралъ. Хотѣла она выть, да силъ не было: одни зубы только постукиваютъ. Вдругъ слышитъ — не вдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Очутился онъ и на той соснѣ, подъ коѣй дѣвица сидитъ, и сверху ей говоритъ: — „Тепло ли те, дѣвица?“ — „Тепло, тепло, батюшко Морозушко!“ Морозко сталъ ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Морозъ спросилъ дѣвицу: — „Тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная?“ Дѣвица чуть духъ переводить, но еще говоритъ: „Тепло, Морозушко; тепло, батюшко!“ Морозко пуще затрещалъ и сильнѣе зашелкалъ и дѣвицѣ ска-

залъ: „Тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная? тепло ли те, лапушка?“ Дѣвица окостенѣвала и чуть слышно сказала:—„Ой, тепло, голубчикъ Морозушко!“ Тутъ Морозко сжалился, окуталъ дѣвицу шубами и отогрѣлъ одѣялами.

Старуха наутро мужу говорить:—„Поѣзжай, старый хрычъ, да буди молодыхъ!“ Старикъ запрегъ лошадь и поѣхалъ. Подѣхавши къ дочери, онъ нашелъ ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и коробъ съ богатыми подарками. Не говоря ни слова, старикъ сложилъ все на возъ, сѣлъ съ дочерью и поѣхалъ домой. Приѣхали домой, и дѣвица бухъ въ ноги мачехѣ. Старуха изумилась, какъ увидѣла дѣвку живую, новую шубу и коробъ бѣлья.—„Э! не обманешь меня“.

Вотъ спустя немного старуха говорить старику: „Увези-ко и моихъ-то дочерей къ жениху; онъ ихъ еще не такъ одарить!“ Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ поутру рано старуха дѣтокъ своихъ накормила и, какъ слѣдуетъ, подъ вѣнецъ нарядила и въ путь отпустила. Старикъ тѣмъ же путемъ оставилъ дѣвокъ подъ сосною. Наши дѣвицы сидятъ да посмѣиваются: „Что это у матушки выдуманно — вдругъ обѣихъ замужъ отдавать? развѣ въ нашей деревнѣ нѣтъ и ребятъ! Неровень чортъ приѣдетъ и не знаешь какой!“ Дѣвушки были въ шубнякахъ, и тутъ имъ стало зябко. „Что, Параха, меня морозъ по кожѣ подираетъ. Ну, какъ суженой-ряженой не приѣдетъ, такъ мы здѣсь околѣемъ“. — „Полно, Машка, вратъ; коли рано женихи собираются, а теперь есть ли и обѣдъ на дворѣ“. — „А что, Параха, коли приѣдетъ одинъ, кого онъ возьметъ?“ — „Не тебя ли, дурище?“ — „Да мотри тебя!“ — „Конечно, меня“. — „Тебя! полно тебѣ цыганить да вратъ!“ Морозко у дѣвушекъ руки ознобилъ, и наши дѣвицы сунули руки въ пазухи да опять за то же. — „Ой ты, заспанная рожа! нехорошая тряся, поганое рыло! прясть ты не умѣешь, а перебирать и вовсе не смыслишь“. — „Охъ ты, хвастунья! а ты что знаешь? только по бесѣдкамъ ходить да облизываться. Посмотримъ, кого скорѣе возьметъ!“ Такъ дѣвицы растобаривали и не въ шутку озябли; вдругъ онѣ въ одинъ голосъ сказали:—„Да кой хранци, что долго не идетъ? вишь ты посинѣла!“ Вотъ вдаль Морозко началъ потрескивать, и съ елки на елку поскакивать да пощелкивать. Дѣвицамъ слышалось, что кто-то ѣдетъ. — „Чу, Параха! ужъ ѣдетъ, да и съ колокольцомъ“. — „Поди прочь! я не слышу, меня морозъ обдираетъ“. — „А еще замужъ нарохтишься!“ И начали пальцы отдувать Морозко все ближе, да ближе; наконецъ очутился на соснѣ, надъ дѣвицами. Онъ дѣвицамъ говорить:—„Тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя? тепло ли, мои голубушки?“ — „Ой, Морозко, больно студено! мы замерзли, ждемъ суженаго, а онъ, окаянной, сгинулъ“. Морозко сталъ ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. — „Тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя?“ — „Поди ты къ чорту! развѣ слѣпъ, вишь у насъ руки и ноги отмерзли“. Морозко еще ниже спустился, сильно приударилъ и сказалъ:—

„Тепло ли вамъ, дѣвицы?“—„Убирайся ко всѣмъ чертямъ въ омутъ, сгинь, окаянный!“—и дѣвушки окостенѣли.

Наутро старуха мужу говорить:—„Запряги-ко ты, старикъ, пошевенки; положи охабочку сѣнца да возьми шубное опахало. Чай, дѣвки-то пріозябли; на дворѣ-то страшной морозъ! да мотри, воровѣй, старой хрычь!“ Старикъ не успѣлъ и перекусить, какъ былъ ужъ на дворѣ и на порогѣ. Пріѣзжаетъ за дочками и находитъ ихъ мертвыми. Онъ въ пошевенки дѣтокъ свалилъ, опахаломъ закуталъ и рогожкой закрылъ. Старуха, увидя старика издалека, навстрѣчу выбѣгала и такъ его вопрошала:—„Что дѣтки?“—„Въ пошевняхъ“. Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и дѣтокъ мертвыми нашла. Тутъ старуха, какъ гроза, разразилась и старика разбранила:—„Что ты надѣлалъ, старой песъ? уходилъ ты моихъ дочекъ, моихъ кровныхъ дѣточекъ, моихъ ненаглядныхъ симячокъ, моихъ красныхъ ягодокъ! Я тебя ухватомъ прибую, кочергой зашибу!“—„Полно, старая дрянь! вишь, ты на богатство польстилась, а дѣтки твои упрямыцы! Коли я виноватъ? ты сама захотѣла“. Старуха посердилась, побранилась да послѣ съ падчерицею помирилась, и стали они жить да быть, да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сосѣдъ, свадебку сыграли, и Марѣуша счастливо живетъ. Старикъ внучатъ Морозкомъ стращаль и упрямится не давалъ. Я на свадьбѣ былъ, медъ-пиво-пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало.

Кощей безсмертный.

Жилъ-былъ царь, у него былъ одинъ сынъ. Когда царевичъ былъ малъ, то мамки и няньки его прибаюкивали: „Баю-баю, Иванъ-царевичъ! выростешь большой, найдешь себѣ невѣсту: за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ сидитъ въ башнѣ Василиса Кирбитьевна—изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается“. Минуло царевичу пятнадцать лѣтъ, сталъ у отца проситься поѣхать-поискать свою невѣсту.—„Куда ты поѣдешь? ты еще слишкомъ малъ!“—„Нѣтъ, батюшка! когда я малъ былъ, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, гдѣ живетъ моя невѣста; а теперь я поѣду ее разыскивать“. Отецъ благословилъ его и далъ знать по всѣмъ государствамъ, что сынъ его Иванъ-царевичъ поѣхалъ за невѣстою. Вотъ пріѣзжаетъ царевичъ въ одинъ городъ, отдалъ убрать свою лошадь, а самъ пошелъ по улицамъ погулять. Идетъ и видитъ—на площади человѣка кнутомъ наказываютъ.—„За что, — спрашиваетъ, — вы его кнутомъ бьете?“—„А за то, — говорятъ, — что задолжалъ онъ одному именитому купцу десять тысячъ, да въ срокъ не выплатилъ; а кто его выкупить, у того Кощей Безсмертный жену унесетъ. Вотъ царевичъ подумалъ-подумалъ и прочь пошелъ. Погулялъ по городу, выходитъ опять на площадь, а того человѣка все бьютъ; жалко стало Ивану-царевичу, и рѣшилъ онъ его выкупить.—„У меня, — думаетъ, — жены нѣту:

отнять у меня некого“. Заплатилъ десять тысячъ и пошелъ домой: вдругъ бѣжить за нимъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ выкупилъ, и кричитъ ему:—Спасибо, Иванъ-царевичъ! еслибъ ты меня не выкупилъ, вѣкъ бы не досталъ своей невѣсты. А теперь я помогу; купи мнѣ скорѣе лошадь и сѣдло“. Царевичъ купилъ ему лошадь и сѣдло и спрашиваетъ:— „А какъ твое имя?“— „Меня зовутъ Булатъ-молодецъ“. Сѣли они на коней и поѣхали въ путь-дорогу; какъ только пріѣхали въ тридешатое государство, говоритъ Булатъ-молодецъ:— „Ну, Иванъ-царевичъ, прикажи купить да нажарить куръ, утокъ, гусей,—чтобъ всего было довольно! а я пойду твою невѣсту доставать. Да смотри: всякій разъ, какъ я забѣгу къ тебѣ, ты рѣжь у любой птицы правое крылушко и подавай на тарелочкѣ“. Пошелъ Булатъ-молодецъ прямо къ высокой башнѣ, гдѣ сидѣла Василиса Кирбитъевна; бросилъ полегоньку камушкомъ и сломилъ у башни золоченой верхъ. Прибѣгаетъ къ Ивану-царевичу, говоритъ ему:— „Что ты спишь? подавай курицу“. Тотъ отрѣзалъ правое крылушко и подаль на тарелочкѣ. Булатъ-молодецъ взялъ тарелочку, побѣжалъ къ башнѣ и закричалъ:— „Здравствуйте, Василиса Кирбитъевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и просилъ меня отдать вамъ эту курочку“. Она испугалась, сидитъ—ничего не говоритъ; а онъ самъ за нее отвѣчаетъ:— „Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли Иванъ-царевичъ?“ — „Слава Богу, здоровъ!“ — „А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отпри шкапчикъ, выпей рюмку водочки, и ступай съ Богомъ“. Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ къ Ивану-царевичу: — „Что сидишь, — говоритъ,—подавай утку“. Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, подаль на тарелочкѣ. Булатъ взялъ тарелочку и понесъ къ башнѣ: „Здравствуйте, Василиса Кирбитъевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ эту утку“. Она сидитъ—ничего не говоритъ; а онъ самъ за нее отвѣчаетъ: — „Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли царевичъ?“ — „Слава Богу, здоровъ“ — „А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отпри шкапчикъ, выпей рюмочку и ступай съ Богомъ“. Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ домой и опять говоритъ Ивану-царевичу:— „Что сидишь? подавай гуся“. Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, положилъ въ тарелочку и подаль ему. Булатъ-молодецъ взялъ и понесъ къ башнѣ:—Здравствуйте, Василиса Кирбитъевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ гуся“. Василиса Кирбитъевна тотчасъ беретъ ключъ, отпираетъ шкапъ и подаетъ рюмку водочки. Булатъ-молодецъ не беретъ за рюмку, а хватаетъ дѣвицу за правую руку; вытащилъ ее изъ башни, посадилъ къ Ивану-царевичу на лошадь, и поскакали они, добрые молодцы, съ душой красной дѣвицей во всю конскую прыть. Поутру встаетъ-просыпается царь Кирбитъ, видитъ, что у башни верхъ сломанъ, а дочь его похищена, сильно разгнѣвался и приказалъ послать погоню по всѣмъ путямъ и дорогамъ. Много ли, мало ли ѣхали наши витязи — Булатъ-молодецъ снялъ съ руки свой перстень, спряталъ его и говоритъ:— „Поѣзжай, Иванъ-царевичъ! а я назадъ ворочусь, поищу перстень“.

Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать:— „Не оставляй насъ, Булатъ-молодецъ! хочешь, я тебѣ свой перстень подарю“. Онъ отвѣчаетъ:— „Никакъ нельзя, Василиса Кирбитьевна! моему перстню цѣны нѣтъ — мнѣ дала его родная матушка; какъ давала—приговаривала: носи—не теряй, мать не забывай!“ Поскакалъ Булатъ-молодецъ назадъ и повстрѣчалъ на дорогѣ погоню; онъ тотчасъ всѣхъ перебилъ, оставилъ только единого человѣка, чтобъ было кому царя повѣстить, а самъ поспѣшилъ нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ѣхали—Булатъ-молодецъ запряталъ свой платокъ и говорить:— „Ахъ, Иванъ-царевичъ! я платокъ потерялъ; поѣзжайте вы путемъ-дорогою, я васъ скоро опять нагоню“. Повернулъ назадъ, отъѣхалъ нѣсколько верстъ и повстрѣчалъ погоню вдвое больше, перебилъ всѣхъ и вернулся къ Ивану-царевичу. Тотъ спрашиваетъ:— „Нашелъ ли платокъ?“ — „Нашелъ“. Настигала ихъ темная ночь; раскинули они шатеръ, Булатъ-молодецъ легъ спать, а Ивана-царевича на караулъ поставилъ и говорить ему:— „Каковъ случай—разбуди меня!“ Тотъ стоялъ-стоялъ—утомился, началъ клонить его сонъ, онъ присѣлъ у шатра и заснулъ. Откуда ни взялся Кощей Безсмертный—унесъ Василису Кирбитьевну. На зарѣ очнулся Иванъ-царевичъ; видитъ, что нѣтъ его невѣсты, и горько заплакалъ. Просыпается и Булатъ-молодецъ, спрашиваетъ его: — „Что плачешь?“ — „Какъ мнѣ не плакать? кто-то унесъ Василису Кирбитьевну“. — „Я же тебѣ говорилъ: стой на караулѣ! Это дѣло Кощея Безсмертнаго; поѣдемъ искать“. Долго-долго они ѣхали, смотря: два пастуха стадо пасутъ.— „Чье это стадо?“ Пастухи отвѣчаютъ:— „Кощея Безсмертнаго“. Булатъ-молодецъ и Иванъ-царевичъ выспросили пастуховъ, далеко-ль Кощей живетъ, какъ туда проѣхать, когда они со стадомъ домой ворочаются и куда его запираютъ? Потомъ слѣзли съ лошадей, свернули пастухамъ головы, нарядились въ ихъ платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у воротъ. У Ивана-царевича былъ на рукѣ золотой перстень—Василиса Кирбитьевна ему подарила; а у Василисы Кирбитьевны была коза—отъ той козы молокомъ она утромъ и вечеромъ умывалась. Прибѣжала дѣвушка съ чашкою, подоила козу, и несетъ молоко, а Булатъ-молодецъ взялъ у царевича перстень и бросилъ въ чашку.— „Э, голубчики!—говоритъ дѣвушка,—вы озорничать стали!“ Приходитъ къ Василисѣ Кирбитьевнѣ и жалуется: — „Нонче пастухи надъ нами насмѣхаются, бросали въ молоко перстень!“ Та отвѣчаетъ:— „Оставь молоко, я сама процѣжу“. Стала цѣдить, увидала свой перстень, и велѣла послать къ себѣ пастуховъ. Пастухи пришли.— „Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна!“ — говоритъ Булатъ-молодецъ.— „Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здравствуй, царевичъ! какъ васъ Богъ сюда занесъ?“ — „За вами, Василиса Кирбитьевна, пріѣхали, вы отъ насъ нигдѣ не скроетесь: хоть на днѣ моря, и то отыщемъ!“ Она ихъ за столъ усадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говоритъ ей Булатъ-молодецъ: — „Какъ пріѣдитъ Кощей съ охоты, разспросите его, Василиса Кирбитьевна, гдѣ его смерть? А теперь не худо намъ

спрятаться“. Только-что гости успѣли спрятаться, прилетаетъ Кощей Безсмертный.—„Фу-фу,—говорить,—прежде русскаго духу слыхомъ не было слышать, видомъ не видать, а нониче русской духъ въ-очью является, въ уста бросается“. Отвѣчаетъ ему Василиса Кирбитьевна:—„Самъ ты по Руси налетался, русскаго духа нахватался, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится!“ Кощей пообѣдалъ и легъ отдыхать; пришла къ нему Василиса Кирбитьевна, кинулась на шею, миловала-цѣловала, сама приговаривала:—„Другъ ты мой милой! насилу дождалась тебя; ужъ не чаяла въ живыхъ увидать—думала, что тебя лютые звѣри съѣли!“ Кощей засмѣялся:—„Дура-баба—волосъ дологъ, да умъ коротокъ: развѣ могутъ меня лютые звѣри съѣсть?“—„Да гдѣ жъ твоя смерть?“—„Смерть моя въ голикѣ подъ порогомъ валяется“. Какъ скоро Кощей улетѣлъ, Василиса Кирбитьевна побѣжала къ Ивану-царевичу. Спрашиваетъ ее Булатъ-молодецъ:—„Ну, гдѣ смерть Кощеева?“—Въ голикѣ подъ порогомъ валяется“.—Нѣтъ, это онъ нарочно вретъ! надо спросить его похитрѣ“. Василиса Кирбитьевна тотчасъ придумала: взяла голикъ вызолотила, разными лентами украсила и положила на столъ. Вотъ прилетѣлъ Кощей Безсмертной, увидалъ на столѣ вызолоченный голикъ и спрашиваетъ:—„Зачѣмъ это сдѣлано?“—„Какъ же можно,—отвѣчала Василиса Кирбитьевна,—чтобъ твоя смерть подъ порогомъ валялась; пусть лучше на столѣ лежить!“—„Ха-ха-ха, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; развѣ здѣсь моя смерть?“—„А гдѣ же!“—„Моя смерть въ козлѣ запрятана“. Василиса Кирбитьевна, какъ только Кощей на охоту уѣхалъ, взяла, убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила. Кощей увидалъ, опять разсмѣялся:—„Эхъ, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; моя смерть далече: на морѣ-на-окіанѣ есть островъ, на томъ на островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ—заяцъ, въ зайцѣ—утка, въ уткѣ—яйцо, а въ яйцѣ—моя смерть!“ Сказалъ и улетѣлъ. Василиса Кирбитьевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли съ собой запасу и пошли отыскивать Кощееву смерть. Долго ли, коротко ли шли, запасъ весь пріѣли и начали голодать. Попадается имъ собака со щенятами.—„Я ее убью,—говоритъ Булатъ-молодецъ,—намъ ѣсть больше нечего“.—Не бей меня,—проситъ собака,—не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами: я тебѣ сама пригожусь!“—„Ну, Богъ съ тобой“. Идутъ дальше—сидитъ на дубу орелъ съ орлятами. Говоритъ Булатъ-молодецъ:—„Я убью орла!“ Отвѣчаетъ орелъ:—Не бей меня, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами: я тебя самъ пригожусь!“—Такъ и быть, живи на здоровье! Подходятъ къ окіанъ-морю широкому, на берегу ракъ ползетъ. Говоритъ Булатъ-молодецъ:—„Я его пришибу!“ Отвѣчаетъ ракъ:—„Не бей меня, добрый молодецъ! во мнѣ корысти немного, хоть съѣшь—сытъ не будешь. Придетъ время—я и самъ пригожусь!“—„Ну, ползи съ Богомъ!“—сказалъ Булатъ-молодецъ, посмотрѣлъ на море, увидалъ рыбака въ лодкѣ и крикнулъ: „Причаливай къ берегу!“ Рыбакъ подалъ лодку; Иванъ-царевичъ да Булатъ-

молодецъ сѣли и поѣхали къ острову; добрались до острова и пошли къ дубу. Булатъ-молодецъ ухватилъ дубъ могучими руками и съ корнемъ вырвалъ: досталъ изъ-подъ дуба сундукъ, открылъ его — изъ сундука выскочилъ заяцъ и побѣжалъ что есть духу. „Ахъ,—вымолвилъ Иванъ-царевичъ,—еслибъ на эту пору да собака была, она-бъ зайца поймала!“ Глядь—а собака ужъ тащить зайца. Булатъ-молодецъ взялъ его, разорвалъ—изъ него вылетѣла утка и высоко поднялась въ поднебесье.—„Ахъ,—вымолвилъ Иванъ-царевичъ,—еслибъ на эту пору да орелъ былъ, онъ бы утку поймалъ!“—а орелъ ужъ несетъ утку! Булатъ-молодецъ разорвалъ утку—изъ утки выкатилось яйцо и упало въ море.—„Ахъ,—сказалъ царевичъ,—еслибъ ракъ его вытащилъ!“—а ракъ ужъ ползетъ, яйцо тащить. Взяли они яйцо, пріѣхали къ Кощею Безсмертному, ударили его тѣмъ яйцомъ въ лобъ — онъ тотчасъ растянулся и умеръ. Бралъ Иванъ-царевичъ Василису Кирбитьевну и поѣхали въ дорогу.

Ѣхали-Ѣхали; настигла ихъ темная ночь, раскинули шатеръ, Василиса Кирбитьевна спать легла. Говоритъ Булатъ-молодецъ:—„Ложись и ты, царевичъ, а я буду на часахъ стоять“. Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ:—„Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ!—убили вы нашего брата Кошея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстуху Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра; какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у пса и разорветъ царевича на мелкія части; а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменный!“ — Поутру Булатъ-молодецъ разбудилъ царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поѣхали въ путь-дорогу. Настигла ихъ вторая ночь; раскинули шатеръ въ чистомъ полѣ. Опять говоритъ Булатъ-молодецъ:—„Ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я буду караулить“. Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ:—„Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ!—убили вы нашего брата Кошея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстуху Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести своего любимого коня, на которомъ сѣзмала привыкъ кататься, конь вырвется у конюха и убьетъ царевича до смерти. А кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ будетъ по поясъ каменный!“—Настало утро, опять поѣхали. Настигла ихъ третья ночь; разбили шатеръ и остановились ночевать въ чистомъ полѣ. Говоритъ Булатъ-молодецъ:—„Ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я караулить буду“. Опять въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ:—„Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убилъ вы нашего брата Кошея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстуху Василису Кирбитьевну, да и вамъ добра не нажить: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою любимую корову, отъ которой сѣзмала молочкомъ питался, она

вырвется у скотника и подниметь царевича на рога. А кто насъ видить и слышитъ, да ему скажетъ, то весь будетъ каменный“.—Сказали, обернулись голубицами и улетѣли. Поутру проснулся Иванъ-царевичъ съ Василисой Кирбитьевной, и отправились въ дорогу. Приѣхалъ царевичъ домой, женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ, и спустя день или два говоритъ ей:— „Хочешь, я покажу тебѣ мою любимую собачку? когда я былъ маленькой—все съ ней забавлялся“. Булатъ-молодецъ взялъ свою саблю, наточилъ остро, остро и сталъ у крыльца. Вотъ ведутъ собачку; она вырвалась у псара, прямо на крыльцо бѣжить, а Булатъ-молодецъ махнулъ саблею и разрубилъ ее пополамъ. Иванъ-царевичъ на него разгнѣвался, да за старую службу промолчалъ — ничего не сказалъ. На другой день приказалъ онъ вывести своего любимого коня; конь перервалъ арканъ, вырвался у конюха и скачетъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ коню голову. Иванъ-царевичъ еще пуще разгнѣвался, приказалъ было схватить его и повѣсить, да Василиса Кирбитьевна упросила:— „Если-бъ не онъ,—говорить,—ты-бъ меня никогда не досталъ“. На третій день велѣлъ Иванъ-царевичъ вывести свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бѣжить прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ и ей голову. Тутъ Иванъ-царевичъ такъ озлобился, что никого и слушать не сталъ; приказалъ позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца. — „Ахъ, Иванъ-царевичъ! коли ты хочешь меня палачомъ казнить, такъ лучше я самъ помру. Позволь только три рѣчи сказать...“ — Разказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что ему говорили—и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разказалъ про другую ночь—и окаменѣлъ по поясъ. Тутъ Иванъ-царевичъ началъ его упрасивать, чтобъ до конца не договаривалъ. Отвѣчаетъ Булатъ-молодецъ:— „Теперь все равно—на половину окаменѣлъ, такъ не стоитъ жить!“ — Разказалъ про третью ночь, и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ, и каждой день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ камнемъ Булатомъ-молодцомъ и слышитъ—изъ камня голосъ раздается:— „Что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!“ — „Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ“. — „Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей—сынъ да дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови, и той кровью помажь камень“. Иванъ-царевичъ разказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ. Потужили они, погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ — зарѣзали, нацѣдили крови и только помазали камень—какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены:— „Что, вамъ жалко своихъ дѣтокъ?“ — Жалко, Булатъ-молодецъ! — „Ну, пойдемте въ ихъ комнату“. Пришли, смотрятъ, — а дѣти живы. Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь міръ. На томъ пиру и я былъ, медъ и вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, на душѣ пьяно и сытно стало.

Коровья смерть *).

Мужикъ ѣхалъ съ мельницы поздною порою; на-встрѣчь ему плетется старуха и говоритъ: „подвези меня, дѣдушка!“—Да куда тебѣ?—„Вонъ до этого селенія, родимый, куда и ты, чай, ѣдешь“.—А кто же ты, бабушка?—„Лѣчейка, родимый, коровъ лечу“.—А гдѣ жъ ты лѣчила?—„А вотъ лѣчила у Истоминой, да тамъ всѣ переколѣли. Что дѣлать! Недавно привезли меня, и я захватить не успѣла“.

Мужикъ посадилъ бабу на возъ и поѣхалъ; но, приѣхавши къ *ростамъ*, забылъ свою дорогу,—а ужъ затемнѣло. Мужикъ сотворилъ молитву, снялъ шапку и перекрестился. Глядь, — а бабы не бывало! Она, оборотясь въ черную собаку, бѣжала къ селенію, и на-завтра въ крайнемъ дворѣ пали три коровы.—Мужикъ привезъ коровью смерть.

Сестрица Алёнушка, братецъ Иванушка.

Жили-были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь; сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли, шли, шли... идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасется стадо коровъ. „Я хочу пить“, говоритъ Иванушка.—Не пей, братецъ! а то будешь телёночкомъ, говоритъ Алёнушка. Онъ послушался, и пошли они дальше. Шли, шли, и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. „Ахъ, сестрица! еслибъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется“.— Не пей, братецъ! а то сдѣлаешься жеребеночкомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. „Ахъ, сестрица! мнѣ страшно пить хочется“.— Не пей, братецъ, а то будешь баранчикомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. „Ахъ, сестрица! я напьюся; мнѣ ужасно пить хочется“.— Не пей, братецъ! а то будешь поросеночкомъ. Иванушка опять послушался, и пошли они дальше. Шли, шли, и видятъ: пасется у воды стадо козъ. „Ахъ, сестрица! я напьюся“.—„Не пей, братецъ, а то будешь козлёночкомъ. Онъ не вытерпѣлъ и не послушался сестры, напился и сталъ козлёночкомъ, прыгаетъ передъ Алёнушкой и кричитъ: „мекеке! мекеке!“.

Алёнушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ... Козлёночекъ бѣгалъ-бѣгалъ и забѣжалъ разъ въ садъ къ одному царю. Люди увидали и тотчасъ докладываютъ царю:

*) „Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что коровья смерть (скотскій падежъ) или сама набѣгаетъ, или ее завозятъ“.

„У насъ, ваше царское величество, въ саду козлёночекъ, и держать его на поясѣ дѣвица, та такая изъ себя красавица“. Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда она и чьего роду-племени?—„Такъ и такъ, говоритъ Алёнушка, былъ царь и царица, да померли; остались мы дѣти: я—царевна, да вотъ братецъ мой, царевичъ; онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козлёночкомъ“. Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Алёнушку, разспросилъ обо всемъ; она ему приглянулась, и царь захотѣлъ на ней жениться. Скоро сдѣлали свадьбу и стали жить себѣ, и козлёночекъ съ ними гуляетъ себѣ по саду, а пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ съ царемъ и съ царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Алёнушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все приуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: „а ли ты чѣмъ нездорова?“ — Да, хвораю, говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Алёнушка лежитъ больная: приходитъ къ ней колдунья и говоритъ: „Хочешь, я тебя вылечу? выходи къ такому-то морю столько-то зорь и пей тамъ воду“. Царица послушалась и въ сумеркахъ пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Алёнушка пошла на дно; козлёночекъ прибѣжалъ и горько-горько заплакалъ. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворецъ. Царь приѣхалъ и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрала на столъ и сѣли обѣдать. „А гдѣ же козлёночекъ?“ спрашиваетъ царь.— Не надо его, говоритъ колдунья; я не велѣла пускать; отъ него такъ и несетъ козлятиной! На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: „Вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать“. Приѣхалъ царь; колдунья такъ и пристаетъ къ нему: прикажи да прикажи зарѣзать козлёночка, онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ! Царю жалко было козлёночка, да дѣлать ничего—она такъ пристаетъ, такъ упрашиваетъ, что царь, наконецъ, согласился и позволилъ его зарѣзать. Видитъ козлёночекъ: ужъ начали точить на него ножи булатные; заплакалъ онъ, побѣжалъ къ царю и просится: „Царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать“. Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжелъ камень ко дну тянеть,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился назадъ. Посередь дня опять просится онъ у Царя: „Царь!пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать“. Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ.

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ,
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянеть,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: что бы это значило, козлёночекъ все бѣгаетъ на море? Вотъ попросился козлёночекъ въ третій разъ: „Царь!пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать“. Царь отпустилъ его и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю и слышитъ—козлёночекъ вызываетъ сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ.
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ камень ко одну тянеть,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ опять зачалъ вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ Алёнушку на берегъ, да и спрашиваетъ: „Какъ это сталося?“ Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козлёночекъ тоже — такъ и прыгаетъ, въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костеръ дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей и съ козлёночкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и по прежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

Объ Ужакѣ.

Жила была старуха, была у ней дочь. Пошла ея дочь съ дѣвками купаться въ прудъ. Поскидали онѣ рубахи, полѣзли купаться. Изъ пруда вылѣзъ ужакъ, легъ на рубаху этой дочери. Дѣвки всѣ вылѣзли, надѣли рубахи, и старухина дочь хотѣла надѣтъ, а на ней ужакъ лежитъ. Она стала его сгонять. Онъ сидитъ, не пускаетъ. Ужакъ говоритъ: „Пойди замужъ за меня, тогда отдамъ рубаху“. Она было не хотѣла за него замужъ пойти. А тѣ дѣвки говорятъ: „Можно развѣ за него замужъ идти! скажи пойду“. Она и сказала: „Ну, пойду“. Ужакъ слѣзъ съ рубахи,—прямо въ воду. Она надѣла рубаху, пошла домой. Пришла и рассказываетъ матери: „Мамо, мамо, такъ и такъ, ужакъ на мою рубаху легъ и говоритъ: пойди за меня замужъ, а то не отдамъ рубаху; я и сказала: пойду“.—„И, дура: что ты мелешь,—развѣ можно за ужака идти!“ Такъ и оставили, забыли про это дѣло.

Недѣля проходить, видятъ: тутъ ужаковъ ползетъ много, большое стадо. А эта дѣвка говоритъ: „Ахъ, мамо, за мной, за мной!“ Мать скорѣй ворота заперла, сѣнцы заперла. Ужаки кинулись было въ ворота—ворота заперты, въ сѣнцы кинулись—сѣнцы заперты. Какъ сейчасъ свернутся клубкомъ, ударились по окну, разбили окно и полѣзли всѣ въ избу. А дѣвка на печи. Они за ней. Сволокли съ печи и повели вонъ изъ избы. Мать такъ и воетъ, провожаетъ ее. Они доползли до пруда. Въ прудъ прямо нырнули съ этой дѣвкой и стали тамъ людьми. Мать осталась на плотинѣ, повыла да и пошла домой.

Прошло три года; нажила она дѣтей, сына да дочь. Стала она у мужа проситься въ гости къ матери своей. Вывелъ онъ ее изъ воды. Она и спрашиваетъ: „Какъ же мнѣ тогда покликать тебя?“ Онъ говоритъ: „Ты меня покличь: Осипъ, Осипъ, выйди сюда; я и выйду“.—Она пошла къ матери, а онъ въ воду опять нырнулъ. Дѣвочку она понесла на рукахъ, а мальчика за руку ведетъ. Мать и встрѣчаетъ, такъ рада ей. „Здравствуй, матушка!“—Хорошо ли тамъ тебѣ было жить?—„Хорошо, матушка, мнѣ тамъ жить, лучше вашего“. Посидѣли онѣ, погудорили. Собрала мать тамъ ей обѣдать.

Она пообѣдала. Мать и спрашиваетъ: „Какъ же твоего мужа зовутъ?“ Она говоритъ: „Осипомъ“.—А какъ же ты пойдешь домой?—Пойду къ плотинѣ, покличу: Осипъ, Осипъ, выйди сюда; онъ и выйдетъ.—Мать говоритъ: „Лягъ, дочка, отдохни“. Она легла и заснула. Мать сейчасъ взяла топоръ, остро наточила и пошла на плотину. Пришла на плотину, стала кликать: „Осипъ, Осипъ, выйди сюда“. Осипъ какъ только показалъ голову, какъ эта старуха махнетъ топоромъ и срубила ему голову. А вода въ рѣкѣ такъ кровью и задернулась. Старуха пошла домой. Приходитъ домой, а дочь проснулась.—Ой, говоритъ, матушка, скучно мнѣ что-то, пойду домой.—Ночуй у меня, дочка, можетъ не придется тебѣ еще побывать у меня. Осталась дочка. Переночевала. Поутру встала; мать ей собрала позавтракать. Она позавтракала, простилась съ матерью и пошла. Дѣвочку взяла на руки, а мальчикъ за ней идетъ. Пришла на плотину и кличетъ: Осипъ, Осипъ, выйди сюда. Кликала, кликала, а онъ нейдетъ. Взглянула въ воду, а голова плаваетъ по водѣ. Дочь и догадалась. Ахъ, это мать моя убила! Выла, выла тутъ на берегу и говоритъ на свою дочку: „Полети птичкой подкрапивничкой отнынѣ до вѣку“. А на сына говоритъ: „Ты полети, сыночекъ, соловейчикомъ отнынѣ до вѣку. А я полечу отнынѣ до вѣку кукушкой куковать“

Морской царь и Василиса премудрая.

Жилъ-былъ царь съ царицею. Любилъ онъ ходить на охоту и стрѣлять дичь. Вотъ одинъ разъ пошелъ царь на охоту и увидѣлъ — сидитъ на дубу молодой орелъ; только хотѣлъ онъ застрѣлить, орелъ и проситъ:—„Не стрѣлай меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ: въ нѣкое время я тебѣ пригожусь“. Царь подумалъ-подумалъ, и говоритъ:— „Зачѣмъ ты мнѣ нуженъ!“— и хочетъ опять стрѣлять. Говоритъ ему орелъ въ другой разъ:— „Не стрѣлай меня, царь-государь!—возьми лучше къ себѣ: въ нѣкое время я тебѣ пригожусь“. Царь думалъ-думалъ, и опять-таки не придумалъ, на что бы такое пригодился ему орелъ, и хочетъ ужъ совсѣмъ застрѣлить его. Орелъ и въ третій разъ провѣщалъ:—„Не стрѣлай меня, царь-государь! — возьми лучше къ себѣ да прокорми три года: въ нѣкое время я пригожусь тебѣ!“ Царь смиловался, взялъ орла къ себѣ и кормилъ его годъ и два: орелъ такъ много поѣдалъ, что всю скотину прѣлъ: не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говоритъ ему орелъ:—„Пусти-ка меня на волю!“—Царь выпустилъ его на волю; попробовалъ орелъ свои крылья, нѣтъ—не сможетъ еще летать! и проситъ:—„Ну, царь-государь!—кормилъ ты меня два года: ужъ какъ хочешь, а прокорми еще годъ: хотя займи, да прокорми: въ накладѣ не будешь!“ Царь то и сдѣлалъ: вездѣ занималъ скотинку и цѣлый годъ кормилъ орла, а послѣ выпустилъ его на волю-вольную. Орелъ поднялся высоко-высоко,

леталь-леталь, спустился на землю и говорить:— „Ну, царь-государь! садись теперь на меня; полетимъ вмѣстѣ“. Царь сѣлъ на птицу. Вотъ и полетѣли они; ни много, ни мало прошло времени, прилетѣли на край моря синяго. Тутъ орелъ скинулъ съ себя царя и упалъ онъ на море — по колѣни намокъ; только орелъ не далъ ему потонуть, подхватилъ его на крыло и спрашиваетъ:— „Что, царь-государь, небось испужался?“— „Испужался,—говоритъ царь,—думалъ, что совсѣмъ потону!“ Опять летѣли, летѣли, прилетѣли къ другому морю. Орелъ скинулъ съ себѣ царя какъ разъ посередѣ моря—ажно царь по поясъ намокъ. Подхватилъ его орелъ на крыло и спрашиваетъ: „Что, царь-государь, небось испужался?“—Испужался,—говоритъ онъ,—да все думалъ: авось, Богъ дастъ, ты меня вытащишь“. Опять-таки летѣли, летѣли и прилетѣли къ третьему морю. Скинулъ орелъ царя въ великую глубь — ажно намокъ онъ по самую шею. И въ третій разъ подхватилъ его орелъ на крыло и спрашиваетъ:— „Что, царь-государь, небось испужался“.— „Испужался,—говоритъ—царь, да все думалось: авось ты меня вытащишь“. — „Ну, царь-государь, теперь ты извѣдалъ, каковъ смертный страхъ! Это тебѣ за старое, за прошлое: помнишь ли, какъ я сидѣлъ на дубу, а ты хотѣлъ меня застрѣлить—три раза принимался стрѣлять, а я все просилъ тебя да на мысли держалъ, авось не погубишь, авось смилуешься—къ себѣ возьмешь!“

Послѣ полетѣли они за тридевять земель; долго-долго летѣли. Сказываетъ орелъ:— „Посмотри-ка, царь-государь, чтó надъ нами и чтó подъ нами?“ Посмотрѣлъ царь:— „Надъ нами,—говоритъ,—небо, подъ нами земля“.— „Посмотри-ка еще, чтó по правую сторону и чтó по лѣвую?“— „По правую сторону поле чистое, по лѣвую домъ стоитъ“.— „Полетимъ туда,—сказалъ орелъ,—тамъ живетъ моя меньшая сестра“. Опустились прямо на дворъ; сестра вышла на встрѣчу, принимаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовый столъ, а на царя и смотрѣть не хочетъ; оставила его на дворѣ, спустила борзыхъ собакъ и давай травить. Крѣпко осерчалъ орелъ, выскочилъ изъ-за стола, подхватилъ царя и полетѣлъ съ нимъ дальше. Вотъ летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ царю: — „Погляди, чтó позади насъ?“ Обернулся царь, посмотрѣлъ:— „Позади насъ домъ красный“. А орелъ ему: — „То горитъ домъ меньшей моей сестры — зачѣмъ тебя не принимала, да борзыми собаками травила!“ Летѣли-летѣли, орелъ опять спрашиваетъ:— „Посмотри, царь-государь, чтó надъ нами и чтó подъ нами?“— „Надъ нами небо, подъ нами земля“. „Посмотри-ка, чтó будетъ по правую сторону и чтó по лѣвую?“— „По правую поле чистое, по лѣвую домъ стоитъ“. — „Тамъ живетъ моя средняя сестра; полетимъ къ ней въ гости“. Опустились на широкой дворъ; средняя сестра принимаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовый столъ, а царь на дворѣ остался; выпустила она борзыхъ собакъ и притравила его. Орелъ осерчалъ, выскочилъ изъ-за стола, подхватилъ царя и улетѣлъ съ нимъ дальше. Летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ: — „Царь-государь! посмотри, чтó позади

насъ?“ Царь обернулся:—„Стоить позади красный домъ“.—„То горить домъ моей средней сестры,—сказалъ орелъ. — Теперь полетимъ туда, гдѣ живутъ моя мать и старшая сестра“. Вотъ прилетѣли туда; мать и старшая сестра куда какъ имъ обрадовались, и примали царя съ честью, съ ласкою. „Ну, царь-государь!—сказалъ, орелъ,—отдохни у насъ, а послѣ дамъ тебѣ корабль, расплачусь съ тобою за все, чтó поѣлъ у тебя, и ступай съ Богомъ домой“. Далъ онъ царю корабль и два сундучка: одинъ—красный, другой—зеленый, и сказываетъ: — „Смотри же, не отпирай сундучковъ, пока домой не пріѣдешь;—красный сундучокъ отопри на заднемъ дворѣ, а зеленый сундучокъ на переднемъ дворѣ“.

Взялъ царь сундучки, распростился съ орломъ и поѣхалъ по синему морю; доѣхалъ до какого-то острова, тамъ его корабль остановился. Вышелъ онъ на берегъ, вспомнулъ про сундучки, сталъ придумывать, чтó бы такое въ нихъ было и зачѣмъ орелъ не велѣлъ открывать ихъ? Думалъ-думалъ, не утерпѣлъ—больно узнать ему хотѣлось. Взялъ онъ красный сундучокъ, поставилъ на-земъ и открылъ, а оттудова столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь!—едва на островѣ помѣстились. Какъ увидалъ это царь, взгоревался, зачалъ плакать и приговаривать:—„Что же мнѣ теперь дѣлать? какъ опять соберу все стадо въ такой маленькій сундучокъ?“ И видитъ онъ—вышелъ изъ воды человѣкъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ: „Чего ты, царь-государь, такъ горько плачешь?“ — „Какъ же мнѣ не плакать, — отвѣчаетъ царь,—какъ мнѣ будетъ собрать все это стадо великое въ такой маленькій сундучокъ?—„Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебѣ стадо; только съ уговоромъ: отдай мнѣ—чего дома не знаешь“. Задумался царь: „Чего бы это я дома не зналъ?—кажись, все знаю“. Подумалъ и согласился: „Собери,—говорить,—отдамъ тебѣ—чего дома не знаю“. Вотъ тотъ человѣкъ собралъ ему въ сундучокъ всю скотину; царь сѣлъ на корабль и поплылъ во-свояси. Какъ пріѣхалъ домой, тутъ только увѣдалъ, что родился у него сынъ-царевичъ: сталъ онъ его цѣловать, миловать, а самъ такъ слезами и разливается. „Царь-государь! — спрашиваетъ царица, — скажи, о чемъ горьки слезы ронишь?“—„Съ радости“,—говорить; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышелъ онъ послѣ на задній дворъ, открылъ красный сундучокъ—и полѣзли оттуда быки да коровы, овцы да бараны; много-много набралось всякаго скота, всѣ сараи и варки стали полны. Вышелъ на передній дворъ, открылъ зеленый сундучокъ—и появился передъ нимъ большой да славный садъ; какихъ-какихъ деревьевъ тутъ не было! Царь такъ обрадовался, что и забылъ отдать сына. Прошло много лѣтъ. Разъ какъ-то захотѣлось царю погулять, подошелъ онъ къ рѣкѣ; на ту пору показался изъ воды прежній человѣкъ и говорить:—„Скоро же ты, царь-государь, забывчивъ сталъ!—вспомни: вѣдь ты долженъ мнѣ!“ Воротился царь домой съ тоскою-кручиною и рассказалъ царицѣ и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали всѣ вмѣстѣ, и рѣшили, что дѣлать-то

нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Оглядѣлся царевичъ кругомъ, увидалъ тропинку и пошелъ по ней—авось куда Богъ приведетъ. Шелъ, шелъ и очутился въ дремучемъ лѣсу; стоитъ въ лѣсу избушка, въ избушкѣ живетъ баба-яга. „Дай зайду“, — подумалъ царевичъ и вошелъ въ избушку.—„Здравствуй, царевичъ!—молвила баба-яга,—дѣло пытаешь, или отъ дѣла лытаешь?“—„Эхъ, бабушка!—напой, накорми, да потомъ разспроси“. Она его напоила, накормила, и царевичъ разсказалъ про все безъ утайки, куда и зачѣмъ идетъ. Говоритъ ему баба-яга:—„Иди, дитяtko, на море; прилетятъ туда двѣнадцать колницъ, обернутся красными дѣвицами и станутъ купаться; ты подкрадѣйся потихохоньку и захвати у старшей дѣвицы сорочку. Какъ поладишь съ нею, ступай къ морскому царю, и попадутся тебѣ на встрѣчу Обѣдало да Опивало, попадется еще Морозъ-Трескунъ—всѣхъ возьми съ собою: они тебѣ къ добру пригодятся“. Простился царевичъ съ ягой, пошелъ на сказанное мѣсто на море, и спрятался за кусты. Тутъ прилетѣли двѣнадцать колницъ, ударились о сыру землю—обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичъ скралъ у старшей сорочку, сидитъ за кустомъ—не ворохнется. Дѣвицы выкупались и вышли на берегъ; одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой; оставалась одна старшая Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца:—„Отдай,—говорить,—мою сорочку; придешь къ батюшкѣ Водяному Царю—въ то времячко я тебѣ сама пригожусь“. Царевичъ отдалъ ей сорочку; она сейчасъ обернулась колницею и улетѣла вслѣдъ за подружками. Пустился царевичъ дальше; повстрѣчались ему на пути три богатыря: Обѣдало, Опивало да Морозъ-Трескунъ; взялъ ихъ съ собою и пришелъ къ Водяному Царю.

Увидалъ его Водяной Царь, и говоритъ:—„Здорово, дружокъ!—что такъ долго ко мнѣ не бывалъ?—я усталъ, тебя дожидаячи. Принимайся-ка теперь за работу; вотъ тебѣ первая задача:—построй за одну ночь большой хрустальный мостъ, чтобъ къ утру готовъ былъ!—Не построишь—голова долой!“—Идетъ царевичъ отъ Водяного, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошко въ своемъ терему и спрашиваетъ:—„О чемъ, царевичъ, слезы ронишь?“—„Ахъ, Василиса Премудрая!—какъ же мнѣ не плакать?—приказалъ твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мостъ, а я топора не умѣю въ руки взять“.—„Ничего!—ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе“. Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свиснула молодецкимъ посвистомъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались плотники-работники: кто мѣсто ровняетъ, кто кирпичи таскаетъ. Скоро поставили хрустальный мостъ, вывели на немъ узоры хитрые и разошлись по домамъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича:—„Вставай, царевичъ!—мостъ готовъ, сейчасъ батюшка смотрѣть придетъ“. Всталъ царевичъ, взялъ метлу; стоитъ себѣ на мосту—гдѣ подмететь, гдѣ почистить. Похвалилъ

его Водяной Царь:—„Спасибо!—говорить,—сослужилъ мнѣ единую службу; сослужи и другую. Вотъ тебѣ задача:—насади къ завтраму зеленый садъ—большой да вѣтвистый, въ саду бы птицы пѣвчія распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты расцвѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли“. Идетъ царевичъ отъ Водяного, самъ слезами заливадается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашиваетъ:—„О чемъ плачешь, царевичъ?“—„Какъ же мнѣ не плакать?—велѣлъ твой батюшка за единую ночь садъ насадить“.—„Ничего!—ложись спать; утро вечера мудренѣе“. Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свиснула молодецкимъ посвистомъ: со всѣхъ сторонъ сбѣжались садовники и насадили садъ; въ саду птицы пѣвчія распѣваютъ, на деревьяхъ цвѣты расцвѣтаютъ, груши-яблоки спѣлыя висятъ. Поутру рано будить Василиса Премудрая царевича:—„Вставай, царевичъ!—садъ готовъ, батюшка смотрѣть идетъ“. Царевичъ сейчасъ за метлу да въ садъ;—гдѣ дорожку подмететъ, гдѣ вѣточку поправить. Похвалилъ его Водяной Царь:—„Спасибо, царевичъ!—сослужилъ ты мнѣ службу вѣрой-правдою; выбирай себѣ за то невѣсту изъ двѣнадцати моихъ дочерей. Всѣ онѣ лицо въ лицо, волосъ въ волосъ, платье въ платье; угадаешь до трехъ разъ одну и ту же—будетъ она твоею женою, не угадаешь—велю тебя казнить“. Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говоритъ царевичу:—„Въ первый разъ я платкомъ махну, въ другой платье поправлю, въ третій надъ моей головой станетъ муха летать“. Такъ-то и угадалъ царевичъ Василису Премудрую съ трехъ разъ. Повѣнчали ихъ, стали пиръ пировать.

Водяной Царь наготовилъ много всякаго кушанья—сотнѣ человѣкъ не съѣсть!—и велитъ зятю, чтобъ все было поѣдено; коли чтó останется—худо будетъ.—„Батюшка!—проситъ царевичъ,—есть у насъ старичокъ, дозвожь и ему закусить съ нами“.—„Пускай придетъ!“—Сейчасъ явился Обѣдало; все пріѣлъ—еще мало стало. Водяной Царь наставилъ всякаго питья сорокъ бочекъ, и велитъ зятю, чтобъ до-чиста было выпито.—„Батюшка!—проситъ опять царевичъ,—есть у насъ другой старичокъ: дозвожь и ему выпить за твое здоровье“.—„Пускай придетъ!“—Явился Опивало, заразъ опросталъ всѣ сорокъ бочекъ—еще опохмелиться проситъ. Видитъ Водяной Царь, что ничего не беретъ, приказалъ истопить для молодого баню чугунную жарко-на-жарко: истопили баню чугунную, двадцать сажонъ дровъ, до-красна печь и стѣны раскалили—за пять верстъ подойти нельзя.—„Батюшка!—говоритъ царевичъ,—дозвожь напередъ нашему старичку попариться, баню опробовать“.—„Пускай попарится!“ Пришелъ въ баню Морозъ-Трескунъ; въ одинъ уголь дунулъ, въ другой дунулъ—ужъ сосульки висятъ. Вслѣдъ за нимъ и молодой въ баню сходилъ, помылся-попарился и домой воротился.

— „Уйдемъ отъ батюшки Водяного Царя,—говоритъ царевичу Василиса Премудрая,—онъ на тебя больно сердитъ, не причинилъ бы зла какого!“—„Уйдемъ“,—говоритъ царевичъ. Сейчасъ осѣдлали коней и поскакали въ чистое поле. Ъхали-ѡхали; много прошло времени.—„Слѣзь-ка, царевичъ, съ

коня да припади ухомъ къ сырой землѣ,—сказала Василиса Премудрая,—не слышать ли за нами погони?“ Царевичъ припалъ ухомъ къ сырой землѣ: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама съ добраго коня, прилегла къ сырой землѣ, и говорить:—„Ахъ, царевичъ! слышу сильную за нами погоню“. Оборотила она коней—колодеземъ, себя—ковшикомъ, а царевича—старымъ старичкомъ. Наѣхала погоня:—„Эй, старикъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?“—„Видѣлъ, родимые! только давно; они еще въ тѣ поры проѣхали, какъ я молодъ былъ“. Погоня воротилась къ Водяному Царю:—„Нѣтъ,—говорятъ,—ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что старика возлѣ колодезя, по водѣ ковшикъ плаваетъ“.—„Что жъ вы ихъ не брали?“—закричалъ Водяной Царь,—и тутъ же предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисой Премудрою послалъ другую смѣну. А тѣмъ временемъ они далеко-далеко уѣхали. Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича — старымъ попомъ, а сама ветхой церковью: еле стѣны держатся, кругомъ мохомъ обросли. Наѣхала погоня: „Эй, старичокъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?“—„Видѣлъ, родимые! только давнымъ-давно; они въ тѣ поры проѣхали, какъ я молодъ былъ, эту церковь строилъ“. И вторая погоня воротилась къ Водяному Царю:—„Нѣтъ, ваше царское величество, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли старца-попа да церковь ветхую“.—„Что жъ вы ихъ не брали?“—закричалъ пуще прежняго Водяной Царь; предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисою Премудрою самъ поскакалъ. На этотъ разъ Василиса Премудрая оборотила коней—рѣкою медовою, берегами кисельными, царевича—селеземъ, себя—сѣрой утицею. Водяной Царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ—до того, что лопнулъ! тутъ и духъ испустилъ.

Царевичъ съ Василисою Премудрою поѣхали дальше: стали они подъѣзжать домой къ отцу, къ матери царевича. Василиса Премудрая и говорить:—„Ступай, царевичъ, впередъ! доложишь отцу съ матерью, а я тебя тутъ на дорогѣ обожду; только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся. не цѣлуй сестрицы, не то меня позабудешь“. Приѣхалъ царевичъ домой, сталъ со всѣми здороваться, поцѣловалъ и сестрицу, и только поцѣловалъ—какъ въ ту жъ минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не была. Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертый нарядилась нищенкой, пошла въ стольной городъ и пристала у одной старушки. А царевичъ собрался жениться на богатой королевнѣ, и велѣно было кликнуть кличь по всему царству, чтобъ сколько ни есть народу православнаго—всѣ бы шли поздравлять жениха съ невѣстою и несли въ даръ по пирогу пшеничному. Вотъ и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сѣять да пирогъ готовить“.—„Для кого, бабушка, пирогъ готовишь?“—спрашиваетъ ее Василиса Премудрая.—„Какъ для кого? развѣ ты не знаешь: нашъ царь сына женить на богатой королевнѣ: надо во дворецъ

идти, молодымъ на столъ подавать.—„Дай, и я испеку да во дворецъ снесу; можетъ, меня царь чѣмъ пожалуетъ“.—„Пеки съ Богомъ!“ Василиса Премудрая взяла муки, замѣсила тѣсто, положила творогу да голубя съ голубкою и сдѣлала пирогъ. Къ самому обѣду пошла старуха съ Василисою Премудрою во дворецъ, а тамъ пиръ идетъ на весь міръ. Подали на столъ пирогъ Василисы Премудрой, и только разрѣзали его пополамъ, какъ вылѣтели оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубъ говоритъ:—„Голубушка, дай и мнѣ творожку!“—„Не дамъ,—отвѣчаетъ голубка,—а то ты меня позабудешь, какъ позабылъ царевичъ свою Василису Премудрую“. Тутъ вспомнилъ царевичъ про свою жену, выскочилъ изъ-за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ. Съ тѣхъ поръ стали они жить вмѣстѣ во всякомъ добрѣ и въ счастіи.

Лихо одноглазое.

Жилъ одинъ кузнецъ. „Что, — говоритъ, — я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду поищу себѣ лиха“.—Взялъ и пошелъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. Навстрѣчу ему портной:—„Здравствуй!“—„Здравствуй“.—„Куда идешь?“—„Что, братъ, всѣ говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ и иду искать“.—„Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ“. Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ густой, темный; нашли маленькую дорожку, пошли по ней—по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба стоитъ большая. Ночь; некуда идти. „Семъ, — говорятъ, — зайдемъ въ эту избу“. Вошли; никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. „А!—говоритъ,—у меня гости. Здравствуйте“.—„Здравствуй, бабушка! Мы пришли ночевать къ тебѣ“.—Ну, хорошо; будетъ чтó поужинать мнѣ!“ Они перепугались. Вотъ она пошла, берема дровъ большое принесла; принесла берема дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портного, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: „Чтó дѣлать, какъ быть?“ Она взяла поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ:—„Бабушка, я кузнецъ“.—„Что умѣешь дѣлать-ковать?“—„Да я все умѣю“.—Скуй мнѣ глазъ“.—„Хорошо,—говоритъ,—да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ“. Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. „Ну-ка, бабушка, повернися!“ Она повернулася и разорвала веревку. „Ну,—говоритъ,—нѣтъ, бабушка! эта не годится“. Взялъ онъ толстую веревку, да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько. „Повернись-ка, бабушка!“ Вотъ она по-

вернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжогъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ, да обухомъ какъ вдарить по шилу! Она какъ повернется и разорвала веревку, да и сѣла на порогъ. „А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!“ Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: чтó дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подползъ къ ней какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватить за спинку, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и его хватила за спинку и выкинула. Выкинула его; онъ всталъ и говоритъ: „Прощай, Лихо! Натерпѣлся я отъ тебя лиха: теперь ничего не сдѣлаешь“. Она говоритъ: „Постой, еще натерпѣшься,—ты не ушелъ!“

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему, Что дѣлать? Никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: „Вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!“ Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. „Вотъ,—говоритъ,—посмотрите — каково оно: я, — говоритъ, — безъ руки, а товарища моего совсѣмъ сѣла“. Тутъ и сказкѣ конецъ.

Горе.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдный, другой богатый. Богачъ переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы, а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки—малъ мала меньше—плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ однова своей женѣ:— „Дай-ка пойду въ городъ, попрошу у брата; не поможетъ ли чѣмъ?“ Пришелъ къ богатому:— „Ахъ, братецъ родимый! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ“.— „Проработай у меня эту недѣлю, тогда помогу!“ Что дѣлать? принялся бѣдный за работу: и дворъ чистить, и лошадей холить, и воду возить, и дрова рубить. Черезъ недѣлю даетъ ему богатый одну ковригу хлѣба:— „Вотъ тебѣ за труды!“— „И за то спасибо! — Сказалъ бѣдный, поклонился и хотѣлъ было домой идти.— „Постой! Приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приводи: вѣдь завтра—мой именины“.— „Эхъ, братецъ! Куда мнѣ? Самъ знаешь: къ тебѣ придутъ купцы въ сапогахъ, да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу, да въ худенькомъ сѣромъ кафтанѣ“.— „Ничего, приходи! И тебѣ будетъ мѣсто“.— „Хорошо, братецъ! Приду“. Воро-

тился бѣдный домой, отдалъ женѣ ковригу и говорить: — „Слушай, жена! Назавтрее насъ съ тобой въ гости звали“. — „Какъ въ гости? Кто звалъ?“ — „Братъ; онъ завтра именинникъ“. — „Ну, что жъ! Пойдемъ“. Наутро встали и пошли въ городъ; пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавку. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ — ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяйшкой благодарить, и бѣдный тожъ — поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ. — „Давай-ка, — говоритъ женѣ, — и мы запоемъ пѣсню!“ — „Эхъ, ты, дуракъ! Люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили, а ты съ чего пѣть вздумалъ?“ — „Ну, все-таки у брата на именинахъ былъ; безъ пѣсень мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякій подумаетъ, что и меня угостили“... — „Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!“ Мужикъ запѣлъ пѣсню, и слышалось ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: — „Это ты мнѣ пособляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?“ — „Что съ тобой? я вовсе и не думала“. — „Такъ кто же?“ — „Не знаю! — сказала баба, — а ну, запой, я послушаю“. Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: — „Это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?“ Горе отозвалось: — „Да, хозяинъ! Это я пособляю“. — „Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ“. — „Пойдемъ, хозяинъ! Я теперь отъ тебя не отстану“. Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: — „У меня денегъ нѣтъ!“ — „Охъ ты, мужичокъ! Да на что тебѣ деньги? Вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? Скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! Пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по-боку“... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмелья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. — „Денегъ нѣтъ!“ — говоритъ мужикъ. — „Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно!“ Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Гора; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. Наутро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмелиться; мужикъ пропилъ и борону и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снесъ. Горе опять пристаётъ къ нему: — „Пойдемъ, да пойдемъ въ кабакъ!“ — „Нѣтъ, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего“. — „Какъ нечего? У твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно“. Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: — „Вотъ когда чистъ! Ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!“

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говорить: — „Хозяинъ!“ — „Что, Горе?“ — „А вотъ что: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгою“. Пошелъ мужикъ къ сосѣду: — „Дай, —

просить,—на времячко пару воловъ съ телѣгою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю“.—„На что тебѣ?“—„Въ лѣсъ за дровами съѣздить.“ — „Ну, возьми; только не великъ возъ накладывай“.—„И, что ты, кормилецъ!“ Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле.—„Хозяинъ!—спрашиваетъ Горе, — знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?“ — „Какъ не знать!“ — „А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.“ Приѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе подсобляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма—полна золотомъ насыпана.—„Ну, что глядишь?—сказываетъ Горе мужику, — таскай скорѣй въ телѣгу“. Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ: все изъ ямы выбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужъ больше ничего не осталось, и говоритъ: „Посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?“ Горе наклонилось:—„Гдѣ? я что-то не вижу!“—„Да вонъ въ углу свѣтятся!“ — „Нѣтъ, не вижу.“—„Полѣзай въ яму, такъ и увидишь“. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ.—„Вотъ эдакъ-то лучше будетъ!—сказалъ мужикъ,—не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе-горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!“ Приѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большія хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли—поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на именины.—„Вотъ что выдумалъ!—сказалъ ему богатый братъ, — у самого ѣсть нечего, а ты еще именины управляешь!“ — „Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; приѣзжай—увидишь“. — „Ладно, приѣду“. На другой день богатый братъ собрался съ женою, и поѣхали на именины; смотрятъ, а у бѣднаго-то голыша хоромы новыя, высокія: не у всякаго купца такія есть! Мужикъ угостилъ ихъ, употчивалъ всякими наѣдками, напоилъ всякими медами и винами. спрашиваетъ богатый у брата:—„Скажи, пожалуйста, какими судьбами разбогатѣлъ ты?“ Мужикъ рассказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе-горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабакъ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталось, что душа въ тѣлѣ! Какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Гора избавился. Завистно стало богатому: „Дай,—думаетъ,—поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе—пусть оно до-тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться!“ Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подѣхалъ къ большому камню, своротилъ его въ сторону и наклоняется поглядѣть, что тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ голову нагнуть—а ужъ Горе выскочило и ушлось ему на шею:—„А!—кричитъ,—ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану“.— „Послушай, Горе! — сказалъ купецъ, — вовсе не я засадилъ тебя подъ ка-

мень...“—„А кто же, какъ не ты?“—„Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить“. — „Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!“ Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривъ да вкосъ. Горе ужъ съ утра за свое принимается, каждый день зоветъ купца опохмелиться; много добра въ кабакъ ушло. „Эдакъ несходно жить!—думаетъ про себя купецъ,—кажись довольно потѣшилъ я Горе; пора-бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?“ Думалъ-думалъ и выдумалъ: пошелъ на широкій дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и на-крѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходитъ къ Горю:—„Что ты, Горе, все на боку лежишь?“—„А что жъ мнѣ больше дѣлать?“ — „Что дѣлать! пойдѣмъ на дворъ въ гулючки играть“. А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался—Горе сейчасъ его нашло; послѣ того чередъ Горю прятаться: — „Ну,—говорить,—меня нескоро найдешь! я хотъ въ какую щель забьюсь!“ — „Куда тебѣ!—отвѣчаетъ купецъ,—ты въ это колесо не влѣзешь, а то—въ щель!“—„Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!“ Влѣзло Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другого конца забилъ въ тулку дубовый клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по старому, по-прежнему.

Окаменѣлое царство.

Жилъ-былъ старикъ; у старика былъ сынъ—славный сынъ: вздумалъ чеве идти въ дорогу, простился-благословился и пошелъ. Шелъ долго ли, коротко ли: скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Прѣходитъ въ одно царство, видитъ—кругомъ камни! и скотъ, и люди—гдѣ кто былъ, стоялъ или сидѣлъ, кто куда ѣхалъ, такъ всѣ и окаменѣли; иной дрова рубить, руку съ топоромъ поднялъ, да такъ и остался! Врагъ пошутилъ надъ ними! Вотъ этотъ парень походилъ по городу—ни одного человѣка не нашелъ живого; пошелъ въ царскій чертогъ и думаетъ: подожду, не будетъ ли кто? Вдругъ прибѣгаетъ царская дочь, увидѣла этого человѣка, поклонила, разспросила его: откудава онъ, куда пошелъ и зачѣмъ? и говоритъ:—„Вотъ бы надо крѣпкаго человѣка, чтобы онъ по три noci молился во дворцѣ; тогда бы люди всѣ стали опять людьми!“ Онъ согласился; уговорились, чтобы послѣ (если Богъ велитъ воротить царя и людей попрежнему) она вышла за него замужъ, и положили на томъ записи. Она дала ему восковыхъ свѣчъ три сноухи—по сноухѣ на каждую ночь, сама уѣхала. Наступила ночь; крестьянскій сынъ сталъ на молитву. Въ полночь вдругъ и набѣжало дьяволовъ множество; кто дразнитъ его, кто говоритъ: надо заколотъ! кто огня подпускаетъ подъ него, кто—воду, чего-чего не было:

страшно! а онъ стоитъ да молится. Пѣтухъ спѣлъ—и дьяволовъ не стало. Онъ въ ночь снопуху свѣчь изжегъ, утромъ легъ спать. Царская дочь пріѣзжаетъ, — спрашиваетъ: „Что, живъ ли ты?“—„Живъ, слава Богу!“—„Ну, каково было?“—„Страшно, да ничего, Богъ милостивъ!“—Смотри, на эту ночь еще страшнѣй будетъ!“ Переговорила и уѣхала. И точно, на другую ночь еще больше дьяволы страшили; крестьянскій сынъ промолился. На третью ночь и пуще того; онъ опять промолился, всѣ свѣчи издержалъ. А царская дочь послѣ третьей ночи велѣла ему залѣзть въ печь и написать рукопись, какъ спасалъ царство:—„А то,—говорить,—отецъ мой оживится, разсердится, забѣгаетъ—бѣда тебѣ!“ Онъ такъ и сдѣлалъ. Утро настало—вдругъ весь народъ оживился, начали ходить, бѣгать, стали переѣзжать, только стукотъ стоитъ! Царь также ожилъ, забѣгалъ, осердился:—„Кто смѣлъ, говорить, шутить надъ моимъ царствомъ?“—и увидалъ у печи рукопись, прочиталъ. Пріѣхала дочь; она рукопись утвердила,—сказала отцу, что точно такъ было. Царю понравилось; тотчасъ свадьбу: крестьянскій сынъ женился на царской дочери. Тестъ по смерти своей благословилъ все свое царство милому зятю. Крестьянскій сынъ то все изъ-подъ большихъ смотрѣлъ, а тутъ самъ царемъ сдѣлался, и теперь царствуетъ—такой добрый для подданныхъ, особливо для солдатъ.

Королевичъ и дядька.

Жилъ-былъ король, у него былъ сынъ-подростокъ. Королевичъ былъ всѣмъ хорошъ—и лицомъ, и нравомъ, да отецъ-то его не больно: все его корысть мучила, какъ бы лишній барышъ взять да побольше оброку сорвать. Увидѣлъ онъ разъ старика съ соболями, съ куницами, съ бобрами, съ лисицами.—„Стой, старикъ! откуда ты?“—„Родомъ изъ такой-то деревни, батюшка! а нынѣ служу у мужика-лѣшаго“.—„А какъ вы звѣрей ловите?“—„Да лѣшій-мужикъ наставитъ лѣсы; звѣрь глупъ — и попадетъ“. — „Ну слушай, старикъ! я тебя виномъ напою, и денегъ дамъ, укажи мнѣ, гдѣ лѣсы ставите?“ Старикъ соблазнился и указалъ. Король тотчасъ же велѣлъ лѣшаго-мужика поймать и въ желѣзный столбъ заковать, а въ его заповѣд-ныхъ лѣсахъ свои лѣсы подѣлалъ. Вотъ сидитъ мужикъ-лѣшій въ желѣзномъ столбѣ да въ окошко поглядываетъ, а тотъ столбъ въ саду стоялъ. Вышелъ королевичъ съ бабками, съ мамками, съ вѣрными служанками погулять по саду: идетъ мимо столба, а мужикъ-лѣшій кричитъ ему:—„Королевское дитя! выпусти меня, я тебѣ самъ пригожусь.“—„Да какъ же я тебя выпущу?“—„А пойдѣ къ своей матери и скажи ей:—матушка моя любезная! поищи у меня въ головкѣ. Да головку-та положи къ ней на колѣни; она станетъ у тебя въ головкѣ искать, а ты улочи минуту, вытащи ключъ у

ней изъ кармана, да меня и выпусти“ *). Королевичъ такъ и сдѣлалъ; вытащилъ ключъ изъ кармана у матери, прибѣжалъ въ садъ, сдѣлалъ себѣ стрѣлку, положилъ на тугой лукъ и пустилъ ее далеко-далеко, а самъ кричитъ, чтобъ мамки и няньки ловили стрѣлу. Мамки и няньки разбѣжались; въ это время королевичъ отперъ желѣзный столбъ и высвободилъ мужика-лѣшаго.

Пошелъ мужикъ-лѣшій рвать королевскія лѣсы! Видитъ король, что звѣри больше не попадаютъ, осерчалъ и напустился на свою жену: зачѣмъ ключъ давала, мужика-лѣшаго выпускала? И созвалъ онъ бояръ, генераловъ и думныхъ людей, какъ они присудятъ, голову ли ей на плахѣ снять, али въ ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу—жалъ родную мать, и признался онъ отцу, что это его вина: вотъ такъ-то и такъ-то все дѣло было. Взгоревался король, чтò ему съ сыномъ дѣлать?—Казнить нельзя; присудили: отпустить его на всѣ на четыре стороны, на всѣ вѣтры полуденные, на всѣ вьюги зимнія, на всѣ вихри осенніе; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышелъ королевичъ съ дядькою въ чистое поле; шли они близко ли, низко ли, высоко ли, и увидали колодезь. Говоритъ королевичъ дядькѣ:—„Ступай за водою!“—„Не йду!“—отвѣчалъ дядька. Пошли дальше, шли-шли—опять колодезь.—„Ступай, принеси воды! мнѣ пить хочется“,—проситъ дядьку королевской сынъ въ другой разъ.—„Не йду!“—говоритъ дядька. Вотъ еще шли-шли—попадаетъ третій колодезь; дядька опять не идетъ, и пошелъ за водою самъ королевичъ. Спустился въ колодезь, а дядька захлопнулъ его крышкою и говоритъ:—„Не выпущу! будь ты слугой, а я королевичемъ“. Нечего дѣлать, королевичъ согласился и далъ ему въ томъ росписку своей кровью; потомъ помѣнялись они платьями и отправились дальше.

Вотъ они пришли въ иное государство, идутъ къ царю во дворецъ—дядька впереди, а королевичъ позади. Сталъ дядька жить у того царя въ гостяхъ, и ѣсть и пьетъ съ нимъ за единымъ столомъ. Говоритъ онъ ему:—„Ваше величество! возьмите моего слугу хоть на кухню“. Взяли королевича на кухню, заставляютъ его дрова носить, кострюли чистить. Немного прошло времени—выучился королевичъ готовить кушанье лучше царскихъ поваровъ. Узналъ про то государь, полюбилъ его и сталъ дарить золотомъ. Поварамъ показалось обидно, и стали они искать случая, какъ бы извести его. Вотъ одинъ разъ сдѣлалъ королевичъ пирогъ и поставилъ въ печку,

*) Варіантъ: Былъ-жилъ король, у него былъ одинъ сынъ Иванъ-королевичъ: сталъ онъ на возрастѣ, собралъ своихъ сверстниковъ и началъ съ ними погуливать и шутить шутки нехорошія: кого за руку ухватить—рука прочь! кого за голову—голова прочь! Пришли бояре и купцы и всякіе люди къ королю съ жалобами. Король только руками хлопнулъ: „Экая напасть! говоритъ, одинъ блинъ, да и тотъ комомъ!“ Созвалъ генераловъ, сенаторовъ: „Куда мнѣ сына дѣвать? въ крѣпость посадить или повѣсить?“—Ваше королевское величество!—отвѣчаютъ генералы и сенаторы,—царскихъ сѣмянъ не бьютъ, не куютъ, а на волю пускаютъ.

а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирогъ. Сѣлъ царь обѣдать; подносятъ пирогъ, царь только было за ножъ взялся, какъ бѣжитъ главный поварь:—„Ваше величество! не извольте кушать“. И насаждалъ на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалѣлъ своей любимой собаки, отрѣзалъ кусокъ пирога и бросилъ на-земь; собака съѣла да тутъ же издохла. Призвалъ государь королевича, закричалъ на него грознымъ голосомъ:—„Какъ ты смѣлъ съ отравой пирогъ изготовить? сейчасъ велю тебя казнить лютою казнію!“—„Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ваше величество!—отвѣчаетъ королевичъ,—видно, поварамъ въ обиду стало, что вы меня жалуете; нарочно меня подъ отвѣтъ подвели“. Царь его помиловалъ, велѣлъ конюхомъ быть.

Повелъ королевичъ коней на водопой, а навстрѣчу ему мужикъ-лѣшій: „Здорово, королевскій сынъ!—пойдемъ ко мнѣ въ гости“.— „Боюсь, кони разбѣгутся“.— „Ничего, пойдемъ!“— Изба тутъ же очутилась. У лѣшаго-мужика три дочери; спрашиваетъ онъ старшую:—„А чтѣ ты присудишь королевскому сыну за то, что меня изъ желѣзнаго столба выпустилъ?“ Дочь говоритъ:—„Дамъ скатерть-самобранку“. Вышелъ королевичъ отъ лѣшаго-мужика съ подаркомъ, смотритъ — кони всѣ налицо; развернулъ скатерть—чего хочешь, того просишь: и питье, и ѣда! На другой день гонитъ онъ царскихъ коней на водопой, а мужикъ-лѣшій опять навстрѣчу:—„Пойдемъ ко мнѣ въ гости!“ Привелъ и спрашиваетъ среднюю дочь:—„А ты чтѣ королевскому сыну присудишь!“—„Я ему подарю зеркальцо; чтѣ захочешь, все въ зеркальцѣ увидишь!“ *) На третій день опять попадается королевичу мужикъ-лѣшій, ведетъ къ себѣ въ гости и спрашиваетъ меньшую дочь:—„А ты чтѣ королевскому сыну присудишь?“—„Я ему подарю дудочку—только къ губамъ приложи, сейчасъ явятся и музыканты, и пѣсельники“. Весело стало жить королевскому сыну: ѣсть-пить хорошо, все знаетъ, все вѣдаетъ, музыка цѣлый день гремитъ. Чего лучше? А кони-то, кони-то! чудо да и только; и сыты, и статны, и на ногу рѣзвы. Началъ царь хвалиться своей любимой дочери, что послалъ ему Господь славнаго конюха. А прекрасная царевна и сама давнымъ-давно конюха запримѣтила; да какъ и не замѣтить красной дѣвицѣ добра молодца! Любопытно стало царевнѣ: отчего у новаго конюха лошади и рѣзвѣе и статнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ?—„Дай,—думаетъ,—пойду въ его горницу, посмотрю: какъ онъ, бѣдняжка, поживаетъ?“ А ужъ извѣстно: чего баба захочетъ, то и сдѣлаетъ. Улучила время, когда королевичъ на водопой коней погналъ, пришла въ его горницу, и какъ глянула въ зеркальцо — тотчасъ все смекнула, и унесла съ собой и скатерть-самобранку, и зеркальцо, и дудочку.

Въ это время случилась у царя бѣда: наступилъ на его царство семи-главый Идолище, просить себѣ царевну въ замужество. „А если не выда-

*) Варіантъ: Я ему подарю перстень: ночью и свѣчей зажигать не надобно—такъ свѣтитъ!

дутъ, такъ и силой возьму!“—сказалъ онъ и разставилъ свое войско—тѣмъ-тѣмущую. Плохо пришлось царю; дѣлаетъ онъ кличъ по всему своему царству, сзываетъ князей и богатырей: кто изъ нихъ побѣдитъ Идолица семиглаваго, тому обѣщаетъ половину царства и вдобавокъ дочь свою въ замужество. Вотъ собрались князья и богатыри, поѣхали сражаться противъ Идолица; отправился и дядька съ царскимъ войскомъ. И нашъ конюхъ сѣлъ на кобылу сиву и потащился вслѣдъ за другими. Ёдетъ, а навстрѣчу ему мужикъ-лѣшій: „Куда ты, королевской сынъ?“—„Воевать“.—„Да на клячѣ далеко не уѣдешь! а еще конюхъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости“. Привелъ въ свою избу, налилъ ему стаканъ водки. Королевичъ выпилъ. „Много ль въ себѣ силы чувствуешь?“—спрашиваетъ мужикъ-лѣшій.—„Да если бѣ была палица въ пятьдесятъ пудовъ, я бѣ ее вверхъ подбросилъ да и свою голову подставилъ, а удара и не почувалъ бы!“—Далъ ему другой стаканъ: „А теперь много ли силы?“—„Да если бѣ была палица во сто пудовъ, я бѣ ее выше облаковъ подбросилъ“.—Налилъ ему третій стаканъ: „А теперь какова твоя сила?“—„Да если бы утвердить столбъ отъ земли до неба, я бы всю вселенную повернулъ!“—Мужикъ-лѣшій нацѣдилъ водки изъ другого крау и подалъ королевичу; королевичъ выпилъ—и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть. Послѣ вывелъ его мужикъ-лѣшій на крыльцо, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: отколь ни взялся—вороной конь бѣжитъ, земля дрожить, изъ ноздрей пламя, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ-подъ копытъ искры сыплются. Прибѣжалъ къ крыльцу и палъ на колѣни.—„Вотъ тебѣ конь!“—Далъ ему еще палицу-буявицу да плетъ шелковую. Выѣхалъ королевичъ на своемъ ворономъ конѣ супротивъ рати непріятельской; смотритъ, а дядька его на березу взлѣзъ, да отъ страху трясется. Королевичъ стегнулъ его плетью разъ-другой и полетѣлъ на вражее воинство: много народу мечомъ прирубилъ, еще больше конемъ притопталъ, самому Идолицу семь головъ снесъ. А царевна все это видѣла: не утерпѣла, чтобъ не посмотреть въ зеркальцо, кому она достанется. Тотчасъ выѣхала навстрѣчу, спрашиваетъ королевича:—„Чѣмъ себя поблагодарить велишь?“—„Поцѣлуй меня, красна дѣвица!“—Царевна прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало.

Королевичъ ударилъ коня—и былъ таковъ! вернулся домой и сидитъ въ своей горенкѣ, словно и на сраженіи не былъ; а дядька всѣмъ хвастаетъ, всѣмъ рассказываетъ:—„Это былъ я, Идолице побѣдилъ!“ Царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, сговорилъ за него свою дочь и задалъ великій пиръ. Только царевна,—не будь глупа,—возьми да и скажись, что у ней головушка болитъ, ретивое щемитъ. Какъ быть, что дѣлать нареченному зятю?—„Батюшка!—говоритъ онъ царю,—дай мнѣ корабль, я поѣду за лекарствами для своей невѣсты; да прикажи и конюху со мной ѣхать: я вѣдь больно къ нему привыкъ!“ Царь послушался, далъ ему корабль и конюха. Вотъ они и поѣхали; близко ли, далеко ли отплыли,—дядька приказалъ шить

куль, посадилъ въ него конюха и пустилъ въ воду. Царевна глянула въ зеркальцо, видитъ — бѣда! сѣла въ коляску и поскорѣй къ морю; а на берегу ужъ мужикъ-лѣшій сидитъ да неводъ вяжетъ — „Мужичокъ! помоги моему горю: злой дядька королевича утопилъ“. — „Изволь, красна дѣвица! вотъ и неводъ готовъ! приложи-ка сама къ нему бѣлыя ручки“. — Вотъ царевна запустила неводъ въ глубокое море, вытащила королевича и повезла съ собою, а дома все до-чиста отцу рассказала. Сейчасъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку; у царя ни медъ варить, ни вино курить—всего вдоволь! А дядька накупилъ разныхъ снадобій и воротился назадъ; входитъ во дворецъ, а тутъ его и схватили. Взмолился онъ, да поздно: духомъ его на воротахъ разстрѣляли. Свадьба королевича была веселая: всѣ кабаки и трактиры на цѣлую недѣлю были открыты для простого народа безденежно. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Царевна-лягушка.

Въ старые годы, въ старопрежны, у одного царя было три сына—все они на возрастѣ. Царь и говорить: — „Дѣти! сдѣлайте себѣ по самострѣлу и стрѣляйте: какая женщина принесетъ стрѣлу, та и невѣста; ежели никто не принесетъ, тому значить не жениться“. Большой сынъ выстрѣлилъ, принесла стрѣлу княжеская дочь; средній выстрѣлилъ, стрѣлу принесла генеральская дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрѣлу изъ болота лягушка (лягушка) въ зубахъ. Тѣ братья были веселы и радостны, а Иванъ-царевичъ призадумался, заплакалъ: — „Какъ я стану жить съ лягушкой? вѣкъ жить—не рѣку перебрести или не поле перейти!“—поплакалъ, поплакалъ, да нечего дѣлать—взялъ въ жены лягушку. Ихъ всѣхъ обвѣнчали по ихнему тамъ обряду; лягушку держали на блюдѣ.

Вотъ живутъ они. Царь захотѣлъ одиножды посмотрѣть отъ невѣстоѣ дары, которая изъ нихъ лучше мастерица? Отдалъ приказъ. Иванъ-царевичъ опять призадумался, плачетъ:—Чего у меня сдѣлаетъ лягушка! все стануть смѣяться“. Лягушка ползаетъ по полу, только квакаетъ. Какъ уснулъ Иванъ-царевичъ, она вышла на улицу, сбросила кожу, сдѣлалась красной дѣвицей и крикнула: — „Няньки, маньки! сдѣлайте то-то!“ Няньки, маньки тотчасъ принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возлѣ Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушкой, будто ни въ чемъ не бывало! Иванъ-царевичъ проснулся, обрадовался, взялъ рубашку и понесъ къ царю. Царь принялъ ее, посмотрѣлъ: — „Ну вотъ это рубашка — во Христовъ день надѣвать!“ Средній братъ принесъ рубашку; царь сказалъ:—„Только въ баню въ ней ходить!“ а большого брата взялъ рубашку и сказалъ:—„Въ черной избѣ ее носить!“ Разошлись царскія дѣти;

двое-то и судятъ между собой: — „Нѣтъ, видно, мы напрасно смѣялись надъ женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра!“

Царь даетъ опять приказанье, чтобъ снохи состряпали хлѣбы и принесли ему на показъ, которая лучше стряпаетъ? Тѣ невѣстки сперва смѣялись надъ лягушкой; а теперь, какъ пришло время, онѣ и послали горничную подсматривать, какъ она станетъ стряпать. Лягушка смекнула это, взяла, замѣсила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горничная увидѣла, побѣжала, сказала своимъ барынямъ, царскимъ невѣсткамъ, и тѣ такъ же сдѣлали. А лягушка хитрая только ихъ провела: тотчасъ тѣсто изъ печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни въ чемъ не бывало, а сама вышла на крыльцо, вывернувшись изъ кожуха и крикнула: — „Няньки, маньки! состряпайте сейчасъ же мнѣ хлѣбовъ такихъ, какіе мой батюшка по воскресеньямъ да по праздникамъ только ѣлъ“. Няньки, маньки тотчасъ притащили хлѣба. Она взяла его, положила возлѣ Ивана-царевича, а сама сдѣлалась лягушкой. Иванъ-царевичъ проснулся, взялъ хлѣбъ и понесъ къ отцу. Отецъ въ то время принималъ хлѣбы отъ большихъ братьевъ; ихъ жены какъ попускали въ печь хлѣбы такъ же, какъ лягушка, — у нихъ и вышло кули-мули. Царь наперво принялъ хлѣбъ отъ большова сына, посмотрѣлъ и отослалъ на кухню; отъ средняго принялъ; туда же послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича; онъ подалъ свой хлѣбъ. Отецъ принялъ, посмотрѣлъ и говоритъ: — „Вотъ этотъ хлѣбъ — во Христовъ день исы! не такой, какъ у большихъ снохъ!“

Послѣ того царю вздумалось сдѣлать балъ, посмотрѣть своихъ сношекъ, которая лучше пляшетъ? Собрались всѣ гости и снохи, кромѣ Ивана-царевича; онъ задумался: куда я съ лягушкой поѣду?“ и заплакалъ навзрыдъ нашъ Иванъ-царевичъ. Лягушка и говоритъ ему: — „Не плачь, Иванъ-царевичъ! ступай на балъ, я черезъ часъ буду“. Иванъ-царевичъ немного обрадовался, какъ услышалъ, что лягушка баеетъ; лягушка пошла, сбросила съ себя кожухъ, одѣлась чудо какъ! Приѣзжаетъ на балъ; Иванъ-царевичъ обрадовался и всѣ руками схлопали: какая красавица! Начали закусывать; царевна огложетъ коску да и въ рукавъ, выпьетъ чего — въ другой рукавъ. Тѣ снохи видятъ, что она дѣлаетъ, и онѣ тоже кости кладутъ къ себѣ въ рукавъ, пьютъ чего — остатки льютъ въ рукава. Дошла очередь танцовать; царь посылаетъ большихъ снохъ, а онѣ ссылаются на лягушку. Та тотчасъ подхватила Ивана-царевича и пошла: ужъ она плясала, плясала, вертѣлась, вертѣлась — всѣмъ на-диво! махнула правой рукой — стали лѣса и воды, махнула лѣвой — стали летать разные птицы. Всѣ изумились. Отплясала — ничего не стало. Другія снохи пошли плясать, также хотѣли: которая правой рукой ни махнетъ, у той кости-та и полетятъ, да въ людей, изъ лѣваго рукава вода разбрызжетъ тоже въ людей. Царю не понравилось, закричалъ: — „Будетъ, будетъ!“ Снохи перестали. Балъ былъ на отходѣ. Иванъ-царевичъ поѣхалъ напередъ, нашелъ тамъ гдѣ-то женинъ кожухъ,

взялъ его да и сжегъ. Та прїѣзжаетъ,хватилаcь кожуха: нѣтъ! сожженъ. Легла спать, а передъ утромъ и говорить: — „Ну, Иванъ-царевичъ! немного ты не потерпѣлъ; твоя бы я была, а теперь Богъ знаетъ. Прощай! ищи меня за тридевять земель въ тридесѣтомъ царствѣ“. И не стало царевны.

Вотъ годъ прошелъ, Иванъ-царевичъ тоскуетъ о женѣ; на другой годъ собрался, выпросилъ у отца, у матери благословенья и пошелъ. Идетъ долго ужъ, вдругъ попадаетcя ему избушка — къ лѣсу передомъ, къ нему задомъ. Онъ и говорить: — „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила — къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Избушка перевернулася. Вошелъ въ избу; сидитъ старуха и говорить: — „Фу, фу! русской коски слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, нынче русская коска на дворъ пришла! Куда ты, Иванъ-царевичъ, пошелъ?“ — „Прежде, старуха, напой, накорми, потомъ вѣсти разспроси“. — Старуха напоила, накормила и спать положила. Иванъ-царевичъ говорить ей: — „Бабушка! вотъ я пошелъ доставать Елену прекрасную (т. е. свою жену)“. — „Ой, дитятко, какъ ты долго не бывалъ! она съ первыхъ-то годовъ часто тебя поминала, а теперь ужъ не помнитъ, да и у меня давно не бывала. Ступай впередъ къ сестрѣ, та больше знаетъ“. — Иванъ-царевичъ поутру отправился, дошелъ до избушки и говорить: — „Избушка, избушка! стань по старому“, и т. д. Избушка перевернулася. Онъ вошелъ въ нее, видитъ: сидитъ старуха и говорить: — „Фу, фу! русской коски слыхомъ не слыхать и видомъ не видать, а нынче русская коска сама на дворъ пришла! Куда, Иванъ-царевичъ пошелъ?“ — „Да вотъ, бабушка, доступать Елену прекрасную“. — „Ой, Иванъ-царевичъ, — сказала старуха, — какъ ты долго! она ужъ стала забывать тебя, выходитъ въ замужъ за другого: скоро свадьба! Живетъ теперь у большой сестры,—ступай туда! Да смотри ты, какъ станешь подходить—у нея узнають, Елена обернется веретешкомъ, а платье на ней будетъ золотомъ, моя сестра золото станетъ вить; какъ советъ веретешко и положить въ ящикъ и ящикъ запретъ, ты найди ключъ, отвори ящикъ, веретешко переломи, кончикъ брось назадъ, а корешокъ передъ себя: она и очутится передъ тобой“. Пошелъ Иванъ-царевичъ, дошелъ до этой старухи, зашелъ въ избу; та вьетъ золото, свила его, веретешко и положила въ ящикъ, заперла и ключъ куда-то положила. Онъ взялъ ключъ, отворилъ ящикъ, вынулъ веретешко и переломилъ по сказанному, какъ по писанному: кончикъ бросилъ за себя, а корешокъ передъ себя. Вдругъ и очутилася Елена прекрасная, начала здороваться: — „Ой, да какъ ты долго, Иванъ-царевичъ? я чуть за другого не ушла“. А тому жениху надо скоро быть; Елена прекрасная взяла коверъ-самолетъ у старухи, сѣла на него и понеслиcь, какъ птицы полетѣли. Женихъ-отъ за ними вдругъ и прїѣхалъ, узналъ, что они уѣхали: былъ тоже хитрой! Онъ ступай-ка за ними въ погоню: гналъ, гналъ, только сажень десять не догналъ: они на коврѣ влетѣли въ Русь, а ему нельзя какъ-то—въ Русь-то,

воротился; а тѣ прилетѣли домой, всѣ обрадовались, стали жить да быть, да животы наживать—на славу всѣмъ людямъ.

Живая и мертвая вода.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у него было три сына: Дмитрій, Иванъ и Василій-царевичи. Отецъ у нихъ ослѣплъ и говоритъ своимъ сыновьямъ:—„Дѣти мои возлюбленные! сходите къ Сонькѣ-Боготворкѣ за живой водой и мертвою—мнѣ глаза лѣчить“. Старшій и средній сыновья пошли доставать живой и мертвой воды, а младшій сынъ дома остался. Отецъ долго ждалъ своихъ старшихъ сыновей, но никакъ не могъ дождаться, и сталъ говорить младшему: „Сынъ мой любезный! я теперь сталъ старъ и слѣпъ; а твоихъ братьевъ никакъ не могъ дождаться“. То младшій сынъ Василій-царевичъ сталъ говорить отцу: „Батюшка! благослови меня, я пойду братьевъ искать“. Отвѣчалъ на то царь:—„Нѣтъ, другъ мой, ты еще молодъ, да притомъ же съ кѣмъ я останусь? всѣхъ я распустилъ, только ты одинъ у меня и остался“.—„Ну, батюшка, хоть благословишь, хоть нѣтъ, а я всячески пойду“.—Отецъ благословилъ его, и онъ отправился во путь-во-дороженьку отыскивать своихъ братьевъ. Долго ли, коротко ли—приходитъ Василій-царевичъ къ кузницѣ, въ той кузницѣ восемь мастеровъ работаютъ—молодецъ къ молодцу! Василій-царевичъ говоритъ имъ:—„Богъ помочь, добрые ребята!“—„Добро пожаловать, Василій-царевичъ!“—„Скуйте-ка мнѣ, добрые молодцы, палицу въ двадцать пудовъ!“ Молодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ четыре часа. Василій-царевичъ взялъ палицу, вышелъ за кузницу, бросилъ вверхъ и поставилъ мизинецъ—палица пополамъ сломилась; пришелъ въ кузницу и говоритъ:—„Эта палица мнѣ не по рукѣ: скуйте мнѣ палицу въ сорокъ пудовъ“. Молодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ шесть часовъ. Василій-царевичъ вышелъ за кузницу, бросилъ палицу вверхъ и поставилъ колѣно—палица пополамъ переломилась. Онъ приходитъ въ кузницу и опять говоритъ:—„Эта палица, братцы, мнѣ не по рукѣ! скуйте мнѣ палицу въ шестьдесятъ пудовъ“. Молодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ восемь часовъ. Василій-царевичъ вышелъ за кузницу, бросилъ палицу вверхъ и поставилъ голову—палица только погнулась; пришелъ въ кузницу и говоритъ:—„Ну, братцы, палица эта мнѣ по рукѣ!“ Выбросилъ деньги за палицу и пошелъ во путь-дороженьку; Шелъ-шелъ,—низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли,—приходитъ къ мостику. Ходить тутъ по луку конь; взялъ Василій-царевичъ—разсолилъ воду въ рѣкѣ; сталъ конь пить, и до половины не выпилъ.—„Нѣтъ,—говоритъ царевичъ,—этотъ конь не по мнѣ“. Пошелъ Василій-царевичъ,—близко ли,

далеко ли, низко ли, высоко ли, приходитъ опять къ мостику. Ходить по лугу другой конь; Василій-царевичъ разсолилъ воду въ рѣкѣ, сталъ пить конь и выпилъ до половины.—„Нѣтъ,—говорить,—и этотъ конь мнѣ не по плечу!“ Пошелъ Василій-царевичъ въ путь-дороженьку; шелъ,—низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли, и опять приходитъ къ мостику. Ходить по лугу конь необыкновенной красоты, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Василій-царевичъ взялъ, разсолилъ воду въ рѣкѣ, и конь выпилъ всю до-суха. Подбѣжалъ Василій-царевичъ и вскочилъ на него верхомъ. Конь началъ возить его по мхамъ, по болотамъ, хочетъ совсѣмъ свалить, а Василій-царевичъ знай бьетъ его своей палицей. Вотъ конь усмирился и вымолвилъ:—„За что, добрый молодецъ, бьешь меня? что тебѣ отъ меня хочется?“—„Сослужи мнѣ службу, свези меня къ Сонькѣ-Боготворкѣ—достать живой и мертвой воды“. Сталъ говорить добрый конь:—„Гой еси, Василій-царевичъ! дай мнѣ погулять трое сутокъ, да три зари вечернихъ, да три зари утреннихъ покататься по свѣжей травкѣ“. Василій-царевичъ отпустилъ коня, а самъ спать легъ и проспалъ три зари утреннихъ да три зари вечернихъ. Прибѣжалъ конь, сталъ будить его:—„Что ты такъ долго спишь, Василій-царевичъ? пора въ дорогу ѣхать“. Онъ всталъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ; пріѣзжаетъ къ Сонькѣ-Боготворкѣ—надо подняться на сто сажень вверхъ. „Смотри, любезный конь, не зацѣпи копытомъ ни за одну струну!“ Конь поднялся, перескочилъ черезъ стѣны, ни одной струны не зацѣлъ. Василій-царевичъ слѣзъ съ коня и пошелъ въ домъ; входитъ въ спальню: Сонька-Боготворка спитъ крѣпкимъ сномъ. Онъ взялъ, вынулъ изъ-подъ подушки ключи, досталъ воды и живой и мертвой: два пузырька мертвой воды положилъ въ карманъ, а два пузырька живой воды подвязалъ себѣ подъ мышки. Вышелъ на дворъ, сѣлъ на коня и сказалъ:—„Любезный конь! поднимись выше, ни за одну струну не зацѣпи, только зацѣпи за послѣднюю“. Конь зацѣпилъ за послѣднюю струну—тотчасъ струна забренчала, и колокола зазвенѣли. Сонька-Боготворка проснулась и говоритъ:—„Какой это невѣжа у меня былъ?“ Василій-царевичъ пріѣхалъ къ морю; видитъ, что его братья корабли строятъ, и спрашиваетъ:—„Что вы, братцы, тутъ дѣлаете?“—„Строимъ корабли, чтобы ѣхать за живой водой и мертвою“.—„Воротитесь лучше домой. Я везу отцу и живой воды и мертвой“. Сказавъ это, Василій-царевичъ легъ отдохнуть да и заснулъ; братья взяли у него изъ кармана два пузырька, а его спихнули въ помойную яму. Прошло два-три часа, Василій-царевичъ проснулся и думаетъ: „Господи! гдѣ я нахожусь?“ Увидѣлъ при себѣ свою палицу и сказалъ: „Ну, слава Богу, еще не совсѣмъ пропалъ!“ Взялъ, поставилъ палицу, уперся на нее и выскочилъ вонъ изъ ямы. Пошелъ добрый молодецъ путемъ-дорогою къ своему царству; между тѣмъ его братья домой пріѣхали и принялись отца мертвой водой вспрыскивать; сколько ни прыскали—нѣтъ толку и на копейку! Старшіе царевичи не знали, что и дѣлать. Послѣ того пришелъ меньшій царевичъ, вспрыснулъ отца живой водой—и онъ сталъ видѣть

лучше прежняго, началъ благодарить Василья-царевича и отказалъ ему все свое царство.

Баба-Яга.

Жили себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, какъ бы вовсе извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то; мачеха и говорить дѣвочкѣ:—„Поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у ней иглочку и нитку—тебѣ рубашку сшить“. А тетка эта была Баба-Яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ.—„Здравствуй, тетушка!“—„Здравствуй, родимая! Зачѣмъ пришла?“—„Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иглочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить“.

Та ее и научаетъ:—„Тамъ тебя, племянушка, будетъ березка въ глаза стегать,—ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать,—ты подлеи имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать,—ты имъ хлѣба брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть,—ты ему ветчины дай“. Пошла дѣвочка, вотъ идетъ и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ Баба-Яга, костяная нога, и ткеть.—„Здравствуй, тетушка!“—„Здравствуй, родимая!“—„Меня матушка послала попросить у тебя иглочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить“.—„Хорошо, садись покуда ткать“.—Вотъ дѣвочка сѣла за кросна, а Баба-Яга вышла и говоритъ своей работницѣ:—„Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько: я хочу ею позавтракать“. Дѣвочка сидитъ ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу:—„Родимая моя, ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи“,—и дала ей платочекъ. Баба-Яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ:—„Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?“—„Тку, тетушка, тку, милая!“—Баба-Яга и отошла, а дѣвочка дала коту ветчины и спрашиваетъ:—„Нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюда?“—„Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце,—говоритъ котъ,—возьми ихъ и убѣги: за тобою будетъ гнаться Баба-Яга, ты приклони ухо къ землѣ и какъ услышишь, что она близко, брось сперва полотенце,—сдѣлается широкая, широкая рѣка; если жъ Баба-Яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять приклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ,—сдѣлается дремучій лѣсъ: сквозь него не проберется!“

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала; собаки хотѣли ее рвать,—она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться,—она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать,—она ее ленточкой перевязала, и та ее

пропустила. А котъ сѣлъ за кросна и ткеть: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-Яга подошла къ окну и спрашиваетъ:—„Ткешь ли, племянуска, ткешь ли, милая?“—„Тку, тетка, тку, милая“,—отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-Яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выпарапалъ дѣвочкѣ глаза.—„Я тебѣ сколько лѣтъ служу,—говоритъ котъ,—ты мнѣ косточки не дала, а она мнѣ ветчинки дала“.

Баба-Яга набросилась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу: давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей:—„Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала“; ворота говорятъ:—„Мы тебѣ сколько лѣтъ служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила“;—березка говоритъ:—„Я тебѣ сколько лѣтъ служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала“; работница говоритъ:—„Я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она мнѣ платочекъ подарила“.

Баба-Яга, костяная нога, поскорѣй сѣла въ ступу, толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-Яга гонится,—и ужъ близко; взяла да бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая!

Баба-Яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла; воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ: быки выпили всю рѣку до чиста. Баба-Яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-Яга близко; бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-Яга стала его грызть, но сколько ни старалась,—не могла прогрызть и возвратилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ:—„Гдѣ же моя дочь?“—„Она пошла къ тетукѣ“,—говоритъ мачеха. Немного погодя и дѣвочка прибѣжала домой.—„Гдѣ ты была?“—спрашиваетъ отецъ.—„Ахъ, батюшка,—говоритъ она,—такъ и такъ:—меня матушка посылала къ теткѣ попросить иглочку съ ниточкой мнѣ рубашку сшить, а тетка—Баба-Яга—меня съѣсть хотѣла“.—„Какъ же ты ушла, дочка?“—„Такъ и такъ“,—разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и разстрѣлялъ ее, а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ: по усамъ текло, въ ротъ не попало.

Сивко, бурко, вѣщій воронко.

Жилъ-былъ старикъ; у него было три сына. Третій-то, Иванъ-дуракъ, ничего не дѣлалъ, только на печи сидѣлъ да сморкался. Отецъ сталъ уми-

рать и говорить: „Дѣти! какъ я умру, вы поочередно ходите на могилу ко мнѣ спать три ночи“,—и умеръ. Старика схоронили. Проходитъ ночь; надо большому брату ночевать на могилѣ, а ему—кое лѣнь, кое боится; онъ и говоритъ малому брату:—„Ночуй за меня: ты ничего же не дѣлаешь!“ Иванъ-дуракъ собрался, пришелъ на могилу, лежитъ. Въ полночь вдругъ могила разступилась, старикъ выходитъ и спрашиваетъ:—„Кто тутъ? ты, большой сынъ?“ — „Нѣтъ, батюшка! я—Иванъ-дуракъ“. — „Что же большой-отъ сынъ не пришелъ?“ — „А онъ меня послалъ, батюшка!“ — „Ну, твое счастье!“ Старикъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнулъ богатырскимъ голосомъ: „Сивко, бурко, вѣщій воронко! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“—Конь бѣжитъ, только земля дрожить, изъ очей искры сыплются, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Прибѣжалъ и сталъ какъ вкопанный, спрашиваетъ:— „Что велишь?“ — „Вотъ тебѣ, сынъ мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, какъ мнѣ служилъ“. Проговорилъ это старикъ, легъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ, поласкалъ сивко и отпустилъ, самъ домой пошелъ. Дома спрашиваютъ братья:—„Что, дуракъ, ладно ли ночевалъ?“ — „Очень ладно, братья!“—Другая ночь приходитъ. Средній братъ и говоритъ:— „Иванъ-дуракъ! поди на могилу-то къ батюшкѣ, ночуй за меня“. Иванъ-дуракъ, не говоря ни слова, собрался, пришелъ на могилу и легъ. Въ полночь могила раскрылась, отецъ вышелъ, спрашиваетъ:—„Ты, средній сынъ?“ — „Нѣтъ, я же опять, батюшка“. — Старикъ свистнулъ-гаркнулъ: „Сивко, бурко, вѣщій воронко!“ Конь бѣжитъ—земля дрожить, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. — „Ну, бурко, какъ мнѣ служилъ, такъ служи и сыну моему. Ступай теперь!“ Бурко убѣжалъ; старикъ легъ въ могилу, а Иванъ-дуракъ пошелъ домой. Братья спрашиваютъ:—„Ладно ли ночевалъ?“ — „Очень ладно, братья“. — На третью ночь Иванова очередь; онъ не дожидается наряду, собрался и пошелъ. Въ полночь опять старикъ вышелъ изъ могилы, свистнулъ-гаркнулъ:—„Сивко, бурко, вѣщій воронко“. Воронко бѣжитъ—земля дрожить, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. — „Ну, воронко! какъ мнѣ служилъ, такъ и сыну моему служи“. Сказалъ это старикъ, простился съ сыномъ и легъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ воронка и отпустилъ, самъ пошелъ домой. Братья спрашиваютъ:—„Каково, дуракъ, ночевалъ?“ — „Очень ладно, братья“.

Живутъ; двое братьевъ работаютъ, а дуракъ ничего. Вдругъ отъ царя кличъ: кто на борзомъ конѣ поцѣлуетъ царевну въ окошко въ терему на двѣнадцати вѣнцахъ, за того ее и замужъ отдастъ. Братья собираются ѣхать смотрѣть, а Иванъ-дуракъ сидитъ на печи за трубой и говоритъ:—„Братья, дайте мнѣ лошадь, я поѣду, посмотрю тоже“. — „Э! сиди, дуракъ, на печи; чего ты поѣдешь? людей, что ли, смѣшить!“—Нѣтъ, отъ дурака отступу нѣту! братья не могли отбиться. — „Ну, возьми, дуракъ, вонъ трехногую кобыленку“, — сами уѣхали. Иванъ-дуракъ поѣхалъ въ чисто поле, въ широко раздолье: кобыленку зарѣзалъ, кожу снялъ, на плетень повѣсилъ, а мясо во-

ронамъ бросилъ; самъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнулъ богатырскимъ голосомъ: „Сивко, бурко, вѣщій воронко!“ Конь бѣжитъ — земля дрожить, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ — напился, наѣлся; въ другое вылѣзъ — одѣлся, сталъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, не узнать и братьямъ! Сѣлъ на сивка и поѣхалъ царевну добывать. Народу было тутъ видимо-невидимо. Завидѣли молодца, всѣ начали смотрѣть. Иванъ-дуракъ съ размаху на конѣ скочилъ — не досталъ до царевны только черезъ три вѣнца. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видали, куда уѣхалъ! Онъ коня отпустилъ, самъ пришелъ домой, сѣлъ на печь. Братья пріѣзжаютъ, рассказываютъ женамъ: „Ну, жены, какой молодецъ пріѣзжалъ, такъ мы такого съ роду не видали! не досталъ царевны только черезъ три бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ, не видали, куда уѣхалъ!“ Иванъ-дуракъ сидитъ на печи и говоритъ: — „Братья, не я ли тамъ былъ?“ — „Куда тебѣ къ чорту быть! Сиди, дуракъ, на печи да протирай носъ-отъ“.

☞ Черезъ нѣкоторое время отъ царя тотъ же кличъ. Братья опять стали собираться, и Иванъ-дуракъ лошади проситъ. — „Сиди, дуракъ дома! другую лошадь ты станешь переводить!“ Нѣтъ, отбиться не могли, велѣли опять взять хромую кобыленку. Онъ и ту закололъ, кожу развѣсилъ на плетнѣ, а мясо воронамъ бросилъ; самъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнулъ богатырскимъ голосомъ: — „Сивко, бурко, вѣщій воронко!“ Бурко бѣжитъ — земля дрожить, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ правое ухо залѣзъ — одѣлся, выскочилъ въ лѣвое — молодцомъ сдѣлался, сѣлъ на коня, поѣхалъ, не досталъ царевны только за два бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видали, куда уѣхалъ! Бурка отпустилъ, а самъ пошелъ домой, сѣлъ на печь. Братья пріѣхали и рассказываютъ: — „Бабы! тотъ же молодецъ пріѣзжалъ, да не досталъ царевны только за два бревна“. Иванъ-дуракъ говоритъ: — „Братья, не я ли тамъ былъ?“ — „Сиди, дуракъ! гдѣ у чорта былъ!“

Черезъ немного время отъ царя опять кличъ. Братья собираются и Иванъ-дуракъ лошади проситъ. — „Сиди, дуракъ, дома! докуда лошадей-то у насъ станешь переводить?“ — Нѣтъ, бились-бились, отбиться не могли, велѣли взять худую кобыленку; сами уѣхали. Иванъ-дуракъ и ту зарѣзалъ; самъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнулъ богатырскимъ голосомъ: — „Сивко, бурко, вѣщій воронко!“ Воронко бѣжитъ — земля дрожить, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко влѣзъ, въ другое вылѣзъ, сталъ молодцомъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Доѣхалъ до царскихъ чертоговъ, подскочилъ на всѣ двѣнадцать вѣнцовъ, поцѣловалъ царевну во сахарны уста, а она ему въ лобъ звѣзду и припечатала для памяти. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видали, куда уѣхалъ! Онъ воронка отпустилъ, пошелъ домой, голову тряпичей повязалъ, сѣлъ на печь, охаетъ, будто голова разболѣлась. Братья пріѣхали, рассказываютъ: — „Ну, хо-

зайки, тотъ же молодецъ какъ прискакалъ, такъ царевну и поцѣловалъ“. Иванъ-дуракъ сидитъ за трубой и говоритъ:—„Братья, не я ли тамъ былъ?“— „Сиди, дуракъ! гдѣ ты у чорта былъ!..“

Черезъ немного время царь сдѣлалъ пиръ, созываетъ всѣхъ князей, бояръ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. И Ивановы братья поѣхали, Иванъ-дуракъ тоже не отсталъ—поѣхалъ; сѣлъ въ палатѣ на печь за трубу, глядитъ, ротъ разинулъ. Царевна пошла по всѣмъ гостямъ, каждому подносить пива, не увидитъ ли у кого свою мѣточку. Всѣхъ обошла, виноватаго не нашла. „Что это?—думаетъ она себѣ,—нѣтъ моего суженаго!“—взглянула за трубу и увидала Ивана-дурака: платишко на немъ худое, весь въ сажѣ, волосы дыбомъ, голова тряпицей повязана. Она налила стаканъ пива, подноситъ ему, а братья глядятъ да думаютъ:—„царевна-то и дураку подносить!“ Царевна говоритъ:—„Сними-ка ты тряпицу“,—звѣзда у него во лбу такъ и засіяла. Царевна обрадовалась, беретъ его за руку, ведетъ къ отцу и говоритъ: „Батюшка! вотъ мой суженый“. Братьевъ тутъ ровно ножомъ по сердцу рѣзнуло. Разговоры тутъ коротки: веселымъ пиркомъ да за свадебку. Нашъ Иванъ тутъ сталъ не Иванъ-дуракъ, а Иванъ—царскій зять; молодецъ молодцомъ сталъ, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу къ отцу.

Сказка про Ивановъ цвѣтъ.

Одинъ парень пошелъ Ивановъ цвѣтъ искать, на Ивана на Купалу. Скралъ гдѣ-то евангеліе, взялъ простыню и пришелъ въ лѣсъ, на поляну. Три круга очертилъ, разостлалъ простыню, прочелъ молитвы, и ровно въ полночь расцвѣлъ папоротникъ, какъ звѣздочка, и стали эти цвѣтки на простыню падать. Онъ поднялъ ихъ и завязалъ въ узелъ, а самъ читаетъ молитвы. Только откуда ни возмись медвѣди, начальство, буря поднялась. Парень все не выпускаетъ, читаетъ себѣ знай. Потомъ видитъ: разсвѣло и солнце взошло, онъ всталъ и пошелъ. Шелъ, шелъ, а узелокъ въ рукѣ держитъ. Вдругъ слышитъ—позади кто-то ѣдетъ; оглянулся: катитъ въ красной рубахѣ, прямо на него; налетѣлъ, да какъ ударить со всему маху, онъ и выронилъ узелокъ. Смотритъ: опять ночь, какъ была, и нѣтъ у него ничего.

Сказка про вѣдьму.

Въ нѣкоторомъ королевствѣ жилъ былъ король; у этого короля была дочь-волшебница. При королевскомъ дворѣ проживалъ попъ, а у попа былъ сынокъ десяти лѣтъ и каждый день ходилъ къ одной старушкѣ грамотѣ

учиться. Разъ случилось ему поздно вечеромъ идти съ ученья; проходя мимо дворца, глянулъ онъ на одно окошечко. У того окошечка сидитъ королевна, убирается: сняла съ себя голову, мыломъ намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнемъ расчесала, заплела косу и надѣла потомъ голову на старое мѣсто. Мальчикъ диву дался: „Вишь какая хитрая! прямая колдунья!“—Воротился домой и сталъ всѣмъ рассказывать, какъ онъ королевну безъ головы видѣлъ. Вдругъ расхворалась, разболѣлась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: „Если я помру, то заставьте поповскаго сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать“. Померла королевна, положили ее въ гробъ и вынесли въ церковь. Король призываетъ попа: „Есть у тебя сынъ?“—„Есть, ваше величество!“—„Пусть,—говорить,—читаетъ надъ моею дочерью псалтырь три ночи сряду!“ Попъ воротился домой и велѣлъ сыну изготавиться. Утромъ пошелъ поповичъ учиться и сидитъ надъ книгой такой скучный. „О чемъ запечалился?“—спрашиваетъ его старушка.—„Какъ мнѣ не печалиться, коли я совсѣмъ пропасть?“—„Да что съ тобою? говори толкомъ!“—„Такъ и такъ, бабушка! надо читать надъ королевною, а она вѣдь колдунья!“—„Я прежде тебя это вѣдала! только не бойся, вотъ тебѣ ножикъ; когда придешь въ церковь, очерти около себя кругъ, читай псалтырь да назадъ не оглядывайся. Что бы тамъ ни было, какія бы страсти ни представлялись—знай свое, читай, да читай! а если назадъ оглянешься, совсѣмъ пропадешь!“ Вечеромъ пришелъ мальчикъ въ церковь, очертилъ ножомъ около себя кругъ и принялся за псалтырь. Прошло двѣнадцать часовъ, съ гроба поднялась крышка, королевна встала, выбѣжала и закричала: „А теперь ты узнаешь, какъ подъ моими окнами подсматривать да людямъ рассказывать!“ Стала на поповича бросаться, да никакъ черезъ кругъ перейти не можетъ; тутъ начала она напускать разныя страсти; только что ни дѣлала, онъ все читаетъ, да читаетъ, никуда не оглядывается. А какъ стало свѣтать, бросилась королевна въ гробъ и со всего размаху повалилась въ него—какъ попало! На другую ночь то же приключилось. [Три ночи оставался поповичъ въ церкви, и вѣдьма всякій разъ хотѣла имъ овладѣть, но, благодаря помощи старухи, поповичъ уцѣлѣлъ]. Когда отецъ-король узналъ, въ чемъ дѣло, онъ приказалъ забить своей дочери осиновою коль въ грудь и зарыть ее въ землю, а поповича наградилъ казною и разными угодами.

Сказка про лѣшаго.

Лѣшій проигранныхъ крысъ цѣлое стадо гналъ и подгоняетъ къ кабаку (а лѣшіе на крысъ и зайцовъ играютъ въ карты, все равно, какъ мы на деньги); подогналъ и кричитъ цѣловальнику: „Отпирай, подай вина!“ Тотъ сперва не далъ, потому поздняя ночь была (они ночью перегоняютъ).

Лѣшій взялъ, приподнялъ кабакъ за уголь, кричить: „Давай четверть водки!“—Тотъ испугался, поставилъ ему. Лѣшій однимъ духомъ выпилъ и деньги отдалъ, кабакъ опять, какъ надо, поставилъ и погналъ крысъ дальше.

Нашински мужики не одна въ лѣсу лѣшаго видали, какъ въ ночное ѣздили. Онъ мѣсячныя ночи больно любить: сидитъ старый на пенькѣ; лапти поковыриваетъ, да на мѣсяцъ поглядываетъ. Какъ мѣсяцъ за тучку забѣжитъ, темно ему, знаешь, онъ подниметъ голову-то, да глухо таково: „Свѣти, свѣ-тило!“ говорить.

Сказка про водяного.

Одному мельнику сильно везло: онъ водяному душу на срокъ продалъ, и все ему съ той поры удавалось. Воду ли гдѣ остановить, поломаешь ли у кого на мельницѣ, все, бывало, къ нему. Онъ по этой части знахарь былъ. Изошелъ срокъ, приходитъ къ нему водяной за душой. „Давай душу!“ И мѣшокъ кожаный принесъ: „Полѣзай!“—Да я не умѣю, покажи мнѣ!“ Водяной сдуру и влѣзъ въ мѣшокъ. Мельникъ, не будь глупъ, платкомъ шейнымъ его сверху и завязалъ, да перекрестилъ. Такъ водяной и остался въ мѣшкѣ.

Сказка о кладѣ.

Недалеко отъ Чердакловъ (Самар. губ., Ставроп. у.) есть дубъ; подъ нимъ лежитъ кладъ. Вотъ разъ мужики пошли его рыть, ружье на всякій случай взяли. Пришли; видятъ: около дуба (съ полуночи) ходятъ черныя кошки кругомъ. Стали они смотрѣть, глазъ отвести не могутъ. Закружилась у нихъ голова, и попадали мужики наземь. Очнулись, хотѣли рыть, а кошки опять пошли, то влѣво, то вправо. Такъ и бросили: страшно стало. Говорятъ, на этомъ дубѣ повѣсился тотъ, кто кладъ зарылъ.

Сказки авантюрные.

Семь Симеоновъ.

Жилъ-былъ мужикъ со старухой среди поля. Пришелъ часъ: мужикъ Богу душу отдалъ; а старуха, погода немного мѣста, родила семь близнецовъ, что по прозванію семь Симеоновъ. Вотъ они растутъ, да растутъ, всѣ одинъ въ одного и лицомъ, и статьями, и каждое утро выходятъ пахать землю всѣ семеро. Случилось такъ, что тою стороною ѣхалъ царь; видитъ съ дороги, что далеко въ полѣ пахутъ землю никакъ барщиной — такъ много народу! — а ему вѣдомо, что въ той сторонѣ не причитается барской земли. Вотъ посылаетъ царь своего конюшаго узнать, что за люди такіе пахутъ, какого роду и званія? барскіе или царскіе, дворовые ли какіе или наемные? Приходитъ къ нимъ конюшій, спрашиваетъ: — „Что вы за люди такіе есть, какого рода и званія?“ Отвѣчаютъ ему: — „А мы такіе люди, что мать родила насъ семь Симеоновъ, а пашемъ мы землю отцову и дѣдину“. И рассказываетъ, воротясь, конюшій царю все, какъ слышалъ. Удивляется царь. — „Такого чуда не слыхивалъ я!“ — говоритъ онъ, и тутъ же посылаетъ сказать семи Симеонамъ, что онъ ждетъ ихъ къ себѣ въ теремъ на услуги и посылки.

Собрались всѣ семеро и приходятъ въ царскія палаты, становятся въ рядъ. „Ну, — говоритъ царь, — отвѣчайте: къ какому мастерству кто способенъ, какого ремесла кто придерживается?“ Выходитъ старшій: — „Я, — говоритъ, — могу сковать желѣзный столбъ сажонокъ въ двадцать вышиною“. — „А я, — говоритъ второй, — могу уставить его въ землю“. — „А я, — говоритъ третій, — могу взлѣзть на него и осмотрѣть кругомъ далеко, далеко, все, что по бѣлому свѣту творится“. — „А я, — говоритъ четвертый, — могу срубить корабль, что ходитъ по морю, какъ по суху“. — „А я, — говоритъ пятый, — могу торговать разными товарами по чужимъ землямъ“. — „А я, — говоритъ шестой, — могу съ кораблемъ, людьми и товарами нырнуть въ море, плавать подъ водою, и далѣ вынырнуть опять, гдѣ надо“. — „А я — воръ, — говоритъ седьмой, — могу украсть, что приглядится иль полюбится“. — „Такого ремесла я не терплю въ своемъ царствѣ-государствѣ, — отвѣчалъ сердито царь послѣднему, седьмому Симеоону, — и даю тебѣ три дня сроку выбираться изъ моей земли, куда тебѣ любо; а всѣмъ другимъ шестерымъ Симеонамъ приказываю остаться здѣсь“. Пригорюнился седьмой Симеонокъ, слышавъ рѣчи царскія; не знаетъ, какъ ему быть и что дѣлать. Въ то время царю была по сердцу красавица-царевна, что живетъ за горами, за морями, и никакъ не могъ онъ достать ее, чтобъ ожениться. Вотъ бояре, воеводы царскіе, и вспомнили, что воръ, молъ, пригодится, и можетъ быть сумѣетъ похитить чудную

царевну, и стали они просить царя оставить вора Симеона, до поры, до времени. Подумалъ царь и приказалъ его оставить.

Вотъ на другой день царь собралъ бояръ своихъ и воеводъ и весь народъ, приказываетъ семи Симеонамъ показать свои ремесла. Старшій Симеонъ, не долго мѣшкая, сковалъ желѣзный столбъ въ двадцать сажонъ вышиною. Царь приказываетъ своимъ людямъ уставить желѣзный столбъ въ землю; но какъ ни бился народъ, не могъ его уставить. Тогда приказалъ второму Симеону уставить желѣзный столбъ въ землю. Симеонъ второй, не долго думая, поднялъ и уперъ столбъ въ землю. Затѣмъ Симеонъ третій взлѣзъ на этотъ столбъ, сѣлъ на маковку и сталъ глядѣть кругомъ далече, какъ и что творится по бѣлу свѣту; и видитъ синія моря, на нихъ, какъ пятна, мрѣютъ корабли, видитъ села, города, народа тьму; но не примѣчаетъ той чудной царевны, что полюбилась царю. И сталъ пуще глядѣть во всѣ виды, и вдругъ запримѣтилъ: у окна въ далекомъ теремѣ сидитъ красавица-царевна, румяна, бѣлолица и тонкокожа, ажъ видно—какъ мозги переливаются по косточкамъ.—„Видишь?“—кричитъ ему царь.—„Вижу“.—„Слѣзай же поскорѣе внизъ и доставай царевну, какъ тамъ знаешь, чтобъ была мнѣ во что бы ни стало!“ Собрались всѣ семеро Симеоновъ, срубили корабль, нагроутили его всякимъ товаромъ и гостями, и всѣ вмѣстѣ поплыли моремъ доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями. Ёдутъ, ёдутъ между небомъ и землей, пристають къ невѣдомому острову у пристани. А Симеонъ меньшей взялъ съ собою въ путь сибирскаго кота ученаго, что можетъ по цѣпу ходить, вещи подавать, разные нѣмецкія штуки выкидывать. И вышелъ воръ-Симеонъ съ своимъ котомъ, съ сибирскимъ, идетъ по острову, а товарищей-ребятъ проситъ не выходить на землю, пока онъ самъ не придетъ назадъ. Идетъ по острову, приходитъ въ городъ, и на площади предъ царевнинымъ теремомъ забавляется съ котомъ ученымъ, съ сибирскимъ: приказываетъ ему вещи подавать, черезъ плетку скакать, нѣмецкія штуки выкидывать. На ту пору царевна сидѣла у окна и завидѣла невѣдомаго звѣря, какого у нихъ нѣтъ и не водилось отродясь. Тотчасъ же посылаетъ прислужницу свою узнать, что за звѣрь такой, и продажный ли нѣтъ? Слушаетъ воръ-Симеонъ красную молодку, царевнину прислужницу, и говоритъ:—„Звѣрь мой—котъ сибирскій; а продавать—не продаю ни за какія деньги, а коли крѣпко кому онъ полюбится, тому подарить—подарю“. Такъ и рассказала прислужница своей царевнѣ, а царевна снова подсылаетъ свою молодку къ Симеону-вору:—„Крѣпко, молъ, звѣрь твой полюбился!“ Пошелъ Симеонъ во теремъ царевнинъ и принесъ ей въ даръ кота своего сибирскаго; проситъ только за это—пожить въ ея теремѣ три дни и покушать царскаго хлѣба-соли, да еще прибавляетъ:—„Научить тебя, прекрасная царевна, какъ играть и забавляться съ невѣдомымъ звѣремъ, съ сибирскимъ котомъ“. Царевна позволила, и воръ-Симеонъ остался гостить въ царскомъ теремѣ. Пошла вѣсть по палатамъ, что у царевны завелся

дивный, невѣдомый звѣрь; собрались всѣ: и царь, и царица, и царевици, и царевны, и бояре, и воеводы,—всѣ глядятъ, любуются-не налюбуются на веселаго звѣря, ученаго кота. Всѣ желаютъ достать и себѣ такого и просятъ царевну, но царевна не слушаетъ никого, не дарить никому своего сибирскаго кота, гладить его по шерсти шелковой, забавляется съ нимъ день и ночь, а Симеона приказываетъ поить и угощать въ волю, чтобъ ему было хорошо. Благодарить Симеонъ за хлѣбъ-соль, за угощенье и за ласки, и на третій день просить царевну пожаловать къ нему на корабль, поглядѣть на устройство его и на разныхъ звѣрей виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, что привезъ онъ съ собою. Царевна испросилась у батюшки-царя, и вечеркомъ съ прислужницами и няньками пошла смотрѣть корабль Симеона и звѣрей его виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ. Приходитъ; у берега поджидаетъ ее Симеонъ меньшей, и просить царевну не прогнѣваться и оставить на землѣ нянекъ и прислужницъ, а самой пожаловать на корабль:—„Тамъ-де много звѣрей разныхъ и красивыхъ; какой тебѣ полюбится, тотъ и твой! а всѣхъ одарить, кому что полюбится—и нянекъ, и прислужницъ—не можемъ“. Царевна согласна, и приказываетъ нянькамъ да прислужницамъ подождать ее на берегу, а сама идетъ за Симеономъ на корабль глядѣть дива дивныя, звѣрей чудныхъ. Какъ взшла—корабль и отплылъ, и пошелъ гулять по синему морю. Царь ждетъ—не дождется царевны. Приходятъ няньки и прислужницы, плачутся, рассказывая свое горе. И распалился гнѣвомъ царь, приказываетъ сейчасъ же устроить погоню. Снарядили корабль, натѣснили народу, и погнался царской корабль за царевной. Чуть мрѣетъ далече—плыветъ корабль Симеоновъ, и не вѣдаетъ, что за нимъ царская погоня летитъ—не плыветъ! Вотъ ужъ близко. Какъ увидали семь Симеоновъ, что погоня ужъ близко, вотъ-вотъ догонитъ,—нырнули и съ царевной и съ кораблемъ. Долго плыли подъ водою и поднялись наверхъ тогда, какъ близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи, ничего не нашла, съ тѣмъ и возвратилась.

Пріѣзжаютъ семь Симеоновъ съ прекрасной царевной домой, глядь—на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество!. Самъ царь поджидаетъ у пристани и встрѣчаетъ гостей заморскихъ, семерыхъ Симеоновъ съ прекрасной царевной, съ радостью великою. Какъ сошли они на берегъ, народъ сталъ кричать и шумѣть; а царь поцѣловалъ царевну во уста сахарныя, повелъ во палаты бѣлокаменные, посадилъ за столы дубовые, скатерти браныя, угостилъ всякими напитками медовыми и наѣдками сахарными, и вскорости отпраздновалъ свадьбу съ душою-царевной—и было веселье и большой пиръ, что на весь крещеный міръ! А семи Симеонамъ далъ волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать безошлинно, владѣть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкалъ и домой отпустилъ съ казной на разживу.

Была у меня клячонка—восковыя плечонки, плеточка гороховая. Вижу:

горить у мужика овинъ; клячонку я поставилъ, пошелъ овинъ заливать. Покуда овинъ заливалъ, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговалъ кирпичемъ, остался ни при чемъ; былъ у меня шлыкъ, въ подворотню шмыгъ, да калешку сшибъ, а таперя больно. Тѣмъ и сказкѣ конецъ!

Звѣринное молоко.

Жилъ-былъ царь, у него были сынъ да дочь. Въ сосѣднемъ государствѣ случилась бѣда немалая — вымеръ весь народъ; просить Иванъ-царевичъ отца: „Батюшка! благослови меня въ то государство на житье ѣхать“. Отецъ не согласенъ. „Коли такъ, я и самъ пойду!“ Пошелъ Иванъ-царевичъ, а сестра не захотѣла отъ него отстать и сама пошла. Шли они нѣсколько времени. Стоитъ въ чистомъ полѣ избушка на куриныхъ ножкахъ и повертывается; Иванъ-царевичъ сказалъ: „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила“. Избушка остановилась, они взошли въ нее, а тамъ лежитъ баба-яга: въ одномъ углу ноги, въ другомъ голова, губы на притолкѣ, носъ въ потолокъ уткнула. „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что, дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?“ — Гдѣ дѣла пытаю, а гдѣ и отъ дѣла лытаю; въ такомъ-то царствѣ народъ вымеръ, иду туда на житье. Она ему говорить: „Самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Напоила ихъ, накормила и спать положила. На другой день братъ съ сестрой собираются въ дорогу; баба-яга даетъ Ивану-царевичу собаку да синій клубочекъ: „Куда клубочекъ покатится, туда и иди!“ Клубочекъ подкатился къ другой избушкѣ на куриныхъ ножкахъ. „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила“. Избушка остановилась, царевичъ съ царевною взошли въ нее: лежитъ баба-яга и спрашиваетъ: „Что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?“ Онъ ей сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ. „Самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Напоила ихъ, накормила и спать положила. Наутро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: будетъ у тебя на пути большая рѣка — перейдти нельзя: ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ — тотчасъ явится мостъ; а когда перейдешь на ту сторону, махни другимъ концомъ — и мостъ пропадетъ. Да смотри: махай украдкою, чтобъ сестра не видѣла“. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ сестрою въ путь-дорогу: куда клубокъ катится, туда и идутъ. Подошли къ широкой-широкой рѣкѣ. Сестра говоритъ: „Братецъ! сядемъ тутъ отдохнуть“. Сѣла и не видала, какъ царевичъ махнулъ полотенцемъ — тотчасъ мостъ явился. „Пойдемъ, сестрица! Богъ далъ мостъ, чтобы перейдти намъ на ту сторону“. Перешли за рѣку: царевичъ украдкою махнулъ другимъ концомъ полотенца — мостъ пропалъ, какъ не бывало! Приходятъ они въ то самое царство, гдѣ народъ вымеръ: никого нѣтъ, вездѣ пусто! Пообжилъ немножко; вздумалось брату

пойти на охоту, и пошелъ онъ со своими собаками бродить по лѣсамъ, по болотамъ.

Въ это время прилетаетъ къ рѣкѣ Змѣй Горынычъ; ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: „Ты, говоритъ, меня измучила, тоской иссушила; я безъ тебя жить не могу!“ Полюбился Змѣй Горынычъ царевнѣ, кричитъ ему: „Лети сюда черезъ рѣку!“ — Не могу перелетѣть. „А я что же сдѣлаю?“ — У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси къ рѣкѣ и махни однимъ концомъ. „Онъ мнѣ не дастъ!“ — Ну, обмани его; скажи, будто вымытъ хочешь. Приходитъ царевна во дворецъ; на ту пору и братъ ея возвратился съ охоты. Много всякой дичи принесъ, и отдаетъ сестрѣ, чтобъ завтра къ обѣду приготовила. Она спрашиваетъ: „Братецъ! нѣтъ ли у васъ чего вымытъ изъ чернаго бѣлья?“ — Сходи, сестрица, въ мою комнату; тамъ найдешь — сказалъ Иванъ-царевичъ, и совсѣмъ забылъ о полотенцѣ, что баба-яга подарила да не велѣла царевнѣ показывать. Царевна взяла полотенце; на другой день братъ на охоту, она къ рѣкѣ, махнула однимъ концомъ полотенца — и въ ту жъ минуту мостъ явился. Змѣй перешелъ по мосту. Стали они цѣловаться, миловаться; потомъ пошли во дворецъ. „Какъ бы намъ, говоритъ змѣй, твоего брата известить?“ — Придумай самъ, а я не вѣдаю, отвѣчаетъ царевна. „Вотъ что: притворись больною и пожелай волчьяго молока; онъ пойдетъ молоко добывать — авось голову свернетъ!“ Воротился братъ, сестра лежитъ на постели, жалуется на свою болѣзнь, и говоритъ: „Братецъ! во снѣ я видѣла, будто отъ волчьяго молока поздоровѣю; нельзя ли гдѣ добыть? а то смерть моя приходитъ“. Иванъ-царевичъ пошелъ въ лѣсъ — кормить волчиха волчонковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; она говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: „Иванъ-царевичъ! не стрѣлай, не губи меня, не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; лучше скажи: чего тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь, надой; еще дамъ въ придачу волченка; онъ тебѣ станетъ вѣрою-правдою служить“. Царевичъ надоилъ молока, взялъ волченка, идетъ домой. Змѣй увидалъ, скаываетъ царевнѣ: „Твой братъ идетъ, волченка несетъ; скажи ему, что тебѣ медвѣжьяго молока хочется“. Сказалъ и оборотился вѣникомъ. Царевичъ вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдомъ собаки вбѣжали, услышали нечистый духъ и давай теревить вѣникъ — только прутья летятъ! „Что это такое, братецъ! закричала царевна; уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечѣмъ будетъ!“ Иванъ-царевичъ унялъ свою охоту и отдалъ ей волчье молоко. Поутру спрашиваетъ братъ сестру: „Каково тебѣ, сестрица?“ — Немножко полегчило; если бы ты, братецъ, принёсъ еще медвѣжьяго молока — я бы совсѣмъ выздоровѣла. Пошелъ царевичъ въ лѣсъ, видитъ: медвѣдиха дѣтей кормить, прицѣлился, хотѣлъ ее застрѣлить; взмолилась она человѣческимъ голосомъ: „Не стрѣлай меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; скажи: чего тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Из-

воль; еще дамъ въ придачу медвѣжонка“. Царевичъ надоилъ молока, взялъ медвѣжонка, идетъ назадъ. Змѣй увидалъ, говоритъ царевнѣ: „Твой братъ идетъ, медвѣжонка несетъ; пожелай еще львинаго молока“. Вымолвилъ и оборотился помеломъ; она сунула его подъ печку. Вдругъ прибѣжала охота Ивана-царевича, почувала нечистый духъ, бросилась подъ печку и давай тормошить помело. „Уймите, братецъ, вашу охоту; а то завтра нечѣмъ будетъ печки замести“. Царевичъ прикрикнулъ на своихъ собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами такъ и рычатъ. Наутро опять царевичъ спрашиваетъ: „Каково тебѣ, сестрица?“ — Нѣтъ, не помогаетъ, братецъ! А снилось мнѣ нынѣшнюю ночь: если бы ты добылъ молока отъ львицы — я бы вылечилась. Пошелъ царевичъ въ густой, густой лѣсъ, долго ходилъ — наконецъ увидѣлъ: кормить львица малыхъ львенковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; говоритъ она человѣческимъ голосомъ: „Не стрѣляй меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтушекъ сиротами; лучше скажи: чего тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь, еще одного львенка въ придачу дамъ“. Царевичъ надоилъ молока, взялъ львенка, идетъ домой! Змѣй Горынычъ увидалъ, говоритъ царевнѣ: „Твой братъ идетъ, львенка несетъ!“ и сталъ выдумывать, какъ бы его уморить. Думалъ-думалъ, наконецъ выдумалъ послать его въ тридцатое государство; въ томъ царствѣ есть мельница за двѣнадцать дверей желѣзными, разъ въ годъ отворяется — и то на короткое время; не успѣешь оглянуться, какъ двери захлопнутся. „Пусть-ка попробуетъ, достанетъ изъ той мельницы мучной пыли!“ Вымолвилъ эти рѣчи и оборотился ухватомъ; царевна кинула его подъ печку. Иванъ-царевичъ вошелъ въ комнату, поздоровался и отдалъ сестрѣ львиное молоко; опять собаки почували змѣинный духъ, бросились подъ печку и начали хватать грызть. „Ахъ, братецъ! уймите вашу охоту; еще разобьютъ что-нибудь!“ Иванъ-царевичъ закричалъ на собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами все на хватъ смотрятъ да злобно рычатъ. Къ утру расхворалась царевна пуще прежняго, охаетъ, стонетъ. „Что съ тобой, сестрица?“ спрашиваетъ братъ, „али нѣтъ отъ молока пользы?“ — Никакой, братецъ! и стала его посылать на мельницу. Иванъ-царевичъ засушилъ сухарей, взялъ съ собой и собакъ и звѣрей своихъ, и пошелъ на мельницу. Долго прождалъ онъ, пока время настало и растворились двѣнадцать желѣзныхъ дверей; царевичъ вошелъ внутрь, наскоро намелъ мучной пыли и только что успѣлъ выйти, какъ вдругъ двери за нимъ захлопнулись, и осталась охота его на мельницѣ взаперти. Иванъ-царевичъ заплакалъ: „Видно, смерть моя близка!“ Воротился домой: змѣй увидалъ, что онъ одинъ, безъ охоты идетъ: „Ну, говоритъ, теперь его не боюсь!“ выскочилъ къ нему на встрѣчу, разинулъ пасть и крикнулъ: „Долго я до тебя добирался, царевичъ! ужъ и ждать надоѣло; а вотъ-таки добрался-же — сейчасъ тебя съѣмъ!“ — Погоди меня ѣсть, лучше вели въ баню сходить да напередъ вымыться. Змѣй согласился и велѣлъ ему самому и воды натаскать, и дровъ нарубить, и баню истопить. Иванъ-царевичъ началъ

дрова рубить, воду таскать. Прилетаетъ воронъ и каркаетъ: „Каръ-каръ, Иванъ-царевичъ! руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогрызла“. Онъ что нарубить, то въ воду покидаетъ. А время идетъ; нечего дѣлать — надо баню топить. Воронъ опять каркаетъ: „Каръ-каръ, Иванъ-царевичъ! топи баню, да не скоро; твоя охота восемь дверей прогрызла“. Истопилъ баню, началъ мыться, а на умѣ одно держитъ: „Если-бъ моя охота да ко времени подоспѣла!“ Вотъ прибѣгаетъ собака; онъ говоритъ: „Ну, двоимъ смерть не страшна!“ За той собакой и всѣ прибѣжали. Змѣй Горынычъ долго поджидалъ Ивана-царевича, не вытерпѣлъ и пошелъ самъ въ баню. Выскочила на него вся охота и разорвала на мелкіе кусочки. Иванъ-царевичъ собралъ тѣ кусочки въ одно мѣсто, сжегъ ихъ огнемъ, а пепелъ развѣялъ по чистому полю. Идетъ со своею охотою во дворецъ; хочетъ сестрѣ голову отрубить; она пала передъ нимъ на колѣни, начала плакать, упрашивать. Царевичъ не сталъ ее казнить, а вывелъ на дорогу, посадилъ ее на каменный столбъ, возлѣ положилъ вязанку сѣна да два чана поставилъ: одинъ съ водою, другой — порожній. И говоритъ: „Если ты эту воду выпьешь, это сѣно съѣшь, да наплачешь полоумъ чанъ слезъ, тогда Богъ тебя проститъ и я прощу“.

Оставилъ Иванъ-царевичъ сестру на каменномъ столбѣ и пошелъ съ своею охотою за тридевять земель; шелъ-шелъ, приходитъ въ большой, знатный городъ; видитъ — половина народа веселится да пѣсни поетъ, а другая горючими слезами заливается. Попросился ночевать къ одной старушкѣ, и спрашиваетъ: „Скажи, бабушка, отчего у васъ половина народа веселится, пѣсни поетъ, а другая на-взрыдъ плачетъ?“ Отвѣчаетъ ему старуха: „О-охъ, батюшка! поселился на нашемъ озерѣ двѣнадцатиглавый змѣй, каждую ночь прилетаетъ да людей поѣдаетъ; для того у насъ очередь положена — съ какого конца въ какой день на сѣденіе давать. Вотъ тѣ, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые — нѣтъ, тѣ рѣкой разливаются“. — А теперь за кѣмъ очередь? „Да теперь выпалъ жеребій на царскую дочь; только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявилъ, что если выищется кто да убьетъ этого змѣя, такъ онъ пожалуетъ его половиною царства и отдастъ за него царевну замужъ; да гдѣ нынче богатыри-то? за наши грѣхи всѣ перевелись!“ Иванъ-царевичъ тотчасъ собралъ свою охоту и пошелъ къ озеру, а тамъ ужъ стоитъ прекрасная царевна и горько плачетъ. „Не бойся, царевна: я твоя оборона!“ Вдругъ озеро взволновалось, всколыхалось, появился двѣнадцатиглавый змѣй. „А, Иванъ-царевичъ, русскій богатырь! ты сюда зачѣмъ пришелъ? Дратся, али мириться хочешь?“ — Почто мириться? русскій богатырь не за тѣмъ ходитъ, отвѣчалъ царевичъ, и напустилъ на змѣя всю свою охоту: двухъ собакъ, волка, медвѣдя и льва. Звѣри въ мигъ его на клочки разорвали. Иванъ-царевичъ вырѣзалъ языки изъ двѣнадцати змѣиныхъ головъ, положилъ себѣ въ карманъ, охоту гулять выпустилъ, а самъ легъ на колени къ царевнѣ и крѣпко заснулъ. Рано утромъ

приѣхалъ водовозъ съ бочкою, смотритъ — змѣй убитъ, а царевна жива и у ней на колѣняхъ спитъ добрый молодецъ. Водовозъ подбѣжалъ, выхватилъ мечъ и снесъ Ивану-царевичу голову, а съ царевны вымучилъ клятву, что она признаетъ его своимъ избавителемъ. Потомъ собралъ онъ змѣиныя головы и повезъ ихъ къ царю; а того и не зная, что головы-то безъ языковъ были. Ни много, ни мало прошло времени, прибѣгаетъ на то мѣсто охота Ивана-царевича; царевичъ безъ головы лежитъ. Левъ прикрылъ его травою, а самъ возлѣ сѣлъ. Налетѣли вороны съ воронятами мертвечины поклевать; левъ изловчился, поймалъ вороненка и хочетъ его на-двое разорвать. Старый воронъ кричитъ: „Не губи моего дѣтенка; онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ! Коли нужно что, приказывай—все исполню“.—Мнѣ нужно мертвой и живой воды, отвѣчаетъ левъ. Принеси, тогда и вороненка отдамъ. Воронъ полетѣлъ и солнце еще не сѣло, какъ воротился и принесъ два пузырька мертвой и живой воды. Левъ разорвалъ вороненка, sprыснулъ мертвой водой—куски срослися, sprыснулъ живой водой—вороненокъ ожилъ и полетѣлъ вслѣдъ за старымъ ворономъ. Тогда левъ sprыснулъ мертвою и живою водой Ивана-царевича; онъ всталъ и говоритъ: „Какъ я долго спалъ!“—Вѣкъ бы тебѣ спать, кабы не я! отвѣчалъ ему левъ и рассказалъ, какъ нашелъ его убитымъ и какъ воротилъ къ жизни.

Приходитъ Иванъ-царевичъ; въ городѣ всѣ веселятся, обнимаются, цѣлуются, пѣсни поютъ. Спрашиваетъ онъ старуху: „Скажи, бабушка, отчего у васъ такое веселье?“—Да вишь какой случай вышелъ: водовозъ повоевалъ змѣя и спасъ царевну; царь выдаетъ теперь за него свою дочь замужъ. „А можно мнѣ посмотреть на свадьбу?“ — Коли умѣешь на чемъ играть, такъ тамъ теперь всѣхъ музыкантовъ примаютъ. „Я умѣю на гусяхъ играть“.—Ступай! царевна до смерти любитъ слушать, когда ей на гусяхъ играютъ. Иванъ-царевичъ купилъ себѣ гусли и пошелъ во дворецъ. Заигралъ — всѣ слушаютъ, удивляются: откуда такой славный музыкантъ проявился? Царевна наливаетъ рюмку вина и подноситъ ему изъ своихъ рукъ; глянула и припомнила своего избавителя: слезы изъ глазъ такъ и посыпались! „О чемъ плачешь?“ спрашиваетъ ее царь. Она говоритъ: „Вспомнила про своего избавителя“. Тутъ Иванъ-царевичъ объявилъ себя царю, рассказалъ все, какъ было, а въ доказательство вынулъ изъ кармана змѣиные языки. Водовоза подхватили подъ руки, повели, разстрѣляли, а Иванъ-царевичъ, женился на прекрасной царевнѣ. На радостяхъ вспомнилъ онъ про свою сестру, поѣхалъ къ каменному столбу—она сѣно сѣла, воду выпила, полонъ чанъ слезъ наплакала. Иванъ-царевичъ простилъ ее и взялъ къ себѣ; стали всѣ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

Сказка о трех царевичах и Царь-Дѣвицѣ.

Жилъ-былъ царь съ царицею, у него было три сына. Посылаетъ онъ своихъ сыновей разыскать его молодость. Вотъ отправились царевичи въ путь-дорогу, пріѣзжаютъ къ столбу, отъ котораго идутъ три дороги, и на томъ столбѣ написано: „Вправо идти—молодецъ будетъ сытъ, а конь голоденъ; налѣво идти—молодецъ будетъ голоденъ, а конь сытъ; прямо идти—живому не быть“. Старшій царевичъ поѣхалъ направо, средній—налѣво, а младшій—прямой дорогой. Много ли, мало ли ѣхалъ меньшей братъ—попадаетъ ему канава глубокая. Не сталъ долго думать, какъ черезъ нее переѣхать; благословился, нахлысталъ коня, перескочилъ на другую сторону, и видитъ избушку возлѣ дремучаго лѣса—на курьихъ ножкахъ стоитъ. „Избушка, избушка, оборотись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ“. Избушка оборотилась. Входитъ въ нее царевичъ; тамъ сидитъ баба-яга: „Фу-ѳу!—говорить, —доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нониче русскій духъ въ виду является, въ уста мечется! Что, добрый молодецъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?“ — Ахъ ты, старая хрычовка! не ты бы говорила, не я бы слушалъ. Ты прежде меня напой, накорми, да тогда и спрашивай“. Она его напоила, накормила, вѣсти выпросила и дала ему своего крылатаго коня: „Поѣзжай, мой батюшка, къ моей средней сестрѣ“. Ѣхалъ онъ долго ли, коротко ли—видитъ избушку, входитъ—тамъ баба-яга сидитъ: „Фу-ѳу!—говорить, —доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нониче русскій духъ въ виду является, въ уста мечется! Что, добрый молодецъ, дѣла пытаешь, иль отъ дѣла лытаешь?“ — „Эхъ, тетка! напой, накорми, тогда и спрашивай“. Она напоила, накормила и стала спрашивать: „Какими судьбами занесло тебя въ эти страны далекія?“ — „Отецъ послалъ искать свою молодость“. — „Ну, возьми на смѣну лучшаго коня и поѣзжай къ моей старшей сестрѣ“. Царевичъ не медля пустился въ дорогу; долго ли, мало ли ѣхалъ — опять видитъ избушку на курьихъ ножкахъ. „Избушка, избушка! стань ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ“. Избушка повернулась; вошелъ — тамъ сидитъ баба-яга. „Фу-ѳу, доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нониче русскій духъ въ виду является, въ уста мечется! Что, добрый молодецъ, дѣла пытаешь, иль отъ дѣла лытаешь?“ — „Эхъ, старая хрычовка! не накормила не напоила, а вѣстей спрашиваешь“. Баба-яга накормила его, напоила, вѣстей повспросила, и дала ему коня лучше прежнихъ двухъ: „Поѣзжай съ Богомъ, недалеко есть царство—ты въ ворота не ѣзди, у воротъ львы стерегутъ, а нахлыщи коня хорошенько, да прямо черезъ тынъ перемахни, да смотри—за струны не зацѣпи; не то все царство взволнуется: тогда тебѣ живому не быть! А какъ перемахнешь черезъ тынъ, тотчасъ ступай во дворецъ — въ заднюю комнату, отвори потихоньку дверь и увидишь, какъ спитъ Царь-

Дѣвица; у нея подъ подушкой пузырекъ съ живой водой спрятанъ. Ты возьми пузырекъ и назадъ спѣши, на ея красоту не заглядывайся“. Царевичъ сдѣлалъ все, какъ учила его баба-яга; только одного не выдержалъ — на дѣвичью красоту заглядѣлся и поцѣловалъ Царь-Дѣвицу... Сталъ на коня садиться—у коня ноги подгибаются, сталъ черезъ тынъ перескакивать—задѣлъ струну. Вмигъ все царство пробудилось, встала и Царь-Дѣвица и велѣла коня осѣдлатъ; а баба-яга ужъ узнала, что съ добрымъ молодцемъ приключилось, и приготовилась къ отвѣту; только успѣла она отпустить царевича, какъ прилетаетъ Царь-Дѣвица и застаётъ бабу-ягу всю растрепанную. Говорить ей Царь-Дѣвица: „Какъ смѣла ты допустить такого негодяя до моего царства? Онъ у меня былъ, квасъ пилъ да не покрылъ“.—„Матушка Царь-Дѣвица! чай, сама видишь, какъ мои волосы растрепаны; я съ нимъ долго дралась, да сладить не могла“. Двѣ другія бабы-яги то же сказали. Царь-Дѣвица бросилась за царевичемъ въ погоню, и только что хотѣла схватить его—какъ онъ черезъ канаву перепрыгнулъ. Говорить ему вслѣдъ Царь-Дѣвица: „Жди меня черезъ три года; на кораблѣ приѣду“. Царевичъ отъ радости не видалъ, какъ къ столбу подъѣхалъ и какъ повернулъ отъ него въ лѣвую сторону; приѣзжаетъ онъ на серебряную гору — на горѣ шатеръ раскинутъ, около шатра конь стоитъ, ѣсть бѣлоярую пшеницу, да пьетъ медовую сытицу, а въ шатрѣ лежитъ доброй молодецъ — его родной братецъ. Говорить ему меньшей царевичъ: „Поѣдемъ-ка старшаго брата отыскивать“. Осѣдлали лошадей и поѣхали въ правую сторону; подъѣзжаютъ къ золотой горѣ—на горѣ раскинутъ шатеръ, около него конь ѣсть бѣлоярую пшеницу, пьетъ медовую сытицу, а въ шатрѣ лежитъ добрый молодецъ—ихъ старшій братъ. Они его разбудили и поѣхали всѣ вмѣстѣ къ тому столбу, гдѣ три дороги сходятся; сѣли тутъ отдохнуть. Два старшіе брата стали меньшого спрашивать: „Нашелъ ты батюшкину молодость?“—„Нашелъ“.—„Какъ и гдѣ?“ Онъ рассказалъ имъ все, какъ было, прилегъ на траву и заснулъ. Братья изрубили его на мелкіе куски и разбросали по чистому полю; взяли съ собою пузырекъ съ живой водой и отправились къ отцу. Вдругъ прилетаетъ жаръ-птица, собрала всѣ разбросанные куски, склала ихъ, какъ слѣдуетъ быть человѣку; потомъ принесла во рту мертвой воды, вспрыснула—всѣ куски срослися; принесла живой воды, вспрыснула — царевичъ ожилъ, всталъ и говоритъ: „Какъ я долго спалъ!“ Отвѣчаетъ жаръ-птица: „Вѣкъ бы тебѣ спать непробуднымъ сномъ, еслибъ не я!“ Царевичъ поблагодарилъ ее и пошелъ домой; отецъ его не влюбилъ и сослалъ съ глазъ долой; такъ онъ цѣлые три года шатался по разнымъ угламъ. А какъ прошло три года, приплываетъ на кораблѣ Царь-Дѣвица и посылаетъ къ царю письмо, чтобы выслалъ къ ней сына, который побывалъ у нея. [Она рѣшила выйти за него замужъ; двухъ старшихъ царевичей, являвшихся къ ней, она прогнала съ позоромъ и стала требовать меньшого]. Тутъ приказалъ царь отыскивать меньшого царевича, и какъ скоро его нашли—отецъ сталъ посылать его на

корабль къ Царь-Дѣвицѣ. А онъ говоритъ: „Тогда пойду, когда до самаго корабля будетъ выстроенъ хрустальный мостъ, а на мосту будетъ много всякихъ яствъ“. Припасли винъ и медовъ. Царевичъ собралъ своихъ товарищей и говоритъ: „Идите со мною въ провожатыхъ, ѣшьте и пейте, ничего не жалѣйте!“ [Царь-Дѣвица встрѣтила его съ почетомъ]. Тутъ они цѣловались, обнимались, миловались, а послѣ поѣхали къ царю и повѣдали ему все, какъ было. Царь старшихъ сыновей со двора согналъ, а съ меньшимъ началъ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать.

Сказки бытовые.

Падчерица и родная дочь.

Было у мачехи двѣ дочери: одна родная, а другая нѣтъ. Она не родную-то бранить, говоритъ:—„Ступай, нанимайся въ работницы“. Она пошла. Шла, шла,—стоитъ березка и говоритъ ей:—„Красная дѣвица, обвяжи меня платочкомъ,—оттуда пойдешь, вѣничекъ золотой найдешь“. Она обвязала ее платочкомъ да пошла. Шла, шла,—пастухи стерегутъ овецъ и кричатъ ей:—„Подмети, подскреби, оттудова пойдешь, овечку найдешь“. Она подмела и подскребла. Еще шла, шла; стерегутъ пастухи свиней и говорятъ:—„Красная дѣвица, подмети, подскреби, пойдешь оттуда—свинку найдешь“. Она все исполнила—подскребла и подмела. Шла, шла—стерегутъ коровъ и кричатъ ей пастухи:—„Красная дѣвица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь—коровку найдешь“. Она подмела и подскребла и пошла. Шла, шла,—стерегутъ лошадей и говорятъ:—„Красная дѣвица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь—лошадку найдешь“. Она подмела и подскребла. Вотъ она еще шла, шла—стоитъ избушка. Она и говоритъ:—„Избушка, избушка, обратись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ“. Избушка обратилась. Тамъ лежитъ баба-яга да и говоритъ:—„Что ты, красная дѣвушка, пришла?“—„Да вотъ,—говорить,—иду въ работницы наниматься“. А баба-яга говоритъ:—„Наймись у меня—только дѣтей вымыть, да баню истопить“. Вотъ она къ ней нажалась. Баба-яга дала ей рѣшето да и говоритъ:—„Ступай, топи баню и воду вотъ этимъ рѣшетомъ таскай“. Она затопила баню, стала воду таскать рѣшетомъ. А сорока прилетѣла:—„Чики-чики, дѣвица,—глинкой, глинкой!“ Она замазала глинкой, насилу натааскала. Истопила баню, пришла къ бабѣ. Баба-яга и говоритъ:—„Возьми моихъ дѣтей попарь“. Она взяла ихъ въ кувшинъ положила. А тамъ лягушки, тараканы, козюли. Понесла ихъ въ баню, перемила и принесла къ бабѣ-ягѣ. А баба-яга и спрашиваетъ у козюльки:—„Что,—говорить,—дѣтушки, хорошо ли она васъ вымыла?“ А козюлька ей отвѣчаетъ:—„Хорошо, матушка, всѣхъ вымыла“. Баба-яга взяла

ей насыпала сундукъ денегъ. Она пошла домой. За ней бѣжитъ вѣничекъ золотой, и бѣжитъ за ней свинка, и овечка бѣжитъ за ней, и коровка бѣжитъ, и лошадь за ней бѣжитъ.

Она пришла домой. А мачеха родную свою дочь ругаетъ, говоритъ:— „Ступай въ работницы, нанимайся“. Она пошла. Шла, шла,—стоитъ береза и говоритъ ей:—„Красная дѣвица, обвяжи меня платочкомъ, оттуда пойдешь, вѣничекъ золотой найдешь“. Она мимо прошла. Шла, шла,—пастухи стерегутъ овецъ и кричатъ ей: „Подмети, подскреби, оттуда пойдешь—овечку найдешь“. Она прошла мимо. Еще шла, шла; стерегутъ пастухи свиней и говорятъ:—„Красная дѣвушка, подмети, подскреби, пойдешь оттуда—свинку найдешь“. Она мимо прошла. Шла, шла,—стерегутъ коровъ и кричатъ ей пастухи:—„Красная дѣвица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь—коровку найдешь“. Она прошла мимо. Шла, шла; стерегутъ лошадей и говорятъ ей пастухи:—„Красная дѣвушка, подмети, подскреби, оттуда пойдешь—лошадку найдешь“. Она прошла мимо. Вотъ она еще шла, шла; стоитъ избушка. Она и говоритъ:—„Избушка, избушка, обратись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ“. Избушка обратилась. Тамъ лежитъ баба-яга да и говоритъ:—„Что ты, красная дѣвица, пришла?“—„Да вотъ,—говоритъ,—иду въ работницы наниматься“. А баба-яга говоритъ:—„Наймись у меня—только дѣтей вымыть да баню истопить“. Вотъ она къ ней нанялась. Она дала ей рѣшето да говоритъ:—„Ступай, топи баню и воду вотъ этимъ рѣшетомъ таскай“. Она затопила баню и таскаетъ воду-то. А изъ рѣшета-то все течетъ. А сорока прилетѣла:—„чики-чики, красная дѣвица,—глинкой, глинкой!“ Она взяла глины комъ, да какъ эту сороку бацнетъ, да убила сороку. Таскала, таскала, таскала, насилу натаскала, ужъ темно стало. Приходитъ къ этой бабѣ-ягѣ да и говоритъ:—„Тетушка, пойдѣмъ париться“. Она и говоритъ:—„Возьми моихъ дѣтей понарь“. Она взяла ихъ въ кувшинъ. Большихъ вымыла, а маленькихъ всѣхъ подушила. А баба-яга и спрашиваетъ у козюльки:—„Что, хорошо ли она васъ вымыла?“—„Она,—говоритъ,—большихъ вымыла, а маленькихъ-то всѣхъ подушила“. Баба-яга взяла жару, насыпала ей въ сундукъ, да и говоритъ:—„Неси, до самаго двора не открывай“. Она принесла на дворъ, открыла сундукъ, а дворъ-то весь загорѣлся.

Сказка о дурнѣ.

Были себѣ дѣдъ да баба; у нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. Первыхъ баба любила, чисто одѣвала, а послѣдній завсегда былъ одѣтъ худо—въ черной сорочкѣ ходилъ. Послышали, что пришла отъ царя бумага: „Кто состроитъ такой корабль, чтобы могъ летать, за того выдастъ замужъ царевну“. Старшіе братья рѣшили идти пробовать счастья

и попросили у стариковъ благословенія; мать снарядила ихъ въ дорогу, на-
давала имъ бѣлыхъ паляницъ, разнаго мясного и фляжку горѣлки, и вы-
проводила въ путь-дорогу. Увидя то, дурень началъ и себѣ проситься, чтобы
и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтобъ онъ не ходилъ: „Куда
тебѣ, дурню; тебя волки съѣдятъ!“ Но дурень заладилъ одно: пойду да
пойду! Баба видитъ, что съ нимъ не сладишь, дала ему на дорогу черныхъ
паляницъ и фляжку воды, и выпроводила изъ дому. Дурень шелъ-шелъ и
повстрѣчалъ старика. Поздоровались. Старикъ спрашиваетъ дурня: „Куда
идешь?“—„Да царь обѣщалъ отдать свою дочку за того, кто сдѣлаетъ ле-
тучій корабль“.—„Развѣ ты можешь сдѣлать такой корабль?“—„Нѣтъ, не
сумѣю!“—„Такъ зачѣмъ же ты идешь?“—„А Богъ его знаетъ!“—„Ну, если
такъ, то садись; отдохнемъ вмѣстѣ и закусимъ; вынимай, что у тебя есть
въ торбѣ“.—„Да тутъ такое, что и показать стыдно людямъ!“—„Ничего,
вынимай; что Богъ далъ, то и поспѣдаемъ!“ Дурень развязалъ торбу—и
глазамъ своимъ не вѣритъ: вмѣсто черныхъ паляницъ лежатъ бѣлыя булки
и разныя приправы; подалъ старику. „Видишь,—сказалъ ему старикъ,—какъ
Богъ дурней жалуетъ! хоть родная мать тебя и не любитъ, а вотъ и ты
не обдѣленъ... Давай же выпьемъ напередъ горѣлки“. Во фляжкѣ намѣсто
воды очутилась горѣлка; выпили, перекусили, и говоритъ старикъ дурню:
„Слушай же—ступай въ лѣсъ, подойди къ первому дереву, перекрестись три
раза и ударь въ дерево топоромъ, а самъ упали на-земь ничкомъ и жди,
пока тебя не разбудятъ. Тогда увидишь передъ собою готовый корабль:
садись въ него и лети, куда надобно; да по дорогѣ забирай къ себѣ всякаго
встрѣчнаго“. Дурень поблагодарилъ старика, распрощался съ нимъ и пошелъ
къ лѣсу. Подошелъ къ первому дереву, сдѣлалъ такъ, какъ ему велѣно:
три раза перекрестился, тюкнулъ по дереву сѣкирою, упалъ на землю
ничкомъ и заснулъ. Спустя нѣсколько времени началъ кто-то будить его.
Дурень проснулся, и видитъ готовый корабль; не сталъ долго думать, сѣлъ
въ него, и корабль полетѣлъ по воздуху. Летѣлъ-летѣлъ, глядь—лежитъ
внизу на дорогѣ человѣкъ, ухомъ къ сырой землѣ припалъ „Здоровъ,
дядьку!“—„Здоровъ, небоже!“—„Что ты дѣлаешь?“—„Слушаю, что на томъ
свѣтѣ дѣлается“.—„Садись со мною на корабль“. Тотъ не захотѣлъ отго-
вариваться, сѣлъ на корабль, и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли,
глядь—идетъ человѣкъ на одной ногѣ, а другая до уха привязана. „Здо-
ровъ, дядьку! Что ты на одной ногѣ скачешь?“—„Да коли-бъ я другую от-
вязалъ, такъ за одинъ бы шагъ весь свѣтъ перешагнулъ!“—„Садись съ
нами!“ Тотъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь—стоитъ чело-
вѣкъ съ ружьемъ, прицѣливается, а во что—невѣдомо. „Здоровъ, дядьку!
Куды мѣтишь? Ни одной птицы не видно“.—„Какъ же! Стану я стрѣлять
близко... Мнѣ бы застрѣлить звѣря или птицу верстъ за тысячу отсюда: то
по мнѣ стрѣльба!“—„Садись же съ нами!“ Сѣлъ и этотъ, и полетѣли они
дальше. Летѣли-летѣли, глядь—несетъ человѣкъ за спиною полонъ мѣхъ

хлѣба. „Здоровъ, дядьку! Куда идешь?“—„Иду,—говорить,—добывать хлѣба на обѣдъ“.—„Да у тебя и такъ полонъ мѣшокъ за спиною“.—„Что тутъ! Для меня этого хлѣба и на одинъ разъ укусить нечего“.—„Садись-ка съ нами!“ Обѣдало сѣлъ на корабль, и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь—ходить человѣкъ вокругъ озера. „Здоровъ, дядьку! Чего ищешь?“—„Пить хочется, да воды не найду“.—„Да передъ тобой цѣлое озеро; что жъ не пьешь?“—„Эка! Этой воды на одинъ глотокъ мнѣ не станетъ“.—„Такъ садись съ нами!“ Онъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь—идетъ человѣкъ въ лѣсъ, а за плечами вязанка дровъ. „Здоровъ, дядьку! Зачѣмъ въ лѣсъ дрова несешь?“—„Да это не простые дрова“.—„А какіе жъ?“—„Да такіе: коли разбросать ихъ, такъ вдругъ цѣлое войско явится“.—„Садись съ нами!“ Сѣлъ онъ къ нимъ и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь—человѣкъ несетъ куль соломы. „Здоровъ, дядьку! Куда несешь солому?“—„Въ село“.—„Развѣ съ селѣ-то мало соломы?“—„Да это такая солома, что какъ ни будь жарко лѣто, а коли разбросать ее—такъ разомъ холодно сдѣлается: снѣгъ да морозъ!“—„Садись и ты съ нами!“—„Пожалуй!“ Это была послѣдняя встрѣча; скоро прилетѣли они до царскаго двора. Царь на ту пору за обѣдомъ сидѣлъ; увидалъ летучій корабль, удивился и послалъ своего слугу спросить: кто на томъ кораблѣ прилетѣлъ? Слуга подошелъ къ кораблю, видитъ, что на немъ все мужики, не сталъ и спрашивать, а, воротясь назадъ въ покои, донесъ царю, что на кораблѣ нѣтъ ни одного пана, а все черные люди. Царь разсудилъ, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и сталъ думать, какъ бы отъ такого зятя избавиться. Вотъ и придумалъ: „стану я ему задавать разные трудныя задачи“. Тотчасъ посылаетъ къ дурню съ приказомъ, чтобы онъ досталъ ему, пока царскій обѣдъ кончится, цѣлющей и живущей воды. Въ то время, какъ царь отдавалъ этотъ приказъ своему слугѣ первый встрѣчный (тотъ самый, который слушалъ, что на томъ свѣтѣ дѣлается) услышалъ царскія рѣчи и разсказалъ дурню. „Что же я теперь дѣлать буду? Да я и за годъ, а можетъ быть — и весь свой вѣкъ не найду такой воды!“—„Не бойся,—сказалъ скороходъ,—я за тебя справлюсь“. Пришелъ слуга и объявилъ царскій приказъ. „Скажи: принесу!“—отозвался дурень; а товарищъ его отвязалъ свою ногу отъ уха, побѣжалъ и мигомъ набралъ цѣлющей и живущей воды. „Успѣю,—думаетъ, воротиться!“ присѣлъ подъ мельницей отдохнуть и заснулъ. Царскій обѣдъ къ концу подходитъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ; засуетились всѣ на кораблѣ. Первой встрѣчный приникъ къ сырой землѣ, прислушался и сказалъ: „Экій? Спитъ себѣ подъ мельницей“. Стрѣлокъ схватилъ свое ружье, выстрѣлилъ въ мельницу и тѣмъ выстрѣломъ разбудилъ скорохода; скороходъ побѣжалъ и въ одну минуту принесъ воду: царь еще изъ-за стола не всталъ, а приказъ его выполненъ какъ нельзя вѣрнѣе. Нечего дѣлать, надо задавать другую задачу. Царь велѣлъ сказать дурню: „Ну, коли ты такой хитрый, такъ покажи свое удалство:

сѣѣшь съ своими товарищами за одинъ разъ двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей печенаго хлѣба“. Первый товарищъ услыхалъ и объявилъ про то дурню. Дурень испугался и говорить: „Да я и одного хлѣба за одинъ разъ не сѣмъ!“—„Не бойся,—отвѣчаетъ Обѣдало,—мнѣ еще мало будетъ!“ Пришелъ слуга, явилъ царскій указъ. „Хорошо,—сказалъ дурень,—давайте, будемъ ѣсть“. Принесли двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей хлѣба печенаго; Обѣдало одинъ все поѣлъ:—„Эхъ,—говорить,—мало! еще бъ хотъ немножко дали...“ Царь велѣлъ сказать дурню, чтобы выпито было сорокъ бочекъ вина, каждая бочка въ сорокъ ведеръ. Первый товарищъ дурня подслушалъ тѣ царскія рѣчи и передалъ ему попрежнему; тотъ испугался: „Да я и одного ведра не въ силахъ выпить“.—„Не бойся,—говорить Опивало,—я одинъ за всѣхъ выпью; еще мало будетъ!“ Налили виномъ сорокъ бочекъ; Опивало пришелъ и безъ роздыху выпилъ всѣ до одной; выпилъ и говорить: „Эхъ, маловато! еще-бъ выпилъ“. Послѣ того царь приказалъ дурню къ вѣнцу готовиться, идти въ баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велѣлъ натопить жарко-жарко, чтобъ дурень въ ней въ одну минуту задохся. Вотъ раскалили баню до-красна; пошелъ дурень мыться, а за нимъ слѣдомъ идетъ мужикъ съ соломой: подослать гдѣ надо. Заперли ихъ обоихъ въ банѣ; мужикъ разбросалъ солому — и сдѣлалось такъ холодно, что едва дурень вымылся, какъ въ чугунахъ вода стала мерзнуть; залѣзъ онъ на печку и тамъ всю ночь пролежалъ. Утромъ отворили баню, а дурень живъ и здоровъ, на печи лежитъ да пѣсни поетъ. Доложили царю; тотъ опечалился, не знаетъ, какъ бы отвязаться отъ дурня; думалъ-думалъ и приказалъ ему, чтобы цѣлой полкъ войска поставилъ, а у самого на умѣ: „откуда простому мужику войска достать? ужъ этого онъ не сдѣлаетъ!“ Какъ узналъ про то дурень, испугался и говорить: „Теперь-то я совсѣмъ пропалъ! Выручили вы меня, братцы, изъ бѣды не одинъ разъ; а теперь, видно, ничего не подѣлаешь!“—„Эхъ ты!—отозвался мужикъ съ вязанкою дровъ,—а про меня развѣ забылъ? Вспомни, что я мастеръ на такую штуку, и не бойся!“ Пришелъ слуга, объявилъ дурню царскій указъ: „Коли хочешь на царевнѣ жениться, поставь къ завтраму цѣлый полкъ войска“.—Добре, зрѣблю! только если царь и послѣ того станетъ отговариваться, то повоюю все его царство и насильно возьму царевну“. Ночью товарищъ дурня вышелъ въ поле, вынесъ вязанку дровъ и давай раскидывать въ разные стороны—тотчасъ явилось несмѣтное войско и конное, и пѣшее, и съ пушками. Утромъ увидалъ царь и въ свой чередъ испугался; поскорѣй послалъ къ дурню дорогіе уборы и платья, и велѣлъ во дворецъ просить съ царевной вѣнчаться. Дурень нарядился въ тѣ дорогіе уборы, сдѣлался такимъ молодымъ, что и сказать нельзя! Явился къ царю, обвѣнчался съ царевною, получилъ большое приданое и сталъ разумнымъ да догадливымъ. Царь съ царицею его полюбили, а царевна въ немъ души не чаяла.

Иванушка-дурачокъ.

Былъ-жилъ старикъ со старухой; у нихъ было три сына: двое—умные, третій—Иванушка-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клѣцокъ, и говоритъ дураку: „на-ка, снеси эти клецки братьямъ; пусть поѣдятъ“. Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрелъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечный; только вышелъ Иванушка за околицу, увидалъ свою тѣнь сбоку, и думаетъ: „Что это за человѣкъ со мной рядомъ идетъ? ни на шагъ не отстаетъ: вѣрно клецокъ захотѣлъ!“ И началъ онъ бросать на свою тѣнь клецки,—такъ всѣ до единой и повывидалъ; смотритъ, а тѣнь все сбоку идетъ: „Эка ненасытная утроба!“ сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ—разлетѣлись черепки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: „Ты, дуракъ, зачѣмъ?“—Вамъ обѣдъ принесъ. „Гдѣ же обѣдъ? давай живѣе“.—Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо-какой человѣкъ, да все и поѣлъ! „Какой такой человѣкъ?“—Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать—всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ. Собралъ стадо въ одну кучу, и сидитъ себѣ радехонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: „что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?“—Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ; сталъ ихъ ловить, въ кучу собирать, глаза выдирать; во какъ умаялся! „Постой, еще не такъ умаешься!“ говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ-таки досталось дураку на орѣхи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушка: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлый возъ навалилъ всякой всячины. Ёдетъ домой, а лошаденька была такая, знать, неудалая, везетъ—не везетъ! „А что, думаетъ себѣ Иванушка, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжить!“ Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ёдетъ-ёдетъ, близко ли, далеко ли, а вороны такъ и вьются надъ нимъ да все каркаютъ. „Знать сестрицамъ поѣсть-покушать охота, что такъ раскричались!“ подумалъ дурачокъ; выставилъ блюда съ ѣствами на земь и началъ потчивать: „Сестрицы голубушки! кушайте на здоровье“. А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ёдетъ Иванушка перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. „Эхъ, думаетъ, ре-

бята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнуть сердечные!“ *). Взялъ—понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. „Знать безъ соли не хочетъ!“ и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. „Что жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?“ Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ голову, и убилъ на-поваль. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понесъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякаютъ: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: „Иванушка-дуракъ!“ бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: „Вотъ вамъ Иванушка-дуракъ! вотъ вамъ Иванушка-дуракъ! Еще вздумали дразнить, негодныя!“ Воротился домой и говоритъ братьямъ: „Все искупилъ, братики!“—Спасибо дуракъ, да гдѣ жъ у тебя закупки-то? „А столь-отъ бѣжить, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то поиво лошади посолилъ, а ложки дразнятся—такъ я ихъ по дорогѣ покинулъ“. Стунай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушка пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батоги корчагъ съ дюжину—всякихъ: и большихъ, и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. „Пиво, не броди! дурака не дразни!“ говоритъ Иванушка. Нѣтъ, пиво не слушается; взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ развѣзжаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Пріѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушку—зашили въ кулъ и потащили къ рѣкѣ. Положили кулъ на берегу, а сами пошли пролубъ осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушка и ну кричать: „Садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить ни рядить не умѣю!“—Постой, дуракъ! сказалъ баринъ; я умѣю и судить и рядить; вылѣзай изъ куля! Иванушка вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили кулъ подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. „Знать бурка ловить!“ проговорили братья и побрели домой. Навстрѣчу имъ, откуда ни возмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушка, ѣдетъ да прихвастываетъ: „Вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко—такой славный!“ Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: „зашивай теперь насъ въ кулъ да спускай поскорѣй въ пролубъ! Не уйдетъ отъ насъ сивко“... Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубъ и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминалъ. Былъ у Иванушки колодезь, въ колодезѣ рыба елець, а моей сказкѣ конецъ.

*) Вар. „Братцы родные! что жъ вы безъ шапокъ стоите? дождь пойдетъ—вымочить“.

Знахарь.

Жилъ бѣдный да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ; укралъ у бабы холстину и спряталъ ее въ ометѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожить мастеръ. Пришла къ нему баба и просить погадать. Мужикъ спрашиваетъ: „А что за работу дашь?“—Пудъ муки да фунтъ масла. „Ладно!“ Сталъ гадать; погадалъ-погадалъ и сказалъ ей, гдѣ холстъ спрятанъ. Дня черезъ два, черезъ три пропалъ у барина жеребецъ: онъ же плутъ, его и увелъ да привязалъ въ лѣсу къ дереву. Посылаетъ баринъ за этимъ мужикомъ; сталъ мужикъ гадать и говорить: „Ступайте скорѣй, жеребецъ въ лѣсу къ дереву привязанъ“. Привели жеребца изъ лѣсу; далъ баринъ знахарю сто рублей, и пошла объ немъ слава по всему царству. Вотъ на-бѣду пропало у царя его вѣнчалное кольцо; искать-искать—нѣтъ нигдѣ! Послалъ царь за знахаремъ, чтобы какъ можно скорѣй во дворецъ его привезли. Взяли его, посадили въ повозку и привезли къ царю. „Вотъ когда пропалъ-то! думаетъ мужикъ; какъ мнѣ узнать, куда дѣвалось кольцо. Ну, какъ царь опалится да туда зашлетъ, куда Макаръ и телятъ не гонялъ!“ „Здравствуй, мужичокъ! говоритъ царь; поворожи-ка мнѣ; отгадаешь—деньгами награжу, а коли нѣтъ, то мой мечъ,—твоя голова съ плечъ!“ Тотчасъ приказалъ отвести знахарю особую комнату: „Пускай-де цѣлую ночь ворожить, чтобъ къ утру отвѣтъ былъ готовъ“. Знахарь сидитъ въ той комнатѣ да думаетъ: „Какой отвѣтъ дамъ я царю? Лучше дождусь глухой полночи, да убѣгу—куда глаза глядятъ; вотъ какъ пропоютъ третьи пѣтухи, сейчасъ и задамъ тягу!“ А кольцо-то царское стащили три дворовыхъ человѣка: лакей, кучеръ да поваръ. „Что, братцы! говорятъ они межъ собой, какъ этотъ ворожейка да узнаетъ насъ? Вѣдь тогда намъ смерть неминуемая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли онъ ничего—и мы молчокъ; а коли узнаетъ насъ, такъ ужъ дѣлать нечего—станемъ просить его, чтобъ царю-то не доказывалъ“. Пошелъ лакей подслушивать; вдругъ пѣтухи запѣли, мужикъ и промолвилъ: „Слава тебѣ, Господи! одинъ уже есть, остается двухъ ждать“. У лакея душа въ пятки ушла; прибѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ: „Ахъ, братцы! вѣдь меня узналъ; только я къ двери, а онъ кричитъ: одинъ уже есть, остается двухъ ждать!“—Постой, я пойду! сказалъ кучеръ; пошелъ подслушивать. Запѣли вторые пѣтухи, а мужикъ: „Слава тебѣ, Господи! и два есть, остается одного ждать“.—Эхъ, братцы! и меня узналъ. Поваръ говоритъ: „Ну, если и меня узнаетъ, такъ пойдемъ прямо къ нему, бросимся въ ноги, и станемъ упрашивать“. Пошелъ подслушивать поваръ; третьи пѣтухи запѣли, мужикъ перекрестился: „Слава Богу, всѣ три есть!“ да поскорѣй къ двери—бѣжать хочетъ; а воры къ нему навстрѣчу, пали въ ноги, и просятъ и молятъ: „Не погуби, не сказывай царю; вотъ тебѣ кольцо!“—Ну, такъ и быть, прощаю васъ! Взялъ мужикъ кольцо, поднялъ

половицу и бросилъ его подъ полъ. Наутро царь спрашиваетъ: „Что, жу-чокъ, какъ твои дѣла?“—Выворожилъ; кольцо твое укатилось подъ эту по-ловицу. Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро награди-лъ знахара деньгами и велѣлъ накормить-напоить его до отвала, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его и воротился къ знахарю: „Ну, коли ты знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?“ Му-жикъ испугался и говоритъ самъ себѣ: „Что, попался, Жучокъ, царю въ руки!“—Такъ, такъ, твоя правда! сказалъ царь; еще больше его награди-лъ и съ честью домой отпустилъ.

Набитый дуракъ.

Въ одной семьѣ жилъ былъ дуракъ набитый, и, бывало, нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидить, либо кого прибить. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ. Бывало, куда дуракъ срядится итти, мать съ полчасу ему толкуетъ: „Ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то“. Вотъ однажды пошелъ дуракъ мимо гумна и увидалъ, молотятъ горохъ, и за-кричалъ: „Молотить вамъ три дня и намолотить три зерна“. Мужики его за такія слова прибили пѣвнами. Пришелъ дуракъ къ матери и вопить: „Матушка, матушка! нынѣ били хохла, колотили хохла!“—„Тебя что ль, дитятко?“—„Да!“—„За что?“—„Вотъ я шелъ мимо Дормидошкинова гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные“...—„Ты что же, дитятко?“—„Да я имъ прогутарилъ. молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили“.—„Охъ! дитятко! ты бы сказалъ имъ: „Возить вамъ—не перевозить, носить—не переносить, таскать—не перетаскать!“ Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу. Вотъ на встрѣчу ему несутъ упокойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, зашумѣлъ въ превеликій голосъ: „Носить вамъ—не переносить, таскать—не перетаскать!“ Опять отдули его. Дуракъ воротился къ матери и рассказалъ ей, за что его прибили.— „Ты бы, дитятко, сказалъ имъ: канунъ да ладанъ!“ Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба и ѣдетъ ему на встрѣчу. Дуракъ отка-шлялся, закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поравнялась: „Канунъ да ладанъ!“ Цѣлые мужики соскочили съ телеги и прибили его жестоко. Дуракъ пошелъ домой, кричитъ: „Охъ, мать моя родимая! какъ больно-то прибили меня!“—„За что, дитятко?“ Дуракъ рассказалъ ей, за что прибили. Мать сказала. „Ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ“.—„Спасибо тебѣ, матушка моя!“ И ушелъ опять на село да взялъ съ собою дудочку. Вотъ въ концѣ села занялся (загорѣлся) овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда, забѣжалъ противъ овина и ну плясать да играть въ

свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришелъ къ матери со слезами и разсказалъ, за что его побили. Мать ему сказала: „Ты бы, дитятко, взялъ воды, да заливалъ съ ними“. Черезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ онъ: мужикъ свинью палить. Дуракъ схватилъ у мимо шедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣжалъ туда и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и разсказалъ, за что его били. Мать заклалась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

Бороватый мужикъ.

Жила-была старуха; у ней было два сына: одинъ-то померъ, а другой въ дальнюю сторону уѣхалъ. Дня три спустя, какъ уѣхалъ сынъ, приходитъ къ ней солдатъ и проситъ: „Бабушка, пусти ночевать!“—„Иди, родимый; да ты откуда?“—„Я, бабушка, Никонецъ—съ того свѣту выходецъ“.—„Ахъ, золотой мой, у меня сыночекъ померъ; где видалъ ли ты его?“—„Какъ же, видѣлъ—мы съ нимъ въ одной горницѣ жили!“—„Что ты!“—„Онъ, бабушка, на томъ свѣтѣ журавлей пасетъ“.—„Ахъ, родненькій! чай, онъ съ ними замаялся!“—„Еще какъ замаялся! Вѣдь, журавли-то, бабушка, все по шиповнику бродятъ“.—„Чай, онъ обносился?“—„Еще какъ обносился-то: совсѣмъ въ лохмотьяхъ“.—„Есть у меня, родимый, аршинъ сорокъ холста, да рублей съ десятокъ денегъ: отнеси къ сынку“.—„Изволь, бабушка!“ Долго ли, коротко ли—пріѣзжаетъ сынъ. „Здравствуй, матушка!“—„А ко мнѣ безъ тебя приходилъ Никонецъ—съ того свѣту выходецъ; про покойнаго сынка сказывалъ; они вмѣстѣ въ одной горницѣ жили. Я услала съ нимъ туда холстикъ да десять рублей денегъ“.—„Коли такъ, говоритъ сынъ, прощай, матушка! я поѣду по вольному свѣту: когда найду дураковатѣе тебя, буду тебя и поить, и кормить; а не найду—со двора спихну“. Повернулся и пошелъ въ путь-дорогу.

Приходитъ въ господскую деревню, остановился возлѣ барскаго двора, а на дворѣ ходитъ свинья съ поросятами. Вотъ мужикъ сталъ на колѣни и кланяется свиньѣ въ землю. Увидала то изъ окна барыня и говоритъ дѣвкѣ: „Ступай, спроси, чего мужикъ кланяется“. Спрашиваетъ дѣвка: „Мужичокъ! чего ты на колѣняхъ стоишь, да свиньѣ поклоны бьешь?“—„Матушка, доложи барынькѣ, что свинья-то ваша пестра—моей женѣ сестра, а у меня сынъ завтра женится—такъ на свадьбу прошу: не отпустить ли свинью въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ?“ Барыня, какъ выслушала эти рѣчи, и говоритъ дѣвкѣ: „Какой дуракъ! проситъ свинью на свадьбу, да еще съ поросятами. Ну что жъ! пусть съ него люди посмѣются: наряди поскорѣй свинью въ мою шубу, да вели запречь въ повозку пару лошадей;

пусть не пѣшкомъ идетъ на свадьбу“. Запрягли повозку, посадили въ нее наряженую свинью съ поросятами и отдали мужику. Онъ сѣлъ и поѣхалъ назадъ. Вотъ воротился домой баринъ,—а онъ былъ въ то время на охотѣ. Барыня его встрѣчаетъ, сама со смѣху помираетъ: „Ахъ! душенька, не было тебя, не съ кѣмъ было посмѣяться. Былъ здѣсь мужичокъ, кланялся нашей свиньѣ: ваша свинья, говорилъ, пестра—моей женѣ сестра; и просилъ ее къ своему сыну въ свахи, а поросятъ въ поѣзжане“.—„Я знаю, говоритъ баринъ: ты ее отдала“.—„Отпустила, душенька! нарядила въ свою шубу и дала повозку съ парой лошадей“.—„Да откуда мужикъ-то?“—„Не знаю, голубчикъ“.—„Это, выходитъ, не мужикъ—дуракъ, а ты—дура!“ Разсердился баринъ, что жену обманули; выбѣжалъ изъ хоромъ, сѣлъ на иноходца и поскакалъ въ погоню. Слышитъ мужикъ, что баринъ его нагоняетъ, завелъ лошадей съ повозкою въ густой лѣсъ, а самъ снялъ съ головы шляпу, опрокинулъ на земь и сѣлъ возлѣ. „Эй ты, борода! закричалъ баринъ: не видалъ ли, не проѣхалъ ли здѣсь мужикъ на парѣ лошадей? Еще у него свинья съ поросятами въ повозкѣ“.—„Какъ не видать, ужъ онъ давно проѣхалъ“.—„Въ какую сторону? какъ бы мнѣ его догнать?“—„Догнать—не устать, да повертокъ много: того и смотри заплутаешься; тебѣ, чай, дороги невѣдомы?“—„Поѣзжай, братецъ, ты; поймай мнѣ этого мужика!“—„Нѣтъ, баринъ, мнѣ никакъ нельзя; у меня подъ шляпою соколъ сидитъ“.—„Ничего, я постерегу твоего сокола“.—„Смотри; еще выпустишь! птица дорогая! меня хозяинъ тогда со свѣту сживетъ“.—„А что она стоитъ?“—„Да рублей триста будетъ“.—„Ну, коли упущу, такъ заплачу!“—„Нѣтъ, баринъ, хоть теперь ты сулишь, а что послѣ будетъ, не вѣдаю“.—„Экой невѣра! ну вотъ тебѣ триста рублей, про всякій случай“. Мужикъ взялъ деньги, сѣлъ на иноходца и поскакалъ въ лѣсъ, а баринъ остался пустую шляпу караулить. Долго ждалъ баринъ; ужъ и солнышко закатывается, а мужика нѣтъ, какъ нѣтъ. „Постой, посмотрю; есть ли подъ шляпою соколъ: коли есть, такъ пріѣдетъ, а коли нѣтъ, такъ и ждать нечего“. Поднялъ шляпу, а сокола и не бывало. „Экій мерзавецъ! вѣдь, навѣрно, это былъ тотъ самый мужикъ, что барыню обманулъ“. Плюнулъ съ досады баринъ и поплелся къ женѣ, а мужикъ ужъ давно дома. „Ну, матушка“, говоритъ старухѣ: „живи у меня; есть на свѣтѣ и тебя дурашливѣе: вотъ ни за что, ни про что дали тройку лошадей съ повозкой, триста рублей денегъ, да свинью съ поросятами“.

Сказки философскія.

Сказка о разбойникѣ.

Одинъ разбойникъ много душъ убилъ. Стоитъ разъ въ лѣсу возлѣ мертваго тѣла (только что убилъ человѣка), вдругъ ему кто-то и говоритъ:

„Брось это! нехорошее дѣло людей убивать!“ Обернулся, смотреть: пустынь-старичокъ стоитъ. „Да я, — говорить, — разбойникъ и ничего больше не умѣю дѣлать“.—„Великій грѣхъ! спасай свою душу, пока время!“—говорить старичокъ. „Да чѣмъ же я ее спасу?“—„На, вотъ тебѣ два замочка!“ Взялъ и продѣлъ ему по замочку въ уши, а ключи себѣ взялъ. „Поди на горы, бѣлыхъ овецъ тамъ найдешь: паси ихъ. Когда замочки изъ ушей у тебя выпадутъ, тогда, значить, ты душу спасъ“. Разбойникъ все такъ и сдѣлалъ: пошелъ на горы, нашелъ тамъ овецъ и сталъ ихъ пасти. О худомъ онъ вовсе забылъ и много лѣтъ пасъ, а замки все въ ушахъ. Вотъ разъ видитъ онъ, что ѣдетъ большой дорогой кулакъ-купецъ и думаетъ себѣ разбойникъ: „А что, сколько этотъ купецъ изъ мужиковъ денегъ выжалъ? Всѣ на него жалуются. Радъ бы всѣ деревни были, кабы его не было. Хорошо его убить!“ Какъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ: купца зарѣзалъ, а деньги, которые съ нимъ были, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ роздалъ. И испугался разбойникъ, что опять старый грѣхъ совершилъ—человѣка убилъ. Глянулъ себѣ подъ ноги, а замочки изъ ушей выпали, на землѣ около него лежатъ. И подошелъ къ нему старичокъ и сказалъ: „Ты не человѣка убилъ, а свой грѣхъ!“

О правдѣ и кривдѣ.

Жили два брата купца: — одинъ кривдой, другой правдой; такъ всѣ и звали ихъ; одного Кривдой, а другого Правдой.—„Послушай, Правда,—сказалъ разъ Кривда,—вѣдь Кривдой жить на свѣтѣ лучше?..—„Нѣтъ!“—„Давай спорить?“ — „Давай“. Спорили, спорили, никто не переспорилъ.—„Ну, слушай,—сказалъ Кривда,—у тебя три корабля, у меня два; если на первой встрѣчѣ намъ скажутъ, что жить правдой лучше, то всѣ корабли твои, а если кривдой—то мои!“—„Хорошо“.—„Пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ“.—„Пойдемъ“,—отвѣчаетъ Правда. Вотъ и пришли они къ писарю.—„Рѣши нашъ споръ, — говоритъ Кривда, — чѣмъ лучше жить: кривдой или правдой?“ Писарь спрашиваетъ:—„А о чемъ вы бѣтаетесь?“—„О пяти корабляхъ“.—„Ну, ты, Правда, проспорилъ: въ наше время лучше жить кривдой“. Правда поклонился и говоритъ:—„Коли такъ, бери мои корабли“,—а самъ все стоитъ на своемъ, что лучше жить правдой.—„Пойдемъ къ судѣ, какъ онъ рѣшитъ? — говоритъ Кривда, — коли по твоему, я тебѣ плачу тысячу рублей, а коли по моему — ты мнѣ долженъ оба глаза отдать“.—„Хорошо, пойдемъ“. Пришли они къ судѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья сказалъ то же самое:—„Въ наше время лучше жить кривдой“.—„По-давай-ка твои глаза!“ — говоритъ Кривда Правдѣ; выкололъ у ней глаза и ушелъ—куда зналъ. Остался Правда безглазый, палъ лицомъ на-земь и поползъ ощупью. Доползъ до болота и легъ въ травѣ. Въ самую полночь

начали туда собираться и чертенята, и бѣсенята, и множество всякой нечистой силы. Набольшій сталъ всѣхъ спрашивать: кто что сдѣлалъ? Кто говорить: я душу загубилъ; кто говорить: я того-то на грѣхъ смутилъ; а Кривда тоже тутъ между ними вертится и хвостомъ виляетъ и, въ свою очередь, похваляется: „Я у Правды три корабля выпорилъ, да глаза ему выкололъ!“ — „Что глаза! — говоритъ набольшій, — стоитъ потереть тутошной травкой — глаза опять будутъ!“ Правда лежитъ себѣ, ни гу-гу, а самъ все слушаетъ. Вдругъ запѣли пѣтухи, и нечистая сила разомъ пропала. Правда нарвалъ травки, и давай тереть глаза; потеръ одинъ, потеръ другой — и сталъ видѣть попрежнему; захватилъ съ собой травки и пошелъ въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличъ: „Кто вылечить царевну, за того отдамъ ее замужъ“. Правда приложилъ ей къ очамъ травку, потеръ и вылечилъ; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ его къ себѣ въ домъ. И зажилъ Правда по-царски, и въ довольствѣ, и въ богатствѣ, и сталъ разъѣзжать съ молодой женой въ золотой каретѣ, на четверткѣ вороныхъ коней безъ отмѣтинокъ. Дошла эта вѣсть до Кривды, и думаетъ про себя Кривда: „Дай схожу къ брату и попрошу его, какъ такая благодать съ нимъ приключилась?“ Пошелъ — кланяется и говорить: — „Научи, братецъ, чѣмъ и какъ ты себѣ счастье добылъ?“ Правда все высказалъ, а Кривда прямо отъ брата да и отправился на болото и залегъ въ тростникѣ. Запѣли пѣтухи, забѣгали бѣсенята — засуетились. Тотъ говоритъ одно — другой другое, — а все же, главное, они добиваются другъ отъ друга, кто царскую дочь вылечилъ? Надо узнать, кто испортилъ наше дѣло? Царевна отъ нашего же хромоногаго ослѣпла. И стали они подозрѣвать одного изъ своихъ, самаго ледащаго и худенькаго чертенка, и ну его бить, да щипать — онъ бросился въ тростникъ, наткнулся на Кривду и вытащилъ его къ чертямъ. — „Я Кривда! я Кривда!“ — кричалъ купецъ. А все же они его не послушали и разорвали въ мелкіе клочки.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдой.

Сказки историческія.

Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ.

Жилъ на свѣтѣ царь; имя его было Александръ Македонскій. Это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни прадѣды, ни пра-прадѣды, ни пращуры наши не запомнятъ. Царь этотъ былъ изъ богатырей богатырь. Никакой силачъ въ свѣтѣ не могъ побѣдить его. Онъ любилъ воевать, и

войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдет войною царь Александръ Македонскій—все побѣдитъ. И покорилъ онъ подъ свою власть всѣ царства земныя. И зашелъ онъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ, какъ ни былъ храбръ, ужаснулся ихъ: свирѣпы пуще лютыхъ звѣрей и ѣдятъ живыхъ людей; у иного изъ нихъ одинъ глазъ—и тотъ во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было: Гоги и Магоги. Однако жъ царь Александръ Македонскій этихъ дивныхъ народовъ не струсилъ; началъ онъ съ ними воевать. Долго ли, коротко ли онъ съ ними велъ войну—это невѣдомо; только дивніи народы струсили, и пустились отъ него бѣжать. Онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Тамъ-то они и скрылись отъ царя Александра Македонскаго. Что же сдѣлалъ съ ними царь Александръ? Онъ свелъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подымется страшный вой; они, сидя тамъ, кричатъ: „О, видно еще живъ Александръ Македонскій“. Эти Гоги и Магоги до сихъ поръ еще живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончиною свѣта.

Изъ сказки: Про Мамай-безбожнаго.

На Руси было на православной княжилъ князь тутъ Дмитрій Ивановичъ. Засылалъ онъ съ даньей русскаго посла Захарья Тютрина къ Мамаю-безбожному, псу смердящему. Правится путемъ-дорогой русскій посолъ Захарій Тютринъ; пришелъ онъ къ Мамаю-безбожному, псу смердящему: „Давай—примай, говоритъ, дань отъ русскаго князя Дмитрія Ивановича!“ Отвѣчаетъ Мамай-безбожный: „Покуль не омоешь ногъ моихъ и не поцѣлуешь бахилъ, не приму я дани князя Дмитрія Ивановича“. Взадъ отвѣчаетъ русскій посолъ Захарко Тютринъ: „Чѣмъ бы съ дороги напоить-накормить, въ банѣ выпарить, вѣпоръ вѣстей поспросить; а ты, Мамай-безбожный, песь смердящій, того-перво велишь мыть твои басурманскія ноги и цѣловать бахилы; не слѣдъ мыть ноги и цѣловать бахилы русскому послу Захарью Тютрину. Пусть поганый татаринъ, Мамай-безбожный, буде есть вѣра, цѣлуетъ ноги русскаго посла Захарья Тютрина!“ Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои черные кудри, металъ ихъ на земь—по застолію, княжескія бумаги придралъ, и писалъ свои ярлыки скорописчатые: „Когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнать, у коня подъ копытомъ трава и вода, вѣпоръ Мамай-безбожный будетъ съ святой Русью воевать: вѣпоръ мнѣ ни воды, ни хлѣба не надо!“...

Не золота трубочка вострубила, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ сталъ рѣчь держать: „Воины мои любимые! не на попойку призывалъ я васъ, не на радостный пиръ вы ко мнѣ собиралися; собиралися вы ко мнѣ за печальной вѣсточкой. Мамай-безбожный, песь смердящій, со всѣми своими ордами некрещеными, идетъ святую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамае-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, къ окіану-морю, изладимъ легкіе струги и побѣжимъ мы изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское къ соловецкимъ чудотворцамъ; запремся тамъ—и нечего съ насъ будетъ взять Мамаю-безбожному, псу смердящему; въ другую сторону онъ насъ полонить, очи выкопаетъ и злой смерти предастъ. Отвѣчаютъ князи и бояре, буйны головы понутивши: „Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! одно солнушко катится по небу—одинъ князь княжить надъ Русью православною; не перечить мы пришли твоему слову крѣпкому; поизволь насъ заставить рѣчь-отвѣтъ держать, какъ надать ладить съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ. Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! пойдемъ мы къ окіанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, скалѣпки смечемъ въ окіанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую, и будемъ драться съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови—и будетъ на Мамае-безбожнаго побѣда!“—Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по трапезѣ? говоритъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ калика перехожая—сумка переметная: „Это, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ, нечистая, непріятная сила (что тебѣ подъ ухо шептала, чтобъ шелъ ты къ окіанъ-морю строить легкіе струги, изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославилъ, изъ терема побѣжала“.

Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе наказы, чтобъ собирали рать-силу несмѣтную по городамъ съ пригородками и по всѣмъ дальнимъ печищамъ оставляли бѣ дома только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ имъ въ печальники. Собрали со всѣхъ концовъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаячи. На полѣ на Куликовѣ учили думу думать, какъ надо силу смѣтить? Русскій посолъ Захарій Тютринъ сядилъ на своего добраго коня, объѣзжалъ округъ силы три дня и три часа—не могъ силы смѣтить: на сколько верстъ стоитъ?..

Первый жребій выпалъ русскому послу Захарью Тютрину, съ мохначами-бородачами — донскими казаками; другой — Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ; третій жребій выпалъ Задонскому князю Дмитрію Иванову.

Втѣпоръ слышалъ шведскій король про великое побоище, набралъ силы сорокъ тысячъ: „Подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаячи; станьте, мои воины, на бугры на высокіе: станетъ За-

донскій князь Дмитрій Ивановичъ побивать Мамай-безбожнаго—ко Дмитрію Ивановичу пристаňte; буде Мамай-безбожный будетъ побивать Дмитрія Ивановича—ко Мамаю пристаňte“. Лукавъ былъ шведскій король, велѣлъ ко правой силѣ приставать! Турецкій король слышалъ про великое побоище, приказалъ набрать силы сорокъ тысячъ и посылалъ ихъ на поле на Куликово—самъ наказывалъ: „Воины мои любимые! какую силу побивать будутъ, ко той пристаňte“. Простъ былъ турецкой король, ко виноватой силѣ велѣлъ приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на полѣ на Куликовѣ на кровавое побоище; передъ держалъ русскій посолъ Захарій Тютринъ съ мохначами-бородачами—донскими казаками. Палась имъ встрѣчу сила Мамай-безбожнаго: когда сила съ силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втѣпоръ выскочилъ изъ земли Кроволинъ-татаринъ—вышина семь сажень; скричалъ татаринъ зычнымъ голосомъ: „Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! давай мнѣ-ка поединщика; буде не поставишь мнѣ поединщика, я твою силу одинъ побью-вырублю, грязьей сдѣлаю!“ Говоритъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ: „Не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришлось идти супротивникомъ-поединщикомъ на Кроволина-татарина!“ Оболокаетъ онъ свои латы крѣпкія, застегаетъ пуговицы воальянскія; обсѣдлали ему добра коня во сѣдло черкасское, беретъ онъ съ собой палицу боевую, поѣзжаетъ къ Кроволину-татарину. Палъ ему встрѣчу незнамый воинъ: „Осади лошадь, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плечъ басурманскую голову!“ Сѣдлалъ онъ своего добра коня, подтягивалъ двѣнадцатима подпругима шелковыми не ради басы, ради крѣпости. „Обороню я тебя, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ, отъ первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись съ оканнымъ врагомъ, съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамай-безбожнаго побѣда!“ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ съ незнакомымъ воиномъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его князь Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Палицами ударились—палицы по чивья поломались, копьями соткнулись—копья извернулись; саблями махнулись—сабли исцербились; скакали они со добрыхъ коней и бились они рукопашнымъ боемъ, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи бились, не ѣдаючи; на четвертый день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: незнамый воинъ правую руку на тулово Кроволина-татарина накинулъ. Князь своего воина срядилъ, похоронилъ, надъ нимъ крестъ поставилъ и вызолотилъ.

У Мамай-безбожнаго, пса смердящаго, выскочилъ изъ земли другой воинъ, и звопилъ своимъ зычнымъ голосомъ: „Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! подавай мнѣ-ка супротивника; въ другую сторону я твою силу по-

бую, и тебѣ, князю, глаза выкопаю—свѣтъ отниму!“ Понурилъ буйну голову Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ: „Не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришло идти ни Кроволина-татарина“. Садился онъ на своего добра коня, поѣзжалъ на Кроволина-татарина. Палъ ему встрѣчу другой воинъ: „Осади лошадь, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! избавлю я тебя отъ скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамае-безбожнаго побѣда. А буде Квашнинокъ-богатырекъ (sic) побьетъ меня, садись на моего добра коня: увезетъ онъ тебя отъ смерти отъ скорыя“. Князь Дмитрій Ивановичъ и незнакомый воинъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Впервые палицами они ударились—палицы по чивья поломались, копьями кололись—копья извернулись, острыми саблями рубились—сабли исцербились; скочили они со добрыхъ коней, бились-дрались рукопашнымъ боемъ, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не ѣдаючи и ясныхъ глазъ не смыкаючи; на четвертый день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: у воина князева правая пола на поганого татарина накинута. Князь своего воина честно срядилъ, похоронилъ, и на могилѣ крестъ поставилъ и позолотилъ.

Втѣпоръ русской посолъ Захарій Тютринъ, съ мохначами-бородачами—донскими казаками, напущался на силу Мамае-безбожнаго. Свѣтлый день идетъ ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась; когда кончилась драка, учили смѣчать: у кого сколько силы пало? У русскаго посла Захарья Тютрина на одного мохнача-бородача—донского казака по двѣ тысячи по двѣсти татаровей выпало...

Бой продолжается съ переменнымъ счастьемъ. Вступаютъ въ бой кн. Дмитрій Ивановичъ,—долго онъ бился, наконецъ усталъ, выѣхалъ изъ боя и сѣлъ подъ дерево отдыхать.

Спихватилась рать-сила могучая Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Русскій посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Турикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ учили силу спрашивать: не помѣтилъ ли кто пути-дороги Задонскаго князя Дмитрія Ивановича? Молчитъ рать-сила могучая; ни отъ кого отвѣта нѣтъ. Русскій посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Турикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ понурили свои буйны головы; положили они на скопѣ: погибъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ въ бою-дракѣ отъ поганныхъ татаровей. Взадъ пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидѣлъ русскій посолъ Захарій Тютринъ въ чистомъ полѣ кудрявую березу, а на той кудрявой березѣ чернышину; походилъ Захарко на чернышину, признавалъ онъ Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Въ ноги палъ онъ князю Дмитрію Ивановичу: „Возрадуйся, Задонскій князь

Дмитрій Ивановичъ! постояли мы за матушку Русь православную, побѣдили Мамай-безбожнаго, пса смердящаго!“ Соходитъ князь Дмитрій Ивановичъ съ жудравыя березы; на востокъ онъ три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили въ томъ радость-веселіе.

Сказка о Петрѣ Великомъ.

[Петръ Великій однажды охотился и заблудился въ лѣсу. Встрѣтился ему бѣглый солдатъ; онъ не призналъ въ Петрѣ императора. Петръ назвался Петрушей и отправился вмѣстѣ]. Его солдатъ и спрашиваетъ: „А у васъ въ полку какъ?“ — „У насъ варятъ по фунту на каждого солдата“. — „Нѣтъ у насъ этого, Петруша, нѣтъ ничего!“ — „А варятъ ли крутую кашу?“ — „Варятъ да иногда, а такую только варятъ, что крупинка за крупинкой и на ложку не поймать!“ — „Пойдемъ, землячокъ, куды-нибудь!“ [Добрались они до избышки, стоявшей въ лѣсу. Во дворѣ лежали тѣла убитыхъ. Солдаты, подпившіе по дорогѣ, не обробѣли; онъ вошелъ въ избу, полную оружія, и закричалъ на старуху, тамъ бывшую:] „А, старая вѣдьма! дай-ка намъ поѣсть!“ — Старуха видитъ, что онъ шибко на нее наступаетъ, сейчасъ собрала имъ поѣсть. Кой-чего собрала и на столъ подала. „Водки дай!“ Старуха по стакану водки подала. Солдаты пріурѣзали, а Петръ Великій испугался: стакана въ руки не беретъ и водочку не пьетъ. [Солдатъ и Петръ улеглись на сушилахъ и бросили жребій кому спать, кому сторожить. Сторожить пришлось Петру, и онъ уснулъ. Между тѣмъ пріѣхали разбойники и, узнавъ, гдѣ спятъ прохожіе, рѣшили ихъ убить. Солдатъ проснулся и перебилъ ихъ всѣхъ по одному]. Петръ Великій спитъ, ничего не чувствуетъ. Легъ на часокъ и всю ночь проспалъ. [Проснувшись и узнавъ, что онъ спасенъ солдатомъ, Петръ наградилъ того золотомъ и пригласилъ къ себѣ въ городъ, въ гости]. „А гдѣ же мнѣ тебя найти? Вѣдь меня тамъ поймаютъ“. — „Иди, никто не тронетъ. Спроси только, гдѣ Петруша живетъ — всякій доведетъ“. [Солдатъ пришелъ въ городъ; его встрѣчаютъ съ честью, ведутъ во дворецъ. Петръ встрѣчаетъ его въ царскомъ облаченіи и за побѣгу со службы присуждаетъ къ поселенію. Потомъ онъ посѣщаетъ солдата, сидящаго въ тюрьмѣ, одѣвшись „Петрушей“. Послѣ ряда недоразумѣній, солдатъ узнаетъ императора въ „Петрушѣ“, который его наградилъ]. Тутъ Петръ Великій по головкѣ его погладилъ, да и сказалъ: „Благодарю тебя, землячекъ, что ты спасъ меня!“ Написалъ своеручное ему письмо и отправилъ его въ свой полкъ на казенный счетъ, заступить на то мѣсто полковникомъ, а того полковника на его мѣсто рядовымъ.

Горшеня.

Горшеня ѣдетъ-дремлетъ съ горшками. Догналъ его государь Иванъ Васильевичъ. „Миръ по дорогѣ!“ Горшеня оглянулся. „Благодаримъ со смиреніемъ“. — „Знать, вздремалъ?“ — „Вздремалъ, великій государь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ“. — „Экой ты смѣлый, горшеня! люблю едакихъ ямщиковъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?“ — „Съ измолodu, да вотъ и середовой сталъ“. — „Кормишь дѣтей?“ — „Кормлю, ваше царское величество! я не пашу и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ“ — „Хорошо, горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа“. — „Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три худа“. — „А какія три худа, горшенюшка?“ — „Первое худо: худой шаберъ, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ“. — „А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?“ — „Отъ худого шабра уйду, отъ худой жены тоже можно, какъ будешь съ дѣтьми жить; а отъ худого разума не уйдешь — все съ тобой“. — „Такъ, вѣрно, горшеня! ты мозгоголовъ. Слушай! ты для меня, а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь?“ — „Годится, такъ покину — какъ придетъ! а то и на-голо“. — „Ну, горшеня, стой на часъ! я погляжу твою посуду“. Горшеня остановился, началъ раскладывать товаръ. Государь сталъ глядѣть, и показались ему три тарелочки глиняныя. „Ты надѣлаешь мнѣ эдакихъ?“ — „Сколько угодно вашему царскому величеству?“ — „Возовъ десятковъ надо!“ — „На много ли дашь время?“ — „Мѣсяцъ!“ — „Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня“. — „Спасибо, горшенюшка!“ — А ты, государь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ?“ — „Буду въ дому у купца въ гостяхъ“. Государь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловяной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы вся глиняная. Горшеня кончилъ заказъ царскій и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говоритъ ему: „Богъ за товаромъ, горшеня!“ — „Просимъ покорно“. — „Продай мнѣ весь товаръ“. — „Нельзя, по заказу“. — А што тебѣ, ты бери деньги — не повинятъ изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, што возьмешь?“ — „А вотъ што: каждую посудину насыпать полную денегъ“. — „Полно, горшенюшка, много!“ — „Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать, хочешь?“ И сладили. „Ты для меня, а я для тебя“. Насыпаютъ да высыпаютъ, сыпали, сыпали... денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ — товару все много. „Какъ

**) Т.-е. всѣ перья будешь щипать, или оставишь на крыльяхъ главныя — правильныя?

быть, горшенюшка?“ — „Ну, што не жадала? Нечего дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што? свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ, и всѣ деньги“. Бояринъ мялся, мялся, — жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ, въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везетъ, да везетъ. „До какихъ же мѣстъ везти тебя?“ — „Вотъ до этого двора и до этого дому“. Весело поетъ горшеня, противъ дома онъ высоко поднялъ. Государь услыхалъ, выбѣгъ на крыльцо — призналъ горшеню. „Ба! здравствуй, горшенюшка, съ прїѣздомъ!“ — „Благодарю, ваше царское величество“. — „Да на чемъ ты ѣдешь?“ — „На худомъ-то разумѣ, государь“. — „Ну, мозгоголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать; бояринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ. А ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?“ — „Прилетали“. — „Перышки ощипаль, а по правильному покинулъ?“ — „Нѣтъ, на-голо, великій государь, — всего ощипаль“.

Изъ сказокъ про Стеньку Разина.

[Прежній атаманъ той пайки, въ которой былъ Стенька, предложилъ ему быть своимъ замѣстителемъ. Разбойники сначала не согласились]. Степанъ вышелъ къ товарищамъ и говоритъ: „Если я атаманомъ не буду, такъ не хочу съ вами служить! ну, кто чего знаетъ и какія искусства кто покажетъ?—закричалъ Степанъ,—ну-ка, кто изъ васъ такой ловкій—преклони весь лѣсъ къ землѣ!“ Всѣ выпялили на Степана глаза и ни слова не сказали. „Никто изъ васъ не выбирается?“—крикнулъ Степанъ.—„Нѣтъ, никто не можетъ“. Вынулъ и поднялъ Степанъ шашку кверху и командовалъ: „Лѣсъ, преклонись къ землѣ!“ Глядятъ разбойники, а лѣсъ на землѣ лежитъ. Закричали всѣ: „Быть Степану атаманомъ!“ Степанъ отвѣтилъ имъ: „Ну, братцы, служить со мною, такъ служить! покажите, какъ вы охотитесь, какъ бьетесь! Мы такъ жить не будемъ, а пойдемъ въ привольныя стороны“. Раздѣлилъ Степанъ свое войско на двѣ части, командовалъ другъ на дружку въ шашки. Они такъ бились и рубились, что никто другъ друга не ранилъ и не убилъ. „Ну, братцы, я въ надеждѣ: могу идти съ вами. Теперь мы здѣсь не заживемъ: въ привольныя стороны пойдемъ! Забирайте все свое имущество и выйдемъ мы на Азовское море и отправимся въ Саронскій лѣсъ“. Собрались разбойники, сѣли на коней и поѣхали на Азовское море. На берегу нѣтъ ни лодки, ни расшивы: ни виду про нихъ, ни слуху. „Ну что же, братцы, будемъ дѣлать?“—говоритъ Степанъ,—на чемъ черезъ море поѣдемъ? Давай сюда мою большую кошму!“ Степанъ разостлалъ

ее на море; сдѣлался вдругъ большой корабль. Посадилъ на него шайку и лошадей поставилъ, громко вскричалъ: „Грянемъ, братцы, веселѣе!“ Только его и видѣли.

[Однажды его съ разбойниками хотѣли поймать; избу, гдѣ онъ былъ, окружили]; деревни четыре собрали народу и весь лѣсъ окружили. Подошли къ Степанову дому, а разбойники всѣ дома были. Увидаль одинъ толпу народа: кто съ дубиной, кто съ косою и ружьемъ; взбегъ къ Степану и говорить: „Ну, атаманъ, видно, батюшка, мы пропадемъ!“ — „Что такое? Еще не родился на свѣтѣ тотъ, кто меня погубить. Гдѣ народъ?“ — „Нашъ домъ окружили, атаманъ!“ Приубрался Степанъ въ оружіе, вышелъ на крыльцо и громко вскричалъ: „Ну-ка, подданные, садитесь скорѣе верхомъ! не видите, что у насъ?“ Сѣли верхомъ. Степанъ впередъ поѣхалъ, и народъ разступился. Сѣли и поѣхали. Вернулся Степанъ къ толпѣ народа и говорить громкимъ голосомъ имъ: „Ну что, вы хотѣли меня поймать? Развѣ я звѣрь какой? не волкъ и не медвѣдь, развѣ вы не видите?“ Толпа остолбенѣла: ровно болваны стоятъ. Взялъ Степанъ въ руку плетъ и погналъ ихъ отъ дома, какъ овецъ...

...Стенька вздумалъ выѣхать на берегъ Волги разгуляться. Было у него подданныхъ съ нимъ восемь человѣкъ. Увидѣлъ онъ, что баржа небольшая бѣжитъ. „Хоша, насъ, братцы, мало, а силы попробуемъ!“ Кидаеть съ себя епанчу, разстилаеть на воду. „Садитесь!“ Сѣли на епанчу. Громко вскричалъ: „Ну-ка, братцы, грянемъ!“ Догнали баржу, лодмановъ въ воду покидали, капитана подвѣсили на дерево и обобрали все имущество. „Вотъ намъ, братцы, добыча! мы, такъ я думаю, поселимся на Волгѣ“...

...Вздумалъ Стенька съѣздить въ путь-дорогу, въ Казанскую губернію; мимо Болгаръ проѣзжалъ, про прежнюю воспоминалъ. Вышелъ Стенька изъ лодки и завертываетъ въ домъ, въ которомъ было веселье и гулянье. Онъ заставилъ стару дѣвку баню истопить. Истопила она баню и побѣжала на село и сказала старшинѣ: „Стенька парится въ банѣ!“ На тотъ случай идетъ старый старичокъ. „Что у васъ за сходка?“—спрашиваетъ старикъ.— „Вотъ мы хотимъ Стеньку изловить!“—„Гдѣ вамъ, братцы, его поймать? тотъ еще на свѣтѣ не рожденъ. Развѣ мнѣ старыя кости потревожить и показать вамъ Стеньку?“ Снялъ старикъ свою шапку, три раза перекрестился, подошелъ къ банѣ и тихимъ голосомъ говорить: „Степанъ!“ Громко Стенька отвѣчалъ: „Эхъ ты, старый хрѣнъ! не даль ты мнѣ помыться!“ Ну, дѣлать нечего, сталъ онъ собираться. Вышли они изъ бани; Степанъ на всѣ стороны поглядѣлъ, перекрестился и пошелъ. Старикъ тихимъ голосомъ сказалъ: „Старшина, давай подводу!“ Посадилъ его на телѣгу, самъ сѣлъ впереди. Привезъ до города, спросилъ полицейскихъ. „Нате вамъ разбойника Стеньку Разина въ казематъ!“ Весь народъ сдивовался, что не простой старичокъ. Онъ спросилъ исправника: „Ну, какъ его сажать?“ Исправникъ говорить: „Надо въ желѣзо его сковать!“ Взяли, въ желѣзо его сковали; Стенька

тряхнулъ ногой, и желѣзы прочь полетѣли. Старикъ и говоритъ: „Не поможетъ вамъ желѣзо,—лучше мнѣ его связать!“ Взялъ моченое лыко, ноги руки ему связалъ, посадилъ его въ острогъ. Трое сутокъ онъ въ немъ сидѣлъ, на четвертая является губернаторъ: извѣстенъ былъ такой разбойникъ всей имперіи. Распаленный губернаторъ закричалъ на него громко: „Можетъ ли сидѣть такой разбойникъ связанъ мочалами? заковать его въ желѣзы!“ И сказалъ Степанъ: „Ну, теперь, братцы, прощай!“ Нарисовалъ середь полу легкую лодку и сказалъ: „Садись, ребята, со мной!“ Полилась изъ острога вода, отворилась дверь, и уѣхалъ Стенька въ луга, увезъ съ собою новыхъ двѣнадцать человекъ.

[Долго онъ разбойничалъ, наконецъ состарился]... Стенькѣ отъ роду было девяносто семь лѣтъ. Переправился онъ черезъ море на зеленый Сиверскій островъ. Написалъ онъ письмо старшему своему сыну: „Я прощаюсь съ вольнымъ свѣтомъ, и конецъ мнѣ скоро будетъ“. Построилъ себѣ домъ близъ большой дороги; имѣлъ проживанья три года и кончилъ Стенька жизнь свою на Сиверскомъ зеленомъ островѣ, но дѣти его не знаютъ, гдѣ отецъ. Прележалъ тридцать лѣтъ; стѣнь ходила по землѣ, но народъ она пугала и просила, чтобы надъ ея тѣломъ сказали вѣчную память.

Проѣзжалъ одинъ изъ приказчиковъ съ краснымъ товаромъ; поднялась грозная туча, и ударилъ сильный дождь; онъ отъ дождя и заѣхалъ въ домъ Стеньки Разина. Стѣнь подошла и шипомъ говоритъ: „Иди, возьми въ такой-то комнатѣ золота мѣшокъ и подъ такимъ-то звеномъ, подъ заборомъ лежитъ Стенька Разинъ; скажи надъ нимъ вѣчную память, а прежде сведи коней со двора! (А то землетрясеніе будетъ)“. Неустрашимый приказчикъ разыскалъ золота мѣшокъ, навалилъ его на горбъ, повезъ со двора и думаетъ: „Ладно ли такъ будетъ?“ Воротился назадъ, разыскалъ трупъ Стеньки Разина, впопыхахъ скоро сказалъ три раза вѣчную память; самъ бѣгомъ со двора побегъ, палъ на лошадь, тронулъ коня возжей, но едва отѣхалъ—потряслась земля, и провалился трупъ Стеньки и закрылся землей.

Сказки о солдатахъ.

Мудрые отвѣты.

Служилъ солдатъ въ полку цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, а царя въ лицо не видалъ. Пришелъ домой, стали его спрашивать про царя, а онъ не знаетъ что и сказать-то. Вотъ и зачали его корить родичи да знакомцы: „Вишь, говорятъ, двадцать пять лѣтъ прослужилъ, а царя въ глаза не видалъ!“ Обидно это ему показалось; собрался и пошелъ царя смотрѣть. При-

шелъ во дворецъ. Царь спрашиваетъ: „Зачѣмъ, солдатъ?“ — „Такъ и такъ, ваше царское величество! служилъ я тебѣ да Богу цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, а тебя въ лицо не видалъ; пришелъ посмотрѣть!“ — „Ну, смотри“. Солдатъ три раза обошелъ кругомъ царя, все оглядывалъ. Царь спрашиваетъ: „Хорошъ ли я?“ — „Хорошъ“, — отвѣчаетъ солдатъ. — „Ну, теперь, служивый, скажи: высоко ли небо отъ земли?“ — „Столь высоко, что тамъ стукнетъ, а здѣсь слышно“. — „А широка ли земля?“ — „Вонъ тамъ солнце всходитъ, а тамъ заходитъ, — столь широка! — „А глубока-ли земля?“ — „Да былъ у меня дѣдъ, умеръ тому назадъ съ девяносто лѣтъ, зарыли въ землю, съ тѣхъ поръ и домой не бывалъ: вѣрно, глубока!“ Потомъ отослалъ царь солдата въ темницу и сказалъ ему: „Не плошай, служба! я пошлю тебѣ тридцать гусей: умѣй по перу выдернуть“. — „Ладно“. Призвалъ царь тридцать богатыхъ купцовъ и загадалъ имъ тѣ же загадки, что и солдату загадывалъ; они думали, думали, не смогли отвѣту дать, и велѣлъ ихъ царь посадить за то въ темницу. Спрашиваетъ ихъ солдатъ: „Купцы-молодцы! васъ за что посадили?“ — „Да, вишь, государь насъ допрашивалъ: далеко ли небо отъ земли? и сколь земля широка? и сколь она глубока? а мы, люди темные, не смогли отвѣту дать“. — „Дайте мнѣ каждый по тысячѣ рублей — я вамъ правду скажу“. — „Изволь, братъ; только научи“. Взялъ съ нихъ солдатъ по тысячѣ и научилъ, какъ отгадать царскія загадки. Дня черезъ два призвалъ царь къ себѣ купцовъ и солдата; задалъ купцамъ тѣ же самыя загадки, и какъ скоро они отгадали, отпустилъ ихъ по своимъ мѣстамъ. „Ну, служба! сумѣлъ по перу сдернуть?“ — „Сумѣлъ, царь-государь, да еще по золотому!“ — „А далеко ль тебѣ до дому?“ — „Отсюда не видно—далеко, стало быть!“ — „Вотъ тебѣ тысяча рублей; ступай съ Богомъ!“ Воротился солдатъ домой и зажилъ привольно, богато.

Заколдованная королева.

Въ нѣкоемъ королевствѣ служилъ у короля солдатъ въ конной гвардіи, прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою; за его честное поведеніе приказалъ король отпустить его въ чистую отставку и отдать ему въ награду ту самую лошадь, на которой въ полку ѣздилъ, съ сѣдломъ и со всею сбруею. Простился солдатъ съ своими товарищами и поѣхалъ на родину; день ѣдетъ, и другой, и третій... вотъ и вся недѣля прошла, и другая, и третья—не хватаетъ у солдата денегъ, нечѣмъ кормить ни себя, ни лошади, а до дому далеко-далеко! Видитъ, что дѣло-то больно плохо, сильно ѣсть хочется; сталъ по сторонамъ глазѣть, и увидѣлъ въ сторонѣ — большой замокъ. — „Ну-ка, — думаетъ, — не заѣхать ли туда; авось хоть на время въ службу возьмутъ—что-нибудь да заработаю“. Поворотилъ къ замку, взѣхалъ на дворъ, лошадь на конюшню поставилъ и задалъ ей корму, а самъ въ

палаты пошелъ. Въ палатахъ столъ накрытъ, на столѣ вина и ѣства, чего только душа хочетъ! Солдатъ наѣлся-напился: „Теперь,—думаетъ, и соснуть можно!“ Вдругъ входитъ медвѣдица:—„Не бойся меня, добрый молодецъ! ты на добро сюда попалъ; я не лютая медвѣдица, а красная дѣвица — заколдованная королева. Если ты устоишь да переночуешь здѣсь три ночи, то колдовство рушится—я сдѣлаюсь попрежнему королевой, и выйду за тебя замужъ“. Солдатъ согласился, медвѣдица ушла, и остался онъ одинъ. Тутъ напала на него такая тоска, что на свѣтъ бы не смотрѣлъ, и чѣмъ дальше—тѣмъ сильнѣе; еслибъ не вино, кажись бы одной ночи не выдержалъ! На третьи сутки до того дошло, что рѣшился солдатъ бросить все и бѣжать изъ замка; только какъ ни бился, какъ ни старался—не нашелъ выхода. Нечего дѣлать, поневолѣ пришлось оставаться. Переночевалъ и третью ночь; поутру является къ нему королева красоты неописанной, благодарить его за услугу и велитъ къ вѣнцу наряжаться. Тотчасъ они свадьбу сыграли и стали вмѣстѣ жить, ни о чемъ не тужить.

Черезъ сколько-то времени вздумалъ солдатъ объ своей родной сторонѣ, захотѣлъ туда побывать; королева стала его отговаривать: — „Оставайся, другъ! не ѣзди; чего тебѣ здѣсь не хватаетъ!“ Нѣтъ, не могла отговорить. Прощается она съ мужемъ, даетъ ему мѣшочекъ — сполна сѣмечкомъ насыпанъ, и говорить:—„По какой дорогѣ поѣдешь, по обѣимъ сторонамъ кидай это сѣмя: гдѣ оно упадетъ, тамъ въ ту же минуту деревья повыростутъ; на деревьяхъ станутъ дорогіе плоды красоваться, разныя птицы пѣсни пѣть, а заморскіе коты сказки сказывать“. Сѣлъ добрый молодецъ на своего заслуженнаго коня и поѣхалъ въ дорогу; гдѣ ни ѣдетъ, по обѣимъ сторонамъ сѣмя бросаетъ, и слѣдомъ за нимъ лѣса поднимаются: такъ и ползутъ изъ сырой земли! Ѣдетъ день, другой, третій, и увидалъ: въ чистомъ полѣ караванъ стоитъ, на травкѣ на муравѣй купцы сидятъ, въ карты поигрываютъ, а возлѣ нихъ котелъ стоитъ; хоть огня и нѣтъ подъ котломъ, а варево ключомъ кипитъ.—„Экое диво! — подумалъ солдатъ,—огня не видать, а варево въ котлѣ такъ и бьетъ ключомъ; дай поближе взгляну“. Своротилъ коня въ сторону, подъѣзжаетъ къ купцамъ:—„Здравствуйте, господа честные!“—и того и невдомекъ, что это не купцы, а все нечистые. — „Хороша ваша штука: котелъ безъ огня кипитъ! да у меня лучше есть“. Вынулъ изъ мѣшка одно зернышко и бросилъ наземь—въ ту жъ минуту выросло вѣсковое дерево, на томъ деревѣ дорогіе плоды красуются; разныя птицы пѣсни поютъ, заморскіе коты сказки сказываютъ. По той похвальбѣ узнали его нечистые:—„Ахъ,—говорятъ межъ собой,—да вѣдь это тотъ самый, что королеву избавилъ; давайте-ка, братцы, опоимъ его за то зельемъ и пусть онъ полгода спитъ“. Принялись его угощать и опоили волшебнымъ зельемъ; солдатъ упалъ на траву и заснулъ крѣпкимъ безпробуднымъ сномъ; а купцы, караванъ и котелъ вмгъ исчезли. Вскорѣ послѣ того вышла королева въ садъ погулять; смотреть—на всѣхъ деревьяхъ стали верхушки сохнуть: „Не

къ добру!—думаетъ,—видно съ мужемъ что худое приключилось“. Три мѣсяца прошло, пора бы ему и назадъ вернуться, а его нѣтъ какъ нѣту! Собралась королева и поѣхала его разыскивать. Ёдетъ по той дорогѣ, по какой и солдатъ путь держалъ; по обѣимъ сторонамъ лѣса растутъ и птицы поютъ и заморскіе коты сказки мурлыкаютъ. Доѣзжаетъ до того мѣста, что деревьевъ не стало больше—извивается дорога по чистому полю, и думаетъ: „куда жъ онъ дѣвался? не сквозь же землю провалился!“ Глядь—стоитъ въ сторонкѣ такое же чудное дерево и лежитъ подъ нимъ ея милый другъ. Подбѣжала къ нему и ну толкать-будить — нѣтъ, не просыпается; принялась щипать его, колоть подъ бока булавками, колола-колола — онъ и боли не чувствуетъ, точно мертвый лежитъ—не ворохнется. Разсердилась королева и съ сердцовъ проклятье промолвила: — „Чтобъ тебя, соню негодного, буйнымъ вихремъ подхватило, въ безвѣстныя страны занесло!“ Только успѣла вымолвить, какъ вдругъ засвистали-зашумѣли вѣтры, и въ одинъ мигъ подхватило солдата буйнымъ вихремъ и унесло изъ глазъ королевы. Поздно одумалась королева, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинохонька.

А бѣднаго солдата занесло вихремъ далеко-далеко,—за тридевять земель, въ тридесятое государство, и бросило на косѣ промежъ двухъ морей; упалъ онъ на самый узенькій клинушекъ: направо ли сонный оборотится, налево ли повернется—тотчасъ въ море свалится, и поминай какъ звали! Полгода проспалъ добрый молодецъ, ни пальцемъ не шевельнулъ; а какъ проснулся—сразу вскочилъ прямо на ноги, смотритъ — съ обѣихъ сторонъ волны поднимаются, и конца не видать морю широкому; стоитъ да въ раздумьи самъ себя спрашиваетъ: „Какимъ чудомъ я сюда попалъ? кто меня затащилъ!“ Пошелъ по косѣ и вышелъ на островъ; на этомъ островѣ — гора высокая да крутая, верхушкою до облаковъ хватаетъ, а на горѣ лежитъ большой камень. Подходить къ этой горѣ и видитъ — три чорта дерутся, кровь съ нихъ такъ и льется, клочья такъ и летятъ!—„Стойте, окаянные! за что вы деретесь?“—„Да вишь третьяго дня померъ у насъ отецъ, и остались послѣ него три чудныя вещи: коверъ-самолетъ, сапоги-скороходы да шапка-невидимка; такъ мы подѣлить не можемъ“.—„Эхъ вы, проклятые! изъ такихъ пустяковъ бой затѣяли. Хотите, я васъ раздѣлю! всѣ будете довольны, никого не обижу“.—„А ну, землякъ, раздѣли пожалуйста!“ — „Ладно! бѣгите скорѣй по сосновымъ лѣсамъ, наберите смолы по сту пудовъ и несите сюда“. Черти бросились по сосновымъ лѣсамъ, набрали смолы триста пудовъ и принесли къ солдату. — „Теперь притащите изъ некла самой большой котелъ“. Черти приволокли большущій котелъ — бочекъ сорокъ войдетъ! и положили въ него всю смолу. Солдатъ развелъ огонь, и какъ только смола растаяла, приказалъ чертямъ тащить котелъ на гору и поливать ее сверху до низу. Черти мигомъ и это исполнили. — „Ну-ка, — говоритъ солдатъ, — пихните вотъ энтотъ камень; пусть онъ съ горы катится, а вы трое за нимъ

въ догонку приударьте: кто прежде всѣхъ догонитъ, тотъ выбирай себѣ любую изъ трехъ диковинокъ; кто второй догонитъ, тотъ изъ двухъ остальныхъ бери — какая покажется, а затѣмъ послѣдняя диковинка пусть достается третьему“. Черти пихнули камень, и покатился онъ съ горы шибо-шибко: бросились всѣ трое въ догонку; вотъ одинъ чортъ нагналъ, ухватился за камень — камень тотчасъ повернулся, подворотилъ его подъ себя и во-гналъ въ смолу. Нагналъ другой чортъ, а потомъ и третій, и съ ними—то же самое! Прилипли крѣпко-на-крѣпко къ смолѣ! Солдатъ взялъ подъ мышку сапоги-сороходы да шапку-невидимку, сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ искать свое царство. Долго ли, коротко ли — прилетаетъ къ избушкѣ, входитъ — въ избушку, сидитъ баба-яга, костяная нога, старая, беззубая. — „Здравствуй, бабушка! скажи, какъ бы мнѣ отыскать мою прекрасную королевну?“ — „Не знаю, голубчикъ! видомъ не видала, слыхомъ про нее не слышала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — тамъ живетъ моя средняя сестра, она знаетъ больше моего; можетъ она тебѣ скажетъ“. Солдатъ сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ; долго пришлось ему по бѣлу свѣту странствовать. Захочется ли ему ѣсть, пить, сейчасъ надѣнетъ на себя шапку-невидимку, спустится въ какой-нибудь городъ, зайдетъ въ лавки, наберетъ — чего только душа пожелаетъ, на коверъ — и летитъ дальше. Прилетаетъ къ другой избушкѣ, входитъ — тамъ сидитъ баба-яга, костяная нога, старая, беззубая. — „Здравствуй, бабушка! не знаешь ли, гдѣ найти мнѣ прекрасную королевну?“ — „Нѣтъ, голубчикъ! не знаю; поѣзжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — тамъ живетъ моя старшая сестра; можетъ, она вѣдаетъ“. — „Эхъ ты, старая хрычовка! сколько лѣтъ на свѣтѣ живешь, всѣ зубы повывалились, а добраго ничего не знаешь“. Сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ къ старшей сестрѣ. Долго-долго странствовалъ, много земель и много морей видѣлъ, наконецъ прилетѣлъ на край свѣта; стоитъ избушка, а дальше никакого ходу нѣтъ — одна тьма кромѣшная! ничего не видать. — „Ну, думаетъ. — коли здѣсь не добыю толку, больше летѣть некуда!“ Входитъ въ избушку — тамъ сидитъ баба-яга, костяная нога, сѣдая, беззубая. — „Здравствуй, бабушка! скажи, гдѣ мнѣ искать мою королевну?“ — „Подожди немножко; вотъ я созову всѣхъ своихъ Вѣтровъ и у нихъ спрошу. Вѣдь они по всему свѣту дуютъ, дуютъ, такъ должны знать, гдѣ она теперь проживаетъ“. Вышла старуха на крыльцо, крикнула громкимъ голосомъ, свистнула молодецкимъ посвистомъ; вдругъ со всѣхъ сторонъ поднялись-повѣяли Вѣтры буйные, только изба трясется! — „Тише, тише!“ — кричитъ баба-яга, и какъ только собрались Вѣтры, начала ихъ спрашивать: — „Вѣтры мои буйные! по всему свѣту вы дуete; не видали ль гдѣ прекрасную королевну?“ — „Нѣтъ, нигдѣ не видали!“ — отвѣчаютъ Вѣтры въ одинъ голосъ. — „Да всѣ ли вы на лицо?“ — „Всѣ, только Южнаго Вѣтра нѣтъ“. Немного погодя прилетѣлъ Южный Вѣтеръ. Спрашиваетъ его старуха: — „Гдѣ ты пропадалъ до сихъ поръ? заждалась тебя!“ — „Виноватъ, бабушка! я за-

шелъ въ новое царство, гдѣ живетъ прекрасная королева; мужъ у ней безъ вѣсти пропалъ, такъ теперь сватаютъ ее разные цари и царевичи, короли и королевичи“. — „А сколь далеко до новаго царства?“ — „Пѣшему тридцать лѣтъ идти, на крыльяхъ десять лѣтъ нестись; а я повѣю — въ три часа доставлю“. Солдатъ началъ со слезами молить, чтобы Южный Вѣтеръ взялъ его и донесъ въ новое царство. — „Пожалуй, — говоритъ Южный Вѣтеръ, — я тебя донесу, коли дашь мнѣ волю погулять въ твоємъ царствѣ три дня и три ночи“. — „Гуляй хоть три недѣли!“ — „Ну, хорошо; вотъ я отдохну денька два-три, соберусь съ силами, да тогда и въ путь“. Отдохнуль Южный Вѣтеръ, собрался съ силами и говоритъ солдату. — „Ну, братъ, собирайся, сейчасъ отправимся, да смотри — не бойся, цѣль будешь!“ Вдругъ зашумѣлъ-засвисталъ сильной вихорь, подхватило солдата на воздухъ и понесло черезъ горы и моря — подъ самыми облаками, и ровно черезъ три часа былъ онъ въ новомъ царствѣ, гдѣ жила его прекрасная королева. Говоритъ ему Южный Вѣтеръ: — „Прощай, добрый молодецъ! жалѣючи тебя, не хочу гулять въ твоємъ царствѣ“. — „Что такъ?“ — „Потому, — если я загуляю, ни одного дома въ городѣ, ни одного дерева въ садахъ не останется: все вверхъ дномъ поставлю!“ — „Ну, прощай! — спасибо тебѣ“, — сказалъ солдатъ, надѣлъ шапку-невидимку и пошелъ въ бѣлокаменные палаты. Вотъ пока его не было въ царствѣ, въ саду всѣ деревья стояли съ сухими верхушками; а какъ онъ явился, тотчасъ ожили и начали цвѣсть. Входитъ онъ въ большую комнату, тамъ сидятъ за столомъ разные цари и царевичи, короли и королевичи, что пріѣхали за прекрасную королевну свататься; сидятъ да сладкими винами угощаются. Какой женихъ ни нальетъ стаканъ, только къ губамъ поднесетъ — солдатъ тотчасъ хватъ кулакомъ по стакану и сразу вышибетъ. Всѣ гости тому удивляются; а прекрасная королева въ ту жъ минуту догадалась: „Вѣрно, — думаетъ, — мой другъ воротился!“ Посмотрѣла въ окно — въ саду на деревьяхъ всѣ верхушки ожили, и стала она своимъ гостямъ загадку загадывать: — „Была у меня шкатулочка самодѣльная съ золотымъ ключомъ; я тотъ ключъ потеряла и найти не чаяла, а теперь тотъ ключъ самъ нашелся. Кто отгадаетъ эту загадку, за того замужъ пойду“. Цари и царевичи, короли и королевичи долго надъ тою загадкою ломали свои мудрыя головы, а разгадать никакъ не могли. Говоритъ королева: — „Покажись, мой милый другъ!“ Солдатъ снялъ съ себя шапку-невидимку, взялъ ее за бѣлыя руки и сталъ цѣловать въ уста сахарныя. — „Вотъ вамъ и разгадка! — сказала прекрасная королева, — самодѣльная шкатулочка — это я, а золотой ключикъ — это мой вѣрный мужъ“. Пришлось женихамъ оглобли поворачивать. Разѣхались они по своимъ дворамъ, а королева стала со своимъ мужемъ жить-поживать да добра наживать.

Солдатъ избавляетъ царевну.

Загнали солдата на дальнія границы; прослужилъ онъ положенный срокъ, получилъ чистую отставку и пошелъ на родину. Шелъ онъ чрезъ многія земли, чрезъ разныя государства; приходитъ въ одну столицу и останавливается на квартирѣ у бѣдной старушки. Началъ ее спрашивать: — „Какъ у васъ, бабушка, въ государствѣ—все ли здорово?“ — „И-и, служивый! у нашего царя есть дочь красавица Марѳа-царевна; сватался за нее чужестранный принцъ; царевна не хотѣла за него идти, а онъ напустилъ на нее нечистую силу. Вотъ ужъ третій годъ не можетъ! Не даетъ ей нечистая сила по ночамъ покою: бѣется сердечная и кричитъ безъ памяти... Ужъ чего царь не дѣлаетъ: и колдуновъ, и знахарей приводилъ—никто не избавилъ!“ Выслушалъ это солдатъ и думаетъ самъ съ собой: „Дай пойду, счастья попытаю; можетъ и избавлю царевну! Царь хоть что-нибудь на дорогу пожалуетъ“. Взялъ шинель, вычистилъ пуговицы мѣломъ, надѣлъ и маршъ во дворецъ. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачѣмъ идетъ, подхватила подъ-руки и привела къ самому царю. — „Здравствуй, служба! что хорошаго скажешь?“ — говоритъ царь. — „Здравія желаю, ваше царское величество! слышалъ я, что у васъ Марѳа-царевна хвораетъ; я могу ее вылечить“. — „Хорошо, братецъ! коли вылечишь, я тебя съ ногъ до головы золотомъ осыплю“. — „Только прикажите, ваше величество, выдавать мнѣ все, что требовать стану“. — „Говори, что тебѣ надобно?“ — „Да вотъ дайте мнѣ мѣру чугунныхъ пуль, мѣру грецкихъ орѣховъ, фунтъ свѣчей и двѣ колоды картъ, да изладьте мнѣ чугунный пруть, чугунную царепку о пяти зубьяхъ да чугунное подобіе человѣка съ пружинами“. — „Ну, хорошо; къ завтраму все будетъ готово“. Вотъ изготовили что надо; солдатъ заперъ во дворцѣ всѣ окна и двери на-крѣпко и закрестилъ ихъ православнымъ крестомъ; только одну дверь оставилъ незапертой и сталъ возлѣ нея на часахъ; комнату освѣтилъ свѣчами, на столъ положилъ карты, а въ карманы насыпалъ чугунныхъ пуль да грецкихъ орѣховъ. Управился и ждетъ. Вдругъ въ самую полночь прилетѣлъ нечистый духъ: куда ни сунется—не можетъ войти! Леталъ-леталъ кругомъ дворца и увидалъ, наконецъ, отворенную дверь: скинулся человѣкомъ и хочетъ войти. — „Кто идетъ?“ — окликнулъ солдатъ. — „Пусти, служивый! придворный лакей“. — „Гдѣ же ты, халдейская харя, до сихъ поръ таскался?“ — „А гдѣ былъ, тамъ теперь нѣту! Дай-ка мнѣ орѣшковъ погрызть!“ — „Много васъ тутъ халдеевъ! всѣхъ по орѣху одѣлать, самому ничего не останется“. — „Дай, пожалуйста!“ — „Ну, возьми!“ — и даетъ ему пулю. Чортъ взялъ въ ротъ пулю, давилъ, давилъ зубами, въ лепешку ее смялъ, а разгрызть—не разгрызъ. Пока онъ съ чугунною пулей возился, солдатъ орѣховъ съ двадцать разгрызъ да съѣлъ. — „Эхъ, служивый!—говоритъ чортъ,—крѣпки у тебя

зубы!“—„Плохъ ты, я вижу!—отвѣчалъ солдатъ,—вѣдь я двадцать пять лѣтъ царю прослужилъ, надъ сухарями зубы притупилъ, а ты бѣ посмотрилъ, каковъ съ молодыхъ годовъ я былъ!“—„Давай, служивый, въ карты играть!“—„А на что играть-то станемъ?“—„Извѣстно—на деньги“.—„Ахъ ты, халдейская харя! ну, какія у солдата деньги? онъ всего жалованья—три денежки въ сутки получаетъ, а надо ему и мыла, и ваксы, и мѣлу, и клею купить, и въ баню сходить. Хочешь—на щелчки играть?“—„Пожалуй!“ Начали на щелчки играть, чортъ наигралъ на солдата три щелчка.—„Давай, говорить, бить стану!“—„Догоняй до десятку, тогда и бей; изъ трехъ щелчковъ нечего рукъ марать!“—„Ладно“. Стали опять играть; пришелъ солдату крестовый хлюсть, и написалъ онъ на нечистаго десять щелчковъ.—„Ну-ка, говорить чорту,—подставляй свой лобъ: я покажу тебѣ, каково съ нашимъ братомъ на щелчки играть! по-солдатски урѣжу! и другу, и недругу закажешь!“ Чортъ взмолился, просить, чтобъ солдатъ полегче его билъ. — „То-то! съ вами, халдеями, только свяжись, самъ не радъ будешь; какъ дѣло къ расчету—такъ сейчасъ и отлынивать! а мнѣ никоимъ способомъ нельзя тебя пощадить; я—солдатъ и давалъ присягу за-всегда поступать вѣрою-правдою“.—„Возьми, служивый, деньгами!“—„А на что мнѣ твои деньги? я игралъ на щелчки—щелчками и плати. Развѣ вотъ что: есть у меня меньшей братъ! пойдѣмъ-ка къ нему—онъ пробьетъ тебѣ щелчки потише моего, а если не хочешь, давай, я самъ стану бить!“—„Нѣтъ, служивый, веди лучше къ меньшому брату“. Солдатъ привелъ нечистаго къ чугунному человѣку, тронулъ пружину, да какъ щелкнетъ чорта по лбу—тотъ ажно въ другую сторону отлетѣлъ; а солдатъ ухватилъ его за руку:—„Стой! еще десять щелчковъ за тобою“. Тронулъ въ другой разъ пружину, да такъ урѣзалъ, что чортъ кубаремъ покатился да чуть-чуть стѣны не пробилъ! А въ третій разъ отбросило нечистаго прямо въ окно; вышибъ онъ раму, выскочилъ вонъ и наострилъ лыжи.—„Помни, проклятый!—кричитъ солдатъ,—за тобой еще семь щелчковъ осталось!“ А чортъ-то улепетывается, ажъ пятками въ задъ достаетъ.

Наутро спрашиваетъ царъ Марѳу-царевну: „Ну, что? каково ночь проводила?“—„Спокойно, государь-батюшка!“

На другую ночь отрядилъ сатана во дворецъ новаго чорта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по-очереди. Досталось и этому на орѣхи! Въ тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать нечистыхъ въ передѣлкѣ и всѣмъ равно туго пришлось! Ни одинъ въ другой разъ идти не хочетъ.—„Ну, внучки!—говорить имъ дѣдушка-сатана,—я самъ теперь пойду“. Пришелъ сатана во дворецъ и ну съ солдатомъ разговаривать: то-другое, пятое-десятое, стали въ карты играть; солдатъ обыгралъ его и повелъ къ меньшому брату щелчками угощать. Привелъ, надавилъ пружины меньшей братъ обхватилъ сатану чугунными руками да такъ плотно, что ему ни взадъ, ни впередъ нельзя пошевелиться. Солдатъ схва-

тиль чугунный пруть и давай хлестать; бьетъ сатану да приговариваетъ: „Вотъ тебѣ въ карты играть! вотъ тебѣ Марѳу-царевну мучить!“ Нахлесталъ чугунный пруть, и взялся царпкой строгать; сатана благимъ матомъ реветъ, а солдатъ знай себѣ деретъ и такъ его донялъ, что тотъ, какъ вырвался — безъ оглядки убѣжалъ. Вернулся въ свое болото, охаетъ: „Ахъ, внушки! чуть было солдатъ до смерти не убилъ!“ — „То-то, дѣдушка! вишь, онъ какой мудреный! вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я во дворцѣ былъ, а все голова трещить, да еще спасибо, что не самъ билъ, а меньшого брата заставлялъ!..“ Вотъ стали черти придумывать, какъ бы выжить имъ изъ дворца этого солдата. Думали-думали и рѣшились золотомъ откупиться. Прибѣжали къ солдату разомъ всѣ; тотъ увидалъ, испугался и закричалъ громкимъ голосомъ: „Эй, братъ! ступай сюда скорѣе, должники пришли, надо щелчки давать!“ — „Полно, полно, служивый! Мы пришли къ тебѣ о дѣлѣ потолковать: сколько хочешь, возьми съ насъ золота — только выйди изъ дворца!“ — „Нѣтъ! что мнѣ золото! ужъ коли хотите услужить мнѣ, такъ полѣзайте всѣ въ ранецъ; я слыхалъ, что нечистая сила больно хитра — хоть въ щель и то влѣзетъ! вотъ, коли это сдѣлаете, право слово уйду изъ дворца“. Черти обрадовались. — „Ну, служивый! открывай свой ранецъ“. Солдатъ открылъ; они и полѣзли туда всѣ до единого, сатана сверху легъ. — „Укладывайтесь плотнѣе, — говоритъ солдатъ, — чтобъ можно было на всѣ пряжки застегнуть“. — „Застегивай, не твоя печаль!“ — „Счастье вамъ, коли застегну! а не то не прогнѣвайтесь, ни за что изъ дворца не выйду!“ Вотъ солдатъ взялъ, застегнулъ ранецъ на всѣ пряжки, перекрестилъ его, надѣлъ на себя и пошелъ къ царю: „Ваше царское величество! прикажите изготовить тридцать желѣзныхъ молотовъ, каждый молотъ въ три пуда“. Царь отдалъ приказъ; сейчасъ изготовили тридцать молотовъ. Солдатъ принесъ ранецъ въ кузницу, положилъ на наковальню и велѣлъ бить какъ можно сильнѣе. Плохо пришлось чертямъ, а вылѣзть никакъ нельзя! Угостилъ солдатъ ихъ на славу! „Теперь довольно!“ Вскинулъ ранецъ на плечи и явился къ царю съ докладомъ: „Служба-де моя кончена; больше нечистая сила не станетъ царевны тревожить“. Царь поблагодарилъ его: „Молодецъ, служивый! ступай, гуляй по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ, требуй, что только душѣ угодно; ни въ чемъ тебѣ нѣтъ запрету!“ И приставилъ къ нему царь двухъ писарей, чтобы всюду за нимъ ходили да записывали на казенный счетъ, гдѣ сколько солдатъ нагуляетъ. Вотъ онъ гулялъ, гулялъ, цѣлый мѣсяцъ прогулялъ и пошелъ къ царю. „Что, служба, нагулялся?“ — „Нагулялся, ваше величество! хочу домой идти“. — „Что ты! оставайся-ка у насъ; я тебя первымъ человѣкомъ сдѣлаю“. — „Нѣтъ, государь! хочется повидать своихъ сродниковъ“. — „Ну, ступай съ Богомъ, — сказалъ царь, далъ ему повозку, лошадей и денегъ столько, что въ цѣлый вѣкъ не прожить.

Поѣхалъ солдатъ на родину, присталъ дорогою въ какой-то деревнѣ и увидалъ знакомаго солдата, въ одномъ полку служили. „Здравствуй,

брать!“—„Здравствуй!“—„Какъ поживаешь?“ — „Все по-старому!“—„А мнѣ Господь счастье далъ: вдругъ разбогатѣлъ. На радостяхъ надо бы выпить“. — „Сбѣгай-ка, братъ, купи ведерку вина“. — „Радъ бы сбѣгать, да, вишь, у меня скотинка еще не убрана; потрудись, сходи самъ, кабакъ вотъ недалеча!“—„Ладно, а ты возьми мой ранецъ, положи въ избѣ, да накажи бабамъ, чтобы не трогали!“ Отправился нашъ солдатъ за виномъ, а землякъ его принесъ ранецъ въ избу и говоритъ бабамъ: „Не трожьте!“ Пока убиралъ онъ скотину, бабамъ не терпится: „Дай посмотримъ, что такое въ ранцѣ наложено?“ Принялись растегивать, — какъ выскочатъ оттуда черти и ну бѣжать! А на встрѣчу имъ солдатъ съ ведеркою: „Ахъ, проклятые! кто васъ выпустилъ?“ Черти испугались и бросились въ буковище *) подъ мельницу, да тамъ навсегда и остались. Солдатъ пришелъ въ избу, разбранилъ бабъ и давай гулять со старымъ товарищемъ, а послѣ пріѣхалъ на родину и зажилъ богато и счастливо.

Солдатъ и чортъ.

Стоялъ солдатъ на часахъ и захотѣлось ему на родинѣ побывать. „Хоть бы,—говорить,—чортъ меня туда снесъ!“ А онъ и тутъ, какъ тутъ. „Ты,—говорить,—меня звалъ?“—„Звалъ“. — „Изволь,—говорить,—давай въ обмѣнъ душу!“—„А какъ же я службу брошу? какъ съ часовъ сойду?“ — „Да я за тебя постою“. Рѣшили такъ, что солдатъ годъ на родинѣ проживетъ, а чортъ все время прослужитъ на службѣ. „Ну, скидавай!“ Солдатъ все съ себя скинулъ, и не успѣлъ опомниться, какъ дома очутился. А чортъ на часахъ стоитъ. Подходитъ генералъ и видитъ, что все у него по формѣ,—одно нѣтъ: не крестъ-на-крестъ ремни на груди, всѣ на одномъ плечѣ. „Это что?“ Чортъ и такъ и сякъ, не можетъ надѣть. Тотъ его въ зубы, а послѣ порку. И пороли чорта каждый день. Такъ — хорошій солдатъ всѣмъ, а ремни все на одномъ плечѣ. „Что съ этимъ солдатомъ,—говорить начальство,—сдѣлалось? никуда теперь не годится, а прежде все бывало въ исправности“. Пороли чорта весь годъ. Прошелъ годъ, приходитъ солдатъ смѣнять чорта. Тотъ и про душу забылъ; какъ завидѣлъ, все съ себя долой. „Ну васъ,—говорить,—съ вашей и службой-то солдатской! Какъ это вы терпите?“ И убѣждалъ.

*) Мѣсто подъ мельничными колесами.

Сказки сатирическія и юмористическія.

Жена доказчица.

Жилъ старикъ со старухою; заложили въ рѣкѣ по мордочкѣ *). Пошли домой. [По дорогѣ старикъ нашелъ кладъ и, зная болтливость жены, пустился на хитрости]. Вздумалъ старикъ пошутить надъ старухою, пошелъ въ поле, поймалъ зайца и отправился на рѣку морды смотрѣть; вынулъ одну, а въ ней щука попалась. Онъ щуку-то взялъ, замѣсто ея посадилъ въ морду зайца; а рыбу въ поле понесъ и положилъ въ горохъ. Воротился домой и зоветъ старуху горохъ крѣчить (т.-е. снимать съ поля). Вотъ собрались и поѣхали. Дорогою старикъ началъ сказывать: „Люди говорятъ, что нынче рыба въ поляхъ живетъ, а въ водахъ звѣрь поселился!“—„Что ты, старикъ!“ Приѣхали въ поле. „Вотъ правда и есть!—закричалъ старикъ,—погляди, старуха, щука-то въ горохъ заползла! Лови ее!“ Старикъ взялъ щуку, положилъ въ корзину. „Пойдемъ-ка теперь на рѣку, не попалось ли чего въ морды?“ Досталъ морду: „Ахъ, старуха, вѣдь люди-то правду сказываютъ! погляди, заяцъ попалъ!“—„Держи его крѣпче, а то, пожалуй, въ воду нырнетъ!“ Взялъ старикъ зайца: „Ну,—говорить,—пойдемъ кладъ добывать“. Забрали всѣ деньги и поѣхали домой. Дорогою усмотрѣла старуха, что въ сторонѣ медвѣдь корову рветъ и говоритъ: „Эй, старикъ, погляди-ка, медвѣдь корову рветъ“.—„Молчи, жена, это чортъ съ нашего барина шкуру деретъ!“ Приѣхали ко двору; старикъ пошелъ деньги прятать, а старуха побѣжала рассказать сосѣдкѣ; сосѣдка рассказала дворецкому, а дворецкій барину. Баринъ призвалъ старика: „Ты кладъ нашелъ?“—„Никакъ нѣтъ!“—„Твоя старуха сказала!“—„Да, пожалуй, ей врать не въ первый!“ Послалъ баринъ за старухою: „Что, старуха, нашли вы кладъ?“—„Нашли, батюшка!“—„Какъ же ты, старикъ, говоришь, что нѣтъ?“—„Что ты врешь, глупая баба! ну, гдѣ мы кладъ нашли?“—„Какъ гдѣ? въ полѣ, еще въ то время щука въ горохѣ плавала, а заяцъ въ морду попалъ!“—„Врешь ты, старая кочерга! гдѣ это видано, чтобы рыба въ полѣ жила, а заяцъ въ водѣ плавалъ?“—„Ну, вотъ позабылъ! еще въ то самое время чортъ съ нашего барина шкуру дралъ“. Баринъ—хлопъ ее по уху: „Что ты бредишь, подлая! Когда чортъ съ меня шкуру дралъ?“—„Да такъ дралъ, ей-Богу, дралъ!“ Баринъ разсердился, велѣлъ принести розогъ и заставилъ при себѣ ее наказывать. Растянули ее, сердечную, и начали подчевать, а

*) Корзина для ловли рыбы.

она знай себѣ—и подѣ розгами те же сказываетъ. Баринъ плюнулъ и прогналъ старика со старухою.

Оома Беренниковъ.

Жила-была старуха; у нея былъ кривой сынъ Оома Беренниковъ. Вотъ поѣхалъ Оома пахать, лошаденка худенькая; взяло его горе, сѣлъ на заваленку. Мухи около навоза такъ и жужжать. Схватилъ онъ хворостину, да какъ хлыснетъ по кучѣ; сталъ считать: сколько побилъ? насчиталъ шестьсотъ, да еще много безъ счету осталось. Рѣшилъ Оома, что имъ и смѣты нѣтъ! Приходитъ къ своему коню, на немъ сидитъ двѣнадцать оводовъ: онъ всѣхъ и побилъ. Воротился Оома Беренниковъ къ матери и просить у ней благословенья великаго: „Побилъ, дескать, мелкой силы—счету нѣтъ, да двѣнадцать могучихъ богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великіе, а землю пахать—не мое дѣло богатырское, то дѣло мужицкое!“ Благословила его матушка на подвиги великіе, на поприща богатырскія. Беретъ онъ за плечи тупой серпъ, за поясъ личной кошель, а въ тотъ кошель кладетъ тупой косарь. Вотъ ѣдетъ Оома путемъ-дорогою, стороною незнакомою и наѣхалъ на столбъ; пишетъ онъ на томъ столбѣ—не было у него въ карманѣ ни злата, ни серебра, а случился въ карманѣ мѣлъ—вотъ и пишетъ онъ мѣломъ: „Проѣхалъ здѣсь богатырь Оома Беренниковъ, который сразу побиваетъ двѣнадцать могучихъ богатырей, да опричь того силу несмѣтную“. Написалъ и поѣхалъ дальше. Ѣдетъ той же дорогою Илья Муромецъ, подъѣзжаетъ къ столбу, видитъ надпись, и говоритъ: „Видна попрыска богатырская: не тратитъ ни злата, ни серебра, одинъ мѣлъ!“ Написалъ онъ серебромъ: „Вслѣдъ за Оомою Беренниковымъ проѣхалъ богатырь Илья Муромецъ“. Наѣзжаетъ онъ Оому Беренникова и говоритъ (устранился, зная, тою надписи мѣляныя): „Могучій богатырь Оома Беренниковъ! гдѣ ѣхалъ: спереди или сзади?“—„Ступай сзади!“—отвѣчаетъ Оома. Вотъ ѣдетъ той же дорогою Алеша Поповичъ-младъ; наѣзжаетъ онъ на тотъ столбъ, издавеча видитъ на томъ столбѣ надпись—какъ жаръ горитъ! Прочиталъ надписи Оомы Беренникова да Ильи Муромца, вынимаетъ изъ кармана чисто золото и пишетъ: „За Ильею Муромцемъ проѣхалъ Алеша Поповичъ-младъ!“ Наѣзжаетъ онъ Илью Муромца: „Ты скажи, скажи, Илья Муромецъ, впереди ѣхалъ, или сзади мнѣ?“—„Не меня спроси, а моего брата старшаго Оому Беренникова. Подѣхалъ Алеша Поповичъ-младъ къ Оомѣ Беренникову: „Удалой боецъ Оома Беренниковъ! гдѣ укажешь ѣхалъ Алеша Поповичъ?“—„Ступай сзади!“ Вотъ ѣдутъ они путемъ-дорогою, стороною незнакомою, пріѣзжаютъ они въ зеленныя сады. Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ раскидываютъ шатры. А тѣ сады были самого царя, царя прусскаго и воевалъ того царя король китайскій съ шестью могучими богаты-

рями. Посылаетъ царь прусскій грамотку къ Оомѣ Беренникову, а въ той грамоткѣ значится: „Воюетъ меня, царя прусскаго, король китайскій, не будетъ ли ваша помощь? Оомка грамотѣ не больно разумѣлъ, посмотрѣлъ на грамотку, покачалъ головою и говоритъ: „Хорошо!“ Вотъ подступаетъ король китайскій близко къ городу; приходятъ Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ-младъ къ Оомкѣ Беренникову и говорятъ таково слово: „Подѣзжаютъ подъ царя, къ самому городу, надо его защитить. Самъ пойдешь, или насъ пошлешь?“—„Ступай ты, Ильюшка Муромецъ!“ Побилъ Илья Муромецъ всѣхъ. А послѣ того приводитъ король китайскій еще шесть богатырей и рать-силу несмѣтную. Илья Муромецъ съ Алешей Поповичемъ приходятъ къ Оомкѣ Беренникову: „Ты скажи, скажи, Оома Беренниковъ! Самъ пойдешь или насъ пошлешь?“—„Ступай ты, братъ Алешка Поповичъ-младъ!“ Поѣхалъ Алеша Поповичъ-младъ и побилъ всю рать силу несмѣтную и тѣхъ шесть могучихъ богатырей. Говоритъ китайскій король: „Есть у меня еще одинъ богатырь, берегъ его на племя; пущу я его теперь!“ Вотъ приводитъ онъ рать-силу несмѣтную и съ нею богатыря могучаго, завѣтнаго и говоритъ король своему богатырю: „Не силой бьетъ насъ русскій богатырь, а хитростью; что станетъ дѣлать русскій богатырь, то и ты дѣлай!“ Приѣзжаютъ Илья Муромецъ да Алеша Поповичъ-младъ къ Оомкѣ Беренникову: „Самъ пойдешь или насъ пошлешь?“—„Самъ пойду; приведи моего коня“. Кони богатырскіе по чисту полю ходятъ, травку щиплютъ, а Оомкинъ стоитъ да овесъ уплетаетъ. Подошелъ Илья Муромецъ къ Оомкину коню, а тотъ развѣлся, брыкается и кусается! Взяла досада Илью Муромца, схватилъ онъ коня Оомкина за хвостъ да и кинулъ его черезъ плетень. Молвилъ ему Алеша Поповичъ-младъ: „Не увидѣлъ бы насъ Оома Беренниковъ! задастъ онъ намъ жару!“—„Знать, вся сила не въ коню, а въ самомъ молодцу!“—говоритъ Илья Муромецъ и подводитъ тое клячу къ Оомкѣ Беренникову. Оомка садится на лошадь, а самъ думаетъ: „Пусть убьютъ! сраму не будетъ“. Ёдетъ онъ, пригнулся къ коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайскій, помня королевскій наказъ, и самъ къ коню пригнулся да и зажмурился. Оомка слѣзъ, съ коня, сѣлъ на камень и давай точить серпъ; китайскій богатырь и себѣ тожъ: слѣзаетъ съ могуча коня и точить свой мечъ. Видитъ онъ, что Оомка Беренниковъ на одинъ глазъ кривъ, думаетъ про себя: „онъ одинъ глазъ прищурилъ, дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю“. Не успѣлъ онъ зажмурить, какъ Оомка Беренниковъ отсѣкъ ему голову. Беретъ онъ его коня богатырскаго, хочетъ на него сѣсть да не влѣзетъ. Привязалъ Оомка сильно-могучаго коня къ столѣтнему дубу, взобрался на дерево, да и вспрыгнулъ на коня верхомъ. Почуялъ конь сѣдока, какъ рванется—и вырвалъ дубъ съ корнемъ вонъ; летитъ во всю мочь богатырскую и волочитъ за собой громадный дубъ. Оома Беренниковъ кричитъ: „Помогите! помогите!“ А китайцы—дураки, русскаго языка не знаютъ, побѣжали съ испуга врозь; богатырской конь ихъ ногами топчетъ да сто.

лѣтнимъ дубомъ бьетъ; всѣхъ перебилъ до единого! Вотъ и пишетъ китайскій король къ Оомкѣ Беренникову грамотку: „Никогда не буду съ тобой воевать!“ А Оомкѣ то и надобно! И дивуются Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ-младъ тому Оомкѣ Беренникову. Вотъ ѣдетъ Оома къ царю прусскому. „Чѣмъ тебя жаловать?“—спрашиваетъ царь,—бери казны золотой, сколько надобно, или полуцарства моего бѣлаго, или царевну прекрасную“.— „Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньшихъ моихъ братьевъ—Илью Муромца да Алешу Поповича-млада. И женился Оома Беренниковъ на прекрасной царевнѣ. Видно, не однимъ богатырямъ бываетъ удача! Кто накричитъ о себѣ больше, тому и лучше!

Сказки-легенды.

Марко-богатый и Василій Безсчастный.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатѣйшій купецъ; у него была одна дочь Анастасія прекрасная, и было ей всего лѣтъ пять отъ роду. Купца звали Марко, по прозванію Богатый. Марко терпѣть не могъ нищихъ: только подойдутъ къ окошку, сейчасъ велитъ слугамъ своимъ гнать ихъ и травить собаками.

Въ одно время подходятъ къ окошку два сѣденькихъ старичка. Марко увидалъ и велѣлъ ихъ травить собаками. Услыхала то Анастасія прекрасная и стала просить:—„Родной мой батюшка! хоть для меня пусти ихъ въ скотную избу“.—Отецъ согласился и велѣлъ пустить нищихъ въ скотную избу. Вотъ какъ всѣ въ домѣ заснули, Анастасія встала и пошла въ скотную, залѣзла на полати и глядитъ на нищихъ... Одинъ изъ старичковъ и говоритъ:—„Въ такомъ-то селѣ у такого-то крестьянина родился сынъ, какъ ему велимъ нареци имя и какимъ надѣлимъ счастіемъ?“—А другой сказалъ:—„Имя нареци ему—Василій, прозваніе—Безсчастный, а наградимъ его богатствомъ Марка Богатаго, у котораго ночуемъ“. Анастасія все это слышала. Разсвѣло. Старички одѣлись и вышли изъ избы. Анастасія пришла къ отцу и рассказываетъ ему все, что въ скотной видѣла и слышала.

Отецъ усумнился, какъ бы не сбылось сказанное, и захотѣлъ испытать: точно ли родился на селѣ младенецъ, велѣлъ запречь карету и поѣхалъ туда; пріѣхалъ прямо къ священнику и спросилъ:—„Родился ли у васъ такого-то дня младенецъ?“—„Родился,—сказалъ священникъ,—у самаго бѣднаго крестьянина; я ему нарекъ имя Василій и прозвалъ Безсчастнымъ, да еще не крестилъ, потому что къ бѣдняку никто въ кумовья не идетъ“. Марко вызвался быть крѣстнымъ, попадью попросилъ быть кумою, и велѣлъ

изготовить богатый столъ; принесли младенца, окрестили и пировали, какъ имъ было угодно.

На другой день Марко Богатый призвалъ къ себѣ бѣдняка-крестьянина, обласкалъ его, и сталъ ему говорить:—„Куманекъ, ты человекъ бѣдный, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мнѣ его, я его выведу въ люди, а тебѣ на прожитіе дамъ тысячу рублей“. Старикъ подумалъ-подумалъ и согласился. Марко наградилъ кума, взялъ ребенка, укуталъ его въ лисьи шубы, положилъ въ карету и поѣхалъ. Дѣло было зимою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, Марко Богатый велѣлъ остановиться, отдалъ крестника своему приказчику и приказалъ:—„Возьми его за ноги и выбрось въ оврагъ!“—Приказчикъ взялъ и бросилъ его въ крутой оврагъ. А Марко сказалъ:—„Вотъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!“

На третій день по той же дорогѣ, гдѣ проѣхалъ Марко, случилось ѣхать купцамъ; везли они Марку Богатому двѣнадцать тысячъ рублей долгу; поровнялись купцы противъ оврага и слышался имъ дѣтскій плачь. Остановились, стали вслушиваться, и послали приказчика узнать, что тамъ такое? Приказчикъ сошелъ въ оврагъ, видитъ тамъ зеленый лугъ, а на томъ лугу сидитъ ребенокъ, играетъ цвѣтами. Приказчикъ рассказалъ про все хозяину; хозяинъ вышелъ самъ, взялъ ребенка, завернулъ въ шубу, сѣлъ въ повозку и поѣхали. Приѣзжаютъ къ Марку Богатому. Вотъ Марко ихъ и спрашиваетъ, гдѣ они взяли этого ребенка? Купцы рассказали, и онъ тотчасъ догадался, что это Василій Безсчастный, его крестникъ; взялъ его на руки, подержалъ, и отдалъ дочери:—„Вотъ тебѣ, дочка, няньчай!“—а самъ сталъ угощать купцовъ разными напитками и просить, чтобъ они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались; да какъ Марко сказалъ:—„Я васъ прощаю всѣмъ долгомъ!“—то отдали ему ребенка и уѣхали. Анастасія такъ была этому рада, что сейчасъ нашла люльку (колыбель), повѣсила занавѣсы и стала ухаживать за мальчикомъ, и не разставалась съ нимъ ни день, ни ночь. Прошелъ день и другой; на третій Марко воротился домой попозже, когда Анастасія спала, взялъ младенца, посадилъ его въ боченокъ, засмолилъ и бросилъ съ пристани въ воду.

Боченокъ плылъ, да плылъ и приплылъ къ монастырю. На ту пору вышелъ монахъ за водою. Слышался ему дѣтскій крикъ; осмотрѣлся онъ и увидалъ боченокъ; тотчасъ сѣлъ въ лодку, поймалъ боченокъ, разбилъ его, а въ боченкѣ—дитя, взялъ его и принесъ въ монастырь къ игумну. Игуменъ назвалъ ребенка Васильемъ и прозвалъ Безсчастливымъ; съ тѣхъ поръ Василій Безсчастный жилъ въ монастырѣ шестнадцать лѣтъ, и выучился грамотѣ—читать и писать. Игуменъ его полюбилъ и сдѣлалъ ключаремъ.

Марку Богатому случилось ѣхать въ иное государство, за полученіемъ долговъ, на годичное время, и заѣхалъ онъ по пути въ монастырь. Здѣсь его встрѣтили, какъ человека богатаго. Игуменъ велѣлъ ключарю идти въ

церковь; ключарь идетъ, зажигаетъ свѣчи, поетъ и читаетъ. Марко Богатый спрашиваетъ игумна:—„Давно ли онъ поступилъ къ вамъ въ монастырь?“—Игумень разсказалъ все, какъ вынули его изъ боченка, и сколько тому лѣтъ назадъ. Марко разсчелъ время и узналъ, что это его крестникъ. Вотъ онъ и говоритъ игумну:—„Какъ бы у меня былъ такой расторопный человекъ, какъ вашъ ключарь, я бы сдѣлалъ его главнымъ приказчикомъ, и всю казну поручилъ бы ему подъ смотрѣнье; нельзя ли вамъ отдать его мнѣ?“—Игумень долго отговаривался. Марко посулилъ за него монастырю двадцать пять рублей. Игумень посовѣтовался съ братіей; удумали и согласились отпустить Василья Безсчастнаго.

Марко послалъ Василія домой и написалъ съ нимъ къ женѣ такое письмо:—„Жена, какъ получишь мое письмо, сейчасъ же отправься съ посланнымъ на мыльный заводъ, и какъ пойдешь возлѣ большого кипучаго котла, толкни его туда; да непременно исполни! а не исполнишь, я на тебѣ взыщу строго: этотъ малый—мнѣ злодѣй“. Василій получилъ письмо и пошелъ путемъ-дорогою; попадаетъ ему на встрѣчу старичокъ и сказалъ:—„Куда ты, Василій Безсчастный, идешь?“—Василій сказалъ:—„Въ домъ Марка Богатаго къ женѣ съ письмомъ“.—„Покажи письмо“. Василій вынулъ письмо и далъ старичку; старичокъ сломилъ печать, далъ Василью прочитать; Василій прочиталъ и прослезился:—„Что я этому человеку сдѣлалъ, что послалъ меня на погубленіе!“ Старичокъ ему сказалъ:—„Не печалься, Богъ тебя не оставитъ“,—дунулъ на письмо, печать и письмо сдѣлались такія жъ, какъ и были.—„Ступай теперь и отдай письмо женѣ Марка Богатаго“.

Василій пришелъ въ домъ Марка Богатаго, отдалъ письмо его женѣ. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасію и прочитала ей отцово письмо, а въ письмѣ написано:—„Жена, какъ получишь мое письмо, на другой же день обвѣнчай Анастасію съ этимъ посланнымъ; да непременно исполни! а не исполнишь, будешь мнѣ отвѣчать“. У богатыхъ людей не пиво варить, не вино курить—все готово, веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Василья нарядили въ хорошее платье, показали Анастасіи, и Василій ей полюбился. Вотъ и обвѣнчали ихъ.

Въ одинъ день женѣ Марка Богатаго повѣстили, что прибылъ къ пристани ея мужъ, и она съ зятемъ и дочерью отправилась встрѣчать его. Марко увидѣлъ зятя, разсердился и говоритъ своей женѣ:—„Какъ ты осмѣлилась обвѣнчать съ нимъ дочь нашу?“—„По твоему приказанію“,—отвѣчала жена. Марко спросилъ свое письмо, прочиталъ и увѣрился, что точно онъ самъ то написалъ.

Пожилъ Марко съ зятемъ мѣсяцъ, другой и третій; въ одинъ день позвалъ онъ зятя къ себѣ и говоритъ ему:—„Вотъ тебѣ [письмо, иди съ нимъ за тридевять земель въ тридесятое государство къ другу моему царю-Змію, получи отъ него дань за двѣнадцать лѣтъ за то, что построилъ

онъ дворецъ на моей землѣ, и узнай тамъ о двѣнадцати моихъ корабляхъ, что пропадаютъ цѣлые три года. Завтра же поутру отправляйся!“ Василий взялъ письмо, пошелъ къ женѣ своей и рассказалъ все, что ему Марко приказалъ. Анастасія горько заплакала, а упрашивать отца не посмѣла.

Василій поутру рано, помолясь Богу, взялъ съ собою въ котомочку сухариковъ и пошелъ. Шелъ онъ путемъ-дорогою, долго ли—коротко ли, близко ли—далеко ли, только слышитъ въ сторонѣ голосъ:—„Василій Безсчастный, куда ты идешь?“ Онъ оглядывается на всѣ стороны и говоритъ:—„Кто меня кличетъ?“ — „Я, дубъ, тебя спрашиваю, куда ты идешь?“ — „Я иду къ царю-Змію за двѣнадцать лѣтъ взять съ него дань“. Дубъ сказалъ:— „Какъ будешь во времени, обо мнѣ вспомни: что стоитъ дубъ триста лѣтъ, долго ли еще ему стоять?“—Василій выслушалъ и отправился въ путь-дорогу. Пришелъ Василій къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевозчикъ. Василій сѣлъ на паромъ, перевозчикъ его спрашиваетъ:—„Куда ты, мой другъ, идешь?“—Василій ему отвѣчалъ то же, что и дубу. И перевозчикъ проситъ его напомнить царю, что — „перевозитъ онъ тридцать лѣтъ; долго ли еще ему перевозить?“—„Хорошо,—сказалъ Василій,—скажу“,—и пошелъ. Приходитъ къ морю, черезъ море лежитъ кить-рыба, по ней идутъ и ѣдутъ. Какъ пошелъ по ней Василій, кить-рыба заговорила:—„Василій Безсчастный, куда ты идешь?“ — Василій сказалъ ей то же, что и перевозчику, и кить его проситъ:—„Когда будешь во времени, обо мнѣ вспомни: что лежитъ кить-рыба черезъ море, конные и пѣшіе пробили у нея тѣло до реберъ; долго ли ей еще лежать?“

Василій общался и пошелъ. Приходитъ онъ на зеленый лугъ; на лугу стоитъ большой дворецъ. Василій взшелъ во дворецъ, ходитъ по комнатамъ; комната комнаты лучше убрана. Приходитъ онъ въ послѣднюю и видитъ: на постелѣ сидитъ дѣвица-красавица и горько плачетъ. Какъ увидала Василья, встала она, подошла къ нему и спрашиваетъ:—„Что ты за человекъ и какъ зашелъ въ эдакое проклятое мѣсто?“—Василій показалъ ей письмо и сказалъ, что Марко Богатый велѣлъ взять съ царя Змія дань за двѣнадцать лѣтъ. Дѣвица бросила письмо въ печь, а Василью сказала:— „Ты не за данью сюда присланъ, а Змію на сѣденіе. Да какими путями ты шелъ? не случилось ли тебѣ дорогою что видѣть и слышать?“ Василій рассказалъ ей про дубъ, перевозчика и кить-рыбу. Только успѣли они переговорить, затряслась земля и дворецъ; дѣвица тотчасъ заперла Василя въ сундукъ подъ кроватью и сказала ему:—„Слушай же, что мы съ Зміемъ будемъ говорить“

А сама стала встрѣчать Змія. Какъ взшелъ онъ въ комнату, сказалъ:— „Что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?“ Дѣвица отвѣчала:— „Какъ сюда можетъ зайти русскій духъ? ты по Руси леталъ, русскаго духа наймался!“ Змій сказалъ:— „Я сильно усталъ; поищи-ка у меня въ го-

ловѣ“, — и легъ на постелю. Дѣвица сказала ему:—„Царь, какой я безъ тебя сонъ видѣла: будто я иду по дорогѣ, кричитъ мнѣ дубъ: скажи царю-то, долго ли мнѣ еще стоять?“ — „Ему стоять до тѣхъ поръ, — сказалъ царь, — какъ подойдетъ къ нему кто да толкнетъ его ногою; тогда онъ выворотится съ корнемъ и упадетъ, а подъ нимъ злата и серебра многое множество, — столько нѣтъ у Марка Богатаго“. — „А еще пришла я къ рѣкѣ, на которой перевозить перевозчикъ; онъ спрашивалъ, — долго ли ему перевозить?“ — „Пусть онъ перваго, кто придетъ къ нему, посадитъ на паромъ и толкнетъ паромъ отъ берегу, — тотъ и будетъ вѣчно перевозить, а онъ пойдетъ домой“. — „Еще будто я шла по морю черезъ китъ-рыбу, и она мнѣ говорила, долго ли ей лежать?“ — „Ей лежать до тѣхъ поръ, покуда вырыгнетъ двѣнадцать кораблей Марка Богатаго: тогда пойдетъ въ воду и тѣло ее наростетъ“, — сказалъ царь-Змій и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Дѣвица выпустила изъ сундука Василия Безсчастнаго и дала ему наставленіе:—„По эту сторону китъ-рыбѣ не сказывай, чтобы она вырыгнула двѣнадцать кораблей Марка Богатаго, а перейди на ту сторону и скажи. Равно придетъ къ перевозчику, на этой сторонѣ не говори ему того, что слышалъ, а къ дубу придетъ — толкни его ногой на восходъ, и тутъ увидишь несчетное богатство“. Василий Безсчастный поблагодарилъ дѣвицу и пошелъ.

Приходить къ киту-рыбѣ; она его спрашиваетъ: — „Говорилъ ли обо мнѣ?“ — „Говорилъ; вотъ перейду и скажу“. Какъ перешелъ и сказалъ:— „Вырыгни двѣнадцать кораблей Марка Богатаго“. Китъ-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусахъ, ни въ чемъ невредимо; а Василий Безсчастный очутился отъ того въ водѣ по колѣна. Пришелъ Василий къ перевозчику. Первозчикъ спрашиваетъ:—„Говорилъ ли царю-Змію обо мнѣ?“ — „Говорилъ, — сказалъ ему Василий, — напередъ перевези меня“. Какъ переѣхалъ на другой берегъ и сказалъ перевозчику:—„Кто къ тебѣ придетъ первый, посади его на паромъ и толкни паромъ отъ берегу: тотъ вѣчно и будетъ перевозить, а ты отправляйся въ свой домъ“. Пришелъ Василий Безсчастный къ дубу, толкнулъ его ногою, дубъ свалился; подъ нимъ злата и серебра и каменья драгоцѣннаго что ни есть числа! Оглянувшись Василий назадъ, видитъ — плывутъ прямо къ берегу двѣнадцать кораблей, что вырыгнула китъ-рыба. Кораблями управляетъ тотъ самый старичокъ, что попался Василию на встрѣчу, когда онъ шелъ къ женѣ Марка Богатаго съ письмомъ. Старичокъ сказалъ Василью:—„Вотъ, Василий, чѣмъ тебя Господь благословилъ!“ — а самъ сошелъ съ корабля и пошелъ своею дорогою.

Матросы переносили злато и серебро на корабли. И какъ совсѣмъ исправились, пустились въ путь, а съ ними и Василий Безсчастный. Дали знать Марку Богатому, что плыветъ его зять съ двѣнадцатью кораблями, и что наградилъ его царь-Змій несчетнымъ богатствомъ.

Марко разсердился, что не сбылось по его желанію, велѣлъ запречь

повозку, и поѣхалъ самъ къ царю-Змію попенять ему. Приѣхалъ къ перевозчику, сѣлъ на паромъ; перевозчикъ отпихнулъ паромъ, и Марко остался вѣчно перевозить. А Василій Безсчастный прибылъ къ женѣ и тещѣ, сталъ жить да поживать, да добра наживать, бѣднымъ помогать, нищихъ награждать, поить и кормить—и завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ Марка Богатаго.

Бѣдная вдова.

Давно было — странствовалъ по землѣ Христосъ съ двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ бы простые люди и признать нельзя было, что это Христосъ и апостолы. Вотъ пришли они въ одну деревню и попросились на ночлегъ къ богатому мужику. Богатый мужикъ ихъ не пустилъ:—„Вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ,—ступайте къ ней“. Попросились они почевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы; была еще у ней коровка, да и та безъ молока — не отелилась къ тому сроку... „У меня, батюшки,—говоритъ вдова,—избенка малая и лечь-то замъ негдѣ!“—„Ничего, какъ-нибудь упокоимся!“ — Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ напитать ихъ. „Чѣмъ же мнѣ покормить васъ, родимыхъ, — говоритъ вдова, — всего-на-всего есть у меня одна махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нѣтутъ: все жду — вотъ отелится... Не взыщите на хлѣбѣ-на-соли!“—„И, бабушка! — сказалъ Спаситель, — не кручинься, всѣ будемъ сыты. Давай что есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога...“ Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краюшечкой хлѣбца всѣ напитались, еще и ломтей эва сколько осталось!—„Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить,—сказалъ Спаситель,—гляди-ка, мы всѣ сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, отъ Бога...“ — Переночевали Христосъ и апостолы у бѣдной вдовы. Наутро говоритъ вдова своей невѣсткѣ:—„Подъ, поскреби мучицы въ закромѣ; авось наберешь съ горсточку на блины—покормить странниковъ“. Невѣстка сходила и несетъ муки такі порядочную махотку. Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говоритъ: „Тамъ въ закромѣ и на другой разъ осталось“. Напекла вдова блинковъ и подчууетъ Спасителя и апостоловъ: „Кушайте, родимые! чѣмъ Богъ послалъ!“—„Спасибо, бабушка, спасибо!“

Поѣли они, попрощались съ бѣдною вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ эдакъ по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригорѣхъ сѣрый волкъ. Поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: „Господи, — завывъ,—я ѣсть хочу!“—„Пойди,—сказалъ ему Спаситель,—къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у нея корову съ теленкомъ!“ Апостолы усумнились и сказали: —

„Господи, за что же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаячи отъ своей коровы теленочка: было бы у ней молочко—пропитаніе на всю семью!“ „Такъ тому быть должно! — отвѣчалъ Спаситель и пошли они дальше. Волкъ побѣждалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреніемъ промолвила „Богъ далъ, Богъ и взялъ; Его святая воля!“

Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами. Спаситель и говоритъ: „Катись, бочка, къ богатому мужику во дворъ!“ Апостолы опять усумнились: — „Господи! лучше бѣ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!“ — „Такъ тому быть должно!“ — отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. (Потомъ Спаситель показываетъ имъ, какая участь ожидаетъ за гробомъ вдову и богача).

Касьянъ и Никола.

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогѣ. Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью—такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Мужикъ не узналъ его и давай просить: „Помоги, родимый, возъ вытащить!“ — „Поди ты! — сказалъ ему Касьянъ-угодникъ, — есть мнѣ когда съ вами валандаться!“ Да и пошелъ своей дорогой. Немного спустя идетъ тутъ же Никола-угодникъ. — „Батюшка! — завопилъ опять мужикъ, — батюшка! помоги мнѣ возъ вытащить“. Никола-угодникъ и помогъ ему.

[Богъ наградилъ Николу-угодника и наказалъ Касьяна]. Съ тѣхъ поръ такъ и сдѣлалось: Касьяну въ високосный только годъ служить молебны, а Николѣ два раза въ годъ.

Соломонъ Премудрый.

Иисусъ Христосъ, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всѣхъ оттуда вывелъ, кромѣ одного Соломона Премудраго. „Ты, — сказалъ ему Христосъ, — самъ выйди своими премудростями!“ И остался Соломонъ одинъ въ аду; какъ ему выйти изъ аду? Думалъ, думалъ, да и сталъ вить завертку. Подходить къ нему маленькій чертенокъ, да и спрашиваетъ, на что вьетъ онъ веревку безъ конца? — „Много будешь знать, — отвѣчалъ Соломонъ, — будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!“ Свилъ Соломонъ завертку, да и сталъ размѣрять ею въ аду. Чертенокъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ адъ размѣрять? — „Вотъ тутъ монастырь поставлю! —

говорить Соломонъ Премудрый,—вотъ тутъ церковь соборную“. Чертенокъ испугался, бѣгомъ побѣжалъ и разсказалъ все дѣду своему сатанѣ, а сатана взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Премудраго.

Пустынникъ и дьяволъ.

Одинъ пустынникъ молился тридцать три года и видитъ: къ какому-то царю ходятъ дьяволы на обѣдъ, ивкаютъ, гайкаютъ, пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ.

Одинъ разъ Потанька (имя чорта) хромой отсталъ отъ дьяволовъ; пустынникъ вышелъ да и спрашиваетъ его:—„Куда вы такъ ходите?“—„Да ходимъ вотъ къ такому-то царю на обѣдъ; у него всѣ стряпухи дѣлаютъ все, не благословясь, намъ ладно!“ Старикъ и думаетъ, какъ бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя носили ему обѣдать каждый день. Онъ принялъ ѣства, да на тарелкахъ взялъ и надписалъ, что дьяволъ къ нему ходятъ на обѣдъ каждый день. Царь увидалъ эту надпись, тотчасъ всѣхъ людей перемѣнилъ и поставилъ къ стряпнѣ людей набожныхъ: за что ни возьмутся—все говорятъ:—„Господи! благослови!“ Видитъ пустынникъ дьяволовъ—впередъ шли веселы и радостны, а назадъ идутъ заунывны и печальны, и спрашивать опять Потаньку, что они не веселы? Тотъ только и сказалъ:—„Молчи же! уже мы тебѣ отплатимъ!“ Не сталъ видать послѣ того пустынникъ дьяволовъ.

[Пустыннику понравилась одна женщина, и онъ уже готовъ былъ вѣнчаться съ ней]. Пришло время вѣнцы надѣвать, уже начали—только надѣтъ. Пустынникъ и перекрестился; дьяволъ отступились, и онъ увидалъ петлю; да послѣ того опять тридцать три года молился, грѣхи замаливалъ!

Объ отцѣ Николаѣ.

Въ одномъ городѣ былъ вороватый человекъ и надѣлалъ уже много бѣдъ. Однажды случилось ему обокрасть богатаго человека; дѣло это подмѣтили и послали въ погоню. Долго онъ бѣжалъ лѣсомъ, а впереди того лѣса была чистая степь верстъ ко крайней мѣрѣ на десять. Какъ пробѣжалъ весь лѣсъ, остановился и не знаетъ, что ему дѣлать? Если бѣжать по степи, то сейчасъ поймають, потому что версты на двѣ все видно, а погоня, слышать, уже близко. Тогда-то онъ началъ молиться: „Господи! прости мою душу грѣшную; батюшко отецъ Николай! сокрой меня—я тебѣ гривенную свѣчку поставлю“.

Вдругъ не откуда взялся—предсталъ человекъ пожилыхъ лѣтъ, и спрашиваетъ вора: „Что ты теперь говорилъ?“ Воръ отвѣчаетъ: „Вотъ что я го-

ворилъ: батюшко отецъ Николай! сокрой меня въ этой глуши. И обѣщался ему свѣчку поставить“. Тутъ онъ покался старичку въ своемъ грѣхѣ. Старикъ ему сказалъ: „Если хочешь, полѣзай въ это падалище“. А тутъ неподалеку лежала падалъ. Нечего дѣлать было вору, надо было лѣзть въ падалъ, потому что пойману быть не хочется. Залѣзъ онъ туда, а старичокъ въ ту же минуту невидимъ сталъ. Тотъ старичокъ былъ самъ отецъ Николай. Вотъ приближается погоня; выѣхали люди на степь, отѣхали съ полверсты—никого не видать! и воротились обратно; а воръ лежитъ въ падалищѣ, еле дышитъ—такой гнилой духъ! Когда проѣхала погоня мимо, онъ вылѣзъ оттуда и видитъ опять того же старичка—стоитъ неподалечку и собираетъ воскъ. Воръ подходитъ къ нему, благодарить за избавленіе; тогда старичокъ снова спросилъ: „А что ты обѣщалъ отцу Николаю, когда искалъ убѣжища?“ Воръ отвѣчаетъ. „Я обѣщался смѣнить гривенную свѣчу“. —То-то и есть! какъ тебѣ было душно лежать въ падалищѣ, такъ и отцу Николаю было бы душно отъ твоей свѣчи. И далъ ему старичокъ наставленіе: „Никогда не проси Господа Бога и святыхъ его угодниковъ на злыя дѣла; потому что Господь не благословляетъ злыхъ дѣлъ. Да смотри же, помни мои слова, да и прочимъ скажи, чтобъ никогда не просили Бога въ худыхъ дѣлахъ!“ Сказалъ это и скрылся изъ глазъ.

Аника-воинъ.

Жилъ-былъ Аника-воинъ: жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ, ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви Божіи разорять; взялъ мечъ и копьѣ и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою. „Что это за чудище!“ говоритъ Аника-воинъ: „царь ли ты-царевичъ, король ли-королевичъ?“ —Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, я твоя Смерть за тобою пришла! „Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу—тебя раздавлю!“—Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ-могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку!—и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего борзого коня, хочетъ поднять ее на копьѣ булатное; но рука не двигается. Напалъ на него великій страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: „Смерть моя Смерточка, дай мнѣ сроку на одинъ годъ“. Отвѣчаетъ Смерть:—Нѣтъ тебѣ сроку и на полгода.—„Смерть моя Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца“.—Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.—„Смерть моя Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня“.—Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.—И говоритъ Аника-воинъ: „Много есть у меня и серебра, и злата, и каменья драгоцѣннаго; дай сроку хоть

на одинъ часъ—я бы раздалъ нищимъ все свое имѣніе“. Отвѣчаетъ Смерть: —Какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!—Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Аника-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвый.

Сказки—побывальщины.

Изъ сказки: Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ.

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ—жилъ крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ. У него было любимое дѣтище Ильѣ Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко, и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ сбрую ратную и копьѣ булатное, и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходить къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословенія: „Государь мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славный городъ Кіевъ Богу помолиться, а князю кіевскому поклониться“. Отецъ и мать его даютъ ему благословеніе, кладутъ на него закліатіе великое и говорятъ такія рѣчи: „Поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской“. Ильѣ Муромецъ принялъ у отца и матери благословеніе, Богу молится, съ отцомъ и съ матерью прощается, и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ во темны лѣса, что наѣхалъ на таборы разбойничьи; и тѣ разбойники увидѣли Ильѣ Муромца и разгорѣлись у нихъ сердца разбойническія на коня богатырскаго, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни въ которыхъ мѣстахъ не видывали, а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо-какой человѣкъ. И стали на Ильѣ Муромца напущать человѣкъ по десяти и по двадцати; и сталъ Ильѣ Муромецъ останавливать коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ калену стрѣлу по-надъ землею,—калена стрѣла стала рвать на косую сажень. И, видя то, разбойники испугались и собирались во одинъ кругъ, пали на колѣни и стали говорить: „Государь ты нашъ батюшка, удалъ добрый молодецъ! виноваты мы передъ тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цвѣтнаго, и табуны лошадей, сколько угодно“. Ильѣ, усмѣхнувшись, сказалъ: „Некуда мнѣ дѣвать!.. а если хотите живы быть, такъ впередъ не отважьтесь!“ и поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

.

Илья Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей-разбойникъ ровно тридцать лѣтъ, не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а убивалъ не оружіемъ, но своимъ свистомъ разбойничьимъ. Выѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто поле и увидѣлъ попрыски богатырскіе и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ грязи топучія, на тѣ мосты калиновы и къ той рѣкѣ Смородинкѣ. Соловей-разбойникъ слышалъ себѣ кончину и безсчастіе великое и, не допуская Илью Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойничьимъ крѣпко; но богатырское сердце не уstraшилось. И, не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подѣ Ильею Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья Муромецъ подѣ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ; и Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ святорусскаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илью Муромца убить до смерти.

Илья-Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу и пускаетъ на то гнѣздо Соловьиное, и попалъ ему въ правый глазъ и вышибъ вонъ; Соловей-разбойникъ свалился съ гнѣзда, что овсяной снопъ. Илья Муромецъ беретъ Соловья-разбойника, привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты Соловья-разбойника, и какъ поровнялся Илья Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окна были растворены, и въ тѣ окна смотрѣли разбойничьи три дочери,—увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ: „Вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремени булатнаго“. А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала: „Это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнамо-какой человекъ и везетъ нашего батюшку“. И закричали онѣ мужьямъ своимъ: „Мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику навстрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ“. Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ святорусскаго богатыря; кони у нихъ добрые, копыта острые, и хотятъ они Илью на копьяхъ поднять. И увидѣлъ Соловей-разбойникъ, и сталъ говорить: „Зятьи мои милые! не позорьтесь вы и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти; лучше съ покорностію попросите его въ домъ мой выйти чару зелена вина“. По просьбѣ зятей поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобы его пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ; ударилъ копьемъ и ушибъ до смерти.

И какъ пріѣхалъ Илья Муромецъ въ Кіевъ-градъ, вѣзжаетъ прямо на княженицкій дворъ и входитъ въ палаты бѣлокаменные, Богу молится и князю кланяется. Князь кіевской спрашиваетъ: „Скажи, добрый молодецъ, какъ тебя зовутъ и изъ котораго города ты уроженецъ?“ Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ: „Меня, государь, зовутъ Ильюшкою, а по отчеству Ива-

новъ, уроженецъ города Муромъ, села Карачарова“. Князь спрашиваетъ: „Которою дорогою ѣхалъ ты изъ Муромъ?“—На Черниговъ-градъ, и подъ Черниговомъ побилъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и очистилъ Черниговъ-градъ; а оттуда поѣхалъ прямою дорогою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою у стремени булатнаго. Князь, осердясь, сказалъ: „Что ты обманываешь!“ Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару зелена вина доброму молодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать. Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболѣю, и, поставя ихъ подъ мышки, призвалъ Соловья и приказалъ въ полсвиста засвистать соловьемъ. А Соловей-разбойникъ засвисталъ во весь разбойническій свистъ и оглушилъ богатырей такъ, что они упали на полъ; и за то убилъ его Илья Муромецъ.

.

Алеша Поповичъ.

На небесахъ зародился младъ-свѣтелъ мѣсяцъ, на землѣ-то у стараго соборнаго у Леонтыя-попа зародился сынъ—могучій богатырь; а имя нарекли ему младъ Алѣша Поповичъ—имячко хорошенькое. Стали Алѣшу кормить-поить; у кого недѣльный, онъ денной такой; у новыхъ годовой, Алѣша недѣльный такой. Сталъ Алѣша по улочкѣ похаживать, сталъ съ малыми ребятками поигрывать: кого возьметъ за ручку—ручка прочь кого за ножку—ножка прочь; игра-то у него не корыстно пошла! кого за середку возьметъ—живота лишитъ. И сталъ Алѣша на возрастъ: учалъ у отца-матери просить благословеньица ѣхать—гулять во чисто поле. Отецъ говоритъ: „Алѣша-Поповичъ! поѣзжаешь ты во чисто поле; есть у насъ и посильнѣе тебя; ты возьми себѣ въ слуги вѣрные Марышка Паранова сына“. И сядились добры молодцы на добрыхъ коней; какъ поѣхали они во чисто поле—пыль столбомъ закурилася: только добрыхъ молодцовъ и видѣли!

Приѣзжали добрые молодцы ко князю ко Владимиру; тутъ Алѣша Поповичъ прямою идетъ въ бѣлокаменны палаты ко князю ко Владимиру, крестъ кладетъ по писанному, поклоняется по ученому на всѣ на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встрѣчаетъ добрыхъ молодцевъ Владимиръ-князь и сажаетъ ихъ за дубовый столъ: хорошо добрыхъ молодцевъ поить-кормить и вѣнчати вѣстей поспросить; учили добры молодцы ѣсть пряники печатные, запивать винами крѣпкими. Тутъ спросилъ добрыхъ молодцевъ Владимиръ-князь: „Кто вы, добры молодцы? сильные ли богатыри удалые, или путники-перехожіе—сумки перемѣтные? Не знаю я вамъ ни имени, ни отчины“. Отвѣтъ держитъ Алѣша Поповичъ: „Я сынъ стараго со-

борнаго Леонтья-попа Алёша Поповичъ-младъ, а въ товарищахъ слуга Марышко Парановъ сынъ“. Какъ поѣлъ да попилъ Алёша Поповичъ, учаль прѣвиться на кирпичну печь, легъ полудновать, а Марышко за столомъ сидитъ. Въ тѣ поры да въ то времячко наѣзжалъ Змѣвичъ-богатырь и обла тынилъ все царство князя Владимира. Идетъ Тугаринъ Змѣвичъ въ палаты бѣлокаменны ко князю Владимиру; онъ лѣвой ногой на порогъ ступилъ, а правой ногой за дубовый столъ; онъ пьетъ и ѣстъ и съ княгиней обнимается, а надъ княземъ Владимиромъ играетъ и ругается; онъ кладетъ ковригу за щеку, а другую за другую кладетъ; на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя, пирогомъ попихнулъ — все вдругъ проглотнулъ. Лежитъ Алёша Поповичъ на кирпичной печи и говоритъ такія рѣчи Тугарину Змѣвичу: „Было у нашего батюшки у стараго у Леонтья-попа—было коровище, было обжорище, ходило по пивоварнямъ и съѣдало цѣлые кадцы пивоварные съ гущею; дошло коровище, дошло обжорище до озера, всю воду изъ озера выпило — взяло его тутъ и розорвало; а и тебя бы Тугарина такъ за столомъ-то всего прирвало!“ Разсердился Тугаринъ на Алёшу Поповича, бросилъ въ его булатнымъ ножемъ; Алёша Поповичъ увертливъ былъ: увернулся отъ его за дубовый столъ. Говоритъ Алёша таково слово: „Спасибо тебѣ, Змѣвичъ Тугаринъ-богатырь, подаль ты мнѣ булатный ножъ,—распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я тебѣ очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца“. Въ тѣ поры выскакалъ Марышко Парановъ сынъ изъ-за стола изъ-за дубоваго на рѣзвы ноги и хватилъ Тугарина за нѣворотъ, выхватилъ изъ-за стола и бросилъ о палату бѣлокаменну—и посыпались оконницы стекольчатыя. Какъ возгдворитъ Алёша Поповичъ съ кирпичной печи: „Ой ты, Марышко, Марышко Парановъ сынъ, ты вѣрный слуга, неизмѣнный!“ Отвѣчаетъ Марышко Парановъ сынъ: „Подай-ка ты мнѣ, Алёша Поповичъ, булатный ножъ: распорю я Тугарину Змѣвичу груди бѣлыя, застелю я ему очи ясныя, засмотрю его ретива сердца“. Отвѣтъ держитъ Алёша съ кирпичной печи: „Охъ ты, Марышко Парановъ сынъ! не рѣди ты палатъ-то бѣлокаменныхъ, отпусти его во чисто поле; некуда онъ тамъ дѣвается; съѣдемся за нимъ заутро во чистомъ полѣ“.

Поутру ранымъ-ранешенько подымался вмѣстѣхъ съ солнышкомъ Марышко Парановъ сынъ, выводилъ онъ рѣзвыхъ коней пить воды на быстру рѣку. Летаётъ Тугаринъ Змѣвичъ по поднебесью и проситъ Алёшу Поповича во чисто поле. И приѣзжалъ Марышко Парановъ сынъ къ Алёшѣ Поповичу: „Богъ тебѣ судья, Алёша Поповичъ! не даль ты мнѣ булатнаго ножа: распоролъ бы я поганцу груди бѣлыя, застлалъ бы я его очи ясныя, высмотрѣлъ бы я его ретива сердца; теперь что возьмемъ у него у Тугарина? летаетъ онъ по поднебесью“. Говоритъ Алёша таково слово: „Не замѣна моя, все измѣна!“ Выводилъ Алёша своего добра коня, обсѣдлалъ во черкасское сѣдло, подтянулъ двѣнадцатью подпругами шелковыми—ради басы, не ради крѣпости; поѣхалъ во чисто поле. Ыдетъ Алёша по чисту полю и

видить Тугарина Змѣевича: онъ летаетъ по поднебесью. И взмолился Алѣша Поповичъ: „Пресвятая мати Богородица! накати-ко ты тучу черную; дай Богъ изъ тучи черной часта дождичка крупенистаго! смочило бы у Тугарина крыльица бумажныя“. У Алѣши была мольба доходная: накатила туча черная; изъ той тучи грозной далъ Богъ дождичка частаго, частаго да крупенистаго, и смочило у Тугарина крыльица бумажныя; палъ онъ на сыру землю и поѣхалъ по чисту полю. Не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алѣшей сѣѣжались; палицами ударились—палицы по чѣвьямъ поломались, копьями соткнулись—копья къ чѣвьямъ извернулись, саблями махнулись—сабли исчербились. Тутъ-то Алѣша Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяной снопъ; и тутъ Тугаринъ Змѣевичъ учалъ бить Алѣшу Поповича, а тотъ ли Алѣша увертливъ былъ, увернулся Алѣша подъ конное чѣрево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ чѣрева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, и спихнулъ Тугарина съ добра коня, и учалъ Алѣша Поповичъ кричать Тугарину: „Спасибо тебѣ, Тугаринъ Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца“. Отрубилъ ему Алѣша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю ко Владимиру; ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копьѣ головушку подхватываетъ. Тутъ Владимиръ ополѣхнулся: „Везетъ-де Тугаринъ буйну голову Алѣши Поповича! Поплѣнить онъ теперь наше царство христіанское!“ Отвѣтъ держить Марышко Парановъ сынъ: „Не тужи ты, красно солнышко-Владимиръ стольный кіевскій! Если ѣдетъ по землѣ, а не летаетъ по поднебесью поганый Тугаринъ, сложить онъ свою буйну голову на мое копьѣ булатное; не печалуйся, князь Владимиръ: каковѣ пора—я съ нимъ побратаюсь!“ Посмотрѣлъ тутъ Марышко Парановъ сынъ въ трубочку подзорную, опозналъ онъ Алѣшу Поповича: „Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алѣша коня поворачиваетъ, головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копьѣ головушку подхватываетъ. Ёдетъ это не Тугаринъ поганый, а Алѣша Поповичъ, сынъ Леонтья-попа стараго соборнаго; везетъ онъ головушку поганаго Тугарина Змѣевича“.

Разказы о жителяхъ разныхъ губерній и уѣздовъ.

а) Дѣдновцы-„Макары“.

Есть народное преданіе, что дѣдновцы Рязанской губерніи отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ и солью. Государь, принимая отъ нихъ приношеніе, спросилъ старосту объ имени. Староста огласилъ себя Макаромъ. Государь ска-

заль: „Хорошо“. Потомъ спросилъ другихъ объ имени. Дѣдновцы, будто, вообразили, что имя старосты ихъ понравилось царю, всё до одного назвались Макарами. Государь, смѣясь, сказалъ: „Будьте же вы всё Макарами!“ Съ тѣхъ поръ дѣдновцы слывутъ Макарами.

б) Мосачи: „матушка заугра! не потопа нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку!“

Когда-то мосали отправили цѣлымъ міромъ своего старосту Гаврюшку провѣдать въ Москву: по какой цѣнѣ православные принимаютъ людей на заработки? Староста выѣхалъ на саняхъ, прямо по рѣкѣ Угрѣ. Время было на ростепели; рѣка Угра поднималась изъ береговъ. Староста долго не думалъ: сѣлъ въ сани, махнулъ кнутомъ по лошади, да и выѣхалъ прямо на льдину, а мосали провожали его всѣмъ міромъ. Вдругъ вода поднялась изъ береговъ: старосту затерло во льдинахъ. Взахались мосали, припали къ берегу и стали голосить: „Матушка Заугра! не потопа нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку!“

в) Псковичи „небо кольями подпирали“.

Когда-то во Псковѣ было долго ненастное время, тучи ходили такъ низко, что православные думали,—небо валится на землю. Собрались на мірскую сходку подумать, какъ бы отбыть бѣду. Три дня псковичи думали, а на четвертый приладили дѣло: „Разобрать городьбы, да кольями подпереть небо“. Разобрали городьбы и стали съ кольями по всѣмъ концамъ города. Наступило ведрышко, прошли тучи. Идетъ посадскій по городу, самъ бороду покручиваетъ, на народъ поглядываетъ, посередь площади становится, а самъ говорить: „Здорово-те, православные, отбыла бѣда! идите по домамъ!“

Разсказы объ инородцахъ.

1. Цыганъ разбилъ палатку возлѣ озера. Лежитъ на берегу ровно три дня, да все въ воду смотритъ, какъ рыба въ озерѣ гуляетъ: гулять-то она гуляетъ, да цыгану въ ротъ не попадаетъ. Глядь—пріѣхалъ чумакъ на быкахъ степь орать, развелъ огонь и началъ кашицу варить. Вотъ цыганъ и думаетъ думку, какъ бы ухитриться—у чумака около котла поживиться. Приходитъ къ нему: „Здравствуй, батинька!“—„Здоровъ бувъ, цыганъ!“—А что, батинька! мнѣ ужасно тошнить съ постнаго“.—„Что такъ?“—„Да завсегда вижу рыбу въ глазахъ. Ёшь—не хочу: больно присеучила А ты что ёшь, батинька?“—„Да сало“.—„Давай же другъ съ дружкой подѣлимся: ты мнѣ

хоть сальца кусокъ удѣли, а я тебя рыбкой поподчую“. Чумаки отрѣзали ему кусокъ сала. „Спасибо, батинька; да, вѣдь къ салу и хлѣба надобно“. Чумаки далъ ему паляницу. „Дай ужъ и пшена горсточку. Чумаки отсыпалъ ему и пшена. „Спасибо, добрый человекъ, прїѣзжай ко мнѣ за рыбою. Ты мнѣ изъ своихъ рукъ давалъ, а я тебя подведу къ моему добру да сколько хочешь, столько и бери“. Пришелъ цыганъ въ свой шатеръ, сварилъ кашу и всласть поѣлъ. Лежитъ надъ озеромъ, да на рыбу смотритъ. Чумаки послали своего хлопца къ чумаку за рыбою. „Здоровъ бувъ, цыганъ! тятка за рыбою прислалъ“.—„Да, что же, батинька, твой отецъ самъ не прїѣхалъ? Вотъ ужъ и не знаю, что теперь дѣлать; много дать—ты не подымеешь, а мало дать—пожалуй, онъ обидится. Лучше пускай самъ прїѣзжаетъ“. Хлопчикъ прибѣжалъ къ чумаку, сказалъ ему эти рѣчи. Чумаки запрегъ лошадь и поѣхалъ къ цыгану. „Здравствуй, батинька, здравствуй! что хорошаго скажешь?“—„Да за рыбой прїѣхалъ“.—„Ну, вотъ тебѣ ложка; пойдемъ, сперва уха похлебаемъ“. Привелъ его къ озеру: „Садись, батинька! какъ выхлебаешь эту уху, тогда хоть всю рыбу бери“. Чумаки наплевалъ цыгану въ глаза и поѣхалъ ни съ чѣмъ.

2. Жилъ-былъ мужикъ—парень бойкій, ловкій; присталъ онъ въ работники къ одному цыгану. Вотъ какъ-то случилось цыгану ѣхать на ярмарку. Взялъ онъ съ собой и работника; собрались и поѣхали. Ёхали-ёхали, и пристигла ихъ въ дорогѣ тѣмная ночь: надо въ чистомъ полѣ ночевать. Отложили они лошадей, поужинали, пора и на покой.—„А что, батиньку“, говоритъ цыганъ: „надо одному спать ложиться, а другому лошадей караулить“.—„Ну, что жъ“, отвѣчаетъ работникъ: „ложишь ты впередъ, а какъ выспишься, тогда я залягу, а ты сторожить будешь“. Сталъ цыганъ постель себѣ готовить, постлалъ ее къ мѣсяцу головами—а мѣсяцъ только-что-только началъ всходить—улегся и говоритъ работнику: „Послушай, батиньку: ты смотри на этого чудака (и указываетъ ему на мѣсяцъ); когда уйдетъ онъ отсюда и станетъ у моихъ ногъ, тогда и буди меня, а раньше не трогай“.—„Ладно!“—„Ну, думаетъ цыганъ: важно надулъ мужика—теперь всю ночь до свѣта проспю“. Повернулся на бокъ и захрапѣлъ на все поле. Мужикъ подождаль немного; видитъ, что цыганъ крѣпко уснулъ, подошелъ къ нему, взялъ за ноги, да со всею постелью и повернулъ налѣво кругомъ: очутился мѣсяцъ какъ разъ въ ногахъ у цыгана; потомъ будить цыгана: „Эй, хозяинъ! время вставать, посмотри-ка: вонъ гдѣ чудаки“. Цыганъ проснулся, поглядѣлъ—мѣсяцъ въ ногахъ, и говоритъ: „Ну, батиньку! ложись да усни немножко: вишь, чудаки-то заходятъ; скоро свѣтать будетъ“. Мужикъ легъ спать, а цыганъ сталъ на часы лошадей караулить. Стоитъ онъ часъ, стоитъ другой: нѣтъ—не свѣтаетъ, а мѣсяцъ не только не спускается ниже, а все выше, выше забираетъ. „Что такое съ чудакомъ стало?“ думаетъ цыганъ: „опять въ гору лѣзетъ“. Часовъ шесть прошло; надоѣло цыгану караулить—не вытерпѣлъ, давай будить мужика. „Вставай, батиньку! да смотри на небо: наши

чудакъ совсѣмъ взбѣсился—назадъ воротился! видно, намъ эту ночь не дожидаться свѣту. Запрягай-ка лошадей, да поѣдемъ дальше!“

3. Русскій съ мордвиномъ работали вмѣстѣ на Волгѣ, да вмѣстѣ оттолева и домой пошли. Вотъ они шли путемъ-дорогой, да оба и приустиали. Мордвинъ и выдумалъ штуку. „Давай, баеть, русскій, попеременно одинъ другого нести за коргѣшками. Поколѣ я тебя буду нести, ты пѣсню пой, а какъ ты споешь пѣсню, я на тебя сяду—ты меня неси до тѣхъ поръ, пока я пѣсню спою“. Русскій дѣлами смекнулся: „Пожалуйста“, баеть, „мордвинушка! я на это согласенъ. Давай жребій метнемъ, кому кого напередъ достанется нести“. Метнули жребій. Напередъ довелось русскому везти мордвина. Мордвинъ сѣлъ русскому за коргѣшки; сидитъ да пѣсню поетъ, а русскій слушаетъ да везетъ. Вотъ мордвинъ спѣлъ пѣсню; русскій сѣлъ на мордвина, да и запѣлъ безконечную пѣсенку: ти-ли-ли, ти-ли-ли! сидитъ-поетъ, а мордвинъ слушаетъ да везетъ. Верстъ десять провѣзъ русскаго, да и спрашиваетъ: „Что, русскій, вся ли твоя пѣсня?“—„Нѣтъ, мордвинушка, не вся еще!“—Мордвинъ вѣзъ, вѣзъ, безъ мѣчи сталъ; упалъ съ устатку, а у русскаго пѣсня не вся еще. „Ну,“ баеть, „русскій, хоть вся, хоть не вся твоя пѣсня, а мнѣ отдыхать пришлось. Твои ти-ли-ли меня съ ногъ свалили!“ Мордвинъ остался, а русскій еще верстъ десять ушелъ. Вотъ тебѣ мордвинъ! затѣялъ на свою шею возиться; ну, гдѣ мордвину обмануть русскаго? Уже обманетъ ли, нѣтъ ли,—русскій мордвина!

4. Русскій и татаринъ ѣхали вмѣстѣ. Случилось имъ ночевать въ полѣ. Сварили они кашу, поѣли, и начали разговаривать, кому лошадей караулить. У русскаго лошадь была сивая да плохая, а у татарина вороная да хорошая. Ночь была темная. Русскій говоритъ татарину: „Мнѣ не надо караулить свою бѣлую лошадь: я проснусь и тотчасъ ее увижу. А ты не спи, карауль свою черную лошадь“. Татарину не хотѣлось караулить; онъ промѣнялъ свою лошадь русскому. Русскій взялъ хорошую лошадь за плохую и сталъ смѣяться надъ татаринѣмъ: „Теперь, говоритъ, я вовсе не буду караулить своей черной лошади; пройдетъ воръ—моей черной лошади не найдеть въ потьмахъ, а твою бѣлую сейчасъ же увидить и украдетъ“.

Духовные стихи.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, т. I, вып. 2-й, стр. 123.

Стихъ о Егоріи Храбромъ.

Во градѣ было въ Іерусалимѣ
При царѣ было при Ѳеодорѣ,
Жила царица благовѣрная,
Святая Софія перемудрая.
Породила она себѣ три дочери,
Три дочери да три любимыя,
Четвертаго сына Егорія,
Егорія, свѣта, Храбраго:
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды.
Съ начала было свѣта вольнаго,
Не бывало на Іерусалимъ-градъ
Никакой бѣды, ни погибели;
Наслалъ Господь насланіе
На Іерусалимъ-градъ:
Напустилъ Господь царища Демья-
нища,
Безбожнаго пса бусурманища.
Побѣдилъ злодѣй Іерусалимъ городъ;
Сѣчетъ и рубить, и огнемъ палить;
Царя Ѳеодора въ полонъ беретъ,
Въ полонъ беретъ, въ столбъ заклады-
ваетъ.
Полонилъ злодѣй три отроцы,
Три отроцы и три дочери,
А четвертаго чуднаго отроца,
Святаго Егорія Храбраго,
Увозилъ Егорья во свою землю,
Во свою землю во невѣрную.

Онъ и сталъ пытатъ, крѣпко спраши-
вать:

„А скажи, Егорій, какова роду,
Какова роду, какова чину?
Царскаго роду, аль боярскаго,
Аль того чину княжевинскаго?
Ты какой вѣрѣ вѣруешь?
Ты которому Богу молишься?
Ты повѣруй вѣру ты ко мнѣ царю,
Ко мнѣ царю, къ моимъ идоламъ!“
Святый Егорій-свѣтъ глаголетъ:
„Ты злодѣй, царище-бусурманище!
Я не вѣрую вѣры твоей невѣрныя,
Ни твоимъ богамъ, ко идоламъ,
Ни тебѣ, царищу-бусурманищу!
Вѣрую въ вѣру крещеную,
Во крещеную, богомольную,
Самому Христу, Царю Небесному!
Во мать Пресвятую Богородицу,
Еще въ Троицу нераздѣлимую!“
Вынималъ злодѣй саблю острую,
Хотѣлъ рубить ихъ главы
По ихъ плеча могучія:
„Ой вы гой еси три отроцы,
Три отроцы царя Ѳеодора!
Вы покиньте вѣру христіанскую;
Повѣруйте мою латынскую,
Латынскую, бусурманскую!
Молитесь богамъ моимъ кумирскимъ,
Поклоняйтесь моимъ идоламъ!“
Три отроцы и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царищу Демьянищу преклонилися:
Покидали вѣру христіанскую,

Начинали вѣровать латынскую,
Латынскую, бусурманскую.
Царище Демьянище,
Безбожный царь-бусурманище,
Возговорилъ ко святому
Егорію Хораброму:
„Ой ты гой еси чудный отроце,
Святой Егорій Хорабрый!
Покинь вѣру истинную христіанскую,
Повѣруй вѣру латынскую!
Молись моимъ богамъ кумирскимъ,
Поклоняйся моимъ идоламъ!“
Святой Егорій проглаголетъ:
„Злодѣй царище Демьянище,
Безбожный песь бусурманище!
Я умру за вѣру христіанскую;
Не покину вѣру христіанскую!
Не буду вѣровать латынскую,
Латынскую, бусурманскую;
Не буду молиться богамъ твоимъ ку-
мирскимъ,
Не поклонюсь твоимъ идоламъ!“
На то царище распаляется,
Повелѣлъ Егорія-свѣта мучити
Онъ и муками разнообразными.
Повелѣлъ Егорья во пилю пилить;
По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Не берутъ пилю жидовскія;
У пиль зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло содѣлялося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги:
Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы всѣ архангельскіе,
Возговоритъ царище Демьянище
Ко святому Егорью Хораброму:
„Ой ты гой еси чудный отроце,
Святой Егорій Хорабрый!
Ты покинь вѣру истинную, христіан-
скую;
Повѣруй въ вѣру латынскую!“
А святой Егорій проглаголетъ:
„Я умру за вѣру христіанскую;
Не покину вѣру христіанскую;
Не буду вѣровать во латынскую,
Латынскую, бусурманскую!“
На то царище опаляется,
Въ своемъ сердцѣ разозляется.

Повелѣлъ Егорья въ топоры рубить;
Не довлѣтъ Егорья въ топоры рубить:
По Божію повелѣнію,
По Егоріеву моленію
Не берутъ Егорья топоры нѣмецкіе;
По обухъ лезья приломилися,
А мучители всѣ приутомилися,—
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло содѣлялося;
Да возстаетъ Егорій на рѣзвы ноги:
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы архангельскіе.
Возговоритъ царище Демьянище
Ко Егорію Хораброму: „*91*“
„Ой ты гой еси отче Егорій Хорабрый!
Повѣруй вѣру латынскую!“
А святой Егорій проглаголетъ:
„Я умру за вѣру христіанскую;
Не покину вѣру христіанскую;
Не буду вѣровать латынскую!“
Царище Демьянище на него опаляется;
Повелѣлъ Егорья въ сапоги ковать,
Въ сапоги ковать, гвозди желѣзные;
Не добрѣ Егорья мастера куютъ:
У мастеровъ руки опускалися,
Ясныя очи помрачались,—
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло содѣлялося.
А злодѣй царище Демьянище
Повелѣлъ Егорья во котелъ сажать,
Повелѣлъ Егорья во смолѣ варить!
Смола кипитъ, яко громъ гремитъ,
А посверхъ смолы Егорій плаваетъ;
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возговоритъ царище Демьянище:
„Покинь вѣру истинную, христіанскую,
Повѣруй мою вѣру латынскую,
Латынскую, бусурманскую“
Святой Егорій проглаголетъ:
„Я не буду вѣровать вѣру бусурман-
скую,
Я умру за вѣру христіанскую!“
На то царище Демьянище опаляется;
Повелѣлъ своимъ мучителямъ:
„Ой вы гой еси слуги вѣрныя!
Вырывайте скоро глубокаго погребъ!“
Тогда же его слуги вѣрныя
Вырывали глубокаго погребъ:
Глубины погребъ сорока сажень,

Ширины погребѣ двадцати сажень;
Посадила Егорья во глубокъ погребѣ,
Закрывалъ досками желѣзными,
Задвигалъ щитами дубовыми,
Забивалъ гвоздями полужеными,
Засыпалъ песками рудожелтыми,
Засыпалъ онъ и притаптывалъ,
И притаптывалъ, и приговаривалъ:

„Не бывать Егорью на святой Руси:
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Не обзрѣть Егорью солнца краснаго,
Не видать Егорью отца и матери,
Не слышать Егорью звона колокольнаго,
Не слышать Егорью пѣнія церковнаго!“

И сидѣлъ Егорій тридцать лѣтъ.
А какъ тридцать лѣтъ исполнилось,
Святому Егорью во снѣ видѣлось:
Да явилось солнце красное,
Еще явилась Мать Пресвятая Бого-

родица;
Святу Егорью-свѣтъ глаголетъ;
„Ой ты гой еси святой Егорій-свѣтъ
Храбрый!“

Ты за это ли претерпѣніе,
Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное!“

По Божьему повелѣнію,
По Егорія Храбраго моленію,
Отъ свята града Іерусалима
Поднимались вѣтры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженные,
Разнесло щиты дубовые,
Разметало доски желѣзныя.

Выходилъ Егорій на святую Русь;
Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
Услышалъ звону колокольнаго,
Обогрѣло его солнце красное.
И пошелъ Егорій по святой Руси,
По святой Руси, по сырой землѣ,
Ко тому граду Іерусалиму.
Гдѣ его родима матушка
На святой молитвѣ Богу молится.
Приходилъ Егорій во Іерусалимъ

городъ:

Іерусалимъ городъ пустъ-пустехонекъ:
Вырубили его и выжегли!
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго!

Стоитъ одна церковь соборная,
Церковь соборная, богомольная:
А во церкви во соборной,
Во соборной, богомольной,
Стоитъ его матушка родимая,
Святая Софія перемудрая,
На молитвахъ стоитъ на Иисусовыхъ:
Она Богу молить объ своемъ сыну,
Объ своемъ сыну, объ Егорію.
Помолимши Богу, оглянулася;
Она узрѣла и усмотрѣла
Свое чадо, свое милое,
Свѣта Егорія-свѣта Храбраго;
Святу Егорью-свѣтъ глаголетъ:
„Ой ты гой еси мое чадо милое,
Святой Егорій, свѣтъ Храбрый!
Гдѣ ты былъ, гдѣ разгуливалъ?“
Святой Егорій-свѣтъ глаголетъ:
„Ой судариня, моя матушка,
Святая премудрая Софія!
Былъ я у злодѣя царица Демьянища,
Безбожнаго злодѣя-бусурманища;
Претерпѣлъ я муки разныя,
Муки разныя, разноличныя.
Государиня моя матушка,
Святая Софія премудрая!
Воздай мнѣ свое благословеніе:
Поѣду я по всей землѣ свѣтло-русской

Утвердить вѣру христіанскую!“
Свѣту-Егорію мать глаголетъ:
„Ты поди, чадо милое!
Ты поди далече во чисты поля:
Ты возьми коня богатырскаго
Со двѣнадцать цѣпей желѣзныхъ,
И со сбруею богатырскою,
Со вострымъ копьемъ со булатнымъ.
И со книгою со Евангеліемъ.“
Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтъ по землѣ разстилалися:
Ни пройти Егорью, ни проѣхать.
Святой Егорій глаголетъ:
„Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Встаньте и распахнитесь,
Распахнитесь, раскочнитесь:
Порублю изъ васъ церкви соборныя.

Соборныя да богомольныя!
Въ васъ будетъ служба Господняя!
Зароститеся вы, лѣса,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ!“
По Божьему все повелѣнію,
По Егоріеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ;
Растутъ лѣса, гдѣ имъ Господь по-
велѣлъ.

Еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя, на текучія:
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя святому подумати.
„Ой вы гой еси рѣки быстрыя,
Рѣки быстрыя, текучія!
Протеките вы, рѣки, по всей землѣ,
По всей землѣ свято-русскіей!
По крутымъ горамъ, по высокіимъ,
По темнымъ лѣсамъ, по дремучіимъ;
Теките вы, рѣки, гдѣ вамъ Господь
повелѣлъ!“

По Божьему велѣнію,
По Егоріеву моленію,
Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь по-
велѣлъ.

Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на горы на толкучія;
Гора съ горой столкнулася;
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы горы, горы толкучія!
Станьте вы, горы, по-старому,
Поставлю на васъ церковь соборную;
Въ васъ будетъ служба Господняя!“
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ, на рыскачійхъ,
И пастытъ стадо три пастыря,
Три пастыря, да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы;
На нихъ тѣло, яко еловая кора,

Власть на нихъ, какъ ковыль-трава,
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы волки, волки рыскачіе:
Разойдитесь, разбредитесь,
По два, по три, по единому,
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣ-
самъ;

А ходите вы повременно,
Пейте вы, ѣшьте повелѣнное,
Отъ свята Егорія благословленія!
По Божьему все повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Разбѣгались звѣри по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русскіей:
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Егорія Храбраго.
Еще же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное,
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Ой вы гой еси змѣи огненныя!
Разсыптесь, змѣи, по сырой землѣ,
Въ мелкія, дробныя черенцы!
Пейте и ѣшьте изъ сырой земли!“
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Приѣзжалъ Егорій
Къ тому ко городу Кіеву.
На тѣхъ вратахъ на Херсонскіихъ
Сидитъ Черногарь-птица
Держитъ въ когтяхъ Осетра-рыбу:
Святому Егорью не проѣхать будетъ.
Святой Егорій глаголетъ:
„Охъ ты, Черногарь-птица!
Возвейся подъ небеса,
Полети на Океанъ-море:
Ты и пей и ѣшь въ Океанъ-морѣ,
И дѣтей произведи на Океанъ-морѣ!“
По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Подымалась Черногарь-птица подъ
небеса,
Полетѣла она на Океанъ-море,
Она пьетъ и ѣстъ въ Океанъ-морѣ,
И дѣтей выводитъ на Океанъ-морѣ.
Святой Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ полаты бѣлы-каменны,
Да гдѣ же прибываетъ царище Демья-
нище,

Безбожный песъ-бусурманище.
Увидѣлъ его царище Демьянище,
Безбожный песъ-бусурманище:
Выходитъ онъ изъ полаты бѣлокамен-
ной,

Кричитъ онъ по-звѣриному,
Визжитъ онъ по-змѣиному;
Хотѣлъ побѣдить Егорья Храбраго.
Святой Егорій не устрѣшился,
На добромъ конѣ приуправился;
Вынимаетъ мечъ-саблю вострую,
Онъ сѣкъ его злодѣйскую голову
По его могучія плечи;
Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушилъ полаты бѣлокаменныя,
Очистилъ землю христіанскую,
Утвердилъ вѣру самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимыя.
Онъ беретъ свои три родныхъ сестры,
Приводитъ къ Иордань-рѣкѣ;
„Ой вы, мои три родныхъ сестры!
Вы умойтесь-окреститесь,
Ко Христову гробу приложитесь!
Набрались вы духу нечистаго,
Нечистаго, бусурманскаго:
На васъ кожа, какъ еловая кора,
На васъ власы, какъ камышъ-трава!
Вы повѣруйте самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимыя!“
Умывались, окрещались:
Камышъ-трава съ нихъ свалилася,
И еловая кора опустилася.
Приходилъ Егорій
Къ своей матушкѣ родимой:
„Государыня моя матушка родимая,
Премудрая Софья!
Вотъ тебѣ три дочери,
А мнѣ три родныхъ сестры!“
Егоріева много похождения!
Велико его претерпѣніе!
Претерпѣлъ муки разноличныя
Все за наши души многогрѣшныя!

Поемъ славу святѣ Егорія!
Святѣ Егорія, свѣтъ Хорабраго!
Во вѣки его слава не минуется!
И во вѣки вѣковъ! Аминь!

Стихъ о Голубиной книгѣ.

Выходила туча сильно грозная;
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Соходилися, соѣзжались
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіанъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Есеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объ-
является.
Еще приходитъ ко книгѣ Володимиръ
князь,
Володимиръ князь Володимировичъ.
Возговорилъ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:
„Ой ты гой еси премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Есеевичъ!
Прочти, сударь, книгу Божию!
Объяви, сударь, дѣла Божіи,
Про наше житіе про свято-русское.
Про наше житіе свѣту вольнаго!
Отъ чего у насъ начался бѣлый, воль-
ный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ младъ-свѣтель мѣ-
сяцъ?
Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
Отъ чего у насъ ночи темныя?
Отъ чего у насъ зори утренни?
Отъ чего у насъ вѣтры буйныя?
Отъ чего у насъ дробень дождѣкъ?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
Отъ чего наши помыслы?

Отъ чего у насъ міръ-народъ?

Отъ чего кости крѣпкія?

Отъ чего тѣлеса наши?

Отъ чего кровь-руда наша?"

Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ:

„Ой ты гой еси Володимиръ князь,

Володимиръ князь Володимировичъ!

Не могу я прочесть книгу Божию!

Ужъ мнѣ честь книгу, не прочесть
Божью:

Эта книга не малая,

Эта книга великая!

На рукахъ держать—не сдержатъ бу-
детъ;

На налой положить Божій—не уло-
жится.

Я по старой по своей памяти

Разкажу вамъ, какъ по грамотѣ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался
отъ суда Божія;

Солнце красное отъ лица Божьяго,

Самого Христа Царя Небеснаго;

Младъ-свѣтелъ мѣсяцъ отъ груди его;

Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;

Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;

Зори утренни отъ очей Господнихъ;

Вѣтры буйныя отъ Свята Духа;

У насъ умъ-разумъ Самого Христа,

Самого Христа, Царя Небеснаго;

Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;

У насъ міръ-народъ отъ Адамія;

Кости крѣпкія отъ камени;

Тѣлеса наши отъ сырой земли;

Кровь-руда наша отъ черна моря“.

Возговоритъ Володимиръ князь,

Володимиръ князь Володимировичъ:

„Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ!

Скажи ты намъ, проповѣдай:

Который царь надъ царями царь?

Который городъ городамъ отецъ?

Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?

Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?

Кое древо всѣмъ древамъ мати?

Коя трава всѣмъ травамъ мати?

Которое море всѣмъ морямъ мати?

Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?

Коя птица всѣмъ птицамъ мати?

Который звѣръ всѣмъ звѣрямъ отецъ?"

Возговоритъ премудрый царь,

Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ:

„У насъ бѣлый царь надъ царями царь“.

— „Почему-жъ бѣлый царь надъ ца-
рями царь?"

„И онъ держитъ вѣру крещѣную,

Вѣру крещѣную, богомольную;

Стоитъ за вѣру христіанскую,

За домъ Пресвятыя Богородицы.

Всѣ орды ему преклонилися,

Всѣ языцы ему покорилися.

Потому бѣлый царь надъ царями царь.

Іерусалимъ городъ городамъ отецъ“.

— „Почему тотъ городъ городамъ
отецъ?"

„Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:

Во томъ во градъ во Іерусалимъ

Тутъ у насъ пупъ землѣ.

Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати“.

— „Почему же соборъ-церковь цер-
квамъ мати?"

„Стоитъ соборъ-церква посреди града
Іерусалима;

Во той во церкви во соборной

Стоитъ престолъ божественный:

На томъ на престолѣ на божественномъ

Стоитъ гробница бѣла каменная,

Во той гробницѣ бѣлой каменной

Почиваютъ ризы Самого Христа,

Самого Христа, Царя Небеснаго,—

Потому соборъ-церква церквамъ мати.

Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати“

— „Почему Іорданъ всѣмъ рѣкамъ
мати?"

„Окрестился въ ней Самъ Исусъ Хри-
стосъ,

Со силою съ небесною,

Со ангелами со хранителями,

Со Іоанномъ-свѣтомъ со Крестителемъ,—

Потому Іорданъ всѣмъ рѣкамъ мати.

Ѧаворъ гора всѣмъ горамъ мати“.

— „Почему Ѧаворъ гора горамъ мати?"

„Преобразился на ней Самъ Исусъ
Христосъ,

Исусъ Христосъ, Царь Небесный-свѣтъ,

Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ,

Съ двенадцатью Апостолами:

Показалъ славу ученикамъ Своимъ,—

Потому Ѧаворъ гора горамъ мати.

Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати“.

„Почему то древо всѣмъ древамъ мати?"

„На томъ дровѣ на кипарисѣ
Объявился намъ животворящій крестъ,
На томъ на крестѣ на животворя-
щемъ
Распятъ былъ Самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ, Царь Небесный-
свѣтъ,—

Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати“.
— „Почему плакунъ всѣмъ травамъ
мати?“

„Когда жидовья Христа распяли,
Святую кровь Его пролили,
Мать Пречистая Богородица
По Исусу Христу сильно плакала,
По Своемъ Сыну по возлюбленномъ;
Ронила слезы пречистыя
На матушку на сыру землю.
Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыхъ
Зарождалася плакунъ-трава,—
Потому плакунъ-трава травамъ мати.
Океанъ море всѣмъ морямъ мати“.
— „Почему океанъ всѣмъ морямъ
мати?“

„Посреди моря океанскаго
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа Римскаго:
На церкви главы мраморныя,
На главахъ кресты золотые.
Изъ той изъ церкви изъ соборной,
Изъ соборной, изъ богомольной,
Выходила Царица Небесная;
Изъ океана моря Она умывалася,
На соборъ-церковь Она Богу моли-
лася,—

Отъ того океанъ всѣмъ морямъ мати.
Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати“.

— „Почему же китъ-рыба всѣмъ ры-
бамъ мати?“

„На трехъ рыбахъ земля основана,
Какъ китъ-рыба пестронется,
Вся земля всколебается,—
Потому китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Основана земля Святымъ Духомъ,
А содержана Словомъ Божиимъ.
Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ

— „Почему она всѣмъ птицамъ мати?“
„Живетъ стратимъ-птица на океанѣ-
морѣ,

И дѣтей производить на океанѣ-морѣ.
По Божьему все повелѣнію,
Стратимъ-птица вострепенется,
Океанъ-море восколыхнется;
Топить она корабли гостинныя
Съ товарами драгоценными,—
Потому стратимъ-птица всѣмъ пти-
цамъ мати.

У насъ Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ
отецъ“.

— „Почему индрикъ-звѣрь всѣмъ
звѣрямъ отецъ?“

„Ходитъ онъ по подземелью,
Пропускаетъ рѣки, кладязи студеныя.
Живетъ онъ во святой горѣ,
Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ.
Куды хочеть, идетъ по подземелью,
Какъ солнушко по поднебесью,—
Потому же у насъ индрикъ-звѣрь
всѣмъ звѣрямъ отецъ“.

Возговорилъ Володимиръ-князь,
Володимиръ-князь Володимировичъ;
„Ой ты гой еси премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Есеевичъ!
Мнѣ ночесъ, сударь, мало спалось;
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той страны со восточной,
А съ другой страны со полуденной,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались, билися,—
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочеть“.

Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Есеевичъ:
„Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:
Это кривда съ правдою сходилися,
Промежду собой бились, дрались:
Кривда правду одолѣть хочеть;
Правда кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
Къ Самому Христу, Царю Небесному;
А кривда пошла у насъ вся по всей
землѣ,

Не всей землѣ, по свѣтъ-русской,
Не всему народу христіанскому.
Стъ кривды земля восколебалася.
Отъ того народъ весь возмущается;
Отъ кривды сталъ народъ неправи-
льный,

Неправильный сталъ, злопамятный:
Они другъ друга обмануть хотятъ,
Другъ друга поѣсть хотятъ.
Кто будетъ кривдой жить,
Тотъ отчаянный отъ Господа;
Та душа не наслѣдуетъ
Себѣ царства небеснаго;
А кто будетъ правдой жить,
Тотъ причаинный ко Господу;
Та душа наслѣдуетъ себѣ царство не-
бесное“.

Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Есеевичу,
Во вѣки его слава не минуется!

Стихъ на Вознесенье.

Какъ вознесся Христосъ на небеса,
Расплакалась нищая братья,
Расплакались бѣдные убогіе, слѣпые и
хромые:

„Ужъ ты истинный Христосъ, Царь
Небесный,
Чѣмъ мы будемъ, бѣдные, питаться?
Чѣмъ мы будемъ, бѣдные, одѣваться,
обуваться?“

Тутъ возговорилъ Христосъ, Царь Не-
бесный:

— „Не плачьте вы, бѣдные-убогіе!

Дамъ я вамъ гору да золотую,
Дамъ я вамъ рѣку да медвяную:

Будете вы сыты да и пьяны,

Будете обуты и одѣты“.

Тутъ возговорить Иванъ да богосло-
вецъ:

„Вѣдь ты истинный Христосъ, да Царь
Небесный!

Не давай ты имъ горы да золотыя,

Не давай ты имъ рѣки медвяныя:

Сильные-богатые отнимутъ;

Много тутъ будетъ убійства,

Тутъ много будетъ кровопролитья.

Ты дай имъ свое святое имя:

Тебя будутъ поминати,

Тебя будутъ величати,—

Будутъ они сыты да и пьяны,

Будутъ и обуты и одѣты“.

Тутъ возговорить Христосъ, да Царь
Небесный.

— „Ты Иванъ да богословецъ,
Ты Иванъ да златоустый!
Ты умѣлъ слово сказать,
Умѣлъ слово разсудити!
Пусть твои уста да золотыя,
Пусть тебѣ въ году праздники частые!

Стихъ объ Алексѣѣ-человѣкѣ Божіемъ.

Во славномъ во городѣ Римѣ,
При царѣ было Оноріѣ,
Жилъ человекъ благочестивый
Великій Ефимьянъ князь,
Супруга его Аглаида.
Жили они многія лѣта;
У нихъ не было дѣтища ни единого.

Они слезно молятъ Бога о дарованіи имъ ребенка.
По ихъ молитвѣ родился сынъ:

Нарекли ему имя святое,
Святое имя Алексѣемъ,
Божьимъ свѣтомъ-человѣкомъ.
Была въ домѣ многая радость,
Всемирное всѣмъ веселье.
Алексѣй Божій сталъ семи лѣтъ,—
Отдали его грамотѣ учить;
Скоро ему грамота далася,—
Онъ скоро писать научился.
Съ семи лѣтъ онъ грамотѣ доволенъ,
Божественному рукописанію
Евангельскому, свѣтъ, толкованью.

Когда онъ возросъ, его рѣшили женить, но онъ
сталъ просить отца этого не дѣлать:

— „Не неволь меня, батюшко, же-
ниться!

Пусти меня Богу помолиться,
Со младости лѣтъ Богу потрудиться!“

Отецъ его не послушалъ, и ему привезли невѣсту:

Жениться Алексѣй не помышляетъ,
На образъ Спасителейъ взираетъ:
— „Ты, батюшко нашъ, Спасъ пречи-
стый!

Не допусти до грѣха до большого,
До тяжкаго прегрѣшенья!“

На свадьбѣ Алексѣй былъ грустенъ, а ночью
сказалъ своей женѣ:

— „Ой же ты, обрученная княгиня!
Ты станешь ли со мною за единъ
Богу молиться—

Промежъ насъ будетъ Святой Духъ!“

Княгиня ему умолчала,
Никакого отвѣта не сказала.

Снялъ Алексѣй шелковъ поясъ,
Со правой руки золотъ перстень,
Отдаетъ обрученной княгинѣ.

Онъ трогательно прощается съ женой и уходитъ
изъ отчужаго дома, раздастъ влато нищимъ. По его
молитвѣ Господь измѣнилъ его наружность.

Красота въ лицѣ его потребишася,
Очи его погубишася,
А зрѣніе помрачашася.
Сталъ Алексѣй какъ убогій,
Токмо его единый остовъ.

Богородица посылаетъ Алексѣя въ отчій домъ,
гдѣ онъ и живетъ, неузнанный, до самой смерти:

Князь Ефимьянъ милосердный
Построилъ князь убогому келью,
Приставилъ рабовъ къ нему служить,
Келью топяти, приизирати.

Демонъ врагъ возненавидѣвалъ,
Зубами злыми воскрешетоме,
Хотѣлъ погубить его терпѣніе,
Рабы же Алексѣя не взлюбили:
Иные рабы укоряли,
А други помоями лили,
Много безчиніевъ творили,
Плевали, харкали все на келью.
На то же Алексѣй не прогнѣвился.
Терпѣлъ же святой съ благодареніемъ,
Съ радостью Алексѣй нужды прини-
маетъ,

Князю Ефимьяну не взвѣщаетъ,
А Господа Бога онъ прославляетъ,
За своихъ за рабовъ Богу молится.

Передъ смертию онъ описываетъ всю свою жизнь
и умираетъ съ рукописаніемъ въ рукахъ. Самъ
патріархъ читаетъ всенародно повѣсть о жизни
Алексѣя. Отецъ, мать и жена плачутся у его
тѣла. У мощей святого совершаются чудеса.

Слѣпымъ давалъ Богъ прозрѣніе,
Глухимъ давалъ Богъ прослышанье,
Безумнымъ давалъ Богъ разумъ,

Болящимъ, скорбящимъ исцѣленіе,
Всему міру было вспоможеніе

Онъ Богу былъ, свѣтъ, угоденъ,
Всему міру онъ доброхотенъ,
Угодно онъ Господу скончался.

Плачь Іосафа.

Какъ расплачется младый юноша
Іосафъ царевичъ
Предъ пустынею стоя:

„Любимая моя мати,
Прекрасная пустыня!
Ты пріими меня, пустыня,
Яко мати свое чадо,
Поучи меня, пустыня,
Волю Божію творити,
Приведи меня, пустыня,
Въ небесное царство,
И избавь меня, пустыня,
Огня вѣчныя муки“.

Проречетъ мати-пустыня
Архангельскимъ гласомъ:
— „У меня въ пустыни
Трудомъ потрудитися,
У меня въ пустыни
Постомъ попоститися;
У меня въ пустыни
На молитвѣ постояти,
У меня въ пустыни
Не съ кѣмъ рѣчей говорити“.

Проречетъ младый юноша
Іосафъ царевичъ:
„Не страдай меня, пустыня,
Превеликими страстями!
Того и я хочу,
Того душа моя желаетъ.
У тебя, мати пустыня,
Воспитался Предтеча,
Сладки меды и акриды
Еще кушалъ Предотеца
Гнилую колоду,
Еще пилъ Предотеца
Болотную воду;
Разгуляюсь я, младый юноша.
По зеленой по дубровѣ,

Со мной стануть говорить
На древахъ маленьки листьѣ:
Что Христосъ на престолѣ
Съ херувимы и серафимы
И вся небесныя силы!“

О Страшномъ Судѣ.

Плачу ся и ужасаю,
Егда онъ часъ помышляю,
Какъ приидетъ Судья правый
Въ божествѣ своея славы
Судъ праведный судити
И страшный отвѣтъ творити.
Тогда земля потрясется,
Каменіе распадется;
Тогда небеса погибнуть
И звѣзды на землю падутъ;
Рѣка огненна потечетъ
И всяку тварь въ себѣ пожретъ.
Ангелы въ трубы затрубятъ,
Мертвыхъ отъ гробовъ возбудятъ,
И равны возрастомъ станутъ
Предъ тѣмъ судищемъ Христовымъ.
Ангели престолъ поставятъ,
Приходъ Судіи прославятъ.
Апостоли, вси пророци,
Святители, мученици,
Патріарси и праведниі,
Преподобниі и святіи
Около будутъ стояти,
На нечестивыхъ взирати,
Охъ, какъ стерпимъ страха того,
Какъ явимся лицу Его!
Тогда на всѣхъ возопіетъ,
А на грѣшныхъ отвѣщаетъ:
„Идите тамъ, проклятые,
До тьмы и муки вѣчныя!
Тамъ вамъ пропасть пекельная,
Бѣда и мука вѣчная“.
Того насъ, Христе, сохрани,
Отъ тѣхъ насъ мукъ избави,
Боже, отъ Дѣвы рожденный
И ко кресту пригвожденный!

Стихъ покаянный.

Восплачется Адамъ, предъ раемъ стоя.
„Ты раю, мой раю, прекрасный мой раю,
Мене ради раю сотворенъ бытъ“.

Евва согрѣшила, Адама прельстила;
Законъ преступила, Богу соглубила.
Весь родъ нашъ отгнала отъ раю свя-

того,

Себе помрачила, во тьму погрузила.
Адамъ вопіяше къ Богу со слезами:
„Боже мой милостивъ, помилуй насъ
грѣшныхъ.“

Увы миѣ грѣшному, увy беззаконному;
Уже я не слышу архангельскаго гласа,
Уже я не вижу райскія пищи“.

Проговоритъ Евва, ко Адаму глаголя:
„Адаме, Адаме, ты мой господине,
Не велѣлъ намъ Богъ жити въ пре-
красномъ раю,

Ничто же вкушати отъ райскія пищи;
Послалъ насъ Господъ Богъ на труд-
ную землю,—

Намъ хлѣба снѣдати отъ потнаго лица,
И правдою жити, а зла не творити“.
Господъ породился—Адамъ свободился,
Во Иорданѣ крестился—весь міръ обно-
вился.

И мы, други-братія, прибѣгнемъ мы къ
церкви,
Послушаемъ, братія, Божія писанія;
Богъ насъ наказуетъ щедротъ своихъ
ради,

Чтобъ мы не впали въ превѣчную муку.
И возримъ мы, братія, на дубовы гробы.
А гробы вы, гробы, превѣчныя дома.
Житіе временное слава суетная:

Богатство—слава, убожество—слезы.
Гордость завистная на семъ вольномъ
свѣтѣ,

Очи наши ямы, рудъ наши грабли:
Что очи завидятъ, то рудъ заграбятъ.
Не можемъ мы, братія, ничѣмъ ся на-
полнить;

Даетъ намъ Богъ много,—намъ кажется
мало.

Какъ будемъ мы мертвы прижмемъ
рудъ къ сердцу,

Богатство наше кому ся останеть?
Души наши пойдутъ по своимъ по мѣ-
стамъ,

Тѣлеса наша будутъ червемъ на сѣжде-
ніе,

Кости наши будутъ земли на преданіе;
Тогда не поможетъ богатство наше,

Самого Царя всѣхъ Создателя,
Со Отцомъ и Духомъ въ Троицы,
Присно славима и поклоняема,
И Божію Матерь Богородицу,
Марію Царицу-Владычицу.

А грѣшныя беззаконныя рабы
Завидѣли Царицу Богородицу
И свѣта Михаила Архангела
Со всѣми небесными силами
И святыхъ великихъ апостоловъ,
Святитель и мученикъ
И всѣхъ полковъ святыхъ—святыхъ
Божіихъ,

Закричали во многіе голоса:
„Гой еси Царица Владычица
И свѣтъ Михайла, Архангелъ Господень,
Со всѣми небесными силами,
И вси пророци и апостоли
И святые святители и мученицы
И всѣ угодницы Божіи,—
Принадите вы къ престолу страшному,
Пролейте вы слезы умильны,
Къ самому Судіи небесному
За насъ убогихъ грѣшниковъ,
Чтобы онъ до насъ былъ, свѣтъ, мило-
стивъ,

Не послалъ бы насъ въ муки прелютыя“.
Речетъ къ нимъ Михайло, Архангелъ
Господень:

„Гой еси вы многія грѣшницы!
А злѣ Судія у насъ праведный,
Самъ Христосъ Царь грозный,
И судить судъ по дѣломъ всѣхъ.
И азъ, воевода небесныхъ силъ,
Всегда творю повелѣнное,
Что велѣно мнѣ отъ Самого Христа.
И нынѣ вы веце молитесь,
И безутѣшно своя слезы проливаете,
Не будетъ вамъ здѣ уже милости
За ваше житіе самовольное,
Что жили вы тамо на вольномъ свѣту,
Грѣхи ко грѣху прилагаючи,
А страшнаго суда забываячи
И вѣчнаго житія не воспоминаючи,
О своихъ вы грѣхахъ не плакалися;
Да тѣмъ вы Бога прогнѣвали,
И нынѣ нѣсть вамъ прощенія.
Уже здѣ Судія до васъ немилостивъ,
Подите вы вси въ муки вѣчныя
Со діаволомъ на вѣки мучитися“.

Тогда, ее услышавши, грѣшницы
Возрыдають они съ воплемъ великимъ
Къ Самому Христу, Царю небесному,
И съ кровавыми слезами возмолятся:
„Помилуй насъ, Владыко, помилуй
насъ“.

Тогда отвѣщаетъ имъ Самъ Христосъ:
„Право глаголю, не знаю васъ!
Идите вы вси во тьму кромѣшную
Со отцомъ своимъ со діаволомъ,
Нехощу бо васъ видѣти никогда же Азъ“.
Тогда ударяють ихъ ангелы
Прегрознымъ оружіемъ огненнымъ,
Прогоняють ихъ въ муки превѣчныя.
Тогда, пришедше къ рѣкѣ огненной,
Возрятъ назадъ къ раю свѣтлому,
Рекутъ со слезами умиленными
Послѣднее изреченіе:

„Прости ты насъ, прекрасный раю;
Прости ты насъ, Мати Богородица,
Владычица Царица небесная;
Прости ты насъ, крестъ Пресвятый
Христовъ;

Простите насъ вы, всѣ Ангелы,
Простите насъ, святіи вы всѣ Божіи.
Уже бо намъ не видати васъ,
Ни вашей славы великія,
Ни прекрасныхъ свѣтлостей солнеч-
ныхъ,
Ни пѣсней вашихъ прекрасныхъ гла-
совъ,

Ни вашей радости многія;
Уже мы идемъ въ преисподній адъ,
Въ тартаръ на вѣкъ мучитися.
Увы, увы, бѣсы всегда кричатъ
И зубы прелюте всегда крегчатъ,
А помощи никогда же видать.
Прости... свѣтлый, прекрасный рай.
Со всѣми Святими Божіими,
Уже мы отходимъ далече отъ васъ“.

Стихъ: похвала пустыни.

О прекрасная пустыня, и самъ Господь
пустыни похваляетъ,
Отцы во пустыняхъ скитались и Ангелы
отцемъ послужили,
Апостоли отцевъ похвалили, отцевъ
величали;

Пророцы отцевъ прославляли и святые
отцевъ похваляли.
О прекрасная пустыня,—отцы во пу-
стыни пребывали
И дивіемъ овощіемъ питались, изъ горъ
воды испивали.
Древа во пустыняхъ выростали, раз-
личными цвѣты расцвѣтали.
Ко древамъ птицы прилетали, на куд-
рявыя вѣтви посѣдали.
Они райскія пѣсни воспѣвали, отцевъ
во пустыняхъ утѣшали;
Отцы у нихъ Богу молились, день и
нощь Богу работали,
Колѣнами къ землѣ припадали и слезы
своя проливали

И плоть они свою изсушали и наги въ
пустыняхъ пребывали;
Отъ солнца они опалились, отъ мраза
они омерзали
И всякія скорби терпѣли, конецъ жи-
тію совершили.
Свои они души спасаютъ, отъ вѣчныя
муки избавляютъ
И царство небесное воспріемлютъ, за
весь міръ Бога умоляютъ,
А насъ они грѣшныхъ обращаютъ, на
чистое житіе поучаютъ.
И во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Начатки русской народной драмы.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, выпускъ 2-ой, стр. 197.

Вертепная драма *).

„Малорусскій вертепъ“, ст. Галагана. „Кіевск. Стар.“ 1882 г. № 10.

Вертепомъ называется занесенный въ XVI в. изъ Польши въ Мало-россію небольшой ящикъ или домикъ для представленій съ куклами. Первоначально въ немъ показывали Рождество Христово, и сцена представляла вертепъ, въ которомъ родился Спаситель,—отсюда названіе. Вертепъ раздѣлялся на два яруса: верхній назначался для серьезной части драмы, а нижній для бытовыхъ, комическихъ сценокъ—интермедій. За вертепомъ прятался человѣкъ, который управлялъ куклами, двигавшимися по прорѣзамъ въ полу сцены, и говорилъ за дѣйствующихъ лицъ. вмѣстѣ съ вертепомъ носили обыкновенно и *звѣзду*—большой звѣздообразный фонарь изъ промасленной бумаги на высокомъ шестѣ. Носили вертепъ и звѣзду на святкахъ, большой частью школьники—бурсаки, отпущенные на праздникъ; они пѣли колядки и „канты“, служившіе вступленіемъ къ вертепной драмѣ. Главное содержаніе вертепной драмы составляла смерть Ирода; ей предшествовали сцены поклоненія пастырей и волхвовъ, избіеніе младенцевъ Виолеемскихъ и плачь Рахили о своихъ дѣтяхъ. Комическія народныя сцены въ малорусскомъ вертепѣ не перемеживались съ серьезными, какъ въ западныхъ мистеріяхъ и въ польскомъ вертепѣ, а составляли особую, вторую часть драмы, почти ничѣмъ не связанную съ первой. Эта вторая часть представляла рядъ

*) Заимствовано изъ книги Алферова и Грузинскаго „Допетровская литература“.

отдѣльныхъ сценокъ, тоже слабо связанныхъ между собой, или совсѣмъ самостоятельныхъ; въ нихъ являлись представители разныхъ національностей или сословіи парами (мужчина и женщина), пѣли и плясали.—Здѣсь приведены отрывки изъ той и другой части вертепной драмы.

1. Рахиль осыпаетъ Ирода проклятіями; появляется воинъ и выталкиваетъ ее.

Послѣ сцены съ Рахилью, Иродъ, оставшись одинъ, въ раздумьи говоритъ:

„Увы! Какая сила временъ, вдругъ сдѣлалась перемена,
Думалъ жить вѣчно, напротивъ того приходитъ и кончина.
Однакожъ еще со смертію воевать буду“...

Онъ приказываетъ воинамъ стать у порога и, чтобы не вбѣжала смерть, ловить её, „яко мога“. Воины исполняютъ приказаніе царя, а хоръ поетъ грозную пѣсню, возвѣщающую приближеніе смерти:

Тутъ смерть выходитъ,
Рече къ нему вину:
Почто дерзнувъ пролить
Кровь неповинну,
За нюже реку
Стяжутъ твою душу,
И пригласити други
Своя мушу,
О, Ироде преокаянный!

Между тѣмъ въ дверь врывается и страшная гостя, изображенная, какъ обыкновенно, въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ. Воины въ страхъ убѣгаютъ, а смерть обращается ко Ироду со словами:

„Что ты, Ироде насытый,
Почто сіе болтаешь,
Мене убити—
Своимъ воинамъ повелѣаешь?
Я въ помощь призову
И своего брата,
Изъ пропасти ада.
Выйди, брате, друже любезный, пособити,
Кровопійцу Ирода отъ земли истребити!

По вызову смерти является чортъ. Наружный видъ его снятъ съ обычныхъ рисунковъ церковной живописи: цвѣта онъ чернаго, съ выпученными глазами, съ красною грудью, съ хвостомъ, рогами и черными крыльями. При входѣ его за сценой слышится:

„Гу, гу, гу, гу!
Почто, другиня, требуеши на порадѣ?“.

Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей, смерти,
поднять косу и убить Ирода,

Во главу,
Щобъ знали повсюду нашу державу!

Въ виду смерти Иродъ обнаруживаетъ бесполезную заносчивость,
говорить о своей славѣ и силѣ, но смерть прекращаетъ жизнь жестокаго,
властолюбиваго царя, ударяя его своею косою, а хоръ провожаетъ душу его
въ адъ, выражая желаніе, чтобы она тамъ вѣчно пребывала.

Дерзай: отъ смерти
Посіченъ косою
Да идетъ во адъ
И живетъ съ тобою;
И будетъ тамъ
Всегда пребывать
И безъ конца непрестанно.

Вслѣдъ затѣмъ чортъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его
въ свои объятія и говорить:

Друже мій вірный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глубочайшій бездні...

При этомъ за стѣной вертепа произносится правоученіе:

Отъ-такъ берутъ, а такъ несутъ
Роскошниківъ сего свѣта,
Понеже вони не могутъ
Отдать передъ Богомъ одвіта.

Ту же мысль выражаетъ и хоръ въ заключительныхъ стихахъ:

Не відавъ же вінъ,
Що вже истребится,
И царство его
Въ конецъ разорится.
Заслуга ёго
Знатна всімъ и явна,
За те жъ и пекельна
Бездна изготованна.
О, Ироде преокаянный!

Тутъ являются „дидъ и баба“ и пляшутъ подъ звуки малорусской
мѣсн. За ними—солдатъ-великоруссъ, котораго смѣняетъ цыганъ.

2. Цыганъ выѣзжаетъ верхомъ на клячѣ. Его рѣчь испещрена исковерканными словами. Цыганъ, сидя верхомъ, говоритъ:

Діги, діги,
Забувъ батько дуги!
На шляхъ да-ри-да-ти.
Бо йду съ празникомъ поздравляти...

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Гей! Криця—не лошиця,
Креминь—не кобыла.
Якъ біжить, ажъ дрожить,
Якъ впаде, то й лежить!

При этомъ кобыла падаетъ, и цыганъ летитъ на землю. Цыганъ продолжаетъ:

Пху! побила-бъ тебе нещастлива година,
Пре-пре-прекаторжного ты батька скотина!
Щобъ тобі ні стрило, ні брило,
Щобъ тебе на світі не було!
Одинъ однимъ зубъ держався!
Та й той теперъ у снігу zostався!

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, продолжаетъ:

Панове! Хто хоче—будемъ міняти,
Бо далєбі, ще стоїть її продати.

.

Цыганъ бьетъ кобылу и кричитъ:

До шатра! До шатра! До шатра!

Кобыла вскакиваетъ и убѣгаетъ. Цыганъ мечтаетъ:

Охъ юсти, юсти (вѣроятно: йісти)
Смаженої капусти!
Хочъ бы сальцемъ замаровати,
Та добре попировати!

Но старому цыгану не суждено было попробовать капусты съ любимымъ „сальцемъ“.

— Иди, батьку, кличе мати вечеряти,—говоритъ ему сынъ.

— А що тамъ доброго, сынку, варили?

— Казала мати: „нічого“.

— А хлїбъ же є?

— Де бъ вінъ взявся? нема!

— Такъ дарма. Вечеряйте собі на здоровье, а я зъ добрыми людьми ногомоню!...

3. Появляется передъ зрителями польскій панъ, одѣтый въ кунтушъ съ рукавами на вылетѣ. На головѣ у него конфедератка. За нимъ слѣдуетъ

молодой хлопъ. Панъ говорить по-польски нѣсколько уже искаженнымъ нарѣчіемъ:

А цо тута слыхаць голась?
Нѣхъ дзябло вѣзмъ гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, до женской палацѣ!

Мальчикъ уходитъ, а полякъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

А цо, панове?
Я изъ дзяда, изъ прадзяда
Уродзоний естемъ шляхтичъ!
Былемъ въ Львовѣ,
Былемъ въ Краковѣ,
Былемъ въ Кіевѣ,
Былемъ въ Варшавѣ и Платавѣ,
А теперъ естемъ у ясновельможного пана (имя рекъ)
Кторому до нугъ падамъ,
Жичу здрувья и много лята!

Затѣмъ слѣдуетъ обычное появленіе женщины соотвѣтственно народности дѣйствующаго лица. Полька цѣлуется съ мужемъ, и оба танцуютъ подъ звуки краковяка. Мальчикъ выглядываетъ изъ-за дверей и тоже танцуетъ, наконецъ выскакиваетъ на сцену и начинаетъ танцовать за спиною пана; оба сталкиваются, панъ падаетъ и кричитъ:

„А пудзь до дзябла, лайдакъ!
Я цѣ батогамі забію!“

Тогда полька обращается къ мужу со словами:

Пшепрашамъ пана Яна!
Идзь зе мнѣ,
Бо ціебѣ гайдамака забіе.

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

„Цо ты, не эдукована кобіто, мувишь?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!“

4. Здѣсь происходитъ сцена весьма характеристическая. Только что полякъ произнесъ свои хвастливыя слова, какъ раздается за сценой пѣсня запорожца:

Та не буде лучше.
Та не буде крашче,
Якъ у насъ, та на Украині!
Що немає жида,
Що немає ляха,
Не буде изміні!

.

Заслышавъ звуки пѣсни запорожца, полякъ бисто убѣгаетъ и на сцену является запорожець. Онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ фигуръ вертепа, одѣтъ въ широкія красныя шаровары и синюю куртку, обшитую галуномъ. Въ правой рукѣ у него булава, съ выбритой головы виситъ чуприна. €

○ Запорожець—главный герой пьесы, но авторъ уже чувствовалъ, что старое казачество отжило свой вѣкъ (текстъ пьесы относятся къ концу XVII-го или даже началу XVIII-го в.); поэтому козакъ грустно говоритъ зрителямъ: „Ай, панове, что это было, когда я молодъ былъ; то-то у меня была сила!“ Теперь же его подвиги состоятъ въ томъ, что онъ дерется со всѣми направо и налѣво. Характерно, что одна изъ стычекъ происходитъ съ попомъ униатомъ.

5. Слѣдуетъ народная сцена. Мужикъ Климы съ женой гонятъ свою ледащую свинью, которая изрыла весь огорода; мужикъ рѣшаетъ ее „дякамъ на школу дать, бо вона вже давно хотіла издохати“. Является „пан-дякъ“, т. е. дячокъ-учитель. Клима говоритъ:

Здоровъ бувъ, пане бакаляру
И нашъ таки пан-дяче!
Возьми собі оцю свиню,
Хай въ города не скаче!

Дячокъ въ радости зоветъ своего товарища, при чемъ для показанія своей учености называетъ его не по просту: Иване, а такъ:

Иже, віди, азъ, нашъ, есть!
Спіши сюда зіло!
Климій сотворивъ намъ честь,
Давъ свиняче тіло!

Потомъ дячокъ благодаритъ Клима нелѣпо-высокопарной рѣчью, хорошо передающей ухищренія школьнаго краснорѣчія:

Гевалъ, Амонъ и Амаликъ,
И всі живущи въ Тирі
Возрадуются доброти
И воспоють въ эфирі!
Мы вашу обреченну жертву,
Хотя живу, хотя мертву,
Со благодарностью приємлемъ
И выю вамъ обьемлемъ.

Дячокъ уходитъ, а Клима въ раздумѣ говоритъ: „Дивись, якъ пресучій дякъ подякувавъ гарно! Ажъ въ мене слезы навернулись!.. Правда, панове (къ публикѣ), есть за що и дякувати; свиня хочъ куды свиня,—ребра такъ и свитятця!“

Окончательный юмористическій штрихъ состоитъ въ томъ, что Клима, повернувшись къ женѣ, объясняетъ ей, что свинья и безъ того бы скоро издохла, а дячку все-равно надо было платить за ученіе сына.

„Петрушка“ *).

Народная кукольная комедія.

Представленія Петрушки, постоянно сопровождаемыя показываніемъ медвѣдя и козы, которая „била въ ложки“, уже давались въ XVII ст. Образованному иностранному путешественнику по Россіи, Олеарію, пришлось видѣть эту піесу въ XVII столѣтіи подъ Москвой и, по описанію, имъ сдѣланному, и по приложенной къ путешествію картинкѣ, „комедь о Петрушкѣ“ производилась слѣдующимъ незатѣйливымъ образомъ: комедіантъ надѣвалъ родъ короткой туники, въ подолъ которой былъ продѣтъ обручъ; онъ подымалъ обручъ вверхъ, и голова его такимъ образомъ оказывалась какъ будто въ вазѣ; изъ-за краевъ этой вазы онъ показывалъ исполненную драками комедію о Петрушкѣ...

Современный Петрушка, кромѣ грубаго жаргона и уродливой внѣшности, сохранилъ отъ старины дубинку, гнусавый пищикъ, музыку, и нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ—жену, доктора, полицейскаго, клоуна въ бѣломъ костюмѣ, который является подъ названіемъ нѣмца—но все это нѣсколько обрусѣло. Вотъ вкратцѣ содержаніе одного изъ вариантовъ.

Шарманка сипло наигрываетъ русскую пѣсню; изъ-за ширмъ слышатся то рѣзкіе, гнусавые возгласы, то кряхтѣніе, то подпѣваніе Петрушки, и въ одну изъ минутъ усталаго ожиданія, когда публика готова уже развлечься постороннимъ, онъ неожиданно показывается изъ-за ширмъ и кричитъ: „Здравствуйте, господа!“ и пускается въ разговоръ съ музыкантомъ, просить его сыграть плясовую и танцуетъ сначала одинъ, потомъ съ супругой (которую, по нѣкоторымъ вариантамъ, зовутъ „Маланьей Пелагевной“; а по другимъ „Пигасей Николавной“) и наконецъ прогоняетъ ее.

Является цыганъ и продаетъ ему лошадь; Петрушка ее уморительно осматриваетъ, тащитъ за хвостъ, за уши, садится и гарцуетъ и поетъ:

„Какъ по Питерской,
По Тверской-Ямской...“

Лошадь начинаетъ брыкаться, сбрасываетъ его, и Петрушка падаетъ, громко стучая деревяннымъ лицомъ о рамку ширмы, охаетъ, кряхтитъ, стонетъ и зоветъ доктора.

Приходитъ „докторъ-лѣкаръ, изъ-подъ Каменнаго моста аптекаръ“ и, рекомендуясь публикѣ, говоритъ, что онъ „былъ въ Италіи, былъ и далѣе“, и спрашиваетъ у Петрушки:

— Что у тебя болитъ?

„Какой же ты докторъ“, кричитъ ему Петрушка—„коли спрашиваешь, гдѣ болитъ? На что ты учился? Самъ долженъ знать, гдѣ болитъ“.

Начинается осмотръ Петрушки; докторъ ищетъ больного мѣста, тыкаетъ Петрушку пальцемъ и спрашиваетъ: „Тутъ? тутъ?..“, а Петрушка все время

*) Заимствовано изъ книги Алфѣрова и Грузинскаго „Донетровская литература“

кричитъ: „Повыше! Пониже! Крошечку повыше...“ и вдругъ неожиданно вскакиваетъ и колотитъ доктора. Докторъ скрывается.

Затѣмъ появляется клоунъ-нѣмецъ; Петрушка его убиваетъ, и нѣмецъ мертвый лежитъ на краю ширмъ. Музыкантъ говоритъ Петрушкѣ: „Что вы надѣлали, Петръ Ивановичъ? Сейчасъ полиція придетъ“. Петрушка сначала храбрится и, весело заглядывая въ физіономію лежащаго нѣмца, говоритъ: „Нѣмецъ-то притворился мертвымъ“. Затѣмъ взваливаетъ его себѣ на спину, тащитъ его домой, кричитъ безпечно: „Картофелю, картофелю! Поросятъ, поросятъ!..“

Появляется татаринъ, продаетъ халаты, а Петрушка думаетъ, что его берутъ въ солдаты; татаринъ рекомендуется незатѣйливой остроюй:

„Я татарскій попъ
Пришелъ ударить тебя въ лобъ!“

И исчезаетъ, преслѣдуемый Петрушкой. Петрушка возвращается одинъ. Онъ въ тревогѣ: боится наказанія, обращается къ музыканту и говоритъ: „Что, меня никто не спрашивалъ?“ Старается спрятаться, наконецъ садится, пригорюнившись, и поетъ жалобную пѣсню:

• „Пропала моя головушка
Съ колпачкомъ и съ кисточкой...“

Изъ-за ширмы показывается квартальный и Петрушку берутъ въ солдаты; онъ протестуетъ и говоритъ, что горбать—служить не можетъ. Квартальный возражаетъ: „Гдѣ жъ у тебя горбъ? У тебя нѣтъ горба!“ Петрушка кричитъ: „Потерялъ!“

Слѣдуетъ комическая сцена ооученія Петрушки воинскому артикулу, и, дѣлая дубиною ружейные приемы, онъ ударяетъ ею своего учителя; тотъ кричитъ на него, а Петрушка вытягивается во фронтъ и говоритъ: „Споткнулся, ваше сковородіе!“ И затѣмъ прогоняетъ квартальнаго, а между тѣмъ приближается возмездіе за его безобразное поведеніе.

Прибѣгаетъ рычащая собака.

Петрушка видитъ, что его дѣло уже плохо, пробуетъ обратиться за помощью къ музыканту, но получаетъ отказъ, и старается умаслить собаку ласковыми названіями, гладитъ и приговариваетъ. „Шавочка, душечка! Орелочка!“, но собака неожиданно хватаетъ его за носъ и тащитъ, а Петрушка, не успѣвъ поблагодарить публику за вниманіе, только кричитъ, намекая на свой носъ: „Моя табакерка! моя табакерка! Моя скворешница!..“ и при общемъ хохотѣ скрывается за ширмами. Приумолкнувшій шарманщикъ опять начинаетъ вертѣть шарманку и наигрываетъ русскую пѣсню.

„Лодка“ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Атаманъ, грознаго вида, въ красной рубашкѣ, черной поддевкѣ, черной шляпѣ, съ ружьемъ и саблей, съ пистолетами за поясомъ; поддевка и шляпа богато украшены золотой бумагой.

Эсаулъ, одѣтъ почти такъ же, какъ и Атаманъ; украшения изъ серебряной бумаги.

Разбойники, одѣты въ красныя рубахи, на головахъ мѣховыя шапки съ значками изъ разноцвѣтной бумаги, за поясомъ различное оружіе.

Неизвѣстный (онъ же Безобразовъ), одѣтъ въ солдатскій мундиръ, съ ружьемъ въ рукахъ и кинжаломъ за поясомъ.

Богатый Помѣщикъ, пожилой, иногда сѣдой, въ туфляхъ, пиджакъ или халатъ, на головѣ котелокъ, въ рукахъ трубка съ длиннымъ чубукомъ.

Дѣйствіе происходитъ на широкомъ раздольи матушки Волги, на косной лодкѣ; послѣдняя сцена на берегу, въ домѣ Богатаго Помѣщика. Ни декорацій, ни кулисъ, ни суфлера, ни, вообще, какихъ либо сценическихъ приспособленій не полагается.

Всѣ участвующіе въ представленіи входятъ въ опредѣленную заранее избу съ пѣніемъ какой-либо пѣсни. Чаще всего исполняется слѣдующая:

Ты дозвожь, дозвожь, хозяинъ,
Въ нову горенку войти!
Припѣвъ } Ой калина! ой, малина!
 } Черная смородина (дважды).
Въ нову горенку войти,
Вдоль по горенкѣ пройти, (2)
Слово вымолвити.
У тебя въ дому, хозяинъ,
Нѣтъ ли лишняго бревна?
Если лишнее бревно,
Давай, вырубимъ его!

По окончаніи пѣсни, выступаетъ впередъ Эсаулъ и, обращаясь къ хозяину, говорить:

Эсаулъ. Не угодно ли вамъ, хозяинъ, представленіе посмотрѣть?

Хозяинъ обыкновенно отвѣчаетъ: „Милости просимъ!“ „Добро жаловать!“ или что нибудь въ этомъ родѣ.

Всѣ участники представленія выходятъ на середину избы и образуютъ кругъ, въ срединѣ котораго становятся, другъ противъ друга, Атаманъ и Эсаулъ.

СЦЕНА 1-я.

Атаманъ (топаетъ ногою и кричитъ грозно).
Эсаулъ!

Эсаулъ (точно также топаетъ ногою и кричитъ въ отвѣтъ). Атаманъ!

Атаманъ.

Подходи ко мнѣ скорѣй,
Говори со мной смѣлей!

Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смѣло—

Велю тебѣ вѣатить сто,

Пропадетъ твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаулъ.

Вотъ я передъ тобой,
Какъ листъ передъ травой!
Что прикажешь, Атаманъ?

*) Впервые появляется въ печати.

Атаманъ. Что-то скучно... Спойте мнѣ любимую мою пѣсню.

Эсаулъ. Слушаю, Атаманъ!

Запѣваетъ пѣсню, хоръ подхватываетъ. Начало каждой строки запѣваетъ Эсаулъ.

Ахъ, вы, горы мои, горы,
Горы Воробьевскія!
Ничего-то вы, ахъ, да горы,
Не спородили.
Спородили вы только, горы,
Бѣлъ горючъ камень.
Изъ-подъ камешка бѣжитъ
Быстра рѣченъка... и т. д.

Атаманъ во время пѣнія пѣсни, въ глубокой задумчивости, ходитъ взадъ и впередъ, со скрещенными на груди руками. По окончаніи пѣсни останавливается, топаетъ ногою и кричитъ.

Атаманъ. Эсаулъ! Подходи ко мнѣ скорѣй... и т. д.

Эсаулъ. Что прикажешь, могучій Атаманъ?

Атаманъ.
Будетъ намъ здѣсь болтаться,
Поѣдемъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
разгуляться.
Мигоментально сострой мнѣ косную
лодку!

Эсаулъ. Готова, Атаманъ:
Гребцы по мѣстамъ,
Весла по бортамъ!
Все въ полной исправности.

Въ это время всѣ разбойники садятся на полъ, образуя между собою пустое пространство (лодка), въ которомъ расхаживаютъ Атаманъ и Эсаулъ.

Атаманъ (обращаясь къ Эсаулу). Молодецъ! скоро потрафилъ! (Обращаясь къ гребцамъ). Молись, ребята, Богу! отваливай!

Гребцы снимаютъ шапки и крестятся; затѣмъ начинаютъ раскачиваться взадъ и впередъ, хлопая рукою объ руку (изображается гребля и плескъ весель).

Атаманъ. Эсаулъ! Спой любимую мою пѣсню!

Эсаулъ вмѣстѣ со всѣми разбойниками поютъ:

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...

Атаманъ (перебивая пѣсню). Эсаулъ! Подходи ко мнѣ скорѣй... и т. д.

Эсаулъ. Что прикажешь, могучій Атаманъ?

Атаманъ.
Возьми подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Смотри во всѣ стороны:
Нѣтъ ли гдѣ пенъевъ, кореньевъ, мел-
кихъ мѣстъ?

Чтобы нашей лодкѣ на мель не сѣсть!

Эсаулъ беретъ картонную трубку и осматриваетъ кругомъ.

Атаманъ (кричитъ).
Зри вѣрнѣй, Сказывай скорѣй!
Эсаулъ. Смотрю, гляжу и вижу!
Атаманъ. Сказывай, что видишь?
Эсаулъ. Вижу: на водѣ колода!

Атаманъ (какъ бы не разслышавъ).
Какой тамъ чортъ—воевода!
Будь ихъ тамъ сто или двѣсти—
Всѣхъ ихъ положимъ вмѣстѣ!
Я ихъ знаю и не боюсь,
А если разгорюсь,
Еще ближе къ нимъ подберусь.
Эсаулъ-молодецъ!
Возьми мою подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Посмотри на всѣ четыре стороны,
Нѣтъ ли гдѣ пенъевъ, кореньевъ,
Мелкихъ мѣстъ,
Чтобы нашей лодкѣ на мель не сѣсть!
Гляди вѣрнѣй,
Сказывай скорѣй!

Эсаулъ снова начинаетъ оглядывать окрестности. Въ это время издали слышно пѣніе пѣсней:

Среди лѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ...

Атаманъ (сердито топаетъ и кричитъ).
Кто это въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ
гуляетъ

И такъ громко пѣсни распѣваетъ?
Взять и привести сюда немедленно!

Эсаулъ (выскакиваетъ изъ лодки, но сейчасъ же возвращается).

Дерзкій пришлецъ въ вашихъ заповѣдныхъ лѣсахъ гуляетъ

И дерзкія пѣсни распѣваетъ,

А взять его нельзя,

Грозится убить изъ ружья!

Атаманъ.

Ты не Эсаулъ, а баба,

У тебя кишки слабы!

Сколько хошь казаковъ возьми,

А дерзкаго пришельца приведи!

Эсаулъ беретъ нѣсколько человекъ и вмѣстѣ съ ними выскакиваетъ изъ лодки.

СЦЕНА 2-я.

Эсаулъ съ разбойниками | возвращаются и приводятъ съ собою связаннаго незнакомца.

Атаманъ (грозно).

Кто ты есть таковъ?

Незнакомецъ.

Фельдфебель Иванъ Пятаковъ!

Атаманъ.

Какъ ты смѣешь въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ гулять

И дерзкія пѣсни распѣвать?

Незнакомецъ.

Я знать, никого не знаю;

Гдѣ хочу, тамъ и гуляю

И дерзкія пѣсни распѣваю!

Атаманъ.

Расскажи намъ, чьего ты роду-племени?

Незнакомецъ.

Роду-племени своего я не знаю,

А по волѣ недавно гуляю...

Насъ было двое—братъ и я,

Вскормила, вспоила чужая семья.

Житѣе было не въ сладость

И взяла насъ завидость;

Наскучила горькая доля,

Захотѣлось погулять по волѣ.

Взяли мы съ братомъ вострый ножъ

И пустились на промыселъ опасный:

Взойдетъ ли мѣсяцъ среди небесъ,

Мы изъ подполья—въ темный лѣсъ,
Притаимся и сидимъ,

И на дорогу все глядимъ:

Кто ни идетъ по дорогѣ—

Жидъ богатый,

Или баринъ брюхатый,—

Всѣхъ бьемъ,

Все себѣ беремъ!

А не то въ полночь глухую

Заложимъ тройку удалую,

Къ харчевнѣ подъѣзжаемъ,

Все даромъ пьемъ и подъѣдаемъ...

Но не долго молодцы гуляли,

Насъ скоро поймали

И съ братомъ вмѣстѣ кузнецы сковали,

И стражи отвели въ острогъ.

Я тамъ жилъ, а братъ не могъ:

Онъ скоро захворалъ

И меня не узнавалъ,

А все за какого-то старика признавалъ.

Братъ скоро померъ, я его зарылъ,

А часового убилъ.

Самъ побѣжалъ въ дремучій лѣсъ

Подъ покровъ небесъ;

По чащамъ и трущобамъ скитался

И къ вамъ попался.

Ежели хочешь, буду служить вамъ,

Никому спуску не дамъ!

Атаманъ (обращаясь къ Эсаулу).

Запиши его! это будетъ у насъ первый воинъ.

Эсаулъ. Слушаю, могучій Атаманъ!

(Обращаясь къ Незнакомцу).

Какъ тебя зовутъ?

Незнакомецъ.

Пиши—Безобразовъ!

Атаманъ снова приказываетъ Эсаулу взять подворную трубку и посмотрѣть, нѣтъ ли какой нибудь опасности.

Эсаулъ (заявляетъ).

На морѣ чернедь.

Атаманъ (какъ бы не разслышавъ).

Что за черти?

Это—въ горахъ черви,

Въ водѣ—черти,

Въ лѣсу—сучки,

Въ городахъ—судейскіе крючки—
Хотятъ насъ изловить,
Да по острогамъ разсадить.
Только я ихъ не боюсь,
А самъ поближе къ нимъ подберусь.
Смотри вѣрнѣй,
Сказывай скорѣй,
А не то велю вкатить разиковъ сто—
Пропадетъ вся твоя эсаульская служба
ни за что!

Эсаулъ (посмотрѣвъ снова въ трубу).
Смотрю, гляжу и вижу!
Атаманъ. А что ты видишь?

Эсаулъ. Вижу на берегу большое село!

Атаманъ. Вотъ давно бы такъ,
а то у насъ давно брюхо подвело.
(Обращаясь къ гребцамъ). Приворачивай, ребята!

Всѣ разбойники хоромъ подхватываютъ и весело поютъ пѣсню:

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережечку... и т. д. до конца.

Лодка пристаетъ къ берегу. Атаманъ приказываетъ Эсаулу узнать, кто въ этомъ селѣ живетъ

Эсаулъ (кричитъ, обращаясь къ публикѣ).
Эй, полупочтенные, кто въ этомъ селѣ живетъ?

Кто нибудь изъ публики отвѣчаетъ:

Богатый Помѣщикъ!

Атаманъ посылаетъ Эсаула къ Богатому Помѣщику узнать:

Радъ ли онъ намъ,
Дорогимъ гостямъ?

СЦЕНА 3-я.

Эсаулъ (выходитъ изъ лодки и, подойдя къ одному изъ участниковъ представленія, спрашиваетъ:) Дома ли хозяинъ? кто здѣсь живетъ?

Помѣщикъ. Богатый Помѣщикъ.

Эсаулъ.

Тебя то намъ и надо!

Радъ ли ты намъ,

Дорогимъ гостямъ?

Помѣщикъ. Радъ!

Эсаулъ. А какъ радъ?

Помѣщикъ. Какъ чертямъ!

Эсаулъ (грозно). Ка-акъ? повтори!

Помѣщикъ (дрожащимъ голосомъ).
Какъ милымъ друзьямъ.

Эсаулъ. Ну, то-то же!

Эсаулъ возвращается назадъ и докладываетъ обо всемъ Атаману. Атаманъ велитъ разбойникамъ идти „въ гости къ Богатому Помѣщику“. Шайка подымается и нѣсколько разъ обходитъ вокругъ избы съ пѣніемъ „залихватской“ пѣсни:
Эй, усы! вотъ усы! Атаманскіе усы!...

Кончивши пѣсню, шайка подходитъ къ Богатому Помѣщику. Атаманомъ и Помѣщикомъ повторяется почти буквально діалогъ съ Эсауломъ. Въ концѣ концовъ Атаманъ спрашиваетъ:

Деньги есть?

Помѣщикъ. Нѣтъ!

Атаманъ. Врешь, есть!

Помѣщикъ. Тебѣ говорю—нѣтъ!

Атаманъ (обращаясь къ шайкѣ, кричитъ).
Эй, молодцы! жги, пали Богатаго Помѣщика!

Происходитъ овалка и представленіе кончается.

Баринъ и Приказчикъ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

1. Баринъ Голый, въ халатѣ, котелкѣ или мягкой шляпѣ, въ рукахъ трубка съ длиннымъ чубукомъ.
2. Ванька Малый, одѣтъ половымъ изъ мелкаго трактира.
3. Приказчикъ, въ крестьянской одеждѣ, если есть,—то стариннаго покроя.

Обстановки никакой не полагается. Разыгрывается на Святкахъ и иногда на Масляницѣ ряжеными. Существуетъ масса вариантовъ, или, вѣрнѣе, каждый исполнитель варьируетъ свою роль по вдохновенію.

Баринъ (къ зрителямъ).

Я есть баринъ богатый,
Да къ тому же еще и тароватый;
Родъ мой древній,
А въ вотчинѣ села и деревни:
Три двора,
Одна труба,
Семеро воротъ
Въ одинъ огородъ,—
Оброкъ большой получаю...
Кричитъ хлопая, въ ладоши:).

Эй, Ванька Малый!

Ванька Малый.

Что прикажешь, баринъ Голый?

Баринъ.

Позови ко мнѣ моего приказчика!

Ванька Малый.

Слушаю, Голый баринъ!

Приказчикъ (входя, бухается въ ноги барину).

Здравія желаемъ, батюшка-баринъ!
(Въ сторону).

Черти бы тебя подрали и съ потрохами.

Баринъ.

Здравствуй, здравствуй, мужичокъ!
Какъ вы тамъ у меня поживаете,
Хорошо ли добываете?

Приказчикъ.

Хорошо, батюшка баринъ!

Твоими молитвами какъ шестами под-
пираемся.

Баринъ. Что мои мужички подѣ-
лываютъ? что Степанъ Гоголя?

Приказчикъ. Онъ, батюшка ба-
ринъ, по ремеслу пошелъ.

Баринъ. Вотъ это хорошо! по ка-
кому же?

Приказчикъ. А чужіе карманы
очищаетъ!

Баринъ.

Стало быть онъ много добываетъ.
А Ванька Кривуля?

Приказчикъ. А этотъ, батюшка
баринъ, въ ученѣе ударился.

Баринъ. И это хорошо! Какія же
онъ науки происходитъ?

Приказчикъ. А на собакахъ
шерсть бьетъ!

*) Впервые появляется въ печати.

Баринъ. Я и самъ больше по этой же лавочкѣ ударяю!.. А Семень Кособрюхій?

Приказчикъ. Этотъ совсѣмъ легкимъ дѣломъ занялся.

Баринъ. Какимъ-такимъ легкимъ дѣломъ?

Приказчикъ. А съ голодухи на воротахъ повѣсился.

.

Баринъ. Хорошими дѣлами мои мужички занимаются! значить и оброкъ хорошій припасли?

Приказчикъ. У насъ отродясь плохого не бывало: въ одномъ карманѣ—вошь на арканѣ, а въ другомъ—блоха на цѣпи...

Баринъ. Все ли благополучно въ моемъ имѣньи?

Приказчикъ. Все, батюшка баринъ, слава Богу! Только, вотъ ножичекъ сломался.

Баринъ. Какой ножичекъ?

Приказчикъ. А складышокъ-то!

Баринъ. Отчего же онъ сломался?

Приказчикъ. А вашъ Сѣрко вступилъ, еще правую переднюю ногу повредилъ.

Баринъ. Зачѣмъ же его выводили?

Приказчикъ. А въ бочку запрягли, по воду ѣхать.

Баринъ. Какъ же вы, такіе-сякіе, смѣли хорошую лошадь въ бочку заложить?

Приказчикъ. Всѣхъ запрягли, на пожаръ воду возить.

Баринъ. Какой такой пожаръ?

Приказчикъ. А коли ваша-то усадьба горѣла.

Барина. Да развѣ моя усадьба сгорѣла?

Приказчикъ. Какъ же, батюшка баринъ, въ ту самую ночь, коли ваша дочь померла.

Баринъ. Что ты врешь? Отъ чего же она померла?

Приказчикъ. А все отъ непріятности, что ея маменька, а ваша супруга на сучкѣ повѣсилась. А то все—слава Богу!

Записалъ Н. Н. Виноградовъ.

Словарь. *)

СТР.

1. проулочкамъ—проходамъ между домами, стоящими близко одинъ къ другому.
2. недоросточки—малолѣтки.
рядырядить—устанавливать порядокъ.
рожь ужинистая — обильная, густая рожь.
3. посконная борода—борода, сдѣланная изъ конопли.
свѣжина—свѣжее.
чигуны—чугуны.
верей—столбы, на которые навѣшиваются ворота.
4. на гумно свалилась—была доставлена на гумно.
овинъ—1) зданіе для просушки хлѣба; 2) мѣра=200 сноповъ. Такимъ образомъ овинъ посадить значитъ: наполнить овинъ снопами, а также: связать двѣсти сноповъ.
былица,—бѣлица, бѣловникъ—травянистое растеніе — *Leucanthemum vulgare*.
5. порохомъ—пылью, порошкомъ.
позаиндивѣло—подернулось налетомъ.
яхонка—яхонтъ, т. е. рубинъ или сафиръ.
стрепенися—встрепенися.
6. зачати—начинать.
ядренистое—крѣпкое плотное.
осередь—посреди.
7. ширинка—полотенце или половинчатая салфетка, обшитая кружевами и лентами, на которой несутъ икону или хлѣбъ-соль.
нижеть—нанизываетъ.
свекоръ, свекровь—мужнины отецъ и мать.
вѣтинка—вѣточка.
8. солодушка—названіе травянистаго растенія, сладкокорникъ, сем. бобовыхъ.

СТР.

8. красочна—цвѣтокъ.
9. видли—видѣли.
10. вдовина—вдова.
12. собранушки — наиболѣе ближніе сѣди, которые въ свободное время собираются для бесѣды.
на вкорилася—не покорилася.
споклонила—поклонилася.
13. воротичкамъ—воротамъ.
верейшкѣ—см. стр. 3.
павушка—пава, самка павлина.
14. сѣнитесь ворота—растворитесь ворота.
хмелевое перушко — чешуйка цвѣтка хмеля.
угорюнилась—пригорюнилась.
кукобница — скопидомка, бережливая.
15. смурый—сѣроватый.
опоясочко—поясъ.
дуда—дудка, музыкальный инструментъ.
загула—загудѣла.
сыта—вода, въ которой распущены медъ, употребляется какъ приправа къ овсяному киселю и др. кушаньямъ.
гудочка—гудокъ, музыкальный инструментъ.
16. рѣшетчатая—съ рѣшеткой, съ перилами.
важивати—водить.
пивоварушкою—пивоваромъ.
нескорожена—неборонена.
18. бажона—береженная, дорогая.
ворамень—въ глухомъ, непроходимомъ лѣсу; въ лѣсной поросли на запущенной пашнѣ.
исполевана—полотая.
трубчатая — толстая, напоминающая трубу.
жалѣнице—жалоба.
сходимымъ—всходимымъ.
19. куть—уголъ.

*) Въ составленіи словаря дѣятельное участіе принимали Н. Н. Виноградовъ и В. И. Короленько.

СТР.

19. **паруша**—пара, однолѣтка.
сѣмешь—смоешь.
дивья—дѣвичья.
красотушку—1) привольную дѣвичью жизнь; 2) елочку, украшенную лентами.
нѣгуша—хорошее житье.
20. **бажона** см. стр. 18.
остудушку—на холодное, неучастливое отношеніе.
сѣновать—долго жить; здѣсь: всю свою жизнь проводить.
пришатнется—приблизится; подойдетъ съ привѣтомъ, лаской.
рыбнымъ гребешкомъ—т. е. сдѣланнымъ изъ рыбьей кости (моржевой или перламутра).
21. **мелкопрядну косу**—т. е. мелко заплетенную косу.
розсказа—краснобая.
срѣтать—встрѣчать.
22. **покрутуша**—одежда.
крутить—послѣ свадьбы переплести дѣвичью косу на двѣ косы и покрыть бабьимъ уборомъ.
не въ преносъ—не для разбалтыванья.
порядными—живущими рядомъ.
преславнице—осужденье.
ретивому—ретивому, горячему.
на переносѣ крылечкѣ—на крыльцѣ съ точеными колонками.
совѣтны—близкіе, съ которыми можно посовѣтоваться.
баженой—см. стр. 18.
желанный—дорогой.
поканѣво—покажѣсть.
прогульную—улицу, по которой гуляютъ.
холетьбой—холостой молодежи.
перебраною—отборною.
правильникъ—тотъ, кто выправляетъ, т. е. собираетъ, недоимки.
23. **ословнсе**—славное, прославленное.
рядовая—улица съ торговыми рядами.
рѣшетчаты—стр. 16.
хоромы—большое зданіе со многими комнатами.
переное крылечко—стр. 22.
врови—вровень.
въ прибережну... къ мѣсяцу—у берега, у края.. къ самому мѣсяцу.
розливъ—розливанье, обиліе.
подшовавъ—подчивавъ, угощавъ.
спорядовыхъ—рядомъ живущихъ.
подченіе—подчиваніе, угощеніе.
перекладъ—перекладыванье.
ларецъ, ларь—ящикъ, сундукъ для храненія вещей.
ульяисливой—любящій выпить лишнее.
судимую сторонушку—въ сторону, гдѣ будутъ осуждать.
корила съ—жаловалась.

СТР.

24. **остудная жирушка**—плохая, постылая жизнь.
судьячить—пересуживать, осуждать.
миѣшинько—мнѣ.
носящатое окно—окно съ косяками, створчатое, въ отличіе отъ волокового, задвигаемаго доской.
во заботушкѣ—въ заботѣ.
скатный жемчугъ—отборный жемчугъ.
шлюзы шлюзить—дѣлать шлюзы.
25. **напрокучила**—надоѣла.
стоги пятигодные—стоги, которые копились за 5 лѣтъ.
застѣки неисходныя—закромы неиспощимые, большіе запасы хлѣба.
доложенная—со спросомъ, съ докладомъ, выдающаяся.
спрошаючи—со спросомъ.
вздоложаючись—съ докладомъ.
спустять—отпустить.
чужбининъ или чужанинъ—чужеземецъ, съ чужой стороны пришлецъ.
пѣздъ—проводятыя новобрачныхъ, поѣзжане.
воротовая—та, что на воротѣ.
горнитура—старинная ткань.
поровеночки—ровесницы, однолѣтки.
заузорчатую—съ узорами.
26. **перильный**—съ перилами.
сбережатые—берегущіе, почетная охрана невѣсты.
ржавчина—слѣды тлѣнія.
27. **ладушка**—ласкательное слово: хороший, покладистый.
наносятъ—поносятъ, бранятъ.
жирушка—стр. 24.
смеретушка—смерть.
калика—странникъ.
семенчикъ—мужъ.
многоуходный—требующій многого ухода.
не по размысламъ—не по уму, не по разуму.
спорядобные—то же, что спорядовые—живущіе рядомъ.
раздѣять—перетерпѣть что, раздѣлаться съ чѣмъ.
прошупала—прозѣвала, пропустила.
болѣзнь—дорогой.
околенка—окошко.
28. **жирушка**—стр. 24.
гола—голаго.
подманула—подманила, приманила.
жаланыца—надежды, мечты, грезы.
затула—спрятала.
кручинная—несчастливая.
переное крылечушко—стр. 22.
иссевичатымъ или косящатымъ—см. стр. 24.
скаченой—отборный, скатный.
опальное—траурное.

стр.

29. натучій — неустойчивый, катящийся, перевертывающийся.
 подводье — осѣвшая отъ мутной воды грязь, иль.
 владычкому — Господнему.
 стошнится — стоскуется.
 груздила — оттягивала.
 безталаннице — несчастье.
 принабятъ — лишнее скажутъ.
 борова — выросшая въ бору, въ сосновомъ сухомъ лѣсу.
 ретливоемъ — стр. 22.
 спораннему — раннему.
30. задернѣютъ — покроются дѣрномъ.
 распашисты — распаханная.
 переное крылечка — стр. 22.
 немшное строенье — т. е. такое, котораго щели не заткнуты мхомъ, холодное.
 почестисъ уголь — почетный уголь, подъ образами.
 брусовой — изъ толстыхъ досокъ сдѣланный.
 герюша — печальная, несчастная.
 побѣдная — приневоленная, пришибленная.
 отшатилася — отшатнулась.
31. суровства — жестокосердія.
 споряднымъ — стр. 23 и 27.
 колоденки-колоды, лежащія на дорогѣ.
 прищелкала — раздробила, разбила.
 преужахнулъ — пришла въ чрезвычайный ужасъ.
 зяблая утробушка — робкая душа.
 сдѣтъ — сдѣлаеть.
 въ особину — отдѣльно.
 не ставится — не отзывается.
 не сдавается — не поддается.
 домовище — гробъ.
 хоронное — предназначенное для того, чтобы хоронить, прятать.
 ставочки — что поставлено: лавки, скамьи.
 ступистый — шагистый, съ размашистымъ ходомъ.
32. натучій — стр. 29.
 гостибище — мѣсто, гдѣ пріятно бывать въ гостяхъ.
 здай-те волю — дайте волю.
 спорядные — рядомъ живущіе.
 долить — гнететь, давить книзу.
 ошибать — угнетаетъ, пришибаетъ.
 брусовой — стр. 30.
 басенокъ — басней, рассказовъ.
33. посрѣнаются — попрекнутся.
 нень — нынѣ, теперь.
 учетнымъ — срочнымъ, заранее определеннымъ.
 скаченная — скатная, отборная.
 сустигае — постигаетъ.
 таланная — счастливая.
 уписана — написана.

стр.

33. бурлакъ — слово, обозначающее чело-
 вѣка, ведущаго горькую жизнь.
 смахне — взмахнетъ.
 жаліе — жалѣть.
 пошибаетъ — валить съ ногъ.
 шатучая осина — трепетная, всегда тря-
 сущаяся, дрожащая осина.
34. одиновыя — особенные, „единствен-
 ные“ — нарядные.
 покрутушка — одежда.
 нын — теперь.
 власти страховитыя — власти, внушаю-
 щія страхъ.
 поровечники — ровесники, однолѣтки.
 прогулушка — мѣсто гулянья.
 доброумице — хорошее расположе-
 ніе духа.
 сдвуродима — двоюродная.
 правосущій — справедливый, правди-
 вый.
 прилещаются — ласкаются, говорятъ
 ласки.
 приужахнуться — чрезвычайно испу-
 гаться.
 лича — лица.
35. участникъ участивъ — имѣющій право
 на часть общинной земли.
 дольщикъ — то же самое.
 лестать — льстятъ, хвалятъ, подла-
 ваются.
 пожинки — пожня, сѣнокосъ.
 пѣлошились — отбѣгали прочь.
 пустылая — постылая.
 большакъ — старшій, хозяинъ въ семьѣ.
 настоятель — то же, что большакъ, т. е.
 хозяинъ въ домѣ.
 сѣвчеи — сѣятелемъ.
 въ крѣпкій сонъ не забранось — въ крѣп-
 кій сонъ не погружаются.
 повыстали — встали.
 шариночку — шеренгу, рядъ.
 камендеры — командиры.
 надрыгались — надругались.
 умилнетенько — съ бодрымъ видомъ.
 скрозенозный — насквозь строящее
 козни, постоянно придирающееся.
36. бранымъ — разными узорами выткан-
 нымъ.
 кляпцомъ — приборомъ для ловли звѣрей.
 опотычусь — обтыкаюсь, окружу себя.
 залучати — заманивать.
 по стѣпи — по слѣдамъ.
 отягивались — отходили, отбѣгали.
 стрѣшника — встрѣчнаго.
 поперешника — перешедшаго дорогу.
 повѣтра — кто напускаетъ „порчу“ по
 вѣтру.
 пустозолосый — плѣшивый.
 булатный — закаленный стальной.
 рудожелтый — рыжій.
37. трясовица, колючка, свербежъ, стрѣльба
 огневица и др. — народные названія

СТР.

- болѣзней (трясовица—лихорадка; огневица — горячка, тифъ; черная немочь—падучая; свербезъ, стрѣльба или пострѣль—острыя, судорожныя боли въ поясницѣ).
37. тарь-тарары—адъ, преисподняя. открутись—отстань, отвязись. взмиллось—поправилось, мило стало. платъ вѣнчальный—вѣнчальная фата, покрывало. загорный студенецъ—ключъ, родникъ за горой. черта призорочная—заколдованная черта. чело думное—чело, много думающее; умная голова.
38. обморочить—обмануть, околдовать. узерочить — испортить, напустить порчу. въ обыденъ—во время дня, въ теченіе дня, днемъ. востой и сухота — простонародныя названія болѣзней: худосочіе и худоба.
39. тяга—тяжесть, вѣсъ, грузъ. перемѣтная сумочка — сумка, которая перебрасывается черезъ плечо или черезъ сѣдло въ обѣ стороны. погонялка—кнутъ. скранется—наклонится, постронится. опочивъ держать—ложиться спать.
40. дикіе—быки, зубры. по островамъ — по обособленнымъ частямъ или группамъ лѣса. чермчатая пеленка—красная пеленка. въ наукъ пошла—хорошо была выучена.
41. обертываться соколомъ—обращаться въ сокола. за щитомъ взять—приступомъ взять. на дымъ спустить—выжечь. звѣри сохатые—лоси. перемѣнныя яства — разнообразныя яства. во насту—по обледнѣлому покрову снѣга.
42. желѣзцы—желѣзное остріе на стрѣль. рыбій зубъ — перламутръ и рыбья кость (моржовая), вырѣзы—рельефныя рѣзныя или лѣпныя украшенія. кирпичатый—устланый кирпичами. люди посадскіе—простонародье. оболано—облако.
43. сошка—соха. омѣшки—металлическіе наконечники сохи, которыми роютъ землю. побѣдѣ—обѣденная пора, обѣдъ. соловая—масть лошади. гужини—гужи, возжи, ремешки, связывающіе оглоблю съ хомутомъ. подорожныхъ грошей — тѣхъ, что собираются по дорогамъ съ проходящихъ.

СТР.

43. шалыга — кистень или нагайка съ пулей на концѣ. обжи—оглобли.
44. драни надеру — съ зеренъ ячменя сдеру шелуху, для варки пива. въ сидняхъ сидѣль—не владѣль ногами, не могъ встать. отворачивать — отказываться отъ угощенія, предлагая угощающему самому выпить или съѣсть.
45. поваживай—води. поленица—имя общее для муж. и женск. рода, обознач. странствующій богатырь, ищущій подвиговъ, приключеній. палъ — паленое мѣсто, т. е. мѣсто, гдѣ выжженъ былъ лѣсъ. заложиться—отдать себя въ закладъ.
46. заколодила, замуравила — сдѣлала непроѣзжей. покланый—кривой. волчья сыть—снѣдь волчья; то, что ѣсть волкъ. мошь—можешь. разрывчатый—тугой. косица—височная кость.
47. рогатины звѣринныя — такія рогатины, или вилы, съ которыми ходятъ на медвѣдя. зашпишалось—задержалось. обѣденки—обѣдни. посмѣхаешься—смѣешься. подлыгаешься—вредишь, лжешь. подколѣнными князьямъ — младшимъ, подчиненнымъ князьямъ. откуловый—откуда родомъ, происхожденіемъ. звалить—величать, прозывать.
48. закралась—закрылись, засохли.
49. дробныхъ—мелкихъ. станишники—живущіе въ станицахъ—1) казаки, 2) разбойники. облавили—толпой окружили. изъ налушна—изъ колчана. кряквистый—кряжистый, сучковатый, крѣпкій. въ черепья въ немезья—въ мелкія щепки. голюшки набацимъ—пропившіе все за всегдатаи кабаковъ.
50. погулывать на церкви — безобразно ведетъ себя по отношенію къ храмамъ.
51. шемаханскаго шелку — шелку, который привозился съ Востока (на Кавказѣ есть городъ Шемаха, до сихъ поръ славящійся шелковыми издѣліями). нурава—столбы пыли. шеломя—холмы. мурзавецкія—копья — тоже привозимыя съ востока; сталь восточной выдѣлки очень цѣнилась.

СТР.

51. чивья—тѣ мѣста копья, гдѣ вставлялось желѣзо.
на-корачь—на колѣни.
52. водились—тянули борьбу, возились.
окати́лась—поскользнулась.
востопорщится—встрепенется.
жаровое дерево—рослый лѣсъ.
наконь—разъ.
кравчій—завѣдующій пищей.
ископытъ—слѣды отъ копытъ.
спороль—разрѣзалъ.
53. нахвальщикъ—хвастунъ.
тесмяную—сдѣланную изъ тесмы.
торока—ремни у задней сѣдельной луки для привязыванія чего нибудь.
палица—дубина, окованная желѣзомъ.
чернизину—что-то черное, издали кажущееся черной точкой.
наборная братья—сборная дружина.
учуль—услышалъ.
54. чернаское сѣдельшко—сѣдло, вывезенное съ Кавказа, сдѣланное черкасами (черкесами?)
удробился—испугался.
посправился—оправился.
цѣвья—тоже, что чивья, стр. 51.
чинж(г)алище—кинжалъ.
55. стреножимши—стреноживши, связавши лошадямъ ноги, чтобы онѣ не могли далеко уйти.
подковырены—прошиты.
шапка сорочинская—мягкая, вяленая, сарацинская, т. е. арабская шапка.
шелепуга—плеть.
чебурацкаго свинца—свинца, привезеннаго съ востока.
хайлище—пасть.
личико—передняя часть.
сорочинскую—сарацинскую, арабскую.
чингалище—ср. 54.
семъ—давай-ка, а ну-ка
56. сверстался—поровнялся.
побратуемся—у богатыхъ былъ обычай „брататься“, мѣняться крестами.
постигаетъ—догоняетъ.
сkochилъ—соскочилъ.
57. щепливою походкой—щегольской походкой.
вѣжествомъ—хорошими манерами.
учала—начала.
съ причетью—съ причитаньемъ.
семья—жена.
сожидай—дожидайся.
сполнится—исполнится.
роженомъ—родномъ.
58. лучился—случился.
потыкается—спотыкается.
испровьдаться—пророчить, предсказывать.
перегонъ гонитъ—шибко ѣдетъ.

СТР.

58. воротмы—воротами.
безобсылочно—безъ доклада.
не приметя—не обращаетъ вниманія.
не вчуется—не вслушивается.
муравленая печка—изразцовая печка.
59. выигрышь, наигрышь—мелодія.
бласлови—благослови.
60. шалыжищемъ—шалыгой, см. стр. 42.
глухоморье—лукоморье—заливъ морской.
яхонтъ—рубинъ, сафиръ.
муравленъ черданъ—палатка, бесѣдка, сдѣланная изъ изразцовъ.
бесѣда—дорогъ рыбій зубъ—рѣзная скамья съ украшеніями (инкурстациями) изъ моржоваго клыка или перламутра.
бурнастая лисица—чернобурая лисица.
намочка, камка—сортъ матеріи.
замыслы—плоды фантазій, выдумки.
сходни—мостки.
гридня—пріемная комната въ княжескихъ палатахъ.
61. купавъ—красивый.
заимуй—занимай.
булатные—стальные.
носящатыя стѣны—сѣны на столбахъ.
животы—имущество.
куякъ—видъ племя.
62. перены—оперенныя на концѣ.
тигронъ—драгоценный камень (карбункулъ?).
не перечился—не спорилъ.
переставился—переставился, скончался.
пѣтью—пѣнію.
63. ярлыки—воззванія, посланія письменныя.
червлёный вязъ—дубина изъ вяза, налитая свинцомъ.
залѣшане—живущіе за лѣсомъ.
паче—болѣе.
нанунъ варенъ—обрядовое вареніе пива въ складчину.
пиво ячное—пиво изъ ячменя.
сыпь—доля каждаго изъ участниковъ.
бусы—большіе корабли.
баба залѣсная—баба изъ-за лѣсу.
64. съ носка—съ лицевой стороны.
выходы—откупное.
66. попрейдучи—спустя.
споряду—сплошь, по порядку.
пуста голова, человѣчья кость—черепъ.
черनावушка—чернорабочая.
67. валжены—сдѣланные изъ тяжелаго дерева, таволги.
ярыгоголи—порода утокъ.
вѣтляные—изъ ветлы.
ярыжки—судейскіе писцы.
цѣловальники—торговые люди, собиратели налоговъ.

СТР.

67. тавлеи—шахматы.
валящаты—рѣзные.
69. чудну образу—чудотворному образу.
побрамочна—бой, единоборство.
70. могутныя—могучія.
72. невыходы—недоимки.
рытый бархатъ—тисненый бархатъ.
червчатая камна—матерія краснаго цвѣта.
асделу—по дѣлежу.
73. загординился—загордился.
75. одноличныя—одинаковыя.
76. въ покрутѣ—въ одеждѣ.
бурушка да кавурушка—название лошадей по ихъ масти.
сокрутился—одѣлся.
опальное—траурное.
плашку—плаху, доску, на которой отрубали голову въ старину.
77. дяктилемъ—дятломъ.
78. канонеровъ—канонеры, т. е. артиллеристы.
прозрителя—мудраго.
чернеческій—монашескій.
убрусы—полотенца.
79. затюремнички—сидящіе въ тюрьмѣ.
81. вичи—очи.
бранка—плѣнница.
попівна—поповна.
зачували—услышали.
пробуваемъ—находимся.
великодня субота—страстная суббота.
роковый—годовой, отъ рокъ—годъ.
Великъ день—Пасха.
бодай—пусть, чтобы.
не мала—не имѣла.
82. не лайте—не ругайте.
видмикати—отворять, отмыкать.
нехай—пускай.
гуртівъ—гуртовъ, стадъ скота.
дбае—дѣлаеть, заботится, старается.
маетківъ—имущества, имѣній.
збуває—продаетъ, сбываетъ.
скарбівъ—денегъ, пожитковъ.
викупае—выкупаетъ.
втікали—убѣгали.
кіннихъ—конныхъ.
промовляе—говорять.
пішій—пѣшій.
сире—сырые, сироты.
посінае—сѣчетъ, рубить.
сліди—слѣды.
середульшій—средній.
зачувавъ—услышалъ.
питавъ—спрашивалъ.
не далася знати—не удалось узнать.
изъ піхвъ—изъ ноженъ.
похсвайте—спрячьте, похороните.
поталу—на сѣдленіе.
гостримъ—острымъ.
списъ—копье.
баиранівъ—лѣсныхъ долинъ, овраговъ.

СТР.

82. прибувати—достигать.
83. запилле—въ нѣлы жупаповъ.
верховіття—верхнія вѣтки.
зтинае—рубить.
шляхъ—дорога.
червону китайку—красную матерію, подкладку кафтана.
не дурно—не даромъ, не спроста.
жупанъ—кафтанъ.
мабуть—можетъ быть.
немае—у него нѣтъ онъ не имѣетъ,
видирае—выдираетъ.
въ тернахъ—въ колючемъ кустарникѣ.
на спочиві—на томъ мѣстѣ, гдѣ отдыхаетъ, спитъ.
минала—миновала.
безвідде—безводье.
безхлібе—безхлѣбье.
годі-жь—довольно, погоди.
пільгу—отдыхъ, покой, облегченіе.
пильно—пристально.
забачае—замѣчаетъ.
висминати—вытаскивать, выклевать.
промовлявъ—сказалъ.
жовтоі—желтой.
дрібна—мелкая.
вовки-сіроманці—сѣрые волки.
квилили—кричали, выли.
жваковали—обгладывали, грызли.
вони—они.
зозуленька—кукушка.
дохождали—доходили.
туга—горе.
прибувати—прибывать, пріѣхать.
питати—спрашивать.
ночной дабы—въ ночную пору.
карбовали—рѣзали, рубили на части.
взди́мали—подымали.
глумовали—смѣялись, надсмѣхались.
83. чубатыхъ—съ чубами, длинными прядями волосъ на выбритой головѣ.
ляшскимъ—польскимъ.
87. яраго воска—горючаго воска.
89. неурядливая—плохая, безпорядочная хозяйка.
90. суѣтки—закромы.
возмывала—поднимала.
не-роносная—тяжелая, грозная.
ранитовъ кустъ—лознякъ, ивнякъ.
вода поняла—вода залила во время половодья.
91. кужлябую—кудрявую.
ластущекъ—ласкательное слово: ласточка.
93. изшалѣлася—издурилася.
приуѣзжены—загнаны большою вѣдой.
прихожены—сношены.
94. девречни, деверья—мужнины братья.
98. камчатныя—изъ камки (название матеріи).

СТР.

99. **своеручные**—собственного изготовленія.
припекаетъ—сушить.
кумашный—изъ кумачу.
100. **низовскіе**—съ низовьевъ Волги.
расшита—сдѣлана.
101. **коноватные**—старинная матерія.
лядь—нечистая сила.
вельми—очень.
цимбалы—музыкальный инструментъ.
понизовы города—города, расположенные въ низовьяхъ Волги.
105. **закорять**—станутъ корить, упрекать.
106. **понахаяли**—оклеветали.
хаяли—ругали.
набайте—клеветайте.
лава—плоть для мытья бѣлья.
таляночка—гармоника особаго строя.
107. **катаны**—лучшій сортъ валеныхъ ка-лошъ.
хахоньки—ласковое слово.
108. **перебей дождя**—прекрати дождь.
гнѣва—грозы.
109. **удобрилась**—подобрѣла.
суженаго—посланнаго судьбой.
112. **турица**—самка тура.
113. **ворохнется**—шевелинется.
улучила—выбрала, уловила.
114. **стянуть**—украсть.
лубяную—изъ лубковъ.
поконаемся—попытаемся, потягаемся.
скалочку—скалку.
на позой—повивать новорожденнаго.
116. **початочекъ**—начало.
середышекъ—середина.
поскребышекъ—остатки ѣды въ горшкѣ.
кринка—горшокъ.
кстится—крестится.
заулучки—проулучки, см. стр. 1.
117. **гуторить**—говорить.
кончился—умеръ, погибъ, пропалъ.
118. **уноровить**—сдѣлать по вкусу.
вздорить—ссориться.
голикъ—небольшой пучокъ вѣтокъ, безъ листьевъ, чтобы выметать соръ.
обряды—женскіе уборы, платья.
119. **послушляная**—послушная.
не перекорила—не перечила.
лапо—опечатка, надо, ладно.
исподна—чистая рубаха.
чередомъ—въ порядкѣ.
коникъ—деревянная придѣлка у печки: на ней спать, а въ ней держать провизию.
зладилъ—приготовилъ.
хлѣбница—лукошко съ крышкой для храненія хлѣба.
нарушаль—нарѣзаль.
челпанъ—коровай хлѣба, пирогъ безъ начинки.
хлебать—ѣсть жидкое.
нюни распустила—плачетъ.

СТР.

119. **мянды**—верхушки сосны.
уклалъ—уложилъ.
шубианъ—крестьянская баранья шуба.
мотри—смотри.
120. **лапушка**—ласкат. слово: милая.
фата—покрывало, которымъ прикрывали женщины свое лицо.
зябко—холодно.
есть ли обѣдъ?—не обѣденная ли пора?
цыганить—врать, насмѣхаться.
тресся—бранное слово: ворчунъ.
перебирать—ткать съ узорами.
бесѣдка—здѣсь въ смыслѣ собранія дѣвушекъ и парней для веселья.
растобаривать—разговаривать.
храмци—бранное слово.
нарохтишься—собираешься.
121. **охабочку**—охапку.
шубное опахало—одѣяло изъ овчины.
воровѣй—скорѣе, проворнѣе.
впрошала—спрашивала.
смячокъ—сѣмячекъ (ласкательное).
123. **наковъ случай**—если что случится.
124. **миловала**—ласкала.
127. **ростани**—перекрестокъ.
лѣчейка—деревенская лекарка.
130. **ужанъ**—ужъ-самецъ.
132. **примали**—принимали.
увѣдалъ—узналъ.
варни—загородка, огорожа для скота.
134. **дѣла пытаешь**—дѣла ищешь.
отъ дѣла лытаешь—отъ дѣла улепетываешь, отлыниваешь, бѣжишь.
ворохнется—шевелинется.
колпицъ—порода птицъ (видъ цапли).
137. **беремя**—грузъ, охапка, ноша.
141. **снопуха**—пучокъ.
142. **лѣсы**—петли, вѣрнѣе: лѣсы—тенета.
145. **буявца**—боевая.
146. **духомъ**—быстро.
кожухъ—кожа, шкурка.
маньки—мамки.
147. **хитра**—чародѣйка, колдунья.
носка—кость.
148. **доступать**—добывать.
обвернется—оборотится.
веретешкомъ—веретеномъ.
149. **разсолилъ**—насолилъ воду.
152. **кросна**—инструментъ, при помощи котораго ткуть.
толкачемъ—пестомъ.
вѣнецъ—каждый рядъ бревенъ въ деревянномъ зданіи.
157. **нашински**—наши.
158. **статьями**—тѣлосложеніемъ.
159. **мрѣютъ**—неясно виднѣются.
160. **наѣднами**—лакомствами.
161. **калешку**—ногу.
166. **нахлыщи**—нахлещи.
тынъ—заборъ.
169. **бацнетъ**—ударить.
жаръ—тлѣющіе угли.

- СТР.
170. паяжица—колобокъ, сдобная булка.
сѣкирою—топоромъ.
172. зрѣблю—сдѣлаю.
173. аржаныхъ—ржаныхъ.
174. демовничать—смотрѣть за домомъ, за хозяйствомъ.
елець—порода рыбы.
176. срядится—соберется.
прогутариль—проговориль.
упокійника—покойника.
занялся—загорѣлся.
178. виноходца—иноходца.
181. дивихъ—дикихъ.
покуль—пока.
бахиль—туфля.
вѣпоръ—тогда, въ тѣ поры.
182. надать—надо.
стругъ—большая лодка.
сналепки—остатки, стружка.
печальники—молельщики.
183. палась—попалась.
воальянскія—литыя.
басы—красоты.
тулово—туловище.
184. на скѣпъ—на сборищѣ.
185. на сушилахъ—на сѣновалѣ.
186. шаберъ—сосѣдъ.
правильныя перья—самыя длинныя перья въ крылѣ.
187. строевую—форменную.
расшива—парусное судно, большая лодка.
кошма—войлокъ изъ коровьей (плохой сортъ), овечьей шерсти или верблюжьяго подшерстка (лучшій сортъ).
188. пымать—поймать.
грянемъ—ударимъ.
перекстимся—перекрестимся.
назамать—тюрьма.
189. стѣнь—привидѣніе.
звено забора—часть забора между двумя столбами.
195. царайка—инструментъ для выкапыванія картофеля.
196. хлюсть—три карты одной масти.
урѣзалъ—ударилъ.
200. лычный—сдѣланный изъ лыка.
погрыска—манера.
205. наймался—набрался.
207. махотна—горшокъ.
208. увязилъ—такъ сдѣлалъ, что вовъ увязъ

- СТР.
208. завертку—длинную веревку.
209. ивкають, гайкають—кричать, орутъ
210. падалище—падалъ.
смѣнить—поставить.
214. застелю—закрою.
215. ополохнулся—испугался.
216. городьбы—изгороди.
ведрышко—хорошая погода.
217. за коргешками—за плечами.
220. лезья—лезвія.
224. языцы—народы.
пупъ—середина.
229. татемъ—ворамъ.
корчемницамъ—завсегдатаямъ корчмы.
глумословцы—насмѣшники.
232. стянуть—захватятъ.
мушу—я долженъ.
233. другиня—подруга.
щобъ—чтобы.
одвѣта—отвѣта.
вѣдавъ—зная, вѣдая.
вѣнъ—онъ.
234. всѣмъ—всѣмъ.
пенельна—адская.
лошиця—самка лошака.
235. замаровати—заправлять.
дзябло—дьяволъ.
гайдамані—разбойники.
идзь—иди.
урѣзонинъ—урожденный.
лайданъ—бездѣльникъ.
цѣ—тебя.
236. тиешамаъ—прошу.
не здукована кобета—необразованная женщина.
мувить—говорить.
тишдзести—тридцать.
забіе—убьетъ.
дякамъ—дьякамъ.
бакаляръ—баккалавръ, учен. степень.
237. выа—шея.
подякувавъ гарно—хорошо, очень благодаривъ.
240. мигментально—моментально.
косная лодка—легкая лодка.
потрафилъ—угодилъ, удачно сдѣлалъ.
заповѣдный—запретный.
241. чернедь—черновина, черное пятно.
243. тароватый—щедрый.
еотчина—наслѣдственное имѣніе.
рукомесле—ручное ремесло.
происходить науки—успѣшно изучать науки.

Цѣна въ переплетѣ 1 рубль.

ОТЛАДЪ ИЗДАНІЯ
у Я. БАШМАКОВА и К^а.
С.-Петербургъ—Итальянская 31.

Книга продается у
Бр. БАШМАНОВЫХЪ
въ Казани и Москвѣ.